

Лингвистические аспекты концепта «юмор»

Макалада “Юмор” түшүнүгүнүн концептуалдык мазмуну аныкталат.

Ачык сөздөр: концепт, концептосфера, лингво маданият, когнитивдик тил илими, паремия, паремия жанрлары, юмор, анекдот, велеризм.

В статье раскрывается концептуальное содержание понятия “юмор”.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, лингвокультура, когнитивное языкознание, паремия, жанры паремий, юмор, анекдот, велеризм.

Юмор соотносится с одной из самых сложных категорий эстетики – с категорией комического, которая охватывает большую группу разнородных явлений, разнообразных по форме и по содержанию.

Юмор вызывает столь большой интерес к себе благодаря своей включенности в контекст культуры. Удовольствие от юмора, под которым в наивном словоупотреблении имеется в виду «беззлобно-насмешливое отношение к чему-либо и изображение чего-нибудь в смешном, комическом виде» [1. с.792], имеет психологическую природу и при этом ускользает от психологических объяснений.

О юморе часто писали, как о средстве избавиться от целого ряда существенных, но порой обременительных человеческих проявлений; его понимали, как средство вырваться из-под гнета разума, видели в нем альтернативу состраданию, средство победить пиетет и страх, видели в нем антитезу стыда. По З. Фрейду [2. с.119], остроумие помогает преодолеть преграды, сооруженные логикой и моралью. К числу вещей, от которых освобождает смех, относили конформизм, комплекс неполноценности, наивность, социальную запрограммированность, самомнение, серьезность, условности, преклонение перед авторитетами и благоговение перед смертью. Число «антитез» юмора, считает А. Г. Козинцев [3. с.31], можно было бы увеличить в десятки раз, но даже приведенный список опровергает расхожее мнение о юморе как средстве «автокоррекции» культуры, ибо большинство отвергаемых смехом явлений (прежде всего – разум и мораль) как раз и составляют каркас культуры.

Как отмечает А.Г. Козинцев, юмор и смех на первый взгляд образуют неразрывное единство: стимул – реакция. Однако эта связь далеко не так проста, ибо высказывания, отвечающие всем «научным» критериям юмора, сплошь и рядом не вызывают смеха. Если бы смех был действительно надежным мерилom переживаний, связанных с юмором, многие загадки юмора давно были бы разгаданы. Так что смех может трактоваться как нечто вторичное, «внешний и непостоянный отблеск» внутреннего переживания, а разгадку комического следует искать в нем самом, а не в его смеховом отражении, столь зыбком и ненадежном. В то же время, полагает А.Г. Козинцев, как бы ни относиться к смеху, ведь именно ради него все и затевается. Просто юмор, как явление искусства, представляется исследователям «более благородным и достойным внимания», чем «тривиальная физиологическая реакция – смех». Юмор присущ эстетически развитому уму, способному быстро, эмоционально-критически оценивать сущность явления, склонному к богатым и неожиданным сопоставлениям и ассоциациям [4. с.85].

И в филогенезе, и в онтогенезе смех появляется раньше юмора. По юмору необходим смех. Первичная функция комического искусства именно в том и состоит, чтобы смешить. «Юмор выступает как общественно-санкционированный смехопорождающий механизм, реализующийся через знаковые системы» [5. с.174].

Специфика концепта «юмор» в русской лингвокультуре обусловлена исторически. Известно, что русское православие, в отличие от западного христианства, считает смех грехом. Русские святые не могли шутить и смеяться (если только не были юродивыми, как

Василий Блаженный). Смеются, по представлению православной церкви Дьявол и нечистая сила. С.С. Аверинцев [6. с.341] утверждает, что в Европе смех был укрощен, введен в систему и там смеяться было можно и даже нужно (поскольку смеялись даже святые), а вот у нас смех был стихийен и безоговорочно опасен. Русские по натуре склонны тянуться к Дьяволу – преступать, кощунствовать и смеяться, и православная церковь действует тут благотворно и охранительно.

В Исламе же смех не является запретным. Мусульманин не должен быть хмурым и резким. По мнению доктора Юсуфа Абдуллы Аль-Карадави: «Смех или радость – это инстинктивные чувства человека, и ислам, будучи религией, которая призывает человека к естественному феномену единобожия, должна не запрещать людям выражать эти естественные чувства, а, наоборот, приветствовать удовольствие».

Мусульманин должен развить в себе положительную и оптимистическую личность, а не мрачную и пессимистическую, видящую жизнь лишь в темных тонах» [7].

Впрочем, некую часть зла усматривают в смехе и первые теоретики смеха – Платон и Аристотель. В религиозной средневековой традиции «смехотворство» почти единодушно причисляется к разряду грехов. В Новое время против «бездумного» смеха предостерегали многие мыслители – Т. Гоббс, Ш. Монтескье.

Традиция Демокрита и Лукиана, Рабле и Вольтера, напротив, предлагает трактовку смеха как явления, открыто противостоящего злу. Два тезиса – «Смех противостоит злу» и «Смех содержит элемент зла» – составляют этический парадокс смеха [8. с.482].

В трудах Аристотеля содержатся и первые попытки разрешить это противоречие: Аристотель разделял комическое на смех (как отдых) и насмешку, а «пристойный смех» представлял как золотую середину, то есть добродетель или, по крайней мере, нечто, не противоречащее добродетели. По Аристотелю, смешное есть некая ошибка или безобразия, никому не приносящее страдание», а насмешка есть некая крайность, то есть – порок. Ср. также: Между осмеянием, которое дурно, и смехом я признаю большую разницу. Смех, точно так же, как и шутка, есть чистое удовольствие, и, следовательно, если только он не чрезмерен, сам по себе хорош (сам по себе есть благо)» [9. с.279]. Не стоит забывать и о том, что смех является терапевтическим средством. Он нужен человеку, чтобы выстоять, не отчаяться в этом мире. Чем опасно слишком серьезное отношение к вещам? Тем, что на ваших глазах могут оказаться серые очки. Сквозь них мир предстает безрадостным, бесперспективным, а потому безнадежным. В этих случаях смех жизненно необходим. О том, какое место занимает смех в жизни людей, рассуждает Панталоне – один из персонажей сказки Леонида Филатова «Любовь к трем апельсинам»:

*Ну можно ли представить мир без шуток?!
Да он без шуток был бы просто жуток!..
Когда на сердце холод, страх и тьма,
Лишь юмор не дает сойти с ума!..
Судьба играет с нами в „чёт“ и „нечет“,
Уныние казнит, а юмор лечит.
Хвала шутам, что вовремя смогли
Нас удержать от яда и петли!..*

В современных концепциях смеха подчеркивается, что объект смешного содержит определенную меру зла, которая не является критической и, следовательно, может быть преодолена. Зло содержится не в субъекте смеха, а в его объекте, и собственно сам смех указывает на возможность преодоления этого зла. «Смех отражает зло в своем зеркале и потому сам невольно делается чем-то на него похожим... Заключить же их этого, что смех перестает быть собой и превращается в зло, значит просто не понять истинного смысла ни того, ни другого»[10. с.31].

Начав смеяться, человек уже не в силах противостоять «икоте разума» [10. с.214], ему остается лишь ждать, когда это прекратится. Энергия смеха приходит извне. Человек

незаметно для себя изменяет точку зрения на мир, она делается двойственной. Он не может принять ни одного, ни другого – смех существует на стыке блага и зла, но ни к одному из них не принадлежит. Смех, сочетая в себе черты интеллектуального и чувственного начал, представляет собой нечто третье, существующее как раз на их стыке.

А. Бергсон, исследуя его таким образом, пришел к неожиданному выводу, что смех – это чувство противоречивое само по себе. Смех – это одновременно продукт равнодушия и спокойствия, а в то же время – сильнейшая эмоция, имеющая выраженное «общественное значение». Кроме того, смех – дитя интеллекта, но бессознателен и неосознаваем в своих истоках. Он родствен эстетике, но не умещается в ее границах. Чаще всего в литературных произведениях это несовпадение границ отдельно подчеркивается словами *вдруг, резко, неожиданно* и т.п.

Смех способен раскрыть тайну человека, показать его ум и душу, дает возможность раскрыть тайну лица. Ничто не открывает сути человека как его смех. Писатели часто используют как деталь описания улыбку героя или же описание его смеха. Например, у Гоголя в «Тарасе Бульба», когда Андрей впервые увидел свою любовь, то услышал «самый звонкий и гармоничный смех», заставивший его повернуться и увидеть уже ее красоту не только душевную, но и внешнюю.

Смех может открывать как положительные, так и отрицательные стороны в характере героя: «Этакий человек и смеется и готов смеяться, но вам почему-то с ним никогда не весело. Со смешливого он быстро переходит на важный вид, с важного на игривый или подмигивающий, но все это как-то раскидливо и беспричинно...». Эти слова создают перед воображением читателя героя скорее отрицательного, чем положительного. Ведь что за положительный герой, не умеющий заразительно посмеяться!

Смех – это радость, свет. В любой эпохе и в любой культуре существует такая метафора, как «светлое будущее».

Значимость смеха для литературы, искусства и культуры трудно переоценить. На ранних этапах истории человечества смех наиболее ярко обнаруживал себя как массовый, был неотъемлемой частью праздничных ритуалов. Рабле назвал этот смех «карнавальным». Он охарактеризовал его как «всемирный» (создающий атмосферу всеобщего единения на почве жизнерадостного чувства), «универсальный» (направленный на мир в целом, в его вечном умирании и возрождении, на материально-телесную сторону) и «амбивалентный» (составляющий единство утверждения неисчерпаемых сил народа и отрицания всего официального, всех запретов и иерархических установлений).

С течением времени возрастает культурно-художественное значение смеха, он становится неотъемлемым звеном повседневности. Кроме всего прочего, наиболее интересное проявление смеха в литературе – это ирония (насмешливый и отчуждающий характер). Именно иронический взгляд освобождает от догматической узости мышления. Для культуры большое значение приобретает романтическая ирония (Ф. Шлегель). По мысли этого философа, она возвышает человека над противоречиями бытия и над повседневностью

«Функция смеха – символизировать радость и бороться со злом, в смехе нет никакого зла... В конце концов даже то, что зло в ряде случаев может выразиться в смехе, менее опасно, чем ситуация, когда зло проявляется в конкретных деструктивных действиях», – отмечают А.В. Дмитриев и А.А. Сычев [8. с.591].

Как известно, существуют концепты со значительной национальной спецификой. Очевидно, концепт «юмор» может быть отнесен к этому ряду.

Например, анекдоты о русских, киргизах, узбеках, казахов и прочих являются очень яркими иллюстрациями того, что различия проходят ниже объяснимого и вербализуемого слоя понятий. В анекдоте представитель каждой нации должен принять решение в обстановке неопределенности, правда спародированной и комичной. На перечислении этих решений и фиксации их необъяснимых различий анекдот закачивается. Так как решения «естественны» для каждой нации, и контраст делает их смешными.

Анекдот фиксирует различия в «естественном», но не может его объяснить. Попробуйте объяснить, в чем был юмор – не удастся. Мотивировка персонажей лежит вне понятий, обозначенных словами. Например,

Еврей идет в больницу, чтобы не болеть.

Русский идет в больницу, чтобы лечиться.

Киргиз идет в больницу умирать...

или:

Встретились трое и стали выяснять – кто кем хотел бы стать и почему?

Русский говорит: "Львом – царем зверей, чтобы править всеми"

Китаец говорит: "Тигром, чтобы быть быстрее и сильнее всех"

А киргиз отвечает: "Змеей, чтобы все делать лежа: ходить, кушать, пить..."

Все остальные попытки объяснить словами различия наций дают не больше результата, чем попытки объяснения анекдотов. У русских, например, принято давать в долг под честное слово – как это объяснить с точки зрения, например, производительных сил и производственных отношений?

В основе менталитета больших обществ лежат естественные, но неосознанные понятия, то есть метапонятия. Язык описания метапонятий – философия. На этом языке разговаривают религия, наука и искусство. Все остальные составляющие менталитета суть надстройки над этими тремя. Повседневная жизнь человека есть надстройка над этими надстройками.

Литература

1. Ожегов С.И., Шведова Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., – М., 1994.
2. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб.; – М., 1997: – С.119-129.
3. Козинцев А.Г. Об истоках антиповедения, смеха и юмора (эюд о щекотке) // Смех: истоки и функции. СПб: Наука, 2002. – С. 31.
4. Боров Ю. Эстетика. Изд-е 4. М.: Изд-во политической литературы, 1988. – С. 85-86.
5. Банников К.Л. Смех и юмор в экстремальных группах (на примере некоторых аспектов доминантных отношений в современной Российской Армии) // Смех: истоки и функции. СПб: Наука, 2002. – С. 174-186.
6. Аверинцев С.С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе. – М., 1993. – С. 341-345.
7. "Ислам для всех" islam.com.ru.
8. Дмитриев А.В., Сычев А.А. Смех. Социофилософский анализ. – М.: Альфа-М, 2005. – С. 482-591.
9. Спиноза Б. Этика. СПб. 2001. – С. 279
10. Карасев Л.В. Философия смеха. – М., 1996. – С. 39, 214.

Z.M.Sabiralieva, teacher, OshSU

shumanalie2013@mail.ru

Linguistic aspects of concept "are a humour"

In the article conceptual maintenance of concept "opens up humour".

Key words: concept, cognitive linguistics, proverbs, genres of proverbs, humour

*Сабирова В.К., кандидат филологических наук,
доцент кафедры всемирной литературы,
Сабиралиева З.М., ст.преподаватель кафедры методики
преподавания русского языка и литературы,
Ошский государственный университет;
Козубекова М.К., соискатель Русского центра в
Филиале Российского государственного
социального университета в г.Ош КР,
Кыргызская Республика, г. Ош.*

КОНЦЕПТ «КЫРГЫЗ/КИРГИЗ» В МЕНТАЛЬНОМ СОЗНАНИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ СРЕЗ

В статье рассматривается отражение истории концепта «кыргыз/киргиз» в языковой ментальности носителей русской и кыргызской лингвистической культуры. Дан анализ основных научных концепций, имеющих место в современной филологической науке.

Ключевые слова: лингвистическая культура, ментальное сознание, концепт, научные мнения.

The article discusses the concepts of history at reflection "Kyrgyz/Kirgiz" in the linguistic mentality of Russian and Kyrgyz media linguistic culture. The analysis of basic scientific concepts taking place in the modern philological science.

Keywords: linguistic culture, mental consciousness, concepts, scientific opinions.

Научная новизна этой темы состоит в том, что до сих пор в кыргызском языкознании такая тема не поднималась. Соответственно, теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что впервые будут рассмотрены концепты кыргыз/киргиз в ментально - языковом сознании носителей русской и кыргызской лингвокультуры.

Вопрос о происхождении киргизов является одним из наиболее сложных в этнической истории Центральной Азии, ведь он так или иначе связан с достаточно древними реалиями Южной Сибири, Монголии, Китая, Передней Азии, Закавказья и Северного Кавказа, Приуралья и других соседних для территории современного Кыргызстана стран. Оговорим сразу, что будем использовать и старое официальное название среднеазиатских киргизов - "киргизы", и термин "древние киргизы", под которым подразумевается население Минусинской котловины, создавшее в 840 году Кыргызский каганат или т.н. Кыргызское великодержавие.

Среди многих гипотез и теорий по проблеме происхождения киргизов первенство принадлежит выдающемуся ученому XIX века Чокану Чингисовичу Валиханову, записавшему отрывок «Поминки по Кокетаю» из эпоса «Манас». С опорой на его сведения казахские ученые Маргулан А.Х. и Хасанов А. [1] выдвинули «аборигенную» теорию о том, что киргизский военно-политический союз сложился в IX-X вв. в районе Урумчи к северу от Турфана. Позднее откочевка отдельных сильных родов и племен на Тянь-Шань дала толчок к образованию народности "киргиз".

Близка к этой теории концепция происхождения киргизов А.Н. Бернштама, суть которой в утверждении полувекового, поэтапного переселения киргизов с Енисея на Тянь-Шань [2]. Источники X века уверенно говорят о южной границе киргизов, проходившей через Восточный Туркестан в период, названный Бартольдом В.В. "эпохой киргизского великодержавия" [3].

Долгие годы изучавший киргизскую историю ученый С.М.Абрамзон увязывал происхождение киргизов со многими этническими процессами Центральной Азии и Сибири, придя к выводу о взаимосвязи автохтонных и пришлых племен в процессе формирования киргизской народности. Он писал, что: «Имя «кыргыз» на более ранних этапах истории, в особенности в эпоху весьма преувеличенного киргизского «великодержавия», имело, на

наш взгляд, не столько этническое, сколько **политическое** содержание. Оно распространялось на группы племен различного происхождения, жившие не только в Минусинской котловине и в пределах Саяно-Алтая, но и значительно южнее и юго-западнее, на территории Джунгарии и частично Восточного Туркестана. Следовательно, часть племен центрально-азиатского происхождения, которых соседи называли киргизами (самоназвания этих племен неизвестны), проживала поблизости к современной территории расселения киргизов, а кое-где эти территории и совпадали» [4].

Большого внимания заслуживает версия Худякова Ю.С., согласно которой древние кыргызы были разделены на две части: енисейскую и восточно-туркестанскую, ставшую ядром в формировании киргизов [5]. Гипотеза Петрова К.И. строится на том, что киргизы формируются в I тыс.н.э. на основе кимакско-древнекыргызских племен Енисейско-Иртышского междуречья. В XV веке эти племена большим потоком заселяют Тянь-Шань, что критикуется Караевым О. и Абрамзоном С.М. [6]. Научная полемика касается целого ряда вопросов, но ясно одно: кимакско-кыпчакские племена активно участвовали в этногенезе киргизов.

Можно отметить и другие теории, касающиеся происхождения киргизов, но упомянутых достаточно, чтобы подчеркнуть многогранность самого процесса становления этноса, его сложность и уникальность. Не подлежит сомнению факт преемственности от древних кыргызов к современным киргизам, есть много схожего в материальной культуре, и этой проблеме посвящены многие научные монографии, в том числе коллективные. В одной из них утверждается о существовании государства Кыргыз на Енисее (VI-VII вв.) [7].

По мнению Р.А. Абдуманалова, «именно в среде кыпчакских племен вызревает то ядро, вокруг которого и объединяется тот конгломерат тюрко-монгольских родовых объединений, осознавший себя в

определенный период единой общностью с ярко выраженным автоэтнонимом "киргиз" [8]. Этимология термина "кыргыз" является не менее запутанной и сложной. О самоназвании среднеазиатских киргизов звучит как "кыргыз" есть разные версии: 1) В.Радлова (Фридрих-Вильгельма).- «кырк йоз (сорок племенных родов); 2) Баскакова Н.А. - "кыргыз"/"кырк-огуз" (красные огузы, быки); 3) Петрова К.И. - "кыргыз" от "кыргу(з)" (красно-рыжие); 4) Кононова А.Н. - "кыргыз"/"кыр(кыз[ыл])-гыз" (красный-гыз, т.е. краснощекие, румяные); 5) Зуева Ю.А. - "кыргыз" / "karkasa" (индоиранские языки), "kahrkasa" (авестийский язык), "kargas" (пехлеви и среднеперсидские языки), "karges" (памиро-иранские языки), "carkas" (согдийский язык), "cirkus" (осетинский язык) - все это варианты слова "орел, гриф"; 6) Осмонова Н. - "кыргыз"/"кыргу-аз" (красные азы), 7) Фольклорная версия - "кыргыз"/"кырк-кыз" ("сорок девушек", отображает легенду о развитии киргизов от сорока девушек, "забеременевших от морской пены"). Усойун ажы пишет о том, что как для европейцев 12 – сакральное число, для монголов число, для тюрков 40 - священная цифра, а «ыз» - часть слова, означающая множество; другая теория, что слово «кыргыз» от «кыр кер», кыр – вершина горы, а люди в горах обитали, со временем это изменилось до «кыр кез» (пора, время), многие исследователи эту точку зрения считают правильной, и кыргызский историк Осмонаалы, и уйгурский кашгарский историк Эмир Асан казы; другая точка зрения о «кыр кес», т.к. морфема «кес» на фарси значит «человек»; и самая интересная и героическая версия от «Кы кыз» от слова «кырылгыс», т.е. неистребимый народ, т.к. кыргызы - баатыр Эл, жоокер Эл, поэтому этот народ нельзя развеять, уничтожив их [9].

Цветовая атрибутика этнонима связана с красным цветом, который имеет для киргизов большое значение. По легендам, все киргизы были рождены от "красной собаки" (кызыл тайган). Красный цвет считался цветом южнокиргизских племен, синий - северных. Деление на войск под

синим знаменем (көк асаба) и красным отразилось в цвете современного государственного символа: в центре расположено желто-золотистого цвета основание юрты (түндүк) с 40 волнистыми лучами, символизирующими число родов и племен кыргызов.

Сведения об истории кыргызов имеются в фольклоре, публицистике [10]. Проблема отражения этнонима-концепта «кыргыз/киргиз» в языке является также спорной для филологов. Киргизский язык входит в так называемую кыпчакскую (северо-западную) группу тюркских языков. Языковед Юнусалиев Б.М. выделяет три пласта в истории языка: 1) Древний период, VII-XII в.: для разговорного характерен "з"-язык, для общетюркского литературного - "д"-язык; 2) Средний период, названный "алтайским" и датируемый XII - серединой XV в. В это время язык начинает взаимодействовать с кыпчакским языком, и постепенно принимает вид западного "й"-языка; 3) Новый период, середины XV-XVI в., когда формируется единый общенародный "й"-язык, во всем многообразии диалектов/говоров, с сильной губной гармонией, начальным "ж", дифтонгизацией и вокализацией срединного и конечного "г".

По мнению Батманова И.А., в средний период киргизско-алтайская (кыпчакская) общность возникла не в процессе взаимовлияния, а путем выделения языков киргизов и горных алтайцев из одного языка-основы путем его дифференциации. Юнусалиев Б.М. считал, что язык киргизов сформировался не на современной территории Киргизии, разделенной хребтом надвое, а северо-восточнее, в Восточном Туркестане, что подтверждается и общим ходом истории киргизов.

Использованные источники:

1. См.: Хасанов А. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. - М., 1977.
2. См.: Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. I-II. - Бишкек, 1997-1998.
3. Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк. // Соч. - Т.2, ч.1. - М., 1963. - С. 492-493.
4. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. - М., 1990. - 480 с.; с. 33.

5. Худяков Ю, Кыргызы на просторах Азии. - Бишкек, 1995. - 218 с.
6. Караев О. Земля тогкузлуков, карлуков, хазлажия, хилхия, кимаков и киргизов по карте ал-Идриси // Арабо-персидские источники о тюркских народах. - Фрунзе, Илим, 1973. - С. 6-48.
7. Воропаева В., Джунашалиев Дж., Плоских В. История Отечества: Краткий курс лекций по истории Кыргызстана. / Отв. ред. акад. А.Ч. Какеев. - изд. 3-е, доп. - Бишкек: Раритет Инфо, 2006. - 208 с.
8. Абдуманов Р.А. Центрально-азиатский исторический сервер <http://www.kyrgyz.ru/>
9. Кыргыздар: Санжыра, тарых, мурас, салт. К.Жусупов. – Бишкек: Кыргызстан, 1991.
10. Сабирава В.К., Эрназарова Г.Б. Специфика публицистики в этническом аспекте. Вестник университета (РТСУ). – Душанбе, РТСУ, 2013. - № 4 (43). – С. 233-237.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Периодический научный сборник

2016 № 4-5
ISSN 2413-0869

ПО МАТЕРИАЛАМ XIII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 30 АПРЕЛЯ 2016 Г.

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 4-5

Периодический научный сборник

*по материалам
XIII Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 30 апреля 2016 г.*

ISSN 2413-0869

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 4-5

Периодический научный сборник

Выходит 12 раз в год

Учредитель и издатель:

ИП Ткачева Екатерина Петровна

Главный редактор: Ткачева Е.П.

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

Телефон: +7 (919) 222 96 60

Официальный сайт: issledo.ru

E-mail: mail@issledo.ru

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)** по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте: **www.issledo.ru**

По материалам XIII Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 30 апреля 2016 г.).

Редакционная коллегия

Духно Николай Алексеевич, директор юридического института МИИТ, доктор юридических наук, профессор

Васильев Федор Петрович, профессор МИИТ, доктор юридических наук, доцент, чл. Российской академии юридических наук (РАЮН)

Тихомирова Евгения Ивановна, профессор кафедры педагогики и психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ
Алиев Закир Гусейн оглы, Институт эрозии и орошения НАН Азербайджанской республики к.с.-х.н., с.н.с., доцент

Стариков Никита Витальевич, директор научно-исследовательского центра трансфера социокультурных технологий Белгородского государственного института искусств и культуры, кандидат социологических наук

Ткачев Александр Анатольевич, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук

Шаповал Жанна Александровна, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук

Трапезников Сергей Викторович, начальник отдела аналитики и прогнозирования Института региональной кадровой политики (г. Белгород)

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	5
<i>Андреанова Н.С., Кузьмина Е.К.</i> СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	5
<i>Атакулова М.А., Айылчиева Д.Т.</i> К ДИСКУССИИ ПО ПРОБЛЕМАТИКЕ ПРОНОМИНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В ЯЗЫКЕ	7
<i>Боковели О.С., Кузнецова С.В.</i> МИФОЛОГЕМА «ЗОЛА» В ЛИРИКЕ СЕМЕНА ЛИПКИНА	13
<i>Бочко М.М., Татарина Л.Н.</i> РЫЦАРСКАЯ СИМВОЛИКА В РАССКАЗЕ УИЛЬЯМА ФОЛКНЕРА «КАРКАССОНН».....	17
<i>Веденяпина Э.А.</i> ПОЭТ И ЦАРЬ: АЛЕКСАНДР ПУШКИН И ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I	21
<i>Веселкова Т.В.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗАПОЛНИТЕЛЕЙ ПАУЗ В РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП.....	27
<i>Данилкина А.В.</i> БАШНЯ СВЯТОГО СТЕФАНА	32
<i>Долженков В.Н.</i> РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ КАК ЗНАКОВАЯ КООРДИНАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЕЙ КОММУНИКАНТОВ	34
<i>Жамшитова Г.Ж., Каримова Т.У.</i> ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ: ТЕКСТООБРАЗОВАНИЕ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	37
<i>Жамшитова Г.Ж.</i> О ПРИНЦИПАХ ОПИСАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В УЧЕБНЫХ ЦЕЛЯХ	42
<i>Зайдуллин Р.Д.</i> ПЕРСИДСКО-АРАБСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ОСОБЕННОСТИ	45
<i>Залавина Т.Ю., Шорохова Л.А.</i> ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА ЯЗЫКА	49
<i>Замышляева Ю.С.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОГО РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕКЛАМЫ БАНКОВСКИХ ТОВАРОВ И УСЛУГ)	53
<i>Зиновьева А.Е., Лаптева Н.А.</i> ФАКТОРЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ).....	55
<i>Кокая А.Р., Подзюбанов Е.В.</i> ОБРАЗ РОМАНТИЧЕСКОГО СКЕПТИКА В РОМАНЕ В. ГЮГО «ОТВЕРЖЕННЫЕ».....	58
<i>Кондратенко Е.Н.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СОЗНАНИИ	62
<i>Ненарокова М.Р.</i> МЕСТО ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ СУТОЧНОМ КРУГЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ.....	64
<i>Никишина С.Р., Афанасьева Э.В.</i> ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОВЕСТИ ГАЛИМДЖАНА ИБРАГИМОВА «СУДЬБА ТАТАРКИ».....	71
<i>Никишина С.Р., Герасимова А.Е.</i> ПОЭЗИЯ Г. ГЕЙНЕ В ПЕРЕВОДАХ РУССКИХ ПОЭТОВ	73

<i>Сидоренко К.П.</i> КОНТАМИНИРОВАНИЕ ЦИТАТНЫХ ЕДИНИЦ В СЛОВАРЕ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ (А.С. ГРИБОЕДОВ «ГОРЕ ОТ УМА»).....	75
<i>Солдаева А.А.</i> РУССКИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЗАГАДКИ О ГОРШКЕ: ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ	80
<i>Сопрун А.В.</i> «ВОЕННЫЕ» ПРОИЗВЕДЕНИЯ В.П. НЕКРАСОВА И Э.М. РЕМАРКА В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУР.....	85
<i>Стаценко Д.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В НЕМЕЦКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	89
<i>Ульянова Н.Н., Панькина Е.В., Хлыстунова Ю.Ю.</i> ЖАНРОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ДИСКУРСА В ОБЪЕКТИВАЦИИ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ.....	93
<i>Фомина Е.В.</i> ВОЙНА РОЗ – ИЗ ПРОШЛОГО СКВОЗЬ СОВРЕМЕННОСТЬ	97
<i>Чернер И.В., Синельникова Л.Н.</i> О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА Д.С. ЛИХАЧЕВА НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТА «ПИСЬМА ТРЕТЬЕГО» ИЗ «ПИСЕМ О ДОБРОМ И ПРЕКРАСНОМ».....	101
<i>Шафиков С.Г.</i> ФЕНОМЕН СТАНИСЛАВА ЛЕМА, ИЛИ ЧТО И КАК ПИШЕТ ЛЕМ-ФАНТАСТ	104
<i>Эшманова С.К., Каримова Т.У.</i> АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ТЕКСТА	111
<i>Эшманова С.К., Сабыралиева З.М.</i> О ТЕКСТООБРАЗУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ПОВТОРА.....	114
СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ».....	118
<i>Ахтямова А.Г.</i> ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЕ ПРИЕМЫ БАШКИРСКИХ НАРОДНЫХ СКРИПАЧЕЙ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ	118
<i>Гареева Ш.Д., Платонова С.М.</i> ОБРАЗ КНЯЗЯ ИГОРЯ В ОДНОИМЕННОЙ ОПЕРЕ А.П. БОРОДИНА	122
<i>Дерева Р.М.</i> ТРЕХМЕРНЫЕ ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ НА ОСНОВЕ ПРОЕКТИВНОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА ФОРМООБРАЗОВАНИЕ	124
<i>Жиляков С.В.</i> ЗНАЧЕНИЕ ЖАНРА ЛЕТОПИСИ ДЛЯ ВОСПРИЯТИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ.....	127
<i>Карпова Е.К.</i> СТИХОТВОРЕНИЕ АДАМА МИЦКЕВИЧА «МОЯ БАЛОВНИЦА» В ВОКАЛЬНОЙ ЛИРИКЕ РУССКИХ КОМПОЗИТОРОВ.....	131
<i>Логинова И.В., Шайбакова Г.С.</i> КОЛОРИСТИЧЕСКИЙ ПРИЁМ ГЛИССАНДО В СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКЕ ДЛЯ ДОМРЫ.....	134
<i>Махней С.И.</i> И.Ф. ЛАСКОВСКИЙ – СОЗДАТЕЛЬ ПЕРВОЙ РУССКОЙ ФОРТЕПИАННОЙ БАЛЛАДЫ.....	139
<i>Платонова С.М.</i> ВАЛЕРИЙ БАШЕНЁВ – МУЗЫКАНТ, ПЕДАГОГ, ЧЕЛОВЕК	141

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Андрианова Н.С.

старший преподаватель кафедры романской филологии, канд. фил. наук,
Казанский федеральный университет, Россия, г. Казань

Кузьмина Е.К.

старший преподаватель кафедры романской филологии, канд. фил. наук,
Казанский федеральный университет, Россия, г. Казань

В статье рассматривается специфика перевод метафорических выражений во французском публицистическом тексте на примере перевода двух статей из французского журнала GEO (март 2010): «Et vogue le «Leonid Sobolev»» и «Je vis dans la montagne des boeufs sauvages». Анализ перевода данных выражений выявляет наиболее употребляемые и эффективные способы переводческих трансформаций, помимо эквивалентного перевода, а именно прием реметафоризации и деметафоризации.

Ключевые слова: перевод, метафора, французская публицистика, реметафоризация, деметафоризация.

В современной французской прессе стилистическим средствам уделяется особое внимание. Придавая текстам определенную стилистическую окраску, они являются показателем экспрессивности и оценочности сообщения. Вследствие того, что французский язык СМИ обладает гораздо большей образностью, чем соответствующий пласт русского языка, переводчику приходится учитывать эту особенность, не теряя, тем не менее, при переводе образность и лингвостилистическую специфику оригинала. В качестве ярких примеров стилистических приемов в исследуемых нами текстах (GEO, март 2010) выступают метафоры и метафорические выражения.

Согласно классификации Долинина К.А. метафора, употребляемая в публицистических текстах, может выражать разнообразные отношения [2]. В рассматриваемом нами тексте метафора может уподоблять, например:

1) человека и животного:

- *sa truffe humide et tremblante d'aveugle* – ее влажный и дрожащий нос, похожий на нос *слепца*;

2) неодушевленные предметы, абстрактные понятия с живыми существами (метафора построена на олицетворении):

- *un pays de verdure a priori enchifrené* – страна, где часто идут дожди,

- *le temps, qui dansait* – годы летели,

- *Les gens et les saisons d'ici parlent* – Здешние люди и времена года говорят.

Des centaines de cargos, barges pétrolières et porte-conteneurs rivalisent de puissance... – На реке можно увидеть сотни огромных барж, нефтяных танкеров и контейнеровозов, один больше другого.

Ce bourg a même connu une seconde jeunesse – Этот небольшой населенный пункт *пережил вторую молодость*.

3) события человеческой жизни и природные явления:

- *l'odeur du bois, celle chocolatée du hêtre fraîchement scié* – запах леса, этот шоколадный запах только что срубленного дерева.

Следует отметить, что в исследуемом тексте автор чаще всего описывает метафорически абстрактные понятия, сравнивая их с живыми существами, что является характерной чертой французского публицистического текста, так как для автора такого стиля очень важно сохранить образность в тексте.

Мезенин С.М. считает, что важным свойством образности метафоры является ее динамический характер, он выражается в образовании новых образов (метафоризации), переосмыслении новых единиц (реметафоризации) и утрате образности (деметафоризации) [3].

Прием реметафоризации позволяет сохранить аналогию с неким объектом в русском тексте. Замена оригинального образа в процессе перевода посредством этого приема выражает субъективное восприятие оригинального текста и индивидуальный подход к его воссозданию в переводе, а также создает у русского читателя реакцию, сходную с той, что возникает у французского реципиента, на основе нового образа, например: *...le temps qui dansait*. – ...годы *летели*.

Часто метафорические выражения не могут быть дословно переданы на русский язык из-за семантической несочетаемости элементов в русском языке. Например, фразу *«une noirceur de cachot envahit les cabines»* (дословно «черная тень оккупирует теплоход») мы перевели как *«черная тень опускается на теплоход»*.

При переводе метафоры также допускается ее преобразование для сохранения ее семантической структуры, если это не препятствует эквивалентной передаче тропа, при которой сохраняется его образность. Зачастую метафоры приходится преобразовывать в сравнение, так как автор использует образы, которые не всегда может понять русский читатель, что вызывает разницу и в переводе:

-...en compagnie de ces gens aux visages gravés dans la pierre, le bois ou la racine – ...в компании этих людей, лица которых *словно* высечены из камня или из дерева;

-...sa truffe humide et tremblante d'aveugle...- ...ее влажный и дрожащий нос, *похожий* на нос слепца...

Так как во французских публицистических текстах чаще, чем в русском, используются метафорические выражения, то при переводе даже словарные эквиваленты фразеологических оборотов, входящих в состав метафор, нередко подвергаются редукции. В ряде случаев переводчик вообще отказывается от сохранения исходной фигуры речи, прибегая к деметафоризации, т.е. изложению мысли автора прямо, без образа, либо к компенсации, т.е. введению в текст другой метафоры в другом месте текста. Например, выражение *«...un pays de verdure à priori enchifrené...»* мы перевели *«...в краю,*

где *всегда идут дожди...*», так как буквальный перевод этой фразы был бы не совсем понятен русскоязычному читателю (*enchifrené* – букв. «страдающий насморком», «с заложенным носом»). Выражение «...*forteresse...calcinée par la Révolution*» мы перевели как «...крепость...где когда-то содержались политические заключенные...», поскольку основной компонент метафоры прилагательное *calcinée* переводится как «обожженный, прокаленный». Данные примеры отказа от образного перевода демонстрируют, что в русском языке отдается предпочтение сглаживанию острых углов, в то время как французская публицистика стремится к эмоционально-образной передаче содержания.

Анализ перевода исследуемых метафорических выражений показал, что при их переводе предпочтительным является использование метода ретрансформации, поскольку данный вид трансформации помогает выполнять функцию текстов СМИ, воздействовать на читателя и вызвать у него ту реакцию, которую задумал автор оригинального текста. Однако изменения структурного характера также не оказывают негативного влияния на адекватность перевода, поскольку, семантически упрощая перевод, они, тем самым, выполняют функцию смягчения образности французского публицистического текста, приближая его при переводе к стилистически более нейтральному русскому тексту.

Список литературы

1. Балли Ш. Французская стилистика. Пер. с фр. Изд.3.М.: Эдиториал УРСС, 2009. 384 с.
2. Долинин К.А. Стилистика французского языка. 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1987. 303 с.
3. Мезенин С.М. Образные средства языка (на материале произведений Шекспира): учебное пособие. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1984. 99 с.
4. Николаева Э.А. Фразеологическая метафора и ее особенности в бельгийском варианте французского языка // Проблемы идиоматической фразеологии: доклады междунар. семинара, 13-14 ноября 2007 г. Вып. 4(7). СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 20-24 с.

К ДИСКУССИИ ПО ПРОБЛЕМАТИКЕ ПРОНОМИНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В ЯЗЫКЕ

Атакулова М.А.

профессор кафедры русского языка, доктор филологических наук,
доцент, Ошский технологический университет, Кыргызстан, г. Ош

Айылчиева Д.Т.

доцент кафедры русского языка, кандидат филологических наук,
Джалалабадский государственный университет, Кыргызстан, г. Джалалабад

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы теории языка, вызванные своеобразием прономинальной семантики, и выявляется категориальное значение прономинальных единиц языка.

Ключевые слова: прономинальная семантика, прономинативы, общее значение, эгоцентризм, функция.

Одной из специфических особенностей прономинативов языка является их семантика.

Местоименная семантика отвлеченна, универсальна и очень гибка.

Абстрактность семантики привела к тому, что теория местоимений стала узлом лингвистических противоречий. **Общелингвистические проблемы концентрированно и во всей сложности представлены в описаниях местоименных слов в языке.** Назовем и прокомментируем некоторые дискуссионные вопросы теории языка, вызванные своеобразием прономинальной семантики.

Неопределенность и отвлеченность местоименной семантики послужили основанием для постановки даже вопроса: **имеют ли местоимения вообще значение?**

Многие языковеды определяют местоимения как слова, лишенные собственного значения. По их мнению, **местоименные слова в языке выполняют только заместительную функцию.**

Значения местоимений определяются предметным содержанием тех слов, субститутами которых они являются.

Ясно, что **при таком подходе отрицается наличие у местоимений означаемого.** Получается, что они имеют только означающее. Означаемое, выходит, имеют только те слова, которые замещают местоимения.

Способность местоимения к замещению имени и других частей речи в тексте считается многими языковедами одним из его важнейших свойств (Л. Блумфилд, Л.В. Щерба, А.М. Щербак и др.).

Являются ли местоимения заместителями имени?

Отчасти на этот вопрос можно ответить положительно. Мы можем сослаться на школьный опыт, на жизненность «вопросной» методики при школьном грамматическом разборе. Вопросительные местоимения и члены их словоизменительной парадигмы служат универсальным средством определения принадлежности того или иного слова к частям речи, к типам словосочетания и к членам предложения, выступая в функции субституты почти всех знаменательных частей речи. Иногда в методике преподавания русского языка местоимения *он, она, оно* используются для определения рода имен существительных на основе правила: если существительное допускает замену местоимением *он*, то оно мужского рода, если оно заменяется местоимением *она*, то относится к женскому роду и т.д.

Но такая методика слишком упрощает язык и процесс обучения языку. Она не работает на развитие интеллекта и речи школьников. Она не отвечает на вопрос о том, как же определяется статус самих вопросительных местоимений.

Субституция возможна и в тексте. Каждое местоимение в силу обобщенности своего значения может заменить определенное число неместоименных слов. Такая способность заложена в семантику любого местоимения, составляет его синтагмообразующий потенциал и нередко реализуется в

разговорной речи. Но считать местоимения текстовыми субститутами именных частей речи невозможно.

Приведём небольшой фрагмент из произведения М.Е.Салтыкова-Щедрина «Письма к тетеньке»:

Милая тетенька!

Помните ли вы, как мы с вами волновались? Это было так недавно. То расцветали надеждами, то увядали; то поднимали голову, как бы к чему-то прислушиваясь, то опускали ее долу, точно все, что нужно, услышали; то устремлялись вперед, то жалась в сторонке... (Собрание сочинений: В 10 томах. Том VII. – М.: Правда, 1988. с. 273).

Мы здесь не отмечаем местоименные служебные слова *ли, то, как бы* и наречие *так*, а только собственно местоимения: *вы, мы с вами, это, к чему-то, ее, все, что*.

Ничто в данном случае не свидетельствует о том, что данные слова замещают какие-то другие слова.

Каждое местоимение использовано уместно, имеет свое место, своё значение и назначение. Невозможно восстановить какой-то другой текст-оригинал, где вместо местоимений были бы имена существительные. Такая попытка привела бы к созданию искусственного текста.

Может быть, местоименные словоформы *вы* и *вами* замещают существительное *тётя*? Попробуем заменить их существительным. В результате получим текст: *Помните ли тётя, как мы с тётейкой волновались?* В обоих случаях нарушены содержание и логика высказывания. Некоторая интонационно-графическая трансформация текста может поправить содержание первой части фразы: *Помните ли, тётя, как...*, делая её осмысляемой и понятной. Местоимение *мы* имеет инклюзивную семантику и включает в свое содержание значение «я+вы». В содержании местоимения *мы* сема «вы» присутствует скрыто, а в словоформе *вами* – явно. Иными словами, сема «вы» входит в значение местоимения *мы* имплицитно, оформлена эксплицитно в местоимении *вами*.

Есть основание говорить о семантическом плеоназме. В любом случае замена местоимений существительными приводит нас к потере смысла и нарушению логики передаваемого сообщения. Ещё большую бессмыслицу получим, заменив существительные местоимениями [1, с. 39].

На основании изложенного мы не можем принять точку зрения, согласно которой местоимения выполняют в языке только заместительную функцию.

Считаем, что **заместительность является частным признаком местоименных слов.** Местоимения замещают другие слова только в определённых случаях и в определенных целях (во избежание повторения, для установления связи между сообщениями, для учебных целей и т.д.).

Другой подход к местоимённой семантике связан с именами таких лингвистов, как О.Есперсен, Р.Якобсон, А.Нурен, Р.Том и др. По мнению этих теоретиков языка, **местоимения как отвлечённые слова не имеют по-**

стоянную денотацию, выступая в качестве «подвижных определителей» предметного мира, и поэтому правильнее отнести их к шифтерам [4, с. 295].

Отсутствие устойчивой денотативной отнесенности составляет, безусловно, одно из важнейших следствий, к которому приводит своеобразие местоименного значения. Но такое следствие, как кажется, не доказывает изменчивости самого значения. Значение есть, существует. Но оно не такое, как, скажем, у имен существительных или прилагательных, более общее, гибкое.

Причиной отрицания местоименного значения могло послужить представление о том, что значение местоимений не исчерпывается характеристикой участника события через его отношение к акту речи или через соотношение с элементами предшествующего или последующего контекста. Именно поэтому в речи встречаются частые ссылки на конкретизацию местоименного значения. **Местоименное значение формируется и осознается только в связной речи.** С этой точки зрения правы те лингвисты, которые считают их текстообразующую функцию ведущей. Нужно согласиться с мнением о том, что «конкретное значение местоимения получают только в связной речи» [2, с. 387]. Можно высказать возражение по поводу такого понимания местоименной семантики, поскольку конкретное значение любого абстрактного слова проявляется в контексте и в связной речи. Даже киргизское слово *көк*, самое частотное и семантически прозрачное, получает конкретные значения в синтагме, в сочетании с другими словами: «трава» (+*чыкты*), «небо» (+*тү карай*), «в трауре» (+*кийин*), «неуступчивый, настойчивый» (*мүнөзү+*), «зеленый» (+*чөп*), «голубой» (+*көз*), «неспелый, незрелый» (+*алма*), «спелый, зрелый» (+*кайналы*) и т.д. Оказывается, не только местоимения приобретают конкретное значение в связной речи, но и другие классы слов – имена существительные и прилагательные. Часто именно связная речь и контекст служат в качестве наполнителя содержания слова.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что идея об отсутствии у прономинального класса слов собственных значений еще недостаточно обоснована. Она нуждается в уточнении и дополнительной аргументации.

Ю.С.Степанов и Э.Бенвенист особо подчеркивают индивидуализирующую функцию личных местоимений *я* и *ты*, которые представляют отправителя и получателя речевой информации как **личность, взятую в ее единственности**. Вызывает возражение вывод Бенвениста о том, что местоимения не принадлежат языку и что они не имеют лексического значения. **В речи используется то, что есть в языке. В словаре фиксируется то, что является лексической единицей, имеющей соответствующее значение.** На этом основании считаем отдельные положения, высказанные Бенвенистом, произвольными и недостаточно аргументированными.

Местоименная семантика ориентирована на место говорящего в пространстве и времени. Указание отражает позицию производителя речи в координате «Я – не-я».

В ряде определений местоименного класса слов указывается на субъектный и субъективный характер использования прономинальной лексемы. В

центре высказывания, по-видимому, стоит субъект – говорящее лицо. Его субъектное отношение к предмету высказывания, к реальному миру и обуславливает выбор того или иного местоимения. Так, по мнению М.И. Стеблина-Каменского, местоимения – это слова, выражающие отношение говорящего к действительности, требующие уточнения в процессе речи по отношению к предмету речи [6, с. 82].

Мысль о центральности говорящего в сфере речепорождения и первичности местоименных корней в языке высказывалась учеными неоднократно. К.Е.Майтинская приводит слова В.Таули, который отмечал, что категория местоимений выделялась в языке раньше других категорий слов, ее выделение предшествовало даже формальному разграничению глагола и имени [5, с. 28]. Такой же идеи придерживались кавказисты Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф: «Местоимения развиваются в языке раньше имени и глагола... Они появляются уже в аморфную эпоху развития языков, сначала просто, в качестве особого класса слов с обобщенным (абстрактным) значением» [8, с. 283-284].

В пространственной оси «Я – не-я» исходным является, естественно, говорящее лицо. Поэтому оно могло быть исходной точкой высказывания. В.Чермак считает, что в конечном счете любое языковое выражение восходит к выражениям пространственных восприятий и ориентаций, т.е. к местоименным словам в широком смысле слова, первые из которых передавали противопоставление примитивных представлений о дихотомии «Я – не-я». Постепенно усложняясь, данная дихотомия трансформировалась в дихотомии типа «здесь – там», «видимое – невидимое», «известное – неизвестное», «полное – пустое», «жизнь – смерть», «действие – пассивность» и т.д. Следы подобных преобразований можно найти как в примитивных, так и высоко развитых языках [9, с. 206-222; 5, с. 28].

Близкая к данной идее позиция представлена в трудах Ю.С.Степанова. По его мнению, вербальная коммуникация осуществляется в нескольких координатах. **Говорящий или пишущий человек является «ядром» всей системы языка.** Акт речи ориентирован на пространство-время, в центре которого находится тот, который производит речь. В соответствии с этим Ю.С.Степанов выделяет три координаты круга с центром «я». Из первоначальной системы координат акта речи «я – здесь – сейчас» развивается полная система лексико-грамматических единиц с пространственно-временным значением. Исходным моментом является лексико-семантическое противопоставление «Я – не-я», проявляемое как в диахронном, так и в синхронном плане [7, с. 138-139; 3, с. 87].

Как видим, местоименные слова вполне могут быть рассмотрены как исходные в диахроническом плане и как центральные в плане синхронии. Они являются ключевыми и с точки зрения говорящего в речевой деятельности, выражая его пространственно-временную ориентацию.

Каждая часть речи имеет свое категориальное значение. Категориальным называется значение, которое присуще целому классу слов, обобщает и

характеризует класс в целом. Категориальное значение имен существительных – предметность, прилагательных – признаковость, глагола – процессуальность, числительных – количественность, наречий – адвербиальность. Некоторые лингвисты считают, что местоимения обладают категориальными значениями других частей речи, не имея собственного. **Мы считаем эгоцентричность категориальным значением местоимений.** Местоимения в высшей степени эгоцентричны. Их семантика отвлеченна. А предметность, признаковость и др. являются частными категориальными значениями прономинальных лексем, характеризующими их типы и подтипы.

Языковые значения многотипны и многослойны. Выделяются лексические, грамматические, лексико-грамматические, категориальные, морфологические, синтаксические, словообразовательные, экспрессивно-стилистические и другие значения. Эти значения не имеют строгой классификации. Они не однопорядковые, не одноранговые. Нередко они действуют совместно, образуя семантические комплексы. Каким является местоименное значение в целом? На этот вопрос лингвисты отвечают по-разному. Одни языковеды называют местоименное значение лексическим, другие – грамматическим. Третьи отказывают в признании за местоимениями каких бы то ни было значений, называя их асемантическим классом слов. Еще есть грамматисты, которые отмечают неустойчивость и изменчивость местоименной семантики.

Мы считаем, что каждое местоимение имеет лексическое значение, которое фиксируется лексикографически. Категориально-грамматическим значением местоименных слов является эгоцентризм, вокруг которого группируется все указательное поле.

Список литературы

1. Атакулова М.А. Эгоцентризм как категориальное значение лично-местоименной парадигмы в языке. – Бишкек, 2008. – 193 с.
2. Грамматика русского языка: Фонетика и морфология. Том I. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 719 с.
3. Зулпукаров К.З. Падежная грамматика: теория и грамматика. – СПб.; Ош: Б.и., 1994. – 317 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. – М: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
5. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. – М.: Наука, 1969. – 308 с.
6. Стеблин-Каменский М.И. Грамматика норжвежского языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 242 с.
7. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
8. Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. Грамматика Адыгейского литературного языка. М.; Л.: Б.и., 1941. – 464 с.
9. Gzermak W. Die Lokalvorstellung und ihre Bedeutung fur den grammatischen Aufbau afrikanischen Sprachen // Festschrift Meinhof. – Hamburg, 1927. – S. 33-38.

МИФОЛОГЕМА «ЗОЛА» В ЛИРИКЕ СЕМЕНА ЛИПКИНА

Боковели О.С.

доцент кафедры русского языка и литературы, канд. филол. наук,
Тувинский государственный университет, Россия, г. Кызыл

Кузнецова С.В.

студентка направления подготовки «Педагогическое образование», профили
«Русский язык» и «Литература», Тувинский государственный университет,
Россия, г. Кызыл

В статье рассматривается один из важных смыслообразующих элементов лирики поэта 60-х годов XX века Семена Израилевича Липкина – мифологема «зола». Используется хронологический подход при изучении данной мифологемы в поэтическом пространстве Липкина, что позволило рассмотреть своеобразную трансформацию понятия «зола»: от образа к мифологеме «зола».

Ключевые слова: лирика XX века, мифологема, трансформация образа.

Лирика Семена Липкина изобилует художественными образами, тесно вплетенными в поэтическое описание исторических процессов, религии, философии, межличностных отношений. Рассуждая о какой-либо последовательности конкретных событий, явлений, поэт, создает некий объединяющий элемент, который позволяет продолжить развитие той или иной сюжетной линии творчества автора. Одним из таких элементов является мифологема «зола».

Проведя лингвокультурологический анализ мифологемы «зола», было отмечено, что:

- Зола, по Ожегову, – это остаток от сжигания чего-нибудь в виде серо-черной пыли. Синонимами золы являются остаток, пепел, прах, пыль [3].
- В «Словаре символов» Джека Тресиддера, зола (пепел) символизирует мимолетность человеческой жизни, растрачиваемое человеческое тело, смертность. Также зола осмысливается как символ смерти, очищения и одолевающих мыслей о преходящей земной жизни [4, с. 131].
- В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля зола представлена как изгарь, пепел, все пережженное и перегорелое в прах [2].

Таким образом, обобщенное семантическое значение данного понятия, исходя из его значений в рассмотренных словарях, заключается в следующем: зола осмысливается прежде всего, как остаток от чего-либо, прах, пыль, очищение и возрождение. Учитывая это, можно говорить о том, что в художественном произведении понятие зола может функционировать по-разному: от образа до символа и до мифологемы.

Образ золы достаточно представлен в поэзии Семена Липкина. Он функционирует в таких стихотворениях автора, как «На Тянь-Шане» (1948); «Мёртвым» (1960); «Дао» (1962); «Зола» (1967); «Огонь» (1993) [1]. В этих

произведения становится возможным проследить: как в сознании автора образ с символическим значением перерастает в мифологему.

Особое место в творчестве Семена Липкина заняла Катастрофа европейского еврейства – результат политики немецких нацистов середины XX века по планомерному уничтожению евреев. Жертвами Катастрофы стали около шести миллионов евреев Европы. [5, с. 18]. Этот мотив щемящей болью звучит в стихотворении «На Тянь-Шане» [1, с. 73]. Страшную картину смерти позволяет воссоздать смысловое поле образа золы, представленного в инвариантах «прах», «пыль», «пепел», «мертвый огонь»: «А другие исчезли в *золе*, // Там, за проволокою колючей»; «День в *пыли* исчезает, как всадник»; «Это жжет его *мертвым огнем*, // Это ставшая *прахом* Треблинка // Жгучий *пепел* оставила в нем». Смерть миллионов невинных людей – личная трагедия поэта, ставшего живым свидетелем этих чудовищных событий. Не просто скорбь, а сердечная боль пронизывает лирического героя Семена Липкина. Последнюю строку «На Тянь-Шане» – «*жгучий пепел оставила в нем*» – можно считать лейтмотивом всего поэтического наследия Липкина. Так в произведениях поэта закрепляется идея бренности, смертности, мимолетности человеческой жизни.

В стихотворении «Мёртвым» [1, с. 127], датированном 1960 годом, автор обращается к умершим, продолжая тему Холокоста. Само название уже говорит о том, что тех, к кому обращается автор, уже нет в живых: они стали золой, пеплом, оставшимися после сожжения в печах крематориев:

Как же вас я в себе расщеплю,
Молодые друзья моей юности?

К Яру Бабьему этого вывели,
Тот задушен таежною мглой.
Понимаю, вы стали золой,
Но скажите: вы живы ли, живы ли?

Эти строки позволяют осмыслить авторское отношение к смерти. Поэт вновь обращается к образу золы, чтобы осознать факт телесной, физической смерти людей. Зола в этом случае приобретает не просто символическое значение в тексте, как в предыдущем стихотворении, она уже приближена по силе смыслового и философского значения к мифологеме, поскольку становится одним из элементов выражения мифологического сознания автора. Липкин обращается с вопросом к умершим потому, что осознает бессмертие души.

Следующее стихотворение «Дао» 1962 года [1, с. 156]. «Дао» в дословном переводе означает «путь». В данном произведении прослеживается явная рефлексия авторского сознания: для Семена Липкина как биографического автора необходимо изжить чувства смерти и страха после прожитой войны. Отсюда предельная серьезность всей поэзии С. Липкина. Особое внимание привлекают языковые особенности текста, в частности, использование автором повелительных форм наклонений глаголов («разорви», «уподобь», «преврати», «позабудь»). Подобным образом автор не просто рекомендует, а пря-

мо настаивает на исполнении этих действий. Данная повелительная интонация звучит в тексте не потому, что автор просто требователен, это связано с тем фактом, что он лично пережил все ужасы своего времени и пытается уберечь души остальных.

Образ Дерева (ствол) в стихотворении «Дао», помимо своего прямого значения «плодородие», выражает женское начало; питание, убежище, защиту и поддержку, предоставляемые Великой Матерью [4, с. 20]. То есть в тяжелое бремя войны, террора важно защищать невинных, дать им убежище. Сердце – центр существа, как физический, так и духовный, божественное присутствие сосредоточено в центре. Сердце олицетворяет центральную мудрость, мудрость чувства в противовес рассудочной мудрости головы. Они оба разумны, но сердце – это еще и сострадание, понимание, место тайное, любовь, милостыня. На физиологическом уровне сердце качает кровь, что в метонимическом и символическом плане означает жизнь. В противовес этому автор утверждает: «Но чтоб не было сока в стволе, // Но чтоб не было искры в золе, // Позабудь этот мир, этот путь, //И себя самого позабуди». Возникший парадокс в смысловом поле стихотворения выражает основную идею текста: философский спор лирического автора с самим собой и со своей судьбой.

В стихотворении «Зола» 1967 года [1, с. 185] осуществляется полный переход в сознании поэта от образа-символа золы к мифологеме «зола», причем данная мифологема непосредственно становится элементом выражения авторской рефлексии в тексте произведения. В контексте данного стихотворения она мыслится как своеобразная форма существования лирического героя, аллюзивно отсылая к библейскому сюжету «из праха в прах», и мифологическому фениксу – птице, перерождающейся из собственного пепла. Произведения Липкина, в целом, насыщены библейскими сюжетами и образами. Часто в своих произведениях он обращается к ним, чтобы дать нравственную оценку тому или иному событию. Стихотворение «Зола» не исключение. Все стихотворение имеет суггестивный этос:

Я был остывшею золой
Без мысли, облика и речи,
Но вышел я на путь земной
Из чрева матери – из печи.
Еще и жизни не поняв
И прежней смерти не оплавав,
Я шел среди баварских трав...

.....
А я шептал: «Меня сожгли.
Как мне добраться до Одессы?»

Лирический герой Семена Липкина «выходит на контакт» со своим читателем и, размышляя, повествует о себе, как об одном из множества. Он, используя личное местоимение «я», не подразумевает только самого себя. В биографии С. Липкина нет ни одного факта о том, что поэт находился когда-либо в лагерях и его жизни угрожала подобная опасность. Потому «я» пони-

мается как обобщенное «мы», как часть еврейского народа, заново рожденного в печах. Будучи евреем, Семен Липкин переживает за свой народ, чувствует его боль. Половина из заключенных заживо сгорела в газовых камерах, а вторая половина, вырвавшись из этого ужаса, заново переродилась и попыталась начать новую жизнь.

Финальное в исследуемом ряду стихотворение «Огонь» 1993 года [1, с. 412] является логическим завершением перехода образа золы в мифологему:

В солнце я искал огонь, я искал огонь в кремне,
В древних свитках так искал, что глаза почти ослепли.
На исходе жизнь моя, и теперь открылось мне:
Высшей мудрости огонь отыщу я только в пепле.

Стихотворение является уже осмыслением пережитого опыта, подведением финишной черты. Семен Липкин «в солнце искал огонь». Архетипы солнца и огня выступают здесь как номинации смысла и цели жизни, то есть за свою жизнь человек должен достигнуть огня, быть беспокойным как этот огонь, поглощать в себя все окружающее. Вместе с этим, поскольку пепел – синоним золы, можно утверждать, что смысл жизни, по Липкину, в том, чтобы родиться, умереть и снова родиться. В этом мотиве вновь прослеживается библейское из «праха ты вышел и в прах ты обратишься».

Смерть – это состояние только физическое, зола – это лишь изгарь человеческой оболочки (тела). Процесс перерождения можно сравнить с бесконечным круговоротом веществ в природе: умирая, оставляешь после прах, из этого же праха вновь возрождаешься. Можно утверждать, что зола (прах) – универсальный компонент, стоящий на границе жизни и смерти; это объект, представляющий собой и начало, и конец – замкнутый круг, бесконечное перевоплощение. И к этой мысли наводит нас автор в данном стихотворении.

В представленной работе был использован хронологический подход, это позволило рассмотреть трансформацию понятия «зола» в лирике С. Липкина: от образа к мифологеме. В результате выявлено: мифологема «зола» формируется в лирике поэта постепенно, от стихотворения к стихотворению. Этот образ помог автору осмыслить и передать такие мотивы, как перерождение и бессмертие души. Изначальное представление образа золы как символа смерти, очищения (исторические события), постепенно трансформировалось в мифологему, что привело к возможности выявить мифопоэтические черты в поэзии Семена Липкина, обнаружить мифологические и библейские традиции.

Список литературы

1. Липкин С. Очевидец. М., 2008. 736 с.
2. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. URL: <http://slovardalja.net/> (дата обращения: 11.02.2016).
3. Толковый словарь русского языка / Под. ред. С.И. Ожегова. URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 09.02.2016).
4. Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 1999. 441 с.
5. Черноглазова В.А. Уничтожение евреев Белоруссии в годы немецко-фашистской оккупации // Трагедия евреев Белоруссии в 1941-1944 гг: Сборник материалов и документов. Мн., 1997. В.2. С.17-29.

РЫЦАРСКАЯ СИМВОЛИКА В РАССКАЗЕ УИЛЬЯМА ФОЛКНЕРА «КАРКАССОНН»

Бочко М.М.

Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

Татарина Л.Н.

профессор кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения,
д-р филол. наук, профессор, Кубанский государственный университет,
Россия, г. Краснодар

В данной статье исследуются образы средневековья в рассказе классика XX века американского писателя Уильяма Фолкнера. Здесь показано, как рыцарские мотивы, среди которых главный мотив коня, становятся универсальными символами.

Ключевые слова: крестовый поход, рыцарство, конь, разрубленный жеребец, мужество, символика, аллегория, небо, земля.

Рассказ «Каркассонн» (1926) – одно из ранних и самых необычных произведений Фолкнера. Он представляет собой поток сознания какого-то человека, который лежит на чердаке какого-то дома на рулоне строительного толя – то ли бродяга, то ли нищий, то ли сумасшедший. Очень короткий по объему (всего три страницы), рассказ насыщен многочисленными аллюзиями, из которых важное место занимает средневековая тема рыцарских походов.

Первая фраза написана курсивом и звучит так: *«А я верхом на кауrom коньке, у которого глаза как синие электрические вспышки, а грива – как мятущееся пламя, и он мчится галопом вверх по холму и дальше прямо в высокое небо мира»* [4, с. 563].

Само название «Carcassonne» сразу же направляет нас в те времена, когда лошади служили единственным быстрым способом передвижения, а рыцари на шпагах сражались за территории. Каркассонн – это город, расположенный на Юге Франции, является центром французской коммуны Каркассонн, чей округ носит то же название. Этот древний город бережно сохраняет крупнейшую в Европе крепость, которая представляет собой символ военной и оборонительной архитектуры начала Средневековья. В XIII в. Людовик IX Святой одержал победу над еретиками-катарами и возвел это монументальное строение с многочисленными высокими башнями цилиндрической формы, что сохранилось практически без изменений, и сегодня каждый может увидеть эту крепость и почувствовать подлинный дух тех эпох.

Таким образом, название произведения выступает в качестве аллегории, но ни оно, ни те рыцарские образы, которые появляются в рассказе, казалось бы, никак не могут сопрягаться с заданным персонажем. Об этом герое мы узнаем из другого рассказа Фолкнера, написанного в том же году – «Черная музыка». Там он – чертежник из Нью-Йорка, который после мистического приключения, произошедшего с ним, вынужден был бежать в

Пуэрто-Рико (где он и лежит на чердаке). Человек уже очень старый, потерявший все – жену, дом, работу – лежит и беседует со своим скелетом, который советует ему «лежать тихо» и не фантазировать. Но наш герой уносится мыслью в далекое прошлое. Именно его, маленького, незаметного, неуспешного человечка, автор делает носителем несломленного человеческого духа. Здесь можно вспомнить об одной особенности художественного мира Фолкнера, которую сам писатель называл «способностью превращать житейское в апокрифическое» (т.е. частное становится универсальным, общезначимым) [7, с. 82].

Символом рыцарства у Фолкнера становится рвущийся в Небо конь. Тем, кто хорошо знаком с жизнью и творчеством Уильяма Фолкнера, определенно известна его любовь к лошадям. Анализируемое нами произведение также подтверждает этот факт. На протяжении всего рассказа, лошадь выступает как определенный символ. По А.А. Квятковскому, символ – «многозначный предметный образ...» в котором «...метафорическое начало... обогащено глубоким замыслом» [6]. Так и в «Каркассонне» символ коня является многозначным образом, в который Ульям Фолкнер вложил глубокий замысел.

Рассмотрев отрывок из текста на языке оригинала и сопоставив его с переводом, мы сможем выявить яркие черты этого символа: «That riderless Norman steed which galloped against the Saracen Emir, who, so keen of eye, so delicate and strong the wrist which swung the blade, severed the galloping beast at a single blow, the several halves thundering on in the sacred dust where him of Bouillon and Tancred too clashed in sullen retreat» [8] («Норманнский жеребец, который вот так же мчался галопом на сарацинского эмира, а тот с зорким своим глазом и столь ловкой и сильной рукой, сжимавшей эфес сабли, вдруг одним взмахом разрубил коня надвое, и обе его половины с громом продолжали скакать в священной пыли, где герцог Бульонский и Танкред еще бились, медленно отступая» [5]). Фантастический образ разрубленного коня вписан в целый ряд конкретных названий, связанных с Крестовыми походами. Попробуем в них разобраться.

«Норманны» – (северные люди), первоначальное название обитателей Скандинавии, особ. Норвегии, затем название морских разбойников, опустошавших в IX-XI вв. береговые страны Европы и известных также под именем викингов – «войны» [1, с.430]; «Saracen» – Сарацины (лат. Saraceni), название народа счастливой Аравии, упоминаемого Птолемеем. Как синоним кочевников-разбойников оно было в середине века перенесено на всех арабов, затем и на всех мусульман [1, с. 525]; «Emir» – Эмир (араб. «князь») – у мусульман титул начальников независимых родов, а также потомков Магомета [1, с.943]; «Bouillon» – Бульон – Вассальное герцогство Германской Империи, в 1095 заложено Готфридом Бульонским Люттихскому архиепископу, с 1483 владение графов Ламарк, с 1529 архиепископское, в 1552-59 и 1672-1814 французское, с 1814 – часть Голландии, с 1830 – Бельгии [1, с.143]; «Tankred» – Танкред, 1078-1112, один из героев Первого крестового похода. Поход от Никеи до Иерусалима сопровождался многими рыцарскими подви-

гами; Танкред вместе с Боэмундом и Робертом всегда был впереди. На границах Киликии Т. и Балдуин Фландрский были отряжены для завоевания области, где жили армянские и туземные христиане, страдавшие от турецкого ига. Во время штурма Иерусалима Танкред сделал пролом в стене и вместе с Робертом Нормандским ворвался в город в числе первых. Смерть Готфрида Бульонского открыла Боэмунду, князю Антиохийскому, и Танкреду возможность овладеть иерусалимским престолом. Танкред отбил сарацин, осаждавших Антиохию, укрепил ее и стал править вместо Боэмунда [1, с.646]. Очевидно, что Герцог Бульонский – это Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, род. ок. 1060, в 1096 главный начальник Первого крестового похода, в 1099 взял Иерусалим и принял его в плен от патриарха, 18 июля 1100 умер и похоронен рядом с Гробом Господним [1, с. 251].

Итак, обращаясь к Крестовым походам, Уильям Фолкнер уделяет особое внимание скакуну. Он называет его «steed», «beast», «pony», «horse». Давайте обратимся к символической стороне слова «конь».

«Steed» (конь) – «олицетворение мощи и жизненной силы... Первоначально Таинственный зверь часто связывался с царством мертвых (Дикая охота) и приносился в жертву умершим, но позднее из-за своей быстроты и прыгучести возвысился до символа солнца или животного в упряжке солнечной колесницы. Часто символическое содержание оставалось двояким, о чем, например, свидетельствуют, с одной стороны, сияющая белая лошадь «Христа-триумфатора», а с другой – скакуны «апокалиптических всадников» (Откровение Иоанна) одновременно он выступает в качестве символа победы (например, мученик над миром). Положительный образ появился уже в античности в образе крылатого коня Пегаса» [2, с. 430].

Как было отмечено в словаре, кони выступают как символические образы в шестой главе Откровения Иоанна Богослова, где белый конь со всадником-победителем – «Чума» («Мор»); рыжий конь со всадником, взявшим мир с земли мир – «Война» («Брань»); конь вороной со всадником, несущим на землю голод – «Голод» («Глад»); бледный конь со всадником по имени «смерть» – «Смерть».

«While the beast that did not know that it was dead thundered on as the ranks of the Lamb's foes opened in the sacred dust and let it through» [8] («Пока конь, разрубленный на две части и не знавший, что он уже мертв, все мчался с громом, а ряды врагов Агнца расступались в священной пыли и его пропускали» [5]). Агнец Божий, название Иисуса Христа по Евангелию от Иоанна.

Мы видим, какую смелость, упорство и силу автор придает коню: «Norman steed, bred of many fathers to bear iron mail in the slow, damp, green valleys of England» [8] («...Норманском жеребце, выведенном от многих отцов, чтобы носить стальную кольчугу в медлительных влажных зеленых долинах Англии» [5]).

Уточнив символическое значение слова «конь» в словаре, мы выяснили много интересной информации и сопоставили ее с символическим подтекстом новеллы «Каркассонн». Здесь конь мертв, но жив в то же время. Он как волшебное существо несет в себе символ мужества, силы и победы и напо-

минает своим полетом античного Пегаса – «Galloping up the hill and right off into the high heaven of the world Still galloping, the horse soars outward; still galloping, it thunders up the long blue hill of heaven» [8] («...И он мчится галопом вверх по холму и дальше прямо в высокое небо мира. И все еще, мчась галопом, он вздымается ввысь; и все еще, мчась, гремит вверх по длинному голубому холму неба» [5]).

Кстати, нужно отметить, что и в жизни Фолкнера кони значили для него очень много, да и погиб он в результате падения с лошади, после которого он получает тяжелое повреждение и умирает от сердечного приступа.

И эта «смелость, упорство, граничащее с упрямством», все то, что по сути дела восхвалялось писателем, отрицательным образом отразилось «в этом троекратном падении Фолкнера, как-бы не желавшего прислушиваться к предупреждениям Судьбы и даже бросавшего ей вызов» [3].

Средневековая тематика дает рассказу не столько историческое, сколько символическое значение: появляется тема Духа, стремление человека к высокому. Фолкнер верит в то, что человека ничто не способно сломить, и даже в самые безнадежные минуты своей жизни он будет доказывать самому себе, что способен взмыть в небо.

Последний абзац «Каркассонна» рисует гордого всадника, стремящегося к звездам – «Конь и всадник с громом мчатся все дальше, но гром понемногу стихает; и вот уже только меркнувшая звезда едва видима на безмерности тьмы и молчания, внутри которых непоколебимая, тающая, с мощной грудью и плодоносным лоном, медлит в раздумье темная и трагическая фигура Земли, его матери» [4, с. 566].

Рассказ весь построен на дуализме тела и духа, света и тьмы, земли и неба. Видный исследователь творчества Фолкнера Алексей Зверев отмечает следующие особенности его рассказов: «Эпичность построения, присутствие множества пунктиром намеченных коллизий... постоянно различимые в рассказе отголоски других фолкнеровских произведений, особая композиция, когда оставленное «за кадром» нередко оказывается не менее важным для понимания смысла, чем помещенное «в кадр» [4, с. 576]. Все эти особенности мы находим и в рассказе «Каркассонн», но при этом в данном произведении присутствует и то, чего нет в большинстве новелл Фолкнера – образ средневековой Европы, мистичность и символизм.

Список литературы

1. Брокгауза Ф., Ефрона И. Иллюстрированный энциклопедический словарь. – М.: Эксмо, 2008. – 960 с.
2. Истомина Н.А. Энциклопедический словарь символов. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 1056 с.
3. Татаринова Л.Н. Фолкнер // Религиозно-философские аспекты творчества. Учеб. пособие для студ. филологических специальностей Кубанского госуниверситета. – Краснодар, 2004. – 70 с.
4. Фолкнер. Каркассонн // Фолкнер. Собрание рассказов. – М.: Наука, 1977. – 631 с.
5. Фолкнер У. Каркассонн. 2004. URL: http://lib.ru/INPROZ/FOLKNER/13_karkassonn.txt (дата обращения: 06.09.2015).

6. Фундаментальная электронная библиотека (ФЭБ). Русская литература и фольклор // Квятковский А.П. Поэтический словарь. 1966. URL: <http://feb-web.ru/feb/kPS/kPS-Abc/kps/kps-2631.htm?cmd=2&istext=1> (дата обращения: 23.10.15).

7. Hoffman F., Vickery O. William Faulkner // Three Decades of Criticism. – NY., 1963. P. 82.

8. William Faulkner. Carcassonne. URL: <http://reading.posyo.ru/faulkn.html> (дата обращения: 06.09.2015).

ПОЭТ И ЦАРЬ: АЛЕКСАНДР ПУШКИН И ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I

Веденяпина Э.А.

канд. филолог. наук. Россия, г. Москва

Статья посвящена исследованию отношения Пушкина к царю Александру I и определению роли императора в жизни поэта.

Ключевые слова: памятник, вера, безверие, вольность, эхо, Бог.

А.С. Пушкин не раз встречался с императором Александром I. Первый раз, если это можно назвать встречей, – в Москве в раннем детстве, в ноябре или декабре 1809 года, в числе многих других, несомненно, объединенных чувствами почитания и восторга. Тогда он впервые увидел царя Александра I, стоя на высоком крыльце храма св. Николая Чудотворца на Мясницкой.

19 октября 1811 года лицеистов представляли царю в Царскосельском лицее. Было большое торжество, наполненное, несомненно, благоговейным трепетом. В лицейском стихотворении "Воспоминание в Царском Селе" 1814 года поэт славит царя, принесшего мир народам Европы победой над Наполеоном:

Еще военный гром грохочет в отдаленье,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он – несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.

В 1815 году в России ожидали триумфального возвращения императора Александра I из Парижа, Пушкину было заказано стихотворение по этому поводу. Оно было написано и опубликовано под названием «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году». Александр I приехал ночью, отменил церемонию встречи, так как не хотел славы себе, отнеся Богу победу над соединенными войсками почти всей Европы: «Не нам, не нам, Но имени Твоему». В стихотворении Пушкина создан величественный образ героя-освободителя:

Русский царь, достиг ты славной цели!
Тебе, наш храбрый царь, хвала, благодаренье!
Ты наш, о русский царь!

Пушкину принадлежат стихи, вошедшие в Российский гимн, написанный В.А. Жуковским.

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли.
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю
Всё ниспошли.

Гимн был исполнен на торжественном богослужении в Царском селе в 1816 г. по поводу годовщины основания лицея. Несомненно, все эти стихи в честь Александра I были эхом всеобщего отношения к царю. Достаточно вспомнить влюбленность в него Николая Ростова, молодого офицера, героя романа Л. Толстого «Война и мир», причем писатель подчеркивает, что во время войны с Наполеоном в Александра I была влюблена вся армия. И не удивительно: царь и внешне был привлекателен, высокий светловолосый красавец с военной выправкой (кстати, поэт был мал ростом и некрасив, по словам его брата Лёвушки, внешне «дурён»).

В июне 1816 года Пушкин получил от императрицы Марии Федоровны золотые часы с цепочкой за стихи в честь принца Оранского в связи с бракосочетанием его и великой княжны Анны Павловны. То был воистину царский подарок и не только для неимущего студента. Такие подарки хранились в семье и передавались из поколения в поколение. Примерно через месяц Пушкин разбил эти часы «нарочно, о каблук». Слово «нарочно» означает, что поступок этот не был следствием внезапного прилива чувства. Нет, то было демонстративное поведение. Естественно предположить, что Пушкин ждал соответствующего момента и свидетелей для своего вызывающего поступка. Это было отражением того, что зрело иное, новое отношение к царю. А он продолжал искренне заботиться о своих питомцах: 7 июня 1817 г. он дал указание выплачивать лицеистам, окончившим курс наук, от 700 до 800 р. (в зависимости от экзаменационных показателей) до открытия вакансий на должности. 9 июня царь присутствует на выпускном акте лицея с наградами за успехи в учебе и отеческим наставлением. 10 июня 1817 г. император определяет Пушкина – в числе других – в Коллегию иностранных дел.

Ум ищет божества, а сердце не находит.

Директор лицея Е.А. Энгельгардт видел в Пушкине некое душевное настроение и пошел верным путем: он не читал ему нотаций, а в 1817 году предложил стихотворение о муках неверующего сердца. Поэт выполнил заказ и написал стихотворение «Безверие». Поэт просит о снисхождении к неверующему человеку, так как он жестоко страдает от своего безверия.

бродит он с увядшею душой,
Своей ужасною томимый пустотой,
То грусти слезы льет, то слезы сожаленья...
Напрасно вокруг себя печальный взор он водит:
Ум ищет божества, а сердце не находит.

Картины природы, тишина семейной жизни, богослужение – всё чуждо ему, всё подчеркивает его одиночество. Самое замечательное в этом стихотворения – вывод: «Ум ищет божества, а сердце не находит».

Поэт и царь

Юный поэт чутко улавливает новые интонации в речах об Александре I и разделяет оппозиционные взгляды своих друзей. И не просто оппозиционные. В 1816 году М.С. Лунин говорил о том, что убить царя можно по дороге в Царское Село, сделать это могут люди в масках. Неизвестно, знал ли Пушкин об этой беседе, но дух такой создавал атмосферу не просто не почитания царей, а насилия, преступления. Со времени французской революции прошло всего 19 лет, казнь Людовика состоялась в 1793 году. И в те поры не все поддались разрушительной моде. Так, полководец Александр Суворов мог противостоять модному безверию, оставаясь искренним верующим, а Пушкин стал эхом общественных веяний. В сентябре 1817 г. И. Д. Якушкин вызвался убить царя. Его отговаривают товарищи. Позже Пушкин напишет в «Евгении Онегине»: «Мела(нхолический) Як(ушкин), / Казалось, молча обнажал / Цареубийственный кинжал [гл X, черновик строфы 15]. В 1818 г. Пушкин написал политическую сатиру на Александра I – «Сказки. Noël», 11 июня 1819 г. – злую эпиграмму на царя («Мы добрых граждан позабавим»). В июне 1820 г. написано стихотворение «Ты и я», сатиру на царя: «Ты богат, я очень беден...».

В конце 1819 г. император читает стихотворение Пушкина «Деревня» и просит выразить поэту благодарность за благородные чувства (сочувствие крестьянам), которые внушают его стихи. Царь не знал, что в этом стихотворении после возгласа: «Увижу ль, о, друзья, народ не угнетенный» был и другой стих, вместо знакомого текста: «И рабство, падшее по манию царя», был и такой: «И рабство падшее, и падшего царя».

Стихи Пушкина в молодости – отзвук речей, которые он слышал во круг. Его окружало брожение умов, кипение страстей. Это было созвучно его темпераменту и задору молодости. В стихотворении «К Чаадаеву» Пушкин провозглашает: «И на обломках самовластья / Напишут наши имена». В 1819 году в «Послании к NN» он воспевал свободу говорить «насчет небесного царя, а иногда насчет земного».

В апреле 1820 г. царя через министерство внутренних дел знакомят с проявлениями «вольнодумства» в России, в частности – со стихами Пушкина, в том числе с эпиграммой «Холоп венчанного солдата» (о царе). В тот же день полиция разыскивает оду Пушкина «Вольность» и «несколько политических эпиграмм и песен...». В этой оде описано убийство императора Павла, говорить о чем было строжайше запрещено. На следующий день Пушкин ходит по рядам кресел в театре и показывает литографированный портрет Лувеля (убийцы герцога Беррийского, наследника французского престола) со своей надписью: «урок царям». 14 апреля царь приказывает произвести обыск у Пушкина и арестовать его. Но поэта не застали, он сам позже пришел к Милорадовичу, главе министерства внутренних дел, и признался, что бумаги сжег, но помнит всё и может написать. Милорадович прочитал написанное тут же и объявил ему

прощение. Царь недоволен. По Петербургу поползли слухи о ссылке Пушкина в Сибирь или в Соловецкий монастырь, его друзья в панике, Пушкин просит у них заступничества и обещает Карамзину два года не писать против правительства. Карамзин пишет Дмитриеву: «Над здешним поэтом Пушкиным если не туча, то, по крайней мере, облако ... он написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей и проч. Это узнала полиция...опасаются последствий. Хотя я уж давно, истощив все способы образумить эту беспутную голову, предал несчастного Року и Немезиде, однакож, из жалости к таланту, замолвил слово, взяв с него обещание уняться».

Царь сказал, что Пушкина надо сослать в Сибирь, «он наводнил Россию возмутительными стихами». По воспоминаниям И.И. Лажечникова, приехавшего в Петербург летом 1819 года, стихи Пушкина «наскоро, на лоскутах бумаги, карандашом переписанные разлетались в несколько часов огненными струями во все концы Петербурга и в несколько дней Петербургом отверживались наизусть», «слава Пушкина росла не по дням, а по часам». Это верная примета, что поэт точно отразил умонастроение современников. За Пушкина горячо заступились друзья, и вместо севера – юг России: Кишинев, затем Одесса. А.И. Тургенев пишет, что с Пушкиным «поступили по-царски». Дело заканчивается даже не ссылкой, а переводом по службе в Кишинев, на дорогу выдана тысяча рублей. 17 мая Карамзин пишет Вяземскому в Варшаву: «Пушкин, кажется, был тронут великодушием государя, действительно трогательным. ...но если Пушкин и теперь не исправится, то будет чертом еще до отбытия своего в ад».

По дороге в Кишинев Пушкин заболевает лихорадкой, ему позволено поехать с семьей генерала Раевского в Крым и на Кавказ. Позже из Кишинева Пушкин переедет в Одессу, в прекрасный европейский город с театром и великолепной библиотекой графа Воронцова, представленной поэту. Но в 1824 году Пушкина увольняют со службы. Генерал-губернатор М.С. Воронцов, под началом которого Пушкин служил в Одессе, просил удалить поэта. Несельероде, министр иностранных дел, по ведомству которого числился Пушкин, писал о нем: "Всё доказывает, к несчастью, что он слишком проникся вредными началами, так пагубно выразившимися при первом вступлении его на общественное поприще".

Цензура вскрыла письмо Пушкина и нашла слова о том, что поэт берет уроки «чистого афеизма» (атеизма). Царь принимает решение: Пушкину приказано ехать в село Михайловское Псковской губернии, в имение матери, под надзор полиции и местного духовенства. В обществе это было воспринято как жестокая ссылка, его друзья были в панике: деревенское заточение может выдержать только духовный богатырь! В деревне наступило духовное отрезвление. В этой обстановке, новой для него и, как оказалось – благодатной, – Пушкин осознал свои заблуждения, в девятой строфе, не вошедшей в основной текст четвертой главы романа "Евгений Онегин", он пишет:

Я жертва долгих заблуждений,
Разврата пламенных страстей,
И жажды сильных впечатлений,
И бурной юности моей.

Там он был отгорожен от действий заговорщиков и потому не смог участвовать в восстании декабристов 1825 года, а впоследствии смог написать произведения, которые и сделали его тем Пушкиным, какого мы знаем и любим. До 1824 года Пушкин написал лирические стихи и поэмы: "Руслан и Людмила", "Кавказский пленник", "Бахчисарайский фонтан", начал писать поэму "Цыганы". После ссылки в Михайловское – все остальное: почти весь "Евгений Онегин", начатый в Кишиневе, драма "Борис Годунов", вся проза: "Повести Белкина", "Дубровский", "Капитанская дочка", "Пиковая дама", Маленькие трагедии, "Русалка" и вся масса стихотворений и поэм.

Царь спас поэта.

Если друзья Пушкина ценили в нем талант и беспокоились о нем как об одаренной творческой личности, то царь Александр I, как потом и Николай I, был озабочен его душой. (Позже, после смертельной дуэли, Николай I не только прислал к умирающему поэту врача, но и просил его уйти из жизни христианином: исповедаться и причаститься, что и было выполнено).

Изоляция от свободолюбивых друзей, восторгающихся талантом "безумного", постоянное общение с духовником и насельниками мужского Святогорского монастыря сделали свое дело. Зеркало души поэта отразило иную действительность. В душе наступает даже примирение с царем. В 1825 году 19 октября в Михайловском Пушкин пишет стихотворение, празднуя годовщину открытия лица, и провозглашает тост за царя:

Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей,
Простим ему неправоe гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

1824 году Вяземский, друг поэта, пишет своей жене, что нужно уважать дарование «даже и в безумном»: «Дарование всё священо, хотя оно и в мутном сосуде!». Но укорять поэта – всего лишь пенять на зеркало.

Митрополит и поэт

Путь к обретению мира в душе был не быстрым и нелегким. В 1828 году за неделю до дня рождения написано стихотворение "Воспоминание". В нем – глубокое, искреннее раскаяние: «И с отвращением читая жизнь мою...». В самый день рождения, 26 мая того же года, жизнь показалась ему даром "напрасным" и "случайным". Стихотворение стало известно митрополиту Филарету. Он откликнулся на него своим стихотворением: «Не напрасно, не случайно Жизнь от Бога мне дана». Митрополит, ныне святой, не читает нотацию, он говорит от имени самого поэта:

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.

Как будто знал митрополит, что в юности написал Пушкин в альбом своему другу: «... предпочел бы я скорей Бессмертию души моей Бессмертие своих творений». Митрополит указал путь спасения в таких словах:

Вспомнись мне, Забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум!
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум.

Пушкин ответил:

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден был святой елей.

"В соседство Бога..."

Мысль поэта все чаще обращается к Богу. Лицейские послания начинаются с Божьего имени: "Бог помочь вам, друзья мои" (1827), "Усердно помолвившись Богу" (1828). В 1829 году Пушкин был на Кавказе и увидел монастырь на высокой горе Казбек. Он написал: «Туда б, в заоблачную келью, В соседство Бога скрыться мне!»

От раскаяния к покаянию

Этот путь пролег в стихах Пушкина "Странник" 1835 года, "Мирская власть", "Как с древа сорвался предатель учение", "Напрасно я бегу к Сионским высотам". Мотив раскаяния – осуждение прежнего образа жизни.

Стихотворение "Отцы пустынники и жены непорочны" – перевод на русский язык великопостной молитвы Ефрема Сирина. В стихотворении "Была пора: наш праздник молодой" 1836 года он с благодарностью вспоминает царя Александра I, обращаясь к лицеистам:

Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын.

Он вспоминает войну:

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда пред ним раздался.
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!..
И нет его – и Русь оставил он,
Взнесенну им над миром изумленным...

Это – как будто бы полное примирение с царем. Но в стихотворении "Я памятник себе воздвиг нерукотворный" – свидетельство о себе самом: «Вознесся выше я главою непокорной Александрийского столпа» – все же противостояние. Поэт всю жизнь, по его выражению, царю "подсвистывал", то есть выражал неодобрение. Это отношение в какой-то степени сохранилось до конца. В этом стихотворении о памятнике Пушкин противопоставляет царскому памятнику – свое творчество, "нерукотворный" памятник. Александрийский столп – это памятник Александру I в центре Санкт-Петербурга перед Зимним дворцом. Этот столп – высокая колонна – увенчан Крестом, перед которым склонился ангел. Таким видел Николай I жизненную судьбу своего царственного брата: терпение в несении своего тяжелого креста.

А ведь в последней строфе сформулированы условия для мира души: «Велению Божию, о, муза, будь послушна». Так завершилась борьба между неверующим сердцем и умом, искавшим Бога.

Гениальная одаренность Пушкина – дар от Бога – позволила ему ощутить гибельность разрыва между умом и сердцем, разрыва, ведущего к смятению души, к страшным мукам: "Не дай мне Бог сойти с ума". Это является предостережением потомкам. Его жизнь – пример будущим поколениям. Он показал в своих стихах, как мучителен был его путь.

Список литературы

1. Васильев Б.А. Духовный путь Пушкина. М., 1994.
2. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина 1799 – 1826. Составитель М.А. Цявловский. Л.: Наука, 1991.
3. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1976.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗАПОЛНИТЕЛЕЙ ПАУЗ В РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

Веселкова Т.В.

доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики,
канд. филолог. наук, доцент, Саратовский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия, г. Саратов

Статья посвящена выявлению степени влияния речевой ситуации, профессиональной деятельности, личностных качеств говорящего на частоту употребления заполнителей пауз. Устанавливается насколько приемлемо употребление заполнителей пауз в публичной речи.

Ключевые слова: речевая ситуация, пауза колебания, заполнители паузы, тип речевой культуры.

В настоящее время вопросы о том, к каким единицам относить заполнители пауз, и каковы причины их появления, являются открытыми и нуждаются в дальнейшем изучении.

Для исследования нами была взята передача «Поздний разговор», так как это, действительно, «разговор, живое общение, новая дискуссионная площадка, симбиоз классического ток-шоу и актуального интервью. В передаче участвуют три гостя: человек, имеющий непосредственное отношение к теме программы (как правило, официальное лицо), ведущий – эксперт по данному вопросу, а также представитель медиасреды – главный редактор или ведущий обозреватель наиболее соответствующего теме крупного отечественного или зарубежного издания, радиостанции, телеканала или веб-сайта» [1, с. 246]. Таким образом одновременно можем исследовать речь представителей СМИ, официальных лиц и речь представителей той или иной профессии.

Мы разделили участников на 2 группы. Первую группу составляют представители профессии, связанной со звучащим словом, Константин Си-

монов, ведущий программы «Поздний разговор» на канале НТВ, и Павел Гусев, главный редактор газеты «Московский комсомолец». Вторую группу составляют политические деятели, занимающие высокую должность, например, Сергей Шойгу, министр по чрезвычайным ситуациям (на момент исследования), и Евгений Федоров, председатель комитета Государственной Думы по экономической политике и предпринимательству. Они имеют опыт публичных выступлений, но основу их профессии не составляет работа со звучащим словом. На данном этапе исследования мы, во-первых, выявим степень влияния профессии человека и сферы его деятельности на появление заполнителей пауз. Во-вторых, определим, отличается ли уровень речевой культуры «словесников» от уровня речевой культуры «несловесников». В-третьих, рассмотрим, как речевая ситуация и степень подготовленности речи влияют на речь говорящего.

К. Симонов как ведущий контролирует речевую ситуацию. Речь его, безусловно, продумана, возможно, частично записана, но она не является читаемой речью. В данной речевой ситуации дискуссия является непредсказуемой, тема разговора, известная заранее, порождает множество новых поводов для обсуждения, а порой и спора. К. Симонов говорит много и при этом практически не использует заполнителей пауз. Появление хезитативов, на наш взгляд, объясняется попыткой повторить слова говорящего с целью задать вопрос другому участнику беседы или уточнить сказанное. Например: *«Сергей Кужугетович говорит о том, что **а-а** на самом деле и сам бизнес безответственно подходит к своей собственности...»*. Появление вокализации **а-а** в качестве заполнителя паузы незаметно, вполне оправдано: для того, чтобы точно повторить не свою мысль, необходимо задуматься. Еще один пример: *«В Америке, вы сказали, в 5 раз, в некоторых странах **а-а** даже 90, во Франции 90, в Бельгии под 100%, **а-а** но при этом я хотел уточнить, как основную причину создания добровольных пожарных вы называете то, что у нас 32 тысячи населенных пунктов не закрыты соответствиям пожарной безопасности, и там невозможно обеспечить соответственно норму э-э доезда пожарных, так скажем, в случае пожара...»*. Хезитатив **а-а**, который относится к звуковым заполнителям, вокализации, появляется, когда ведущий приводит статистические данные, ранее названные Сергеем Шойгу. При попытке сформулировать понятие из малознакомой и узкоспециализированной области также используется хезитатив. Далее весь текст ведущего без заполнителей пауз, он формулирует собственные мысли и не прибегает к использованию слов из узкой малознакомой специализации.

Речь П. Гусева также не отличается большим количеством употреблений заполнителей пауз. В его речи часто встречается «так сказать», указывает на неточность сказанного. Например: *«... если даже отталкиваться от «Хромой лошади», там копеечная собственность, за 3,4 вечеринки он давно бы отбил все эти **так сказать** посуду, радиоаппаратуру и циновки, которые висели на крыше. Ему дальше качать и качать деньги, и это превратило его в безразличного, он смотрел на них **так сказать** как на кошелек»*. Ответы на вопросы ведущего П. Гусев формулирует быстро и четко. Хотя речь говоря-

щих не подготовлена, а ответы на многие вопросы являются спонтанными, заполнители пауз практически не появляются. Умелое и уместное употребление хезитативов подтверждает, что в данном случае привычка говорить положительно влияет на речевую культуру говорящего.

Е. Федоров говорит много, но его речь не засорена словами-паразитами. Он придерживается официального типа общения, хотя при ответе на вопросы немного теряется и прибегает к использованию заполнителей пауз, которые встречаются лишь в первой фразе, затем их нет. Например: Ведущий: – Чем бизнес-то недоволен? Ваша точка зрения? Евгений Федоров: – *А-а ну знаете, почему в России, а-а бизнеса малого и среднего 15%, а не 40 как в Европе или 55 как в Китае. Да очень просто, чтобы быть бизнесменом в России, человек должен быть героем. Он столько должен преодолеть сложностей, проблем разного характера в основном во взаимоотношении с государственными чиновниками, что в эту профессию идут только герои...* Ведущий: – Не хотят идти добровольно? Евгений Федоров: – *А-а да никто не хочет в такой ситуации иметь дополнительные расходы. Это тоже понятно, другое дело, что государство должно заставить бизнес принять такое решение.*

Сергей Шойгу является главным собеседником ведущего, именно ему задают большинство вопросов, т.к. он в связи со своей профессиональной деятельностью напрямую связан с обсуждаемой темой передачи. Около 60% всего сказанного – это именно его речь. Но этот факт не оправдывает частого появления заполнителей пауз. Например: Сергей Шойгу: – *Ну а-а хорошо, давайте я коротко хочу а// сначала рассказать о ценах от 10 до 15 рублей в год.* Ведущий: – За 50 метров? Сергей Шойгу: – *А /ну/ если 50 метров хрущевка это 15 рублей в месяц, а-а понимаем, о чем идет речь, и тут мы с вами переходим на то/, а почему//, там скажем, в США/, там/ а/ 290000 профессиональных пожарных и почти 800 там добровольцев, а-а в Германии при населении почти в 2 раза меньше, чем у нас и почти больше миллиона добровольных пожарных. Делаем закон, надеюсь, он будет принят ну/ в первом квартале.* В ответе на 70 словоупотреблений приходится 8 заполнителей пауз, что составляет 13%. Причем в данном случае заполнители пауз не только частотны, но и однотипны. Употребление заполнителей пауз в речи Сергея Шойгу является привычкой.

Таким образом «профессия, привычка говорить, а также речевая ситуация влияют на появление заполнителей пауз, но не являются решающим фактором. Например, П. Гусев прежде всего главный редактор газеты, следовательно, имеет дело больше с письменной, чем с устной речью. К тому же он является членом общественной палаты, при этом, в его речи нет избыточного или нецелесообразного употребления заполнителей пауз» [1, с. 250].

Для официального общения в небольшом количестве употребление заполнителей пауз уместно, если хезитатив выполняет определенную функцию. «Иногда привычка вставлять в речь одно какое-либо слово, например, *понимаешь, однозначно*, становится отличительным признаком говорящего. Если же он занимает высокий пост, ответственную должность, то эта особенность речи служит объектом пародирования» [3, с. 23].

Материал нашего исследования также представляют лекции преподавателей Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Мы попытаемся ответить на вопросы: зависит ли появление заполнителей пауз от специальности говорящего? От его речевой культуры? Личных факторов?

«Речь лектора относится к институциональному общению, у которого есть граница, выход за нее подрывает основы существования институционального дискурса. Вне зависимости от того, является речь лектора подготовленной или спонтанной, он обязан соблюдать нормы данного дискурса» [2, с. 26]. Говорящий один – это лектор, слушающих в данном случае много (около 60 человек). Важным фактором, влияющим на речь в целом и речь лектора в частности, является подготовленность / неподготовленность.

Первая, проанализированная лекция – лекция *филолога* из фонда кафедры русского языка и речевой коммуникации СГУ им. Чернышевского, записанная в 1978 году. Мы провели 3 выборки по 1000 словоупотреблений в каждой. В первой выборке встретилось всего 12 заполнителей пауз: из них 10 *э-э*, по одному разу *ну* и *ну а*. Звук *э* короткий, слушающим не режет слух его неоднократное употребление. Например, «... *то есть смешение двух разных предшествующих предложений: э-э предшествующего и последующего. Я э-э рассказывала о таком случае, который произошел, когда мы с дочерью были в Геленджике...*». Вокализация *э* употреблена во время мыслительного процесса, при подборе нужного слова и не является словом-паразитом. Во всех примерах фразы явно непрочитанные с листа: примеры приведены своими словами, поэтому появление здесь заполнителей пауз не удивительно. Пять заполнителей пауз из 12 (42%) встретились в начале лекции, можно предположить, что лектор еще не адаптировался к речевой ситуации и потому вынужден прибегнуть к использованию заполнителей пауз.

Во второй выборке всего 9 заполнителей пауз, среди них *э* встречается 6 раз, *ну* – 1 раз, 2 раза появляется *мм*. В третьей 14 заполнителей пауз, из них 10 *э*, 2 раза встречается *ну*, *вот* – 1 раз, *как сказать* – 1 раз. Количественного и качественного разнообразия нет. Таким образом, на 3 тысячи словоупотреблений всего 35 заполнителей пауз (1,2%). Процент небольшой и, на наш взгляд, за рамки нормы не выходит. Заполнители пауз распределены равномерно, что говорит об умелом их использовании. Очевидно, что это связано с тем, что лектор-*филолог*. Еще одной причиной является большой опыт работы, так как в это время стаж преподавателя достиг 30 лет, важным является и тот факт, что лекция читалась в 1978 году, когда общий уровень речевой культуры был, несомненно, выше и заполнители пауз при частом употреблении не оставались незамеченными.

В 2015 году записаны лекции преподавателя *политологии*. Сделаны также 3 выборки по 1000 словоупотреблений. В первой выборке зафиксировано 77 заполнителей пауз, многие из них не выполняют эту функцию, а являются лишними словами или словами-паразитами, так как, когда лектор диктует определения и читает с листа, вставляет вокализацию *а*, например: «*Социологический – это анализ, а-а средств и способов осуществления ре-*

лизации реальной, средств и способов реальной публичной власти, которые **а-а** были обусловлены социокультурными факторами: **а-а** разделением труда и...». В разговорной речи употребление вокализации **а** происходит с той же частотностью, приведем пример начала лекции, когда тема еще не названа: «*Вопрос организационного характера, а-а если я правильно помню, то у нас был доклад про тоталитаризм, а-а значит, мы рассмотрим несколько теоретических моментов...*». Употребляется этот звук и в начале фразы, например: «*А-А юридический акцент на формальные нормы и правила, осуществление власти институтами власти...*». 55 из 77 употреблений – это вокализация **а-а** (72%), что представляет употребление **а-а** в качестве не заполнителя паузы, а слова-паразита. В остальные 28% входят **э-э**, встречающееся 3 раза, **вот** – 3 раза, **вот и** – 2 раза, и **то есть** – 14 раз. Частица **вот** в речи лектора *политологии* обладает лишь одной функцией – «поисковой». **То есть** встречается часто при объяснении чего-либо своими словами (12 раз на 1000 словоупотреблений), после него всегда делается пауза, рассчитанная на привлечение внимания слушателя. Из-за частоты употребления из заполнителя паузы **то есть** превращается в слово-паразит. Во второй и третьей выборках количество заполнителей пауз колеблется от 65 (во второй) до 71 (в третьей). По-прежнему большая часть приходится на звук **а** (42 во второй) и **то есть** (14 во второй). Таким образом, в трёх тысячах словоупотреблений зафиксировано 213 заполнителей пауз (7,1%), в 6 раз больше, чем в лекции *филолога*. Из 213 заполнителей пауз всего 5 различных. Преподаватель *политологии* – молодая женщина лет 30, стаж работы около 6 лет. Уровень речевой культуры в связи с профессиональной деятельностью, вероятно, среднелитературный.

Человек может быть образованным, хорошо воспитанным, культурным, но при этом не умеющим контролировать и правильно использовать хезитативы. Принадлежность к типу речевой культуры также может оказывать влияние на появление заполнителей пауз. Главное – это личностные качества говорящего, отсюда и манера говорить, и особенности речевого поведения, и, конечно, различное употребление заполнителей пауз, разнообразие и количество. Для исследования заполнителей пауз в устной речи необходимо учитывать множество факторов: воспитание говорящего, его образование, сферу деятельности, манеру говорить. Необходимо уделять особое внимание речевой ситуации, степени подготовленности речи.

Список литературы

1. Веселкова Т.В. Некоторые особенности заполнителей пауз в телевизионной речи представителей разных социальных групп // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции (г. Москва, 20 – 21 ноября 2015 г.). М.: ИИУ МГОУ, 2015. 340 с.
2. Веселкова Т. В. Некоторые особенности заполнителей пауз в речи лектора // Современная коммуникативистика. 2016. Т. 5. №. 1. С. 26-28.
3. Культура устной и письменной коммуникации: учебное пособие / Авторы-составители: Т.В. Веселкова, И.С. Выходцева, Н.В. Любезнова. Саратов, 2014.

БАШНЯ СВЯТОГО СТЕФАНА

Данилкина А.В.

студентка историко-филологического факультета,
Арзамасский филиал Нижегородского государственного университе-
та имени Н.И. Лобачевского, Россия, г. Арзамас

Статья посвящена одному из наиболее знаменитых памятников архитектуры Лондона – Биг Бену. Рассмотрена тема строения часов, история возникновения названия, а также приведен ряд интересных фактов, которые касаются темы нашей статьи.

Ключевые слова: Лондон, Биг Бен, памятник архитектуры, Башня Святого Стефана.

«Лондон – это город полный чудес, таинственный, как ассирийский Вавилон, и настолько же богатый вещами неслыханными, великими и откровенными» – так писал о нем английский писатель Артур Мейчен [2]. И он абсолютно прав. В Лондоне существует много всего необычного, интересного, прекрасного, загадочного. Посетив этот город хотя бы раз в жизни, равнодушным никто не останется. Это один из городов мира, который обязательно надо посетить!

Лондон является столицей Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Архитектура этого прекрасного города состоит из многообразных стилей, однако, значительную роль в истории зодчества играют такие уникальные стили, как Романский, стиль Тюдоров, Готика, Георгианский стиль, Фахверк. К сожалению, многие средневековые постройки не сохранились, причина тому – Большой Лондонский пожар 1666 года и военные действия (бомбардировки) во время Второй мировой войны [3], но не смотря на все эти события архитектурный облик современного Лондона по истине завораживает.

Зодчество Лондона представлено различными по своей красоте соборами, мостами, небоскребами, галереями, музеями, кинотеатрами и театрами. Приехав в Лондон, мы можем посетить такие достопримечательности как: Тауэрский мост (Tower Bridge), Вестминстерский дворец (Palace of Westminster), Собор Святого Павла (St.Pauls Cathedral), Трафальгарскую площадь (Trafalgar Square) и другие не менее знаменитые памятники. Строения этого города уникальны и благодаря этой непохожести лондонские достопримечательности узнают во всем мире.

Среди всех памятников архитектуры есть «знаменитость», которая является самым узнаваемым символом Лондона и Великобритании – часовая башня в Вестминстерском дворце или просто Биг Бен, показывающий точное время горожанам и гостям столицы с 31 мая 1859 года [2]. Именно тогда эти часы и начали свой ход.

На самом деле Биг Бен представляет собой самый большой в башне колокол весом 13,5 тонн, который вместе с часовым механизмом размещен на башне Святого Стефана [1].

Существует 2 версии, по которым эта «знаменитость» получила свое имя «Биг Бен». По первой официальной версии – название происходит от имени сэра Бенджамина Холла, который в 1858 году следил за ходом работ по установке этих курантов, а в парламенте за его внушительные размеры ему дали прозвище Большой Бен (Big Ben). Существует и другая версия по которой это достопримечательность названа в честь боксера времен королевы Виктории – Бенджамина Каунта [1].

Официально этот памятник именуется как «Часовая башня Вестминстерского дворца». Очень часто гости города называют эту башню «Башня Святого Стефана». В 2012 году Биг Бен был официально переименован в «Башню Елизаветы», но многие жители Лондона до сих пор об этом ничего не знают и продолжают по-прежнему называть эту башню с часами Биг Бен [1].

Циферблаты «знаменитости» состоят из 312 кусочков опалового стекла. Диски по окружности позолочены [2]. Еще интересен тот факт, что циферблаты смотрят на все 4 стороны света. Часовые стрелки отлиты из чугуна, а минутные сделаны из медного листа и по высоте сравнимы с двухэтажным лондонским автобусом. За год они проходят расстояние в 190 км [1].

Как и любой часовой механизм, часы на башне Святого Стефана иногда опаздывают или спешат. Погрешность не большая всего лишь 1,5 или 2 секунды. Для того чтобы исправить эту ошибку, нужна такая маленькая деталь, как старый английский пенни. Пенни, положенный на маятник, длина которого составляет 4 метра и вес 300 кг, может менять амплитуду маятника и положение центра тяжести. Так скорость часов можно поменять на 0,4 секунды в день. Добавляя или убирая монетку человек, который следит за ходом часов, может добиваться точности [5].

В заключении мы рассмотрим любопытные факты, которые касаются темы нашей статьи:

1) Каждый час радиостанция BBC транслирует бой Биг Бена. Перезвонны этих часов сообщают о том, что начались две минуты молчания в память о погибших в различных мировых войнах [2].

2) В ночь с 31 на 1 именно первым ударом Биг Бена вся планета переходит в Новый Год. К сожалению, так было не всегда, и в 1962 году Новый Год задержался на 10 минут! Это было связано с тем, что на стрелках было очень много льда и снега, в связи с этим часы пришлось остановить для того, чтобы очистить снег [2].

3) Высота башни Святого Стефана составляет 96 метров – это позволяет занять ей почетное третье место на пьедестале самых высоких башен мира [5].

4) Посмотрев на Биг Бен, можно сразу определить, когда заседает Палата Общин. Если над часами зажигается свет, значит палата заседает ночью, знаком того, что Палата Общин заседает днем, является британский флаг, который развивается над Башней Елизаветы [1].

5) Латинская надпись «Domine Salvam fac Reginam nostram Victoriam primam» («Боже, храни нашу королеву Викторию») располагается в основании каждого из четырех циферблатов [5].

6) Колокол весом 13,5 тонн был отлит в течении недели, а после этого еще 20 дней металл остывал [4].

7) Вес молотка, бившего по колоколу, оказался больше запланированного и поэтому после двух месяцев работы колокол треснул. Только через 3 года эту ошибку исправили [4].

Список литературы

1. Ильина Н. Удивительная Великобритания. 2013, 165 стр. URL: <https://books.google.ru/books?id=BRO7AAAAQBAJ&pg=PT149&dq=%D0%B1%D0%B8%D0%B3+%D0%B1%D0%B5%D0%BD&hl=en&sa=X&ved=0ahUKEwjIxLDWluvKAhUKhiwKHU87CbQQ6AEIOjAE#v=onepage&q=%D0%B1%D0%B8%D0%B3%20%D0%B1%D0%B5%D0%BD&f=false>

2. Inga Tourmann. Über London. Der Stadtführer. German Edition, 80 pages.

3. Питер Акройд. Лондон. Биография. Издательство Ольги Морозовой. 2009г. URL: https://books.google.ru/books?id=k1nRCQAAQBAJ&pg=PT300&dq=%D0%BB%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%BF%D0%BE%D0%B6%D0%B0%D1%80&hl=en&sa=X&ved=0ahUKEwjBmuHh_8DLAhUijnIKHc5dATsQ6AEILTAC#v=onepage&q=%D0%BB%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%BF%D0%BE%D0%B6%D0%B0%D1%80&f=false

4. Сергей Мазуркевич. Коллекция заблуждений. События. Издательские решения. По лицензии Ridero 2015г. С.36-37.

5. Life Globe:[сайт]. URL: <http://lifeglobe.net/blogs/details?id=667> (дата обращения: 26.02.2016).

РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ КАК ЗНАКОВАЯ КООРДИНАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЕЙ КОММУНИКАНТОВ

Долженков В.Н.

доцент кафедры лингвистики и перевода, канд. филол. наук,
Российский государственный социальный университет, Россия, г. Москва

В статье рассматриваются проблемы когнитивно-прагматической организации семантики дискурса, в частности, обозначение оценки речевого поведения партнера. Обосновывается представление о функциональной значимости обозначения такого рода в организации семантики дискурса в контексте координации деятельности коммуникантов.

Ключевые слова: организация семантики, дискурс, координация, коммуникативная деятельность, оценка речевой деятельности.

Формирование высказывания с вербальным обозначением оценки речевой деятельности партнера – первый этап знаковой координации: речевая деятельность говорящего в диалоге соотносится с деятельностью партнера (с идеальным образом этой деятельности, в частности, с предполагаемым устройством области внутреннего мира, соотнесенной с обоснованием совершаемых действий). На этой основе производится высказывание с вербальным обозначением оценки речевой деятельности партнера. Восприятие и понимание такого высказывания реципиентом знаменует осуществление вто-

рого этапа знаковой координации, на котором речевая деятельность партнера по смысловому восприятию высказывания с вербальным обозначением оценки речевой деятельности партнера соотносится с речевой деятельностью говорящего, опредмеченной высказыванием.

Таким образом, теоретическая модель речевого общения как знаковой координации деятельностей субъектов – участников общения позволяет убедительно описать данный конкретный тип речевой коммуникации, а также дать общее детерминистское объяснение закономерностей организации высказывания определенного семантического типа.

Явление выражения оценочного отношения в дискурсе привлекает внимание исследователей. Так, И.Р. Гальперин отмечал, что у читателя текста «явными или скрытыми путями возникает представление оценочного характера, в большинстве случаев вызванное отношением самого автора» [1, с. 116].

Оценку речевого поведения партнера в диалоге мы рассматриваем как категорию текстовую (дискурсивную). Данная категория близка категории модальности, которая выражает субъективно-оценочное отношение говорящего к тому, что сообщается. Способы выражения такой категории различаются в зависимости от вида исследуемого модального значения (например, одобрения, осуждения, иронии, удивления), но в принципе они не сводимы к ограниченному кругу лексических или лексико-грамматических средств выражения.

Не только фигура говорящего, инициатора речевого обмена, но и фигура адресата (предполагаемого реципиента) коммуникативного акта все более ясно осознается как действенный фактор коммуникативного процесса, учитывать который необходимо в их органической связи. Создавая текст, пишет У. Эко, его автор применяет ряд кодов, которые приписывают используемым им выражениям определенное содержание. При этом автор должен исходить из того, что комплекс применяемых им кодов – такой же, как и у его возможного читателя. Иначе говоря, автор должен иметь в виду некую модель возможного читателя, который, как предполагается, сможет интерпретировать воспринимаемые выражения точно в таком же духе, в каком писатель их создавал [6, с. 17]. Как начальная и конечная точки коммуникативного акта, инициатор и адресат неизбежно «входят в сущностную характеристику речевого произведения, они составляют органическое единство, не могут быть расчленимы. Совокупность условий, определяющих формирование того или иного речевого произведения субъектом, и соответствующее восприятие его адресатом, включающее условие адекватности речевого воздействия на коммуниканта, составляют неразрывную целостность и сущность самой языковой коммуникации» [3, с. 139].

Известно, что знания, которыми располагают коммуниканты, существенным образом влияют на характер и результаты восприятия и понимания дискурса. Существенная роль знаний в интерпретации дискурса очевидна, поскольку недостаточно знать лишь лексические значения слов и их сочетаний. Нам не менее необходимо и знание о мире и, следовательно, необхо-

дим когнитивный и социальный анализ знаний носителей языка в рамках определенной культуры, анализ того, как они используют эти знания в процессе интерпретации дискурса.

Рассматривая вопрос о закономерностях понимания текста, А.А. Залевская [2] отмечает необходимость обращения к общим проблемам взаимоотношений между организацией текста и системностью языковых средств как коллективным знанием, направляющим и детерминирующим организацию текста; между способами воплощения мысли в слово, языковыми средствами и закономерностями их использования в тексте, с одной стороны, и используемыми людьми стратегиями означивания и помогающими в этом ориентирами и опорами, с другой; между индивидом и культурой, к которой он принадлежит. Причем на обозначение лица влияют традиции и правила коммуникации, принятые в данном языковом сообществе [4].

Знание о том, в каких лексико-грамматических формах может быть представлено оценочное обозначение речевой деятельности партнера, составляет когнитивную основу побуждения реципиента к определенным речеспсихическим действиям. Критики концепций, признающих фундаментальную роль знаний в понимании текста, исходят из трактовки знаний как "выученных", к тому же нередко выученных без понимания. В таком случае знание предстает как застывшая структура, а упоминание фрейма, схемы и других форм знаний воспринимается как свидетельство упрощения реальной сложности процессов понимания текста, сведения последних к механическому заполнению соответствующих привычных "рамок", позиций во фреймах и т.д.

Интерактивный статус категорий текста [5] и в частности, оценки речевого поведения партнера, связан с переосмыслением природы данной категории в свете принципа сопряженной модальности текста как функционального звена акта речевой коммуникации, состоящей в знаковой координации деятельности коммуникантов [5]. В этом смысле выражение оценки речевого поведения партнера по диалогу рассматривается нами скорее, как средство знакового воздействия на реципиента по коммуникации с целью побуждения его к речеспсихическим и иным действиям в интересах говорящего и успешного построения социовербальной интеракции, чем как откровенное и незаинтересованное выражение мыслей говорящим.

Исследование сегмента «обозначение оценки речевого поведения партнера» целостной семантики диалогического дискурса предполагает выявление разнообразных типов соответствующих номинативных средств, установление тематических классов обозначений данного типа, особенностей употребления обозначений данной разновидности обозначением оценки речевой деятельности партнера в разных типах речевых актов, в рамках стратегий и тактик речевого поведения в диалоге.

Список литературы

1. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистических исследований / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
2. Залевская А.А. Некоторые проблемы теории понимания текста / А.А. Залевская // Вопросы языкознания, 2002, № 3. – С. 13-21.

3. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
4. Курбакова С.Н. Языковое выражение отношения содержания высказывания к действительности. – Язык и текст: структура, дискурс, перевод. Сборник научных трудов. – М.: Градиент, 2015. – С. 91.
5. Сидоров Е.В. Онтология дискурса / Е.В. Сидоров. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 234 с.
6. Эко У. Роль читателя / У. Эко. – СПб: Симпозиум, М.: Изд-во РГГУ, 2005. – 502 с.

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ: ТЕКСТООБРАЗОВАНИЕ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Жамиштова Г.Ж.

доцент кафедры русского и сопоставительного языкознания факультета
русской филологии, канд. филол. наук, Ошский государственный университет,
Киргизия, г. Ош

Каримова Т.У.

магистрант факультета русской филологии,
Ошский государственный университет, Киргизия, г. Ош

В статье раскрывается парадигматико-синтагматическое своеобразие именительного падежа в русском языке. Целью статьи является демонстрация текстообразующей функции вокативных образований, адъективных и субстантивных лексем русского языка.

Ключевые слова: именительный падеж, парадигматика, синтагматика, текстообразование, вокатив, обучение русскому языку.

В языкознании активно используется термин «парасинтагматика», синтезирующий функции парадигматического и синтагматического уровней языка. Понятие парасинтагматики совмещает в себе и целостно представляет интерпретирующий потенциал системных и сочетательных свойств языковых единиц [1, с. 24-27].

В рамках парасинтагматики именительного падежа (далее ИП) языковые единицы образуют крупные лексико-тематические группировки.

Так, например, единую лексико-тематическую парадигму составляют названия домашних животных (*корова, лошадь, верблюд...*) и дифференцирующие обозначения их внутриклассных отношений (*корова – бык – вол – теленок...; лошадь – конь – мерин – жеребец – кобыла – жеребенок...*). Они, сочетаясь с другими лексико-грамматическими классами слов, входят в более крупные парадигмы: 1) *теленки (корова, бык...) блеет, щенок (пес, овчарка...) лает, гусенок (гусыня, гусь...) гогочет* и т.д.; 2) *корова бурая (палевая, пестрая, светло-рыжая...), лошадь вороная (гнедая, буланая, караковая...)* и т.п. Здесь учтены естественные классификационно-сочетательные возможности языковых единиц. Эти языковые единицы объединены общей, жизненно значимой темой, разбиты в соответствии с ней на классы (и подклассы), структурированы, несут

значительную коммуникативную нагрузку. Поэтому они активно осмысливаются, прочно запоминаются и легко извлекаются из памяти, если этого требуют задачи учебного или естественного общения. Последовательный переход от одного класса (или подкласса) языковых явлений к другому создает условия для планомерного их усвоения по правилу «от известного к неизвестному». Вводимые единицы образуют крупное лексико-тематическое целое, которое может быть свернуто или развернуто в соответствии с задачами обучения (школьники, специализирующиеся по биологии, либо учащиеся зооветеринарных ПТУ и техникумов заинтересованы, например, в более дробной подаче гиппологической или собаководческой лексики).

Парасинтагматика ИП, укрупненно отражающая функционирование в тексте значительного числа лексико-грамматических единиц, в чистом виде широко представлена в произведениях художественной литературы. Для иллюстрации приведем некоторые отрывки из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», в которых конструкции ИП имеют модели: 1. Субъект + предикат (гл. сов. в. прош. вр.): *Плетка свистнула, Кровь пробрызнула – Ах! лели! лели! Кровь пробрызнула.* 2. Субъект + предикат (гл. несов. в. наст. вр.): *Стоит мужик – Колышется, Идет мужик – Не дышится! ...Идет – нытит, Идет – и спит, Прибрел туда, Где рожь шумит...;* 3. Субъект + предикат (кратк. форма прил. и притяж. прил.): *Чисто серебро – Чистота твоя, Красно золото – Красота твоя... Тошен свет, Правды нет, Жизнь томна, Боль сильна... и т.д.* Имена существительные образуют одну парадигму, глагольные и адъективные предикаты – другую. Сочетание наименований субъекта и предиката парадисинтагмы ИП.

Как отмечает Н.М. Шанский, «лексические и грамматические факты русского языка... в той или иной степени органически вписываются в экстралингвистически организованный словарный и текстовый материал, отражающий наиболее типичные жизненные темы и ситуации» [5, с. 82]. Подобное соотношение языковых единиц и жизненных ситуаций проявляется многообразно. Здесь мы ограничимся рассмотрением только одного случая – ситуативной обусловленности предикативной синтагмы, имеющей структуру «Сущ. в значении субъекта (ИП) + полн.прил. предикат». Это основная модель описания окружающей среды, обстановки, пейзажа, портрета и психологического мира личности, внешних признаков животных. Речевое развитие учащихся осуществляется путем введения подробного перечня существительных, типичных для данной ситуации и прилагательных, которые регулярно сочетаются с этими существительными и обозначают их разнообразные признаки и свойства. В качестве образца для речевых произведений можно использовать фрагмент из рассказа И.С. Тургенева «Бежин луг». Ср.: *У второго мальчика, Павлуши, волосы были всклокоченные, черные, глаза серые, скулы широкие, лицо бледное, рябое, рот большой, но правильный, вся голова огромная, как говорится, с пивной котел, тело приземистое, неуклюжее. Мальчик был неказистый – что и говорить! – а все-таки он мне понравился: глядел он умно и прямо, да и в голосе у него звучала сила...*

- Задания: 1) Используя данные в перечне слова, опиши своего отца.
2) Возрази, если на это есть основания: «Кочкор – неприятный мальчик».
3) Оцени, прав ли я: «Сайра похожа на отца» и т.д.

В перечнях задано «сырье» для конструирования фраз. Например, существительному *голова* придаются прилагательные: 1) *большая, величавая, огромная, колоссальная, античная; изящная, правильная; квадратная, клинообразная, огурцеобразная, яйцеобразная, шарообразная; узколобая, крутолобая, низколобая, лобастая...*; 2) *взьерошенная* (ср.: *взьерошенная голова – взьерошенные волосы*), *вихрастая, всклокоченная, лохматая, нечесаная, кудрявая, курчавая; белокурая, золотоволосая, каштановая, коричневая, русая, рыжая, смуглая; густоволосая, седая, поседелая, лысая...*; 3) *толковая, золотая, мудрая, светлая, трезвая, ясная, умная, маститая...*: существительному *голос* – прилагательные: 1) *бархатный, приятный, гибкий, девический, девичий, тонкий, звенящий, звонкий, звучный, певучий, ровный, четкий, чистый*; 2) *сильный, басовитый, громкий, громовой, грохочущий, исполинский, могучий*; 3) *слабый, тусклый, удушливый, сдавленный, расслабленный, охрипший, старческий, надорванный, надломленный, задыхающийся, дрожащий, вялый*; 4) *крикливый, лающий, пискливый, рыкающий, щенячий, коровий, козий, козлий* и т.д. (Незнакомые слова выделяются. Их значения объясняются. Многие из них учащиеся записывают в словарики для активного использования в речи).

Обучающийся включен в проблемные ситуации, имитирующие реальные условия речетворчества. Он ставится перед необходимостью генерирования тематически определенных, грамматически однотипных, но взаимосвязанных фраз. Приобретаемые речевые умения и навыки «готовы» к широкому переносу. При таком обучении учащийся постоянно чувствует, что уроки русского языка готовят его к реальному общению на этом языке.

Здесь грамматика и лексика вводятся во взаимосвязи. Поэтому концентрированно усваивается грамматический материал, излагаемый обычно в терминах и дефинициях «существительное в ИП», «имя прилагательное в ИП», «подлежащее», «именное составное сказуемое», «согласование прилагательного (или сказуемого) с существительным (или подлежащим) в роде, числе, падеже» и т.п., и лексика, состоящая из перечня соматических субстантивных лексем и гнезд эпитетов-прилагательных, разгруппированных вокруг соответствующих субстантивных лексем. Наши наблюдения подтверждают справедливость вывода Н.Е.Сулименко об эгоцентризме и субъективной ориентации значительной части качественных прилагательных и практической значимости «параметризации субъекта (по физическим, нравственным, социальным, профессиональным, возрастным и т.д. признакам), ассоциирования качеств живых и неживых предметов в связи с каждым из этих параметров» [4. с. 20-21]. Вместе с предметно-понятийным и лексико-грамматическим содержанием вводимых языковых единиц учащийся овладевает богатым и разнообразным коннотативным – национально-культурным, экспрессивно-оценочным, эмоционально-стилистическим и т.д. – смыслом адъективных и субстантивных лексем и их сочетаний.

В пределах парасинтагматики ИП легко синтезируются синтаксис и словообразование, что можно показать на примере функционирования деривационных единиц в обращениях.

Как известно, вокатив нередко относится к числу «сомнительных» падежей русского языка. В белорусском и украинском языках он регулярно противопоставлен иным морфологическим формам имени при помощи особых грамматических показателей – флексий, поэтому трактовка как его особого падежа в этих языках представляется нам естественной и оправданной. В то же время многие ученые считают такую интерпретацию вокатива несостоятельной. По мнению П.С.Кузнецова, звательную форму «правильнее вынести за пределы падежной системы, поскольку она отличается от собственно падежей тем, что никаких отношений в словосочетании не выражает, а лишь представляет собой обращение» [2, с. 51]. Действительно, и по значению (обращение адресанта к адресату), и по конструктивно-интонационным свойствам вокатив, на первый взгляд, отличается от ряда других падежных форм. Однако эти отличия не могут служить основанием для исключения из числа падежей. Так, изолированность вокатива от основного состава предложений относительна, а не абсолютна. Для включения вокатива в круг парасинтагматики ИП есть достаточно веские основания: 1) место вокатива в предложении предопределено контекстом; 2) вокатив выражает субъект действия – реального или потенциального; 3) он грамматически связан со своим окружением (ср. координацию сказуемого предложения с обращением-существительным в формах рода и числа); 4) вокатив «не имеет ни одной функции, выходящей за рамки функционального потенциала номинатива: вокатив является всего лишь факультативным средством выражения некоторых значений, которыми обладает форма ИП» [2, с. 19]; 5) с практической точки зрения оптимальным представляется изучение вокатива и вокативных конструкций как единиц ИП.

Обращение называет лицо (реже предмет), к которому адресована речь. Обращениями служат собственные имена людей, названия лиц по степени родства, по положению в обществе, по профессии, занятию, должности, званию и т.д. Они могут содержать оценочную характеристику, называя лицо по какому-либо внутреннему признаку (душевному качеству, свойству характера, ума и т.п.), могут давать экспрессивную характеристику. В этих случаях обращения имеют целью привлечь внимание собеседника и выразить отношение к нему адресанта. Поэтому нередко они выступают в качестве важнейшего средства речевого этикета.

Очень часто в функции обращения используются имена людей. С точки зрения киргизского языкового стереотипа своеобразны словообразовательная структура и сфера употребления русских имен. Очень разветвленно их словообразовательное гнездо. Например, имя *Анна* имеет целую сеть уменьшительных вариантов, которые употребляются в обиходно-разговорном языке с ласкательным и пренебрежительным значением: *Аннушка, Аночка, Анка; Аня, Анька, Анечка; Анюта, Анютка, Анютечка, Анютенька; Нютка, Нюта, Нюточка; Нюра, Нюрка, Нюрочка; Анюша, Анюшка, Анюшенька, Нюша,*

Нюшка, Нюшенька и др. Каждый из элементов гнезда имеет свою сферу употребления (иногда эти сферы и ситуации совмещаются, соприкасаются или перекрещиваются). Это гнездо вызывает у учащихся особый интерес, который выражается в их стремлении запомнить содержание схемы и переписать ее, в их попытке образовать аналогичные варианты от других, прежде всего женских имен (*Татьяна – Таня – Танюша – Танюшенька* и т.п.). Члены данного гнезда чаще всего употребляются как формы обращения, т.е. в ИП. Двойственна природа деривационной сети этого имени: во-первых, само имя и состав его словообразовательного гнезда неповторимы; во-вторых, ему присущи многие словообразовательные и семантические черты, свойственные всем русским именам, особенно женским. А сферы употребления компонентов гнезда специфичны для русского языка и неизвестны для носителя киргизского языка. Гнездообразование киргизских имен осуществляется в иных семантических, морфологических, деривационных и стилистических ракурсах [1. с. 26-27]. Поэтому при работе над подобными примерами для предотвращения псевдоаналогий и ложного словообразования особенно нужна направляющая и корректирующая работа учителя. Данное гнездо надо ввести так, чтобы оно стало для учащихся ориентиром в образовании целого ряда новых аналогичных гнезд.

Демонстрация специфически богатой словообразовательной и семантико-стилистической вариативности русских имен, как показывает практика, возбуждает у обучаемых интерес к изучаемому материалу и еще большее уважение к самому языку. Этот интерес усиливается, когда они, осмысливая подобные именные парадигмы, включаются в своеобразный мир этических отношений – официальных, интимно-ласкательных, пренебрежительно-уничижительных и т.д. – представителей русскоязычной культуры, в специфические ситуации употребления того или иного члена таких парадигм. В упражнениях необходимо создавать условия, обеспечивающие усвоение словообразования имен-обращений в живом функционировании и выработку у обучаемых механизма переноса этого опыта на другие жизненные ситуации. Ср. некоторые ситуативно-направленные речевые задания: 1. Прочитайте примеры, объясните использование обращений. 2. Прочитайте диалоги, охарактеризуйте участников по их речевому поведению. 3. Воспроизведите прочитанные диалоги, не пользуясь текстом. 4. Обратитесь к своей подруге (другу, сестре, учительнице, знакомому пожилому человеку...) с просьбой показать фотографию и т.д.

Ученик интуитивно определит жизненность подобных речевых задач, их значимость для ожидаемой речевой деятельности (на работе, учебе или военной службе) и заинтересованно участвует в их решении и осуществлении. Словообразовательные гнезда русских имен-обращений воспринимаются им не только как коммуникативно-знаковые и этические, но и как эстетически выразительные средства общения, влияющие на сферу чувств и эмоций участников речевой коммуникации. Правильный выбор нужного варианта имени и уместное его употребление с соответствующей интонацией служат хорошим зачином диалога и общения с русскоязычными людьми, стимулом для взаимопонимания

участников коммуникации и дальнейшего их контактирования. С другой стороны, при такой учебной работе вариативность и разветвленность русской словообразовательной системы привлекают внимание школьников как средство тренировки памяти и обогащения словарного запаса.

Таким образом, парасинтагматика ИП покрывает целый комплекс лексико-грамматических единиц и категорий русского языка и отражает важнейшие сферы их функционирования. Поэтому она может выступать в качестве заместителя этих единиц и категорий. Мы уверены в том, что укрупненное представление учебно-речевого материала усилит коммуникативность и обеспечит результативность обучения языку.

Список литературы

1. Зулпукаров К.З. Интегральное моделирование как один из путей обучения русскому языку // Рус. яз. и лит. в кирг. шк., 1987. – № 3. С. 24-27.
2. Клобуков Е.В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. – М.: Изд. Моск. гос. ун-та, 1987. – 162 с.
3. Кузнецов П.С. О принципах изучения грамматики. Материалы к курсам языкознания. – М.: Изд. Моск. гос. ун-та, 1961. 146 с.
4. Сулименко Н.Е. Типы лексических значений признаков слов в современном русском языке. Автореф. дис... д-ра филол. наук. – Л.: ЛГПИ, 1983. – 48 с.
5. Шанский К.М. Учебник русского языка для национальной школы (Содержание и структура) // Русский язык в национальной школе: Проблемы лингводидактики. – М.: Педагогика, 1977. С. 79-93.

О ПРИНЦИПАХ ОПИСАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В УЧЕБНЫХ ЦЕЛЯХ

Жамшитова Г.Ж.

доцент кафедры русского и сопоставительного языкознания факультета русской филологии, канд. филол. наук, Ошский государственный университет, Киргизия, г. Ош

Статья посвящена характеристике основных принципов описания русского языка для целей обучения. В ней отражен опыт преподавания этого языка в условиях киргизско-русского двуязычия, которые базируются на коммуникативно-ситуативном и интегрально-типологическом принципах презентации учебного материала.

Ключевые слова: русский язык, принципы описания языка, коммуникативность, учет особенностей родного языка, синтез единиц языка.

Процесс обучения иноязычной речи объемён и полиаспектен. Многочисленны выдвигаемые методистами принципы. Всего их предложено в лингводидактической литературе уже около сорока. И по своей значимости они довольно различны: одни определяют весь процесс обучения, другие – какой-то аспект языка, третьи – обучение какому-то виду речевой деятельности, например говорению и т.д. Принципы учебного описания языка в той или иной мере связаны и соотносятся с принципами обучения языку.

Интегрально-типологический принцип, координируясь с коммуникативно-деятельностным и другими принципами описания языка, предполагает: 1) взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности; 2) синтетическую и ситуативно-тематическую организацию языкового материала; максимальное приближение процесса обучения к реальным условиям общения; 3) комплексное изучение лексики и морфологии на синтаксическом уровне, укрупненно-блоковое представление учебно-речевого материала по общим признакам; 4) двуплановость описания, проявляющуюся в координации семасиологического («от формы к семантике») и семасиологического («от семантики к форме») путей изучения языковых единиц; 5) этапность в обучении и концентричность в подаче учебно-речевого материала; 6) учет специфики родного языка при отборе, расположении и введении лингводидактических единиц.

В реальном общении виды речевой деятельности не встречаются в чистом виде. Невозможно научиться писать, не умея читать, нельзя уметь говорить, не умея слушать. Слушая или отвечают, или записывают. Целесообразно координированно обучать видам речевой деятельности. В активизации обучения немаловажную роль играют сферы коммуникации при отборе языкового материала, стимулирование спонтанной речи, опора на высказывание и текст как основные единицы обучения, использование коммуникативно-ценных фраз и ситуативно-тематических упражнений, рассмотрение оппозиции «форма-значение» в единстве и во взаимодействии с контекстом.

Членение языка на «фонетику», «грамматику» и «лексику», грамматики на «морфологию», «синтаксис» и «словообразование» ведет к сепарации единиц уровней языковой системы, к пренебрежению их единством в процессе функционирования в речи. «Строй языка, – пишет А.В.Бондарко, – не существует как абстрактный «чисто грамматический каркас». Она включает грамматические единицы в единстве с их типовыми лексическими репрезентациями, т.е. охватывает все строевое в лексике» [1, с. 90]. Поэтому системная интеграция лексико-грамматических единиц с учетом сферы их функционирования основывается прежде всего на антиномии «лексикализация грамматики – грамматикализация лексики». Такое описание создает условия для изучения лексики и морфологии языка на синтаксической основе, приведет к компрессии языкового материала и усилению информативного веса вводимых знаков. Плотность языковой информации не утомляет учащихся, если каждый шаг их учебных действий соотносится с коммуникативной целеустановкой курса, работает на нее, если языковые единицы вводятся в функционировании и в виде ценных образцов речи, отражающих различные ситуации и сферы коммуникативно-деятельностных потребностей обучаемых.

Уровень интеграции языкового материала, объем и жанрово-тематические своеобразия вводимых лексико-грамматических единиц языка конкретизируются в соответствии с возрастом обучаемых и этапом обучения. Описание может варьироваться также в зависимости от целей обучения языку. Поэтому мы имеем самые различные модели учебного описания русского языка, ориентированного на киргизскую аудиторию (подготовительные клас-

сы, начальные классы, средние общеобразовательные школы, средние специальные – педагогические, медицинские, сельскохозяйственные и т.д. – учебные заведения, вузы – языковые и неязыковые, факультеты русской и киргизской филологии и т.п.).

Другим путем стимулирования речевой деятельности на изучаемом языке является непрерывное введение в память обучаемых новых слов и значений, представлений и понятий, динамическое развитие навыков понимания и продуцирования речи на русском языке. Интегральное описание и требование новизны предполагают простоту изложения. Простоту обеспечат аппроксимация текстов и грамматических структур путем моделирования, специфическая интерпретация языковых явлений, постепенное усложнение и развёртывание вводимых моделей, минимизация языка с учетом частотности составляющих язык единиц и категорий и учет родного языка учащихся.

Моделирование, как считают специалисты по теории подобию, позволяет «концентрировать информацию» и сводить объекты «к некоторым удобным для исследования структурам и схемам», «облегчающим рассуждения и логические построения» [2, с. 8-10], чем и можно объяснить эффективность и популярность опорных конспектов педагогов-новаторов, содержащих плотную информацию и сокращенно передающих ее с помощью различных символов и знаков.

Некоторые ученые не без основания выступают за полноту описания, считая, что только исчерпывающее полное представление единиц и категорий языка в описании прогнозирует возможную интерференцию в условиях билингвизма, проявляющуюся в виде речевых ошибок [3, с. 14]. Полное описание языка возможно только при синтезе уровней грамматического анализа.

Исследователями выдвигались разноречивые точки зрения относительно доминанции принципов моделирования грамматики в практических целях. Согласно А.Г.Решетову, среди принципов отбора и расположения грамматического материала доминирует принцип системности, по К.С.Чонбашову и Р.Ш.Табаевой – учет особенностей родного языка, по Е.И.Пассову – принцип коммуникативности и т.д. при этом ученые обнаруживают различного рода противоречия между отдельными принципами: коммуникативность – системность, функциональность – системность, полнота – функциональность, частотность – системность, коммуникативность – частотность, экономия (минимизация) – полнота и т.д. [см. об этом: 3, с. 12-14]. В.Г.Костомаров и О.Д.Митрофанова также отмечают, что разные принципы учебного описания языка как неродного «перекрещиваются, дополняя друг друга, помогая друг другу, а иногда и мешая: функциональность находится в противоречии с системностью, тематико-ситуативная организация материала «поддерживает» функциональный подход, но противоречит принципу ограничения, минимизации и т.д., но все они объединены коммуникативностью и лишь в своей совокупности обеспечивают ее» [4, с. 37].

Таким образом, выделяемые в дидактолингвистике основные принципы равновесны и взаимодополнительны в том отношении, что все они необходимы и вместе достаточны для создания рациональной учебной модели русского языка, но иерархически организованы, так как все они направлены

на оптимизацию обучения видам речевой деятельности на русском языке. Поэтому принцип коммуникативности признается методистами русского языка в качестве основополагающего, но не единственного принципа обучения. Известно, что исключительно коммуникативно направленное обучение «порождает разрозненность и дробность» [5, с. 15] в силу бесконечной многообразности и индивидуальной неповторимости ситуаций общения. Такая разрозненность и дробность учебного материала ограничиваются специалистами обычно путем координированного применения других принципов, методов и приемов описания.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Методологические принципы функциональной грамматики // Методологические принципы языкознания. – Киев: Наукова думка, 1988. С. 89-96.
2. Веников В.А. Теория подобия и моделирования. – М.: Выс. шк., 1976. – 476 с.
3. Зулпукаров К.З. О принципах дидактолингвистики // Вестник Ошского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 12-15.
4. Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. – М.: Рус. яз., 1976. – 143 с.
5. Резниченко И.Л., Шанский Н.М. Что такое язык // Что значит знать язык и владеть им. – Л.: Просвещение, 1989. – 284 с.

ПЕРСИДСКО-АРАБСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

Зайдуллин Р.Д.

аспирант кафедры общего языкознания, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Россия, г. Уфа

Одним из главнейших факторов в росте богатства языка являются заимствованные слова. Высокими темпами росли политико-экономические отношения между странами, люди всё больше и больше общались с представителями других национальностей и вер с этим связано активное пополнение лексики. Испокон веков татарский народ поддерживал связь с восточными странами и на этой почве быстрыми темпами стали проникать в татарский язык арабо-персидские слова. В статье рассматриваем персидско-арабские (гибридные) заимствования в татарском языке.

Ключевые слова: татарский язык, заимствование, арабский компонент, персидский язык, метафоры.

Проблема арабских заимствований привлекала и продолжает обращать большое внимание исследователей, занимающихся тюркологией и татарским языкознанием. Попытки научного исследования арабской лексики были предприняты уже в конце XIX века, в трудах К. Насыри. В начале XX века изучение было продолжено следующими учёными: Г. Сагди, Дж. Валиди, А.Х. Максуди. В настоящее время изучение данного вопроса продолжается.

О заимствованиях из арабского и персидского языков имеются множество исследований и научных трудов таких известных тюркологов как Киекбаев Дж. Г., Гарипов Т. М., Г. И. Галяутдинов, Шарафутдиновой А. Г. В

современном татарском литературном языке наблюдаются персидско-арабские (гибридные) заимствования. В данной статье мы их рассмотрим.

Нами персидско-арабские (гибридные) заимствования были классифицированы по частям речи. Приведем некоторые арабо-персидские образования.

Бэдасыл (имя сущ.) 'Дурного, низкого происхождения' [6; с. 37]. Эта лексическая единица образована от персидского слова *bād* значение которого звучит так 'плохой, дурной' и арабск. *asyl* со значением 'корень'. Персидский компонент выступает как частица отрицания и находясь в начале слова придает отрицательное значение арабскому компоненту. Такие слова встречаются немало. Например: **Бэдсурэт** (имя сущ.) 'Некрасивый, безобразный' [6; с. 38], где арабское слово *sürät* со значением 'отражение' и персидское *bād* 'плохой, дурной' придает отрицательное значение слову: некрасивое, безобразное отражение; **Бэдхаль** (имя сущ.) '1. Недомогающий, болезненный. 2. Плохое состояние' [6; с. 38]. Арабское слово *حال* 'состояние; событие; обстоятельство' и персидский компонент *bād* 'плохой, дурной'.

Есть заимствования, где персидский компонент *bād* 'плохой, дурной' добавляется арабскому слову в конце. Например: **Гамьбад** (имя сущ.) 'Опухоль, вздутие' *Гажэп калдым фэжыйрь гамьбад эчендэ.* (Сайяди) [6, 79], где арабское *гэм* со значением 'страдание, печаль'.

Бигамь (имя прил.) '1. Без печали, без скорби 2. Беспечный' [6; с. 26]. В данном слове персидский компонент *bi* 'без' и арабский *гэм* со значением 'страдание, печаль'.

Персидский компонент *bi* 'без' также встречается часто и придает арабскому компоненту значение отсутствия. Например: **Бимэгьнэ** (имя прил.) 'Бессмысленный' *Калды инде барча эшгарем дэ бимэгьнэ.* (Габдулла Тукай) [6; с.30], где арабское *мэгьнэ* имеет значение 'значение, толкование' и персидский компонент *bi* 'без'; **Бимэжян** (имя прил.) '1. Без места. 2. Бездомный, бродяга' *Бимэжян вэ бичара горбэт чигеп.* (Меула Колый) [6; с. 30], где арабское *мэжян* со значением 'место' и персидский компонент *bi* 'без'; **Бижаваб** (имя прил.) 'Безответственный' [6; с. 35], где арабское *жавап* имеет значение 'ответ, ответственность' и персидский компонент *bi* 'без'; **Амиранэ** (наречие) 'Властно, повелительно, начальнически, в тоне приказа' *Күзең ач! – ди миңа амиранэ.* (Нади Такташ) [6; с. 18]. Данное слово состоит из арабского *atir* со значением 'царь, повелитель' и персидский компонент -*анэ, -нэ*, который образует наречие и отвечает на вопрос как? каким образом? **Эдибанэ** 'По-писательски, как литератор' [7; с. 724]. Арабское слово *أدب* со значением '1. писатель, литератор 2. прозаик' и персидский компонент -*анэ, -нэ*; **Эсиранэ** 'По-невольничьи, по-рабски' [7; с. 744]. Лексическая единица состоит из арабского компонента *äsir* со значением 'пленник' и персидский компонент -*анэ, -нэ*; **Каһвэханэ** 'Кофейня, кафе' [6; с. 208], где арабское *каёвэ* со значением 'кофе' и персидский компонент *ханэ* со значением '1. строение, здание (*самостоятельно не используется, служит для построения слов, обозначающих какого-либо заведения*); 2. комната; **Китабханэ** 'Библиотека' [6; с. 211] Состоит из арабского *китап* *كتاب* со значением 'книга'

и персидский компонент *ханә* со значением '1. строение, здание (*самостоятельно не используется, служит для построения слов, обозначающих какого-либо заведения*); 2. комната; **Мәдәкяр** 'Помощник, пособник' [5; с. 299], где арабское слово *мәдәд* со значением 'ум, причина' и персидский компонент *-кяр*, образующий одушевленное имя существительное; **Намускяр**. 'Честный 'человек' [6; с. 442], состоит из арабского *намус*, значение которого 'совесть' и из персидского *-кяр*.

Имеется в заимствованиях персидский префикс отрицания *на-*, который отрицает значение арабского компонента. Таких слов тоже множество. Приведем несколько примеров: **На гыйлаж** 'Неизбежный, вынужденный' Пример из произведений классиков татарской литературы: *Атам вафатыннан соң на гыйлаж сәфәр мәшәкатләрән илтизам иттем.* (Каюм Насыри) [6; с. 438]. Словосочетание образовано от персидского префикса *на-* и арабского *гыйлаж* 'лекарство'; **Налаекь** 'недостойный, неподобающий' [6; с. 441]. Состоит из персидского префикса *на-* и арабского *лаек* значение которого: 'достойный, заслуживающий; подходящий'.

В татарском языке встречаются не только персидско-арабские гибридные заимствования, гибридно образовать могут и два персидских корня. Например, лексическая единица *шаһмар*. Данное слово состоит из персидских *шаһ* 'государь, царь' и *мар* 'змея', дословно слово означает 'царская змея'. Слово встречается в ашугской поэзии Азербайджана, царской змее (кобре) уподобляется возлюбленная, милая сердцу: "Көр, нечә долашыр шаһмар зүлфләри" В татарском языке звучит: "Кара, шаһмар толымнары ничек дулый". В переводе на русский: "Взгляни, как плескаются локоны шахмара (царской змеи) [8; с. 33-34].

Гибридное заимствование *гаскәр* встречается в метафорах. Вещественные и собирательные существительные также вовлекаются в процесс метафоризации. Например, *Халык – сарык көтүе* (Народ – стадо баранов) – перенос от Животного мира к Человеку; *кар гаскәре* (войско снега) – перенос от Человека к Предмету; *гыйшык гаскәре* (войско любви) – перенос от Человека к Абстракции [9; с. 13-14].

В татарском языке встречаются не только персидско-арабские гибридные заимствования, гибридно образовать могут и два персидских корня. Например, лексическая единица *шаһмар*. Данное слово состоит из персидских *шаһ* 'государь, царь' и *мар* 'змея', дословно слово означает 'царская змея'. Слово встречается в ашугской поэзии Азербайджана, царской змее (кобре) уподобляется возлюбленная, милая сердцу: "Көр, нечә долашыр шаһмар зүлфләри" В татарском языке звучит: "Кара, шаһмар толымнары ничек дулый". В переводе на русский: "Взгляни, как плескаются локоны шахмара (царской змеи) [8, 33-34].

Заимствование слов из одного языка в другой является объективным процессом, в результате чего происходит пополнение и обогащение лексического состава языков.

На протяжении многовекового развития словарный состав татарского языка пополнялся лексическими заимствованиями из других языков. Среди

заимствований одно из видных мест занимают персизмы, которые проникали в башкирский язык различными путями.

Таким образом, в татарском литературном языке арабо-персидские заимствования встречаются в основном в классических литературных произведениях писателей XVIII – XIX вв. Таких как Сайади, М. Акмулла, К. Насыри, Г. Тукай и другие.

Гибридные (персидско-арабские) заимствования можно исследовать бесконечно: а) по разновидностям концептов; б) по этимологическим направлениям; и др.

Список литературы

1. Ахметьянов Р. Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Тат. кн. изд. – Казань, 2001, (на татарском языке).
2. Галяутдинов Г. И. Башкирский литературный язык и проблемы востоковедения. – Уфа: Гилем, 2008. – С. 406.
3. Гарипов Т. М. Семиречие Башкортостана. – Уфа: Изд-во «Восточный университет», 1998. – С. 91.
4. Гарипов, Т. М., Нугуманова, А. А. Проблемы корневых слов в тюркских языках // Проблемы словообразования в тюркских языках: Материалы конференции, 2002. С. 65-70.
5. Киекбаев Дж. Г. Сингармонизм в словах, заимствованных из арабского и персидского языков // Учитель Башкирии, № 2. 1957. – С. 24-28.
6. Мэхмутов М. И., Хэмзин К. З., Сэйфуллин Г. Ш.. Гэрэпчэ-татарча-русча алынмалар сүзлеге. (Татар әдәбиятында кулланылган гарәп һәм фарсы сүзләре). – Казан: “Иман” нәшр., 1993. – 448 бит, I том.
7. Мэхмутов М. И., Хэмзин К. З., Сэйфуллин Г. Ш.. Гарэпчэ-татарча-русча алынмалар сүзлеге. (Татар әдәбиятында кулланылган гарәп һәм фарсы сүзләре) – Казан: “Иман” нәшр., 1993. – 409 бит, II том.
8. Нугуманова, А. А. Лексико-грамматические и стилистические особенности метафор в татарском языке – Уфа : Вагант, 2008. – 147 с.
9. Нугуманова А.А. Метафоры в татарском языке: лексико-грамматический и стилистический аспекты / автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова академии наук Республики Татарстан. Казань, 2009 – 27 с.
10. Нугуманова, А. А. Антропоцентрик фразеологик берәмлекләренң кайбер үзенчәлекләре [Текст] / А. А. Нугуманова // Система непрерывного образования: школа-педколледж-вуз : материалы региональной научно – практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Г. Тукая. / Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Институт филологического образования и межкультурных коммуникаций. – Уфа, 2011. – С. 112–114.
11. Русско-болгарский словарь. Составитель: Рашид Кадыров. – Изд-во “Балтавар” – Будапешт, 2010. – С. 143.

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА ЯЗЫКА

Залавина Т.Ю.

доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям, канд. филол. наук, доцент, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Россия, г. Магнитогорск

Шорохова Л.А.

ст. преподаватель кафедры иностранных языков по техническим направлениям, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Россия, г. Магнитогорск

В статье рассматривается когнитивный подход к языку, открывающий широкие перспективы изучения языка в его многогранных связях со структурами человеческих знаний, с его ментальными и познавательными процессами. Значительным шагом вперед стало выдвинутое в когнитивной лингвистике положение о концепте как ментальной репрезентации знаний о мире. Исследование фразеологических единиц в их соотнесенности с когнитивной структурой знания – концептом представляется актуальным и перспективным лингвистическим направлением в когнитивной науке.

Ключевые слова: когнитивный подход, структуры представления знаний, фразеологическая система, фразеологическая единица, семантическая структура, концепт.

Характерной чертой современной лингвистики является стремление к постижению языка как антропологического феномена, когда язык интерпретируется как конструктивное свойство человека, а человек определяется как человек именно через посредство языка [15, с. 29]. Актуальность такого подхода к исследованию фразеологической системы обосновано самой природой фразеологических единиц, что предполагает необходимость их исследования в рамках антропологической парадигмы.

Лингвистика наряду с другими науками, обратившаяся к изучению инфраструктуры человеческого разума, уподобляемого информационной системе, приобретает новый образ, обусловленной ее когнитивной направленностью.

С позиции когнитивного подхода язык рассматривается как отражение когнитивных структур, то есть структур человеческого мышления и познания [12, с. 126-139]. Основное внимание в когнитивной науке уделяется проблеме формирования и представления знаний в языке.

Языковой знак закрепляет и реализует результаты отражательной мыслительной деятельности человека. Осмысление фразеологических единиц как структур представления знаний отражает языковую картину мира, то есть представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях [14, с. 4]. Структурирование представления знаний во фразеологических единицах основано на механизмах их смыслообразования, на необходимости понимания содержательного плана фразеологических еди-

ниц, в котором выделяются внутренняя форма и семантическая структура фразеологизмов.

Внутренняя форма определяет средство создания образности, обеспечивает наличие характеризующего значения, представленного значением сочетания слов, одноименного с фразеологизмом. Акцентируя значение признака, который становится центральным во фразеологической единице, она выполняет важную роль в структуре фразеологической образности. За каждым фразеологическим значением стоит свой мотивирующий образ, который связан со своим концептом из общей картины мира.

Семантическая структура фразеологической единицы рассматривается в виде двухпланового образования: материального (сочетания лексем) и идеального (семем). Семема, в свою очередь, содержит элементарные единицы смысла – семы, то есть имеет свою структуру.

Разрабатывая типологию фразеосочетаний, ученые М.М. Копыленко и З.Д. Попова полагают, что типы фразеосочетаний различаются «в зависимости от типов семем, которые обозначаются лексемами, входящими в это сочетание». Они выделяют 5 разновидностей семем, выражаемых лексемой. По символике, разработанной данными авторами, это D_1, D_2, K_1, K_2, K_3 , где D – денотативная семема, а K – семема коннотативная (идиоматический сдвиг) [10, с. 87]. Авторы считают идиоматичность (семантический сдвиг лексем в сочетании) важнейшим свойством, которое позволяет дифференцировать фразеосочетания и выявлять их типы. Разработанная фразеологическая «матрица» демонстрирует тенденцию фразеосочетаний, начиная от свободных сочетаний слов до неразложимых на значения составляющих фразеологизмов, выражать единую мысль, равную плану содержания универба.

Многие исследователи в настоящее время признают, что наиболее эффективным приемом изучения принципов организации знаний в языковой системе является обращение к понятию концепт. Хотя термин «концепт» и получил широкое распространение, но он не имеет однозначного толкования у исследователей.

Е.С. Кубрякова предлагает такое определение концепта: «Концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» [11, с. 90-92].

З.Д. Попова и И.А. Стернин рассматривают концепт как глобальную мыслительную единицу, квант структурированного знания [14, с. 4].

А. Вежбицкая выдвигает термин концепта как объекта из мира «Идеальное», который имеет имя и отражает культурно-обусловленное представление человека о мире «Действительность» [3, с. 90].

Отсутствие единого определения концепта связано с тем, что концепт обладает сложной, многомерной структурой, включающей помимо понятийной основы социо-психо-культурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им, она включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие той или иной культуре [13, с. 47].

Концепт вербализуется, обозначается словом, иначе его существование невозможно. Наряду с общетеоретическими разработками категории концепта, исследователи делают попытки представить конкретные описания тех или иных концептов, среди которых основополагающее значение занимают концепты лексические, фразеологические, синтаксические.

Основополагающий вклад в изучение концептов через соотношение с материалом языка внесли московские лингвисты под руководством Н.Д. Арутюновой. Так, в сборнике «Культурные концепты» авторы статей представили широкий спектр описания конкретных концептов. Это такие концепты, как «истина», «правда», «ложь», «долг», «творчество», «причина», «судьба», «добро», «зло», «закон», «свобода», «время» и многие другие [1, с. 104].

Самым ярким описанием концептов стал фундаментальный труд Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры». В нем автор раскрыл содержание серии концептов: «культура», «концепт», «константа»; «вечность», «мир»; «вера», «любовь», «радость» и другие» [16, с. 824].

Большую серию концептов из сферы интеллектуальной и эмоциональной деятельности человека рассмотрел С.Г. Воркачев [4, с. 89].

Появляются работы, авторы которых стараются постичь содержание концептов на материале иностранных языков: концепт толерантности в немецком языке [6, с. 102-103], концепт «рис» в английской фразеологии [7, с. 18], концепт «порицание» во французском языке [8, с. 106-109], [9, с. 175], концепт «любовь» в испанской паремиологии [5, с. 56-66] и многие другие.

Привлекает внимание подразделение концептов на лексические и фразеологические в соответствии со способом их словарного представления. Поскольку семантические структуры фразеологизма и слова близки, когнитивные структуры, типы концептов, выявленные на уровне универбов, должны быть также прослежены и на уровне фразеосочетаний. Возможность варьирования семантики фразеологизма – это важный принцип, который учитывается А.П. Бабушкиным при рассмотрении идиоматических фразеосочетаний как концептов разных типов. Среди них можно различать в большей и меньшей степени мыслительные картинку, концепты-схемы, концепты-сценарии, концепты-фреймы [2, с. 70].

Примером простой мыслительной картинку могут послужить фразеологизмы «в костюме Адама» или «в костюме Евы», «мышиный жеребчик». Внутренняя форма фразеосочетания «мышиный жеребчик» рисует образ донжуана преклонного возраста с мышиною цвета – серого (читай: седыми) волосами. Свойство любых картинок – стираться. Сегодня выражение «мышиный жеребчик» практически вышло из употребления, и современный носитель русского языка уже не может сказать, как скроен «мышиный жеребчик», каким образом он одет.

Концепт-схема, выраженная фразеосочетанием, образностью напоминает мыслительную картинку, но фразеосочетания употребляются для образных, с одной стороны, весьма приблизительных, а с другой – довольно точных (в результате «картиночного» представления) оценок предметов и явле-

ний окружающего мира по их параметрам, открытым для сравнения и сопоставления. Образцом концепта-схемы являются фразеосочетания «коломенская верста», «аршин с шапкой», «кот наплакал», «гусю по колению» и многие другие.

Фрейм – это мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении. В качестве концепта-фрейма выступают фразеосочетания «авгиевы конюшни», «избушка на курьих ножках», «мамаево побоище» и многие другие.

Под рубрику фразеологических концептов-сценариев можно подвести фразеосочетания, объективирующие семы действия и движения, такие как «ездить верхом» (безжалостно эксплуатировать беззащитных людей), «тянуть волынку» (медлить с чем-либо, затягивать какое-нибудь дело), «быть под башмаком» (находиться в полном, беспрекословном подчинении; обычно в зависимости мужа от жены), которые могут быть развернуты в сценарии.

Таким образом, когнитивный подход к изучению лексического материала предполагает, прежде всего, семантический анализ составляющих его лексических единиц. В этой научной парадигме знание и значение начинают изучаться в их соотношенности и корреляции, в постоянном взаимодействии. Рассмотрение классификации фразеологизмов по концептам представляется перспективным, так как оно наглядно актуализирует особенности языковой картины мира вообще, а также особенности национальной культуры и национального мировосприятия в частности.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. 204 с.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. 104 с.
3. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва: Рус.слово, 1996. 411 с.
4. Воркачев С.Г. Речевые постулаты и оценка моральных качеств личности: показатели безразличия в психологических отношениях // Филологические науки. 1993. №3. С. 85-91.
5. Воркачев С.Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии // Филологические науки. 1995. №3. С. 56-66.
6. Данилюк Н.В. О границах концепта толерантности в немецком языке // Филология и культура : Материалы III международной научной конференции. Часть 2. 2001. С. 102-103.
7. Ефимова Н.Н. Онтологизация концепта «рис» в английской фразеологии: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2000. 18 с.
8. Залавина Т.Ю. Семантическая структура глагольных фразеологизмов, содержащих концепт «порицание» // Журнал «Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова». 2005. № 12. С. 106-109.
9. Залавина Т.Ю. Когнитивные и прагматические аспекты фразеологизмов со значением «порицание»: дис... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 175 с.
10. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1972. 112 с.

11. Кубрякова Е.С., Демьяненко В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
12. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126-139.
13. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2004. 296 с.
14. Попова З.Д., Стернин, И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999. С. 4-5.
15. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 25-33.
16. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОГО РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕКЛАМЫ БАНКОВСКИХ ТОВАРОВ И УСЛУГ)

Замышляева Ю.С.

студентка магистратуры, факультет лингвистики и перевода,
Челябинский государственный университет, Россия, г. Челябинск

В статье рассматриваются лингвистические особенности рекламного дискурса на различных уровнях языка: фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом. Приведены примеры на материале рекламы банковских товаров и услуг на английском и русском языках.

Ключевые слова: реклама, рекламный дискурс, рекламный текст, лингвистические особенности.

Реклама является неотъемлемой частью жизни современного человека, живущего в капиталистическом обществе, одной из характеристик которого является свободная конкуренция. Современные предприниматели вынуждены вести активную борьбу за рынки сбыта (удержание рыночной ниши, продвижение услуг предприятия, привлечение новых клиентов, повышения конкурентоспособности). Добиться необходимых результатов в бизнесе возможно только при умелом использовании маркетинговых коммуникаций, и в особенности рекламы.

Реклама – форма коммуникации, которая пытается перевести качество товаров и услуг на язык нужд и потребностей покупателей. Она распространяет информацию о потребительских свойствах товара и преимуществах различных видов услуг с целью их реализации и повышения спроса на них, для чего используется определенный арсенал средств и приемов, организуемых в коммуникативные стратегии манипулирования.

Для того, чтобы реализовать прагматическую функцию рекламного дискурса, необходимо использовать множество путей выдвижения языковых

единиц разных уровней языка, т.е. прибегать к необычным и оригинальным формам, способным привлечь к себе внимание.

На данный момент широкий исследовательский интерес представляет собой звуковая изобразительность. Анализ рекламы на фонетическом уровне позволил выделить следующие лингвистические особенности, которые используются в прагматических целях: использование звуковых повторов (аллитерация, ассонанс), фиксация индивидуальных произносительных особенностей предполагаемых групп потребителей [2, с. 183]. Подтверждение этому можно найти в рекламе банковских товаров и услуг как русском, так и на английском языке. В рекламе кредитного займа банка «Сбербанк» – «Нам важно, что вам важно» – присутствует четкий ассонанс на звук [а]. А в рекламе американского банка “American Commerce Bank” – “Not close to the bank? No worries. Go mobile!” – можно проследить аллитерацию на [о].

На лексическом уровне выделяют следующие особенности рекламного дискурса: расширение и метафоризация значения частотных слов в рекламе, обыгрывание значений одного и того же слова в пределах одного текста, использование различных тропов. Рассмотрим рекламу кредитных карт банка «ВТБ 24» – «Ставка *меньше* – покупок *больше!*». В данной случае слоган построен на стилистическом использовании антонимов. Подобные примеры, с использованием контекстуальных антонимов можно найти и в англоязычном дискурсе. Рассмотрим слоган банка “Commercial Bank” – “*Lower Your Interest Rate & Score One For The Home Team*”, где глаголы «lower» (снижать) и «score» (заработать) выступают как контекстуальные антонимы. В рекламе национального банка «Траст» прагматическую функцию помогают реализовать такие тропы, как метафора – «Вырастим *капусту* вместе!», где слово «капуста» выступает в переносном значении «деньги», лексический повтор – «*Крутым* парня – *крутой* процент!», а также оксюморон – «*Страшно высокий* доход».

Обращаясь к морфологическому уровню языка, стоит отметить такие лингвистические особенности рекламного дискурса, как многократный повтор одной и той же морфемы с ее графическим выделением.

Синтаксический анализ рекламного дискурса также представляет большой интерес для исследователей, который изучают использование восклицательных и вопросительных предложений в рекламном тексте. Так, восклицательные предложения необходимы для выделения наиболее значимых компонентов композиционной структуры, к которым можно отнести заголовки, слоган, а также различные способы выражения адресной направленности [2, с. 185]. Так восклицательный слоган банка «Ренессанс Кредит» – «Наш кредит улучшает аппетит!», представляет собой призыв, необходимость воспользоваться данной услугой. Ту же функция и синтаксически, и графически несет реклама банка “Community Bank, N.A.” – “Simple terms, strong returns. That’s ***Banking Your Way!***” Кроме того, в рекламном дискурсе активно используются разные виды вопросительных предложений, например, собственно вопросительные предложения, «наводящие вопросы», риторические вопросы, побудительные вопросы и др. Вопрос, требующий ответа «да», явля-

ется специфической функциональной разновидностью вопроса в рамках рекламного дискурса, целью которых является формулировка микротемы, организация текста или развитие темы всего текста. Рассмотрим следующие рекламные предложения в вопросительной форме: “Need a good Business Banker?” и «В коттедже хочешь жить?» Данные конструкции используются в начале предложения, чтобы организовать текст. Эти вопросы предполагают утвердительные ответ от изначально замотивированных потенциальных потребителей, следовательно, вызывают у них интерес и желание ознакомиться с предложениями банка, которые помогут им реализовать желаемое.

Таким образом, можно сделать вывод, что рекламный дискурс должен обладать прагматической направленностью, которая обуславливает его определенные лингвистические особенности, выраженные различными компонентами текста и единицами всех уровней языковой системы (фонетического, лексического, морфологического, синтаксического), а также при помощи графики.

Список литературы

1. Булатова Э. В., Стилистика текстов рекламного дискурса : [учеб. пособие] / Э. В. Булатова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2012. – 264 с.
2. Лившиц Т. Н., Специфика рекламы в прагматическом и лингвистическом аспектах [Электронный ресурс] : Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – М.: РГБ, 2005 (Из фондов Российской Государственной Библиотеки).
3. Рекламный дискурс и рекламный текст : коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 296 с.

ФАКТОРЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ)

Зиновьева А.Е.

преподаватель Колледжа АлтГУ,
Алтайский государственный университет, Россия, г. Барнаул

Лаптева Н.А.

преподаватель 1-й категории Колледжа АлтГУ,
Алтайский государственный университет, Россия, г. Барнаул

В статье рассмотрены причины заимствования англицизмов в современный русский язык. На примере казахстанской (г. Усть-Каменогорск) и российской молодежи (г. Барнаул) были выявлены лингвистические и экстралингвистические факторы заимствования этих единиц. Проиллюстрированы негативные и позитивные последствия их внедрения в русский язык.

Ключевые слова: заимствования, этническая самоидентификация, англицизмы, языковая культура, коммуникативно-языковое пространство.

В современных условиях, связанных с процессом глобализации, коммуникативно-языковое пространство теряет свою идентичность. Однако, как

отмечают филологи, язык является не только средством коммуникации, но и основным признаком этнической самоидентификации. Русский язык не является исключением, но в последние десятилетия лексический состав русского языка подвергся влиянию англицизмов в результате глобализации английского языка. Появились любители употреблять иностранные слова без необходимости, а чаще и для того, чтобы слушателям и читателям было не очень понятно, о чем идет речь.

Изучением причин заимствования иноязычных слов занимались многие лингвисты еще в начале XX века, однако выявление этих причин проводилось без достаточно четкой дифференциации языковых и неязыковых причин. Основными факторами возникновения заимствований считаются: восприятие всем коллективом говорящих или его частью – иноязычного слова как более престижного, "ученого", "красиво звучащего", а также коммуникативная актуальность обозначаемого понятия [2, с. 40].

Учитывая лингвистические и экстралингвистические факторы заимствований англоязычной лексики, выделенные М. А. Брейтером [1, с. 37] и Л. П. Крысиным [4, с. 143], нами неоднократно предпринимались попытки проследить заимствование англицизмов разными возрастными группами в современный русский язык [3, с. 24]. На данный же момент, исследование, представляющее для нас научный интерес, основано на сравнении коммуникативных пространств разных государств, в частности, России и Казахстана. Это связано с тем, что английский язык занимает все более передовые позиции в языковой среде Республики Казахстан, что обусловлено выходом страны на мировой рынок.

Чтобы проиллюстрировать динамику влияния англицизмов на русский язык в рамках конкретного языкового сообщества на современном этапе, было решено проанализировать, как часто употребляют англицизмы молодые люди возрастной группы от 15 до 25 лет, и насколько оправданным оказывается использование подобных заимствований.

Прежде всего, был определен круг людей, с которыми проводился эксперимент. В первую группу вошли молодые люди в количестве 50 человек, проживающие в г. Усть-Каменогорск (Республика Казахстан). Вторая группа представлена 50 жителями г. Барнаул (Россия).

Для обеих групп нами был составлен словарь современных англицизмов методом сплошной выборки, который был предложен участникам исследования с целью проверки понимания значений. Словарь включал 50 лексических единиц, наиболее употребляемых в средствах массовой информации (лофт, тьютор, лаундж-бар, хостесс, тюнинг, гаджет, браузер и другие). Данная выборка учитывает возрастную категорию респондентов, так как указанные лексемы прочно вошли в повседневную жизнь молодежи.

Согласно данным исследования, 88% казахстанских респондентов воспринимают лексические единицы составленного нами словаря, но лишь 58% из них понимают и могут объяснить значение данных слов. Практически так же обстоят дела у российской молодежи. 92% используют данные слова в своей речи, но, к сожалению, не всегда могут объяснить их значение (только

54%). Те, кто чаще сталкивается с английскими словами посредством СМИ, компьютера, дополнительно изучают английский язык, воспринимают 100% слов. Однако, те, кто испытывает трудности с языком, понимают слова лишь благодаря языковому чутью или используя их в своей повседневной и профессиональной деятельности.

Результаты исследования показали, что благодаря активному заимствованию представители разных языковых культур используют иностранные слова с одинаковой частотностью. Кроме того, употребление молодежью иностранных слов-заменителей связано с современными модными тенденциями, отсутствием соответствующего (более точного) наименования (или его проигрыш с заимствованием) в русском языке и с экспрессивностью этих слов в речи. На наш взгляд, такой высокий показатель употреблений англицизмов в речи может привести к негативным последствиям. Так, в молодежной среде процент заимствованных слов будет расти, что может привести к разрыву социальных связей между людьми, так как люди старшего поколения не будут воспринимать большую часть их речи. К сожалению, за счет внедрения иностранных слов в русский язык происходит вытеснение родных слов, а соответственно, элементов культуры и традиций.

Космополитические процессы, происходящие в мире, возрастающая динамика развития современного общества, расширение международных контактов и сотрудничества привели к распространению и укреплению роли английского языка в качестве ведущего языка современной цивилизации [5, с. 159]. Поэтому следует заметить, что процесс заимствований, генерируемый мировыми тенденциями к глобализации, все-таки неизбежен. Решить проблему негативных последствий можно, объясняя на занятиях значения иностранных слов и акцентируя внимание на их употреблении в речи, но, что более важно, уделяя большее внимание изучению родного языка.

Обогащение родного языка вследствие появления новых денотатов можно считать положительным аспектом заимствований англицизмов. Английский язык – международный, поэтому проникновение англицизмов в другие языки происходит равномерно. Благодаря такому массовому заимствованию слов, в основном обозначающих технические термины, специалисты разных стран могут понимать друг друга, практически не владея английским языком.

Список литературы

1. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: Пособие для иностранных студентов-русистов. – Владивосток, 1997. – С. 34-45.
2. Дьяков А.И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Язык и культура. – Новосибирск, 2003. – С. 35-43.
3. Зиновьева А. Е. Последствия интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке (на примере разновозрастных групп жителей села Санниково) // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: материалы XXXIX научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейских классов. Вып. 9. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. – 394 с.
4. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современной жизни // Русский язык конца XX столетия. – М., 1996. – С. 142-161.

5. Лаптева Н.А. Современное состояние развития и функционирования языков в образовательном пространстве Республики Казахстан // Иностраный язык в евразийском образовательном пространстве: материалы V Международной научно-практической конференции. 5 июня 2015 г., Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2015. – 281 с.

ОБРАЗ РОМАНТИЧЕСКОГО СКЕПТИКА В РОМАНЕ В. ГЮГО «ОТВЕРЖЕННЫЕ»

Кокая А.Р.

студентка филологического факультета,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

Подзюбанов Е.В.

преподаватель кафедры французской филологии,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

В статье «Образ романтического скептика» рассматривается персонаж романа В.Гюго «Отверженные» Грантэра с аналитической и лингвистической точки зрения. Грантэр – это отражение критического скептицизма, атеизма, завладевавшего умами представителей Франции XIX в. Этот тип мышления был порождением романтизма, его естественной антитезой.

Ключевые слова: французский романтизм, герой, образ, скептицизм.

Виктор Гюго, будучи мастером создания романтических характеров, изобразил на страницах своего романа «Отверженные» группу людей, отобравших все революционные веяния Франции начала XIX века.

Они звали себя обществом «Les Amis de l'ABC», что с французского переводится как «Друзья Азбуки» [9, т.1, с. 613]. Такая отсылка не случайна: цель этого революционного кружка строится не столько на стремлении к политическим переворотам, сколько на желании просвещать людей, нести на своих плечах прогресс.

Какие только характеры не изображает Гюго в этих рядах! Был тут и мессия прогресса Комбефер, очаровательный денди Курфейрак, смелый верщик Фейи – и все они дети Революции, со всем пылом юности верящие в светлое будущее, права и свободу. Одним из самых ярких персонажей является Анжольрас – идеализированный образ вождя, возлюбленного Свободы и Родины.

Однако есть среди них тот, кто выбивается из общей канвы этих одухотворенных лиц. Как появился он среди этих людей? Как нарост. «Это был человек, отказывающийся во что-либо верить», – сказал автор при первом его появлении [9, т.1, с. 623]. Его звали Грантэр.

Несмотря на то, что молодой человек не принадлежал к этому обществу людей пылкого сердца, он всегда был среди них, и ему внимания автор уделил никак не меньше, чем Анжольрасу, в чьи речи вкладывал свои собственные мысли. Философские монологи Грантэра были полны мудрости,

однако из его тирад ее приходилось собирать по крупицам, отделяя от пьяных излияний, ипохондрии и пессимизма.

Он представлен человеком порочным, развязным и не боящимся говорить громко, даже если его никто не слушает. Что делал он среди этих людей пламенного сердца? Он угасал с помощью своего скептицизма и возрождался из пепла силой их веры.

Само имя его имеет множество семантических значений. «Грантэр имел обыкновение подписываться ребусом, ставя вместо фамилии букву R» [9, т.1, с. 623]. С одной стороны, данный ребус расшифровывается предельно просто: прописная R по-французски звучит как «grandé R», и Грантэра можно принять за человека помпезного. Однако, если копнуть глубже, можно увидеть другие его грани, что заставит задуматься над тем, было ли верно первоначальное мнение о нем.

Французская Академия Художеств управляла Парижским Салоном, где выставлялись новейшие произведения искусства. Жюри решало, будет ли работа принята в Салон, и в случае отказа помечало непригодное произведение большой красной буквой R, что означало «refusé» или буквально “отказано”. Грантэр, как известно, был художником и работы свои помечал большой красной буквой R. Сколько самоуничижения и критики было в этой подписи!

Также существует старофранцузское слово «hège», и в одном из вариантов оно переводится как “бедняга” или “горемыка” [4, с. 511]. Это слово произносится как “эр”. Отсюда следует, что Грантэр называл себя “великим страдальцем”.

Все это совсем не вяжется с развязным и самоуверенным образом, который читатель видит на поверхности.

Речи Грантэра всегда дышали напыщенностью, но вместе с тем необычной для молодого человека мудростью. Однажды он упомянул свою учебу у художника Антуана-Жана Гро: «Когда я учился у Гро, то зря времени не тратил, я проводил его с пользой: картинок не мазал, а таскал яблоки. Что малевать, что воровать – один черт!» [9, т.1, с. 631]. Последняя его фраза звучит как «le rapin est le mâle de rapine», и здесь вступает в действие любовь Гюго к игре слов: “rapin” – это подмастерье художника [8, с. 509], “rapine” – грабеж [8, с. 855]. Если переводить фразу дословно, можно получить: “Подмастерье – это грабеж в мужском роде”. Но в то же время у первого слова есть и другое значение, а именно уничижительная форма, означающая бездарных живописцев [9, с. 509]. Ее и употребляет Грантэр в отношении себя. Скептик считал, что бестолковый живописец губителен для искусства и наносит ему столько же урона, сколько и грабеж. Эта насмешка над самим собой незаметна для окружающих и губительна для него самого.

Таким образом, мы выясняем, что Грантэр был полон не только критических замечаний по отношению ко всему в этом мире, но и, в первую очередь, к самому себе.

Говоря о живых типах XIX в., описанных Гюго с помощью Друзей Азбуки, можно с уверенностью сказать, что Грантэр – это критический скептицизм, атеизм, противостоящий двустороннему уму романтика, обращенного

к людям и Богу. Что характерно, этот тип был порождением того же романтизма в качестве его антитезы.

Скептицизм Грантэра задевал все сферы человеческой жизни. В своих монологах он касался всего, но ни к одной проблеме решения не придумал. Более того, он считал, что решения вовсе не существует, а истина присутствует лишь в вине, которое позволяет забыть о бренности жизни.

Не стоит возносить его образ больше, чем положено. На тысячу недостатков у него приходилось лишь несколько достоинств, стремящихся спасти его душу. Грантэр был пьяницей, безупречным эгоистом и циником, однако, как ни парадоксально, умел любить и верить в свою любовь. Удивительно, но объектом этой веры и любви для него стал Анжольрас. «Лишенный морального стержня, Грантэр искал опоры в стойкости Анжольраса», – писал Гюго о непростых отношениях скептика и вождя [9, т.1, с. 624]. Глава кружка, человек с крепким душевным костяком, презирал его за отсутствие собственных убеждений и не принимал привязанность всерьез, ибо настоящая жертвенная любовь стремится перенять у объекта своего фанатичного восхищения хоть какие-то качества, а Грантэр, между тем, продолжал сомневаться во всем на свете. Однако, будучи двойственной натурой, Грантэр не мог обойтись без сердечной привязанности и глубоко страдал от невозможности спастись от собственного скепсиса с ее помощью.

«Он был невероятно безобразен», – говорила служанка Ирма Буаси [9, т.1, с. 623]. Что имел в виду автор, наделяя скептика подобным обликом? Вероятно, не просто внешнюю непривлекательность, которую он более никак не описал. Скорее всего, его душевная расхлябанность, изломанность и пессимизм действовали отрицательно не только на Друзей Азбуки, которые видели его в таком же, если не хуже, свете, но и на всех окружающих.

Можно сделать предположение, что безобразие Грантэра было добавлено как антитеза ангельской красоте Анжольраса. Вождь Революции был лицевой стороной медали, скептик – ее оборотной. Сам Гюго назвал Грантэра изнанкой Анжольраса, подобно тому, как Патрокл был изнанкой Ахилла, а Гефестион – Александра Македонского [9, т.1, с. 624].

Действительно, сложно рассматривать Грантэра отдельно от Анжольраса и наоборот. Эти два антипода дополняют друг друга и создают полную личность, смешивая хаос и порядок. Гюго зовет Анжольраса Орестом, а Грантэра его непризнанным Пиладом – как двоих неразлучных друзей из античных мифов. «В [латинском] алфавите О и Р неразрывны, и вы можете на выбор сказать: О и Р или Орест и Пилад» [9, т.1, с. 625]. Символично то, что буквы G и E в алфавите разрывает буква F. Отсюда можно сделать предположение, что между Грантэром (Grantaire) и Анжольрасом (Enjolras) пролегает Франция (France).

В главе «Кружок, чуть было не ставший историческим» автор дает имена главарей Друзей азбуки, начиная от Анжольраса и заканчивая Грантэром. Имя Анжольраса созвучно французскому глаголу «enjôler» – оболгать, кружить голову [2, с. 422], а Грантэра французскому словосочетанию «grande terre» – большая земля [2, с. 581, 1159]. Сочетание их имен практиче-

ски образует судьбу Вождя: «(Tu) enjôleras (la) grande terre», что переводится как «ты очаруешь большую землю».

Но перейдем к самому Грантэру. День революции настал, а он с «возмутительной веселостью» напивался в кафе «Коринф» вместе с Жоли и Боссюэ. Однако когда лидер кружка прислал мальчика-бродяжку за Боссюэ в кафе, он растерял свой пьяный задор и мрачно заявил, что если бы Анжольрас пришел за ним, он бы отправился на баррикады. Неверие Грантэра в саму революцию, в ее действенность и необходимость, странным образом сочетается с желанием положить свою жизнь у ног ее сына, ее сторонника. Здесь проявляется одно из немногих его положительных качеств – самоотверженность.

Удивительно то, что, когда Анжольрас пришел в «Коринф» с несколькими десятками юнцов, готовясь построить вокруг кафе баррикаду, Грантэр не сбежал, а попросил остаться. Анжольрас грубо приказывал ему уйти и проспать, но Грантэр не слушал и твердил: «Позволь мне тут поспать, пока я не умру», – хотя в недавнем монологе перед Жоли и Боссюэ заявил, что ему нет дела до революции [9, т.2, с. 264]. Он остался, чтобы быть подле Анжольраса, когда оборона падет, из желания умереть рядом.

Смерть Грантэра не стоит считать внезапным просветлением и последним рывком к свободе. Он находился на баррикаде не из политических побуждений, а из-за личных чувств. Он хотел доказать Анжольрасу, что способен «верить, думать, хотеть, жить и умирать» [9, т.2, с. 264].

Расстрел Грантэра и Анжольраса также нужно рассматривать с символической точки зрения. Грантэр в романе является воплощением всего человеческого, интимного. Он определен и создан своим чувством, но истинный характер для нас остается загадкой, прикрытый нравственной дряблостью. Чувства Грантэра к Анжольрасу находятся в сфере личного, а не абстрактного: «Чем покори́л его Анжольрас? Своими воззрениями? Нет. Своим характером». [9, т.1, с. 624]. Грантэр – носитель глубоко личного чувства, он вовлекается в любовь к близкому вместе со всеми своими недостатками, а Анжольрас на протяжении всего произведения не может постигнуть важность личного в человеке, поэтому и не может принять его. Вместе с отвержением Грантэра, он отвергает любого, кто не вписывается в его идеальную концепцию человечества. Он может любить людей в целом, но не каждого по отдельности. Нам кажется, что одной из задач Анжольраса в произведении было постижение любви большей, чем любовь к идеалу. И Грантэр служил средством для достижения этой цели.

Когда баррикада пала, а Друзья Азбуки расстреляны у стен, Анжольрас все еще не может умереть, потому что не познал глубину той дружбы, которая была ему предложена. Приняв любовь к человечеству, он должен принять любовь к человеку. Когда протрезвевший Грантэр кричит: «Да здравствует Республика!», а затем: «Прикончите нас обоих» [9, т.2, с. 400], Анжольрас понимает важность того, что не вписывалось в его концепцию идеального мира – преданность человеку, а не идее. Улыбка на губах Анжольраса в минуту их с Грантэром смерти – это ответ Гюго на гуманистический парадокс революции.

Примечательно то, что расстрелянный Грантэр падает к ногам мертвого Анжольраса. Несмотря на то, что Вождь закончил свой путь к познанию любви межличностной, Грантэру измениться не удалось: он не перенял ни единого убеждения, не уверовал ни в единую догму. Гюго бросил его под ноги идолу, символически изображая, куда рано или поздно может привести вера в людей.

И все же смерть Грантэра залита божественным светом. Ею он искупает свой грех эгоизма, свое безверие и циничный подход к смерти во имя кого-то.

Несомненно, образ Грантэра интересен в двойственности своей природы. Виктор Гюго создает истинно романтический конфликт – в самом человеке, в котором борются разум и натура. И в присущей романтизму манере чувство пересиливает мысль.

Список литературы

1. Christian Doumet. Jacques Pécheur. Littérature française. Poitiers. Hachette, 1985. – 255 p.
2. Dictionnaire du français contemporain. Larousse. Paris, 1980. – 1263 p.
3. Gustave Lanson. Histoire de la littérature française. Paris, Hachette, 1893. – 1166 p.
4. Le petit Larousse. Paris, 1994 – 1784 p.
5. Nicole Masson. La littérature française. Paris, 2007. – 478 p.
6. Victor Hugo. Les Misérables. Saint-Amand (Cher), 2003. – 955 p.(I), 960 p.(II)
7. Андреев Л.Г., Козлова Н.П., Косиков Г.К. История французской литературы. М., 1987. – 543 с.
8. Гринева Е.Ф., Громова Т.Н. Словарь разговорной лексики французского языка. М., 1997. – 638 с.
9. Гюго В. Перевод с фр.: Д.Г. Лившиц, Н.А.Коган, Н.Д. Эфрос. Отверженные (в двух томах). Москва, 2014. – 800 с (I), 607 (II).
10. Рецкер Н.А., Гак В.Г., Кунина И.А., Лалаев И.П., Н.А. Мовшович. Французско-русский фразеологический словарь. М., 1963. – 1111 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

Кондратенко Е.Н.

ст. преподаватель кафедры иностранных языков, канд. филол. наук,
Юго-Западный государственный университет, Россия, г. Курск

В статье рассматриваются особенности возникновения у слов новых оттенков значения в контексте многогранных представлений носителя языка и фактов окружающей действительности. Уделяется внимание идеологическому компоненту языка, обусловленному социокультурными факторами и индивидуальным сознанием.

Ключевые слова: идеологическое значение, индивидуальное сознание.

В социуме постоянно происходят политического, экономического и другого рода изменения, способствующие появлению новых значений, а также разных оттенков смыслов и оценочности лексических единиц. Подобные трансформации фиксируются и подвергаются модификациям на лингво-

генетическом уровне и при этом определяют характерные черты того или иного общества. Следовательно, язык, как многоуровневая система, участвует в образовании всех социальных сфер, таких как средства массовой информации, реклама, политика или другие общественные явления. При этом в результате возникновения определенных договоренностей слова приобретают идеологическую окраску и выполняют важные для жизнедеятельности социальной системы функции объединения, организации общественных связей, установления морально-ценностных ориентиров, формирования общественных идеалов, обеспечения стабильности социальной системы.

Некоторые лингвисты полагают, что в России сегодня происходит постепенная трансформация мышления, которую можно квалифицировать как «цивилизационный слом» [4, с. 14-34]. Данный процесс происходит в том числе и за счет переоценки ценностей, происходящей на стыке смены поколений и оказывающей влияние на языковую картину мира. В результате появляются специфические способы подмены культурных ценностей, т.е. номинации и коммуникации особого типа, направленные на камуфлирование реальных фактов и замещение понятий. Иными словами, обнаруживается необходимость выявления взаимодействия человека и проблем социальных институтов.

Социальные и культурные феномены, выступая в новом значении, не лишаются буквального значения, а прибавляют к нему что-то новое, то, что предстоит понять адресату. По-видимому, это обусловлено скорее контекстом употребления, нежели новой семантикой, приобретенной словом. Так, сравнение осуществляется по причине исключения некоего разделительного признака, возникающего из сферы чувственного, наглядно-образного опыта, в котором отображается природное стремление индивида к постижению глубинной тождественности разнородных сущностей. Таким образом, переработка речевого опыта человеком изначально включена в формирование образа мира и его переструктурирование [2].

Необходимо отметить важность сопоставления речемыслительной деятельности и представлений, формирующихся в индивидуальном сознании, с разными фрагментами образа мира. Согласно мнению А.Н. Леонтьева, под индивидуальным сознанием понимается система значений, данных в совокупности с другими составляющими: чувственной тканью и смыслом. При этом значение, смысл и чувственная ткань предстают не в виде самостоятельных единиц, а в виде единиц, формирующих индивидуальное сознание [3]. Таким образом, значение существует в двух плоскостях: в сознании человека и в процессах, отображающих объективную реальность. Из этого следует, что при изучении лексического значения необходимо обращаться в том числе к эмоциональным впечатлениям и чувствам индивида [3]. Также существует точка зрения о наличии самостоятельных значений слов, не зависящих от конкретного контекста, о чем свидетельствуют примеры каламбурного использования различных значений одного и того же слова в умышленно двусмысленных контекстах [5]. По мнению М.М. Бахтина, именно индивидуальное сознание воплощается в действительный факт посредством идеологиче-

ского творчества. Таким образом, сознание складывается и реализуется в знаковом материале, организованном вследствие социальной коммуникации сформированного коллектива [1, с. 15].

Из вышесказанного следует, что все события, происходящие в социуме, воспринимаются и преломляются в сознании носителя языка, обретают личностный, индивидуальный оттенок, в результате чего у лексических единиц формируются идеологические значения.

Список литературы

1. Бахтин М.М. (Под маской) Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 2000. 625 с.
2. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. М., 2000. 180 с.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Академия, 2005. 352 с.
4. Степин В.С., Толстых В.И. Поиск новых ценностей и стратегия развития // Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В.С.Степин. – М.: Наука, 2007. – С. 15 – 16.
5. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. Изд. 2-е, стереотип. М.: УРСС, 2003. 244 с.

МЕСТО ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ СУТОЧНОМ КРУГЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ

Ненарокова М.Р.

старший научный сотрудник, д-р филол. наук,

Отдел классических литератур запада и сравнительного литературоведения

Института мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) РАН,

Россия, г. Москва

В статье рассматриваются жанры средневековой латинской литургической поэзии – секвенция, троп, гимн, антифон, респонсорий, определяется их место в средневековом суточном круге богослужений, указываются их характерные признаки. Статья иллюстрирована примерами литургических песнопений в переводах автора.

Ключевые слова: средневековая латинская литература, средневековая религиозная поэзия, суточный круг богослужений, гимнография, секвенция, троп, гимн, антифон, респонсорий.

Средневековый суточный круг богослужений можно представить в виде кольца, в котором самым большим самоцветом будет мисса, а ободок кольца украшают меньшие камни – службы Часов, числом восемь (Великие Часы – вечерня, утреня, лауды; Малые Часы – Первый, Третий, Шестой, Девятый Часы, комплеторий). И все эти службы включают в себя песнопения разных жанров.

Если говорить о миссе, то к ней относятся жанры секвенций и тропов [1, 122]. Секвенция занимает центральное место в миссе. Ее происхождение таково: между чтением Апостольских посланий и Евангелия пелись градуал,

гимн, написанный на тему псалмов и менявшийся день ото дня, и возглас «Аллилуиа», последний слог которого пелся на сложную по рисунку мелодию [7, 46]. Секвенция возникла как словесное наполнение этой мелодии, поскольку последовательность нот было сложно запомнить. В Предисловии к своему сборнику секвенций Ноткер Заика писал, что ему и другим юным певчим приходилось заучивать «весьма длинные мелодии» [3, v.131, col.1003C], которые, тем не менее, «будучи вверены памяти, покидали нестойкий ум» [3, v.131, col.1003C]. Поэтому решением проблемы стало сочинение текстов, в которых на каждую ноту приходился слог. Запоминая текст, можно было легче сохранить в памяти мелодии. Ноткер не был создателем жанра секвенции, он ориентировался на некий «антифонарий» [3, v.131, col.1003C], привезенный в Санкт-Галлен монахом из Жюмьежа, «в коем некоторые стихи были приспособлены к мелодиям секвенций, но тогда еще весьма неуклюжие» [3, v.131, col.1003C]. Тем не менее, именно Ноткер выработал и сформулировал правила написания секвенций, которым позже следовали другие авторы [10, 236].

Секвенция как жанр получила два названия: если ее рассматривали с т.з. музыки, то она была секвенцией, то есть «следовала» за песнопением «Аллилуиа», а если в первую очередь обращали внимание на текст, то ее называли *prosa* или *prosa*, то есть «проза», поскольку она была написана ритмической прозой. Секвенция часто имела диалогический характер и исполнялась полухориями. Для написания секвенций использовались стихотворные размеры, характерные для торжественного стиля: пэаны, дактили, амфибрахии; два последних размера были уместны и в нейтральной речи, поэтому они создавали устойчивый фон для четырехсложных пэанов, а также для пятисложников, которые ставились на наиболее значимых местах. Употребление ямбов и хореев должно было оправдываться смыслом текста. Текст секвенций разбивался на периоды и более мелкие отрезки – колоны, колонов в периодах могло быть от двух до четырех, при необходимости больше, но их величина не превышала восемнадцати слогов; средний размер колона – от 9 до 12 слогов. В секвенциях мог встречаться ритмический параллелизм, то есть близкие или одинаковые по ритмическому рисунку отрезки текста (колоны). Вообще использование различных размеров и перемены ритма определялись смыслом текста.

Примером «прозы» может служить секвенция о св.Георгии, происходящая из Мюнхена (XI в.):

1. День всерадостный Воспойте псалмами чудными,	
2а. Когда благой Георгий Мир освящает Славой страдания,	2б. Земное отринув тление, Выбрав сияние Града Наднебесного.
3а. Царя безбожного Гнев неумный Пал на людей, Хранящих веру в Господа.	3б. Злодей запретил всем Имя Божие Чтить открыто Под страхом смертных мучений.

<...>

7. Мучителя безумие
Терпит мученик славный,
В деянии чудном
Честью венчаясь.
[13, 114-115]

С течением времени авторы секвенций стали создавать тексты по принципу «равенства колонов». Иными словами, при исполнении секвенций в диалоге полухорий появились тексты равной длины и почти одинакового ритмического рисунка. Использование принципа «равенства колонов» и гомотелевтона (повтора окончаний) подготовило появление метрической секвенции.

Новый вид секвенции связан с именем знаменитого поэта и музыканта 1-ой пол. XII в. Адама Сен-Викторского. Основной формой новой секвенции стала зарифмованная трохеическая (хореическая) строфа из 4, 6, 8 строк, в каждой из которых было 8 слогов, и своеобразного припева из 7 слогов. Метрические секвенции Адама отличает одна особенность, позже исчезнувшая. Это использование разных ритмов в пределах одного произведения, вероятно, указывающее на родство с канонической, прозаической секвенцией, в которой были естественны перемена ритма и, конечно, сочетание разных размеров в одном периоде.

Примеры метрических секвенций:

1. Крест восхвалим мы Господень,
Вместе радуясь сегодня
Одолению греха,
Ибо Крест – Победы знамя,
Он в сраженьях рядом с нами
Значит гибель для врага.

2. Песнь Победы
Рвется к небу!
Верь, достоин
Крест Господень
Звуков восхваления.
Слово с делом неразлучно,
Если жизнь словам созвучна,
Сладко единение. <...>

4. Нам доселе неизвестный,
Новый Сей Алтарь чудесный
Кровью Агнца обогрен.
На Кресте грехи людей
Кровью выкупил Своей,
Навсегда очистил Он! <...>

Адам Сен-Викторский. Обретение Св. Креста [5, 215-216].

Еще одним жанром литургической поэзии, характерным для миссы, является троп [1, 122]. Троп не самостоятелен как песнопение, это скорее добавка, комментарий к каноническому тексту. В средневековых богословских трактатах находим упоминание о том, в каких местах миссы встречаются тропы: «интроит», или «входные молитвы» [3, 213, 94C-94D], «Стих Слава Отцу [и Сыну и Святому Духу]» [3, 132, 936D, 941D], «“Аллилуиа”, еще “Блажен муж...”» [3, 132, 936D], «К песнопению «Агнец Божий» прибавляются некие тропы» [3, 149, 665A]. Подобно секвенциям тропы возникли как словесное наполнение мелодий, на которые пелись последние слоги перечисленных выше песнопений, но в отличие от секвенций, представлявших собой замкнутый, самостоятельный текст, тропы как дополнения или комментарии неразрывно связаны с теми частями канонических текстов, которые они, тропы, продолжают по смыслу [11, 220]. При этом к одной и той же части канонического текста могут быть написаны разные тропы, которые сами по себе, вне связи с каноническим текстом, не существуют. Сначала тропы присоединялись к концу значимых частей канонического текста, отсюда, видимо, произошло их название. Как объясняет Иоанн Белетский (1135-1182), французский богослов и литургист XII в.: «[Название] «троп» [пришло] от греков, что на нашем языке – поворот» [3, 202, 44B-44C]. Термин *conversio* означает «повторение слова в конце ряда предложений; округление в виде периода». Как кажется, такое название указывает на место тропа в том тексте, куда он вставляется, и на его подытоживающий характер, поскольку троп развивает и заканчивает некую мысль. Позже тропы стали присоединяться к разным частям канонического текста. Троп исполняется только певчими, причем они поют все вместе.

Пример тропа на «Господи, помилуй»:

1. *Господи*, с вершины Неба

Тройным сияющий Именем,

Нам Ты Един, *помилуй*.

2. *Господи*, Ты, Кто во имя Царево

По закону правишь Небесным и

Всем земным, нас *помилуй*.

3. *Господи*, нас, Тебе хвалы

Из медоточной любви

Произносящих, *помилуй*.

4. *Христе*, тех, кто Тебя гласом возвышенным

Воспевает, *помилуй*.<...> [2, 316-317].

В состав миссы входит гимн, градуал, получивший свое название по тому месту в храме, где он исполнялся, на ступенях (*gradus*), ведущих на солею и в алтарь. Гимны включаются и в состав каждого из богослужений Часов [1, 122]. Это один из старейших жанров литургической поэзии. О насыщенности гимнами суточного богослужебного круга св.Иларий Пиктавийский выразился так: «День среди молитв Божиих начинается, день среди

гимнов Божиих завершается» [3, 9, col. 420C]. Первоначально название жанра *hymnus*, «хвалебная песнь (божеству), гимн», заимствованное из греческого языка, было синонимом латинского *carmen* – «песнь», но с течением времени «гимн» стал обозначать песнопения определенного жанра, написанные стихотворными размерами, например, четырехстопным ямбом [8, 21] или с использованием определенного вида строф, например, сапфической строфы [9, 35]. Этот признак гимна, согласно средневековым богословам, является основным, но не единственным [11, 220]. Гимн «поется» [11, 220] в сопровождении инструментальной музыки [11, 220], причем его исполняет не только хор, но и все присутствующие за богослужением: «когда народ отвечает [поет в ответ], это гимн» [11, 220]. Главное предназначение гимна – хвала Богу. По словам св.Исидора Севильского, если песнопение «во славу, и Бога, и поется, тогда это гимн» [11, 220]. В гимнах выражались не только хвала, но и благодарность, а в редких случаях даже скорбь и раскаяние [11, 220].

Тема гимна задавалась церковным календарем. В службах Часов гимны имеют свои задачи. Так, например, на праздник святого гимн на утрене создает праздничное настроение, на вечерне кратко излагает житие. Гимн лауд наименее связан с конкретной информацией о святом, представляя собой хвалу и Христу, и святому.

Примером градуала может служить гимн, написанный Санкт-Галленским монахом Хартманном. Он называется «Стих, который поется перед чтением Евангелия» и написан одним из самых распространенных стихотворных размеров – четырехстопным ямбом.

Пред очи всех стоящих здесь
Евангелие вносится.
Почтим его хваленьями,
Дивясь Господней мудрости.

Очистим плоть от пагубы,
Очистим дух от помыслов,
И ныне с чистой совестью
Воспримем Тайны Божии.<...> [13, 128].

Сапфическая строфа часто использовалась средневековыми гимнографами для написания гимнов, в том числе и гимнов святым. Как кажется, сапфическая строфа возникла в античности как одна из форм для ритуальной поэзии, исполнявшейся во время «ночных бдений» [15, 153]. Связь с ночью выражалась и в восприятии этой строфы в Средние века (св.Евгений Толедский (ум.657) считал ритм этой строфы «печальным, размеренно-певучим» [3, 87, col. 368A].), и в том, что эти гимны исполнялись обычно на вечерне.

Пример гимна, написанного сапфической строфой:

Господи, хвала трех триад небесных,
Кормчий и Творец рода человеков,
В Свой Надмирный Град нас веди дорогой,
Ввысь уходящей.

<...>

Вышнего Царя Пресвятая Матерь,
Ангелов полки и блаженных лики,
Помогайте нам, в сей земной юдоли
Будьте покровом.

Да хранит нас здесь Троица Святая:
Бог Отец, Бог Сын, от Него рожденный,
Дух Святой, Чью славу по всей вселенной
Эхо разносит.

Храбан Мавр. [12, 239-240].

Как и гимны, антифоны и респонсории являются самыми древними песнопениями богослужения. В основе антифонов и респонсориюв лежал диалог. Об этом говорят и названия песнопений: антифон – с греч. букв. противогласник, звучащий в ответ, откликающийся; респонсорий – с лат. *respondere* отвечать.

Антифоны связаны с псалмами и с песнопением *Magnificat* – «Величит душа моя Господа», то есть с текстами, взятыми из Свящ.Писания. Когда исполнялся антифон, то поющие разделялись на две части и пели по очереди. Так, вечерня праздника св.Суннивы открывалась пением пяти антифонов, исполнение которых перемежалось «псалмами дня» [4, 15]. Сначала полухорие исполняло первый антифон:

Радуйся, блаженная Ирландия, славе своей правительницы,
Презревшей земное царство.
На каковую покровительницу с дружиной спутниц
Полагается Норвегия
По воле Бога Живого [4, 15].

Затем второе полухорие пело первый псалом дня, после чего вступало первое полухорие и пело следующий антифон. Пение полухорий продолжалось до тех пор, пока все антифоны праздника и псалмы дня не были исполнены. Антифоны, открывающие вечерню, сообщают факты из жития святой, называя ее родину (Ирландия), страну, куда св.Суннива отправилась со своими спутницами (Норвегия), причину, по которой принцесса вынуждена была покинуть родной дом (преследование ее как христианки), особенность ее подвига (глава монашеской общины) и мученическая смерть [3, 15]. В конце вечерни пелся еще один антифон, за которым следовал псалом дня.

Наступает день безмерной радости,
Когда с дружиной удивительного мученичества
Краса и слава королей
Входит в Чертоги Царя царей [4, 16].

Вечерня является первым богослужением праздничного круга, и ее последний антифон указывает на то, что следующий день посвящен *natalitia s.Sunnivae*, то есть ее рождению в жизнь вечную.

Респонсории входят в состав вечерни [1, 96], комплетория и Малых Часов (Первый, Третий, Шестой, Девятый Часы) [1, 98]. В вечерне респонсорий

поставлен практически в центре службы – после антифонов и чтения дня и перед гимном. В комплетории и службах Малых часов респонсорий является последним крупным песнопением, подводящим итог тому, о чем говорилось на службе. По структуре респонсорий состоит из небольших текстов разного размера – из собственно респонсория, стиха, славословия и полустиха.

Пример респонсория из вечерни праздника св. Суннивы:

О Суннивы удивительная стойкость,
Которую не пошатнула слава правления,
Не сломило ужасное изгнание,
Не утрашили обширные моря.

Стих.

Следующую за нею огромную семью,
Не могли сломить никакие тяготы,
Не утрашили обширные моря.

Славословие:

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.

Полустих.

Не утрашили обширные моря [4, 15-16].

Произведения, относящиеся к различным жанрам литургической поэзии – к секвенциям, тропам, гимнам, антифонам, респонсориям, можно выделить из корпуса средневековых поэтических текстов, руководствуясь набором признаков (например, место в богослужении, диалог или монолог, стих или ритмическая проза). Гимнографические жанры выстраиваются в систему. В пределах богослужебного круга они исполняют свои функции, взаимодействуя и дополняя друг друга.

Список литературы

1. Hoppin R.H. Medieval Music. New York-London, 1978. –566 p.
2. Corpus Troporum V. Les Deux Tropaires d’Apt, mss.17 et 18. Inventaire analytique des mss. et édition des texts uniques. ed. Gunilla Björkvall. Stockholm, 1986. – p.396.
3. Migne, J.-P. Patrologiae Latinae Cursus Completus (PL). – On CD-Rom. – Chadwick-Healy, 1993-1995.
4. Scriptores Rerum Danicarum Medii Aevi. ed.Jacobus Langebek. T.4. Hafniae, 1776. – p.634.
5. Адам Сен-Викторский. Секвенции. пер. М.Н. Ненароковой // Arbor Mundi. Мировое древо. Вып.16. 2009. С. 204-233.
6. Ненарокова М.Р. Гимны суточного литургического круга в уставе св.Аврелиана Арелатского// Древняя и Новая Романия. 2015. Т. 15, № 1. С. 527-543.
7. Ненарокова М.Р. К вопросу о признаках жанров средневековой латинской религиозной поэзии// Теоретические и прикладные аспекты современной науки. Сборник научных трудов по материалам III Международной научно-практической конференции, г.Белгород, 30 сентября 2014 г. В.пяти частях. Часть III. Белгород, 2014. С. 44-49.
8. Ненарокова М.Р. Поэзия свт. Амвросия Медиоланского: к истории возникновения амвросианского гимна// Современные тенденции развития науки и технологий. 2015 №3-6. С. 20-33.
9. Ненарокова М.Р. Сапфо и сапфический стих в средневековых латинских источниках// Теоретические и прикладные аспекты современной науки. Сборник научных

трудов по материалам V Международной научно-практической конференции, г.Белгород, 30 ноября 2014 г. Белгород, 2014. № 6-4. С. 32-37.

10. Ненарокова М.Р. Секвенции Ноткера Заики и античная риторическая традиция// Романские языки и культуры: от античности до современности. VII Международная научная конференция, 28-29 ноября 2013 г., Москва. Сборник материалов. М., 2015. С. 215-237. [эл.ресурс].

11. Ненарокова М.Р. Святитель Николай в гинографии средневекового Запада // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 4. С. 217-235.

12. Памятники средневековой латинской литературы. VIII-IX века / Отв.ред. М.Л. Гаспаров. М., 2006. – 480 с.

13. Памятники средневековой латинской литературы. X-XI века / Отв.ред. М.С. Касьян. М., 2011. – 896 с.

14. Секвенции о св.Георгии (пер. с лат., комм. М.Р.Ненароковой)// Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения : научный альманах, посвященный проблемам исторической антропологии. – Иваново : Иван. гос. ун-т Иваново, 2015. Вып.7. С. 110-129.

15. Ярхо В.Н. Поэзия культового содружества: Сапфо и Алкей/ Ранняя греческая лирика (миф, культ, мировоззрение, стиль). СПб.. 1999. – С. 297.

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОВЕСТИ ГАЛИМДЖАНА ИБРАГИМОВА «СУДЬБА ТАТАРКИ»

Никишина С.Р.

доцент кафедры иностранных языков, канд. филол. наук,
Казанский федеральный университет, Россия, г. Елабуга

Афанасьева Э.В.

студентка инженерно-технологического факультета,
Казанский федеральный университет, Россия, г. Елабуга

В статье речь идёт о критической направленности творчества татарского писателя Г.Ибрагимов. В его повести «Судьба татарки» поднимаются проблемы возрождения личности. Тема женской эмансипации предстает здесь в своем новом содержании.

Ключевые слова: татарская литература, критический реализм, женская эмансипация, возрождение.

Критическая направленность творчества реалистов особенно ярко проявилась в произведениях татарских писателей начала XX века. Писатели-реалисты не ограничивались внешним описанием поведения и поступков человека, а стремились к правдивости и глубине в процессе художественного освоения мира.

Г. Ибрагимов сыграл значительную роль в становлении татарской прозы и эстетической мысли начала XX века. Он принадлежит к той плеяде писателей, которая была выдвинута на литературное поприще революцией 1905-1907 годов. Г. Ибрагимов, вовлечённый в круг таких выдающихся талантов родного слова, как Г. Исхаки, Ф. Амирхан, Г. Камал и Г. Кулахметов, под их непосредственным влиянием вскоре определил своё творческое

направление и художественный облик и оставил в национальной литературе неизгладимый след.

Начало творческого пути Г. Ибрагимова было ознаменовано выходом в свет в 1909 году произведения «Судьба татарки». Эта повесть первоначально имела название «Татар хатыны нилэр күрми» («Что только не видит татарская женщина»). Но автор выдвинул предположение, что столь длинное название не звучало и не воспринималось основной массой читателей. Поэтому автор допустил, что именно это послужило изменению в названии произведения, которое стало звучным и емким. По мнению автора, заголовок «Судьба татарки» автором дан не случайно. Г.Ибрагимов мог назвать свое творение «Судьба Гюльбану» по имени главной героини. Ведь в самом названии отражена судьба большинства женщин-татарок того времени.

В этом произведении была поднята тема свободы женщины, актуальная для того времени. В центре произведения тяжёлая участь семнадцатилетней девушки Гульбану, имя которой в переводе означает «цветок». Ее судьба олицетворяет судьбы большинства татарских женщин того времени.

Гульбану – героиня светлая, трагическая. Её образ – олицетворение нравственной чистоты, душевной красоты татарской женщины, её стремление к воле, её способность не только терпеть, но и отстаивать свои права, своё человеческое достоинство. Счастливое детство Гюльбану в родительском доме сменяется невыносимой жизнью в доме нелюбимого мужа с постоянными упреками свекрови. Все это доводит женщину до самоубийства. Поступок Гюльбану – трагический протест насилию. Трудно принять такое освобождение, но другого выхода несчастная женщина не видит

Как известно, до начала XX века для татарского общества было характерно ярко выраженное неравенство полов в общественной и семейной жизни, подкрепленное религиозными предписаниями и жёстко регламентированное общественной моралью. Женщина, экономически зависимая от мужчины и юридически бесправная, занимала подчинённое положение, её роль сводилась в основном к занятию домашним хозяйством, уходу за мужем и другими членами семьи. Татарским женщинам предписывалось соблюдать одно из наиболее консервативных принципов ислама – женское затворничество, представлявшего собой целую систему правил и норм повседневной жизни женщин. «Бесправие татарской женщины, – пишет М.Хасанов, – закреплено тремя печатями: патриархальными семейными отношениями, официальными законами общества и мусульманской религией...» [3, С.376].

Показывая трагедию татарской женщины, Г.Ибрагимов осуждал законы старого мира, душившего ее человеческое достоинство. Анализируя повесть Г.Ибрагимова «Судьба татарки», Г.Халит заключает: «Отношение к проблемам эмансипации женщины часто выступало здесь под покровом мелодраматизма и сентиментальности, то есть ограничивалось пассивным сочувствием тяжелой доле татарки, призывом быть гуманной к ней...» [2, С.117].

Проблема социально-правового статуса татарской женщины по-новому проявилась в интерпретации писателей критического реализма. Сохраняя

приверженность предшествующим традициям, они рассматривают литературу как средство познания и преобразования действительности. Теперь писатели не ограничиваются внешним описанием поведения и поступков человека, а исследуют внутренний мир героя в реальной связи с жизненной средой.

Писатели-реалисты хотели видеть женщину, которая не смиряется с существующим бесправием, а упорно сопротивляется господствующему в татарском обществе социальному гнету. В их понимании жизнь и судьба женщины является результатом взаимодействия ее субъективного "я" и объективной реальности. Поэтому объектом их исследования становится личность, ее внутренний мир, а также ее взаимоотношения с реальной действительностью.

Список литературы

1. Никишина С.Р. Проблема феминизма в татарской литературе начала XX века (Эволюция творческого метода и героя). – Елабуга: ЕГПУ, 2004. – 127 с.
2. Халит Г. Герои, рожденные революцией. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1978. – 232 с.
3. Хасанов М. Х. Галимджан Ибрагимов. – Казань: Тат.кн.изд-во, 1969. – 432 с.

ПОЭЗИЯ Г. ГЕЙНЕ В ПЕРЕВОДАХ РУССКИХ ПОЭТОВ

Никишина С.Р.

доцент кафедры иностранных языков, канд. филол. наук, доцент,
Казанский федеральный университет, Россия, г. Елабуга

Герасимова А.Е.

студентка инженерно-технологического факультета,
Казанский федеральный университет, Россия, г. Елабуга

В настоящей статье содержится сопоставительный анализ наиболее известных русских переводов произведений немецкого поэта Г. Гейне, исследуются вопросы циклизации русских переводов Гейне в середине XIX – начале XX веков.

Ключевые слова: немецкая поэзия, перевод, лирика, романтические тенденции.

Мир немецкой поэзии красочен и многообразен. Среди великого множества немецких поэтов разных эпох особое место занимает Г.Гейне (1797-1856). Его влияние на мировую, в том числе и русскую литературу, велико. «Сумрачный германский гений», по крылатому выражению А.Блока, наиболее мощно проявил себя именно в поэзии. Органически связанный с эстетической и поэтической традицией предшествующего и современного ему немецкого романтизма, Гейне внес принципиально новые качества в романтическое художественное сознание Германии.

С творчеством Гейне в России познакомились в конце 20-х годов XIX века, т.е. в то же время, когда на родине поэта вышли «Книги песен», и пер-

вая часть «Путевых картин». С самого начала многих переводчиков и критиков привлекал главным образом Гейне – лирик.

Одним из первых русских поэтов, переведившим Гейне, стал Тютчев. В 1827 году он опубликовал свой первый перевод – стихотворение «На севере мрачном», а в 1830 году Плещеев опубликовал отрывок из «Путешествия на Гарц». Однако в тот период данные переводы были одиноки в российской литературе. На протяжении 30-х и первой половины 40-х годов Гейне не пользовался широкой известностью, но переводы его стихотворений продолжали появляться.

Особо следует отметить переводы Лермонтова, которые отличались особой оригинальностью. Ведь если говорить о поэтическом переводе, то здесь «сталкиваются различные культуры, разные личности, разные складывания мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, разные традиции и установки» [2, с. 9]. Поэт не просто излагает содержание, он не копирует образы, а переносит в русский текст ритм немецкого оригинала

Критики тех лет мало писали о Гейне. В статьях Белинского имя Гейне упоминается редко, чем имена таких писателей, как Гете, Шиллер, Гофман. Сам же Белинский относился положительно к творчеству Гейне. Он ценил в нем, прежде всего человека, который весь отдался идее достоинства личности.

Творчеством Гейне больше стали интересоваться со второй половины 40-х годов. О нем стали много писать в русских журналах, увеличилось количество его переводов.

Конец 50-х – начало 60-х годов, это время, когда критики уделяли большое внимание его творчеству, время массовых переводов. В это же время все чаще стали переводиться сатирико-политические стихотворения Гейне.

Начиная с 40-х годов его стихотворения стали переводить М.Л. Михайлов, А.А. Фет, Ал. Толстой, Плещеев, Огарев. В 1874 году И.С. Тургенев писал, что именно Гейне является самым популярным чужеземным поэтом в России.

Наиболее удачные переводы Гейне принадлежат поэту-революционеру М. Михайлову. Он перевел наибольшее количество стихотворений Гейне. В 1858 году Михайлов опубликовал книгу «Песни Гейне», в которую вошли переводы, уже публиковавшиеся с 1845 года, также новые переводы и статья самого Михайлова, посвященная Гейне.

Русская критика конца 50-х – 60-х годов очень высоко ценила творчество Гейне. На появление «Песен Гейне» рецензией отозвался Добролюбов, который тоже переводил из «Книги песен». Он выделял преимущество переводов Михайлова. Добролюбов считал, что переводы Гейне всегда будут иметь большое значение в российской литературе и сосредоточат в себе интерес общества. Он лишь досадует на сжатость статьи Михайлова, по его мнению, нужно было больше продемонстрировать общественно-политическую и новаторскую сторону творчества Гейне.

В 1867 году с большой статьей, под названием «Генрих Гейне», выступил Писарев. В своей статье он сказал, что Гейне является единственным из наших идеалов, и, безусловно, до этого времени в мире не было ни одного поэта, который был бы достоин почтения и благодарности со стороны думающих реалистов. В его творчестве он ценит сатирические тенденции и решительно отвергает романтическое направление, так как под ними он понимает элементы субъективизма и эстетизма, однако и для них он находит разъяснение в многозначительных обстоятельствах, в которых проживал и создавал Гейне.

А. Блок был последним из больших русских поэтов, который перевел Гейне. Его переводы, вместе с переводами Тютчева, Лермонтова, Михайлова, Григорьева и некоторыми переводами Фета, принадлежат к лучшим переводам Гейне, способствовавшим тому, чтобы русский читатель смог узнать и полюбить Гейне.

В современной России Гейне является одним из самых популярных и любимых немецких поэтов, чье творчество с успехом переводят лучшие русские поэты-переводчики.

Список литературы

1. Вишневская Г.В., Дмитриева С.Ю., Никишина С.Р., Николаева М.А., Патева Э.М. Проблемы перевода научной литературы / Г.В. Вишневская, С.Ю. Дмитриева, С.Р. Никишина, М.А. Николаева, Э.М. Патева. – Пенза, РИО ПГСХА, 2015. – 132 с.
2. Комиссаров В.Н. Введение в современное переводоведение. – М.: «Просвещение», 1987.
3. Heinrich Heine – der „entlaufene Romantiker“ URL: <https://www.derweg.org/personen/literatur/heinrichheine150todestag/> (дата обращения: 09.10.2015).

КОНТАМИНИРОВАНИЕ ЦИТАТНЫХ ЕДИНИЦ В СЛОВАРЕ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ (А.С. ГРИБОЕДОВ «ГОРЕ ОТ УМА»)

Сидоренко К.П.

профессор кафедры русского языка, д-р филол. наук, профессор,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассматривается явление контаминирования (объединения или смешения) цитатных единиц, соотносимых с крылатыми выражениями, как особого разряда фразеологизмов. Функциональные варианты интертекстовых единиц, восходящих к комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», подлежат обработке и введению в специализированный словарь крылатых выражений одного автора.

Ключевые слова: интертекст, контаминация, микротекст, макротекст, отрицательный языковой материал, нормативная оценка, интертекстовая деривация, писательская лексикография, языковая игра.

Словарное описание материала, соотносимого с комедией А.С. Грибоедова «Горе от ума» сталкивается с проблемой отхода от точного воспроизведения цитатных (крылатых) единиц и их речевого объединения. Наруше-

ние «чистоты» цитирования позволяет выдвинуть предположение об одном из функциональных аспектов тех явлений, которые, используя известное выражение Л.В. Щербы, можно отнести к так называемому «отрицательному языковому материалу» [8, с. 33]. Контаминация традиционных фразеологических единиц по-разному трактовалась исследователями (см. например труды А.М. Бабкина и А.И. Молоткова [1; 6]). Однако в каждом случае, по сути, отмечалось, что без учета этой функциональной особенности адекватное описание материала состояться не может. Такой подход в полной мере относится и к сфере лексикографической интертекстематики, хотя и здесь эта проблема имеет свою специфику. Возникают вопросы о сохранении соотносительности выражения с источником, о цельности новой единицы, о нормативной оценке «ошибок» цитирования, месте новой интертекстовой единицы в словаре [см. 4; 5]. Контаминирование обычно приводит к возникновению эффекта внешней цельности, которая, по существу, является ложной. Специфика интертекстовых контаминаций условно может быть сведена к следующим позициям.

1. Расширение внутритекстового пространства (эта разновидность контаминирования встречается наиболее часто). Имеются в виду такие случаи, когда в объединение вовлекаются два и более отрывка исходного текста (все выдержки из «Горя от ума приводятся по академическому изданию А.С. Грибоедова [2] и выделяются курсивом). Типичен пример, основанный на объединении нескольких (обычно – двух) исходных высказываний в рамках одного действия или одного явления комедии. Сходство содержания реплик порождает то, что можно было назвать «естественной небрежностью» при цитировании. Так, нередко происходит смешение сходных цитат, восходящих к разным репликам Фамусова и Скалозуба в одном явлении (II, 5): [Фамусов] *А, батюшка, признайтесь, что едва Где сыщется столица, как Москва.* [Скалозуб] *Дистанции огромного размера* (стихи 259-261) и [Фамусов] *Решительно скажу: едва Другая сыщется столица, как Москва.* [Скалозуб] *По моему суждению, Пожар способствовал ей много к украшенью* (стихи 317-320). В результате образуется смешанное единство *Решительно скажу: едва где сыщется столица, как Москва* с многочисленными свободными вариантами реплик *Дистанции огромного размера* и *Пожар способствовал ей много к украшенью*. Такого рода комбинации довольно многочисленны. Например:

[София] <...> *Чужих и вкривь и вкось не рубит, – Вот я за что его люблю.* [Чацкий] *Шалит, она его не любит* (III, 1, ст. 123-125), [Чацкий] *Целый день играет! Молчит, когда его бранят! (В сторону.) Она его не уважает.* (III, 1, ст. 109-110) и [Чацкий] *Сатира и мораль, смысл этого всего? (В сторону.) Она не ставит в грош его* (III, 1, ст. 117-118). В пересказе содержания «Горя от ума» И. А. Гончаров пишет:

У Чацкого рассеялись все сомнения:

Она его не уважает!

Шалит, она его не любит.

Она не ставит в грош его!

утешает он себя при каждой ее похвале Молчалину и потом хватается за Скалозуба (И. А. Гончаров. Мильон терзаний <1872>).

Впрочем, в авторском комментарии есть намек на нарочитое объединение высказываний, не являющихся смежными исходно («при каждой ее похвале»). Однако в примере, приведенном ниже, перед нами высказывание, основанное на контаминации, дающей ложный эффект исходной смежности. Ср. в шутовском продолжении «Горя от ума» (добавляются слова Чацкого *Кто наконец ей мил? Молчалин! Скалозуб!* III, 1, ст. 2):

Чацкий. Вот я и на перепутье: кого все-таки любит Софья? *Кто, наконец, ей мил? Скалозуб? Молчалин? Шалит, она его не любит!*

Нагиев. И вправду, непросто разобраться в сих любовных хитросплетениях. Надеюсь, разрубить этот гордиев узел нам поможет сама Софья Павловна Фамусова! Прошу в студию! (Т. Николаенко. «Окна» с участием Чацкого и Ко <2005>).

Объединение восходящих к одному действию и одному явлению реплик [Чацкий] *Кричали женщины: ура! И в воздух чепчики бросали!* (II, 5, ст. 394-395) и [Фамусов] *К военным людям так и льнут, А потому, что патриотки* (II, 5, ст. 315-316) дает такое же моделирование цельности исходного цитатного фрагмента:

Мадмуазель Сушкова была «патриоткой», из тех, кто кричали «ура» и «в воздух чепчики бросали» (А. Марченко. С подорожной по казенной надобности <1984>).

Возможно расширение исходного текстового пространства, когда на общей семантической основе происходит «цитатная подгонка». Расширение интертекстового пространства соотносится уже не с одним действием комедии, а с несколькими. Например, два исходных фрагмента [Фамусов] *При мне служащие чужие очень редки; Всё большие сестрины, свояченицы детки* (II, 5) и [Молчалин] *Чиновные и должностные все ей друзья и все родные* (III, 3) дают контаминированную измененную скрытую цитату:

Ни в члены правления, ни в другую какую-нибудь ответственную должность не может попасть никто из посторонних, а все «свои» – то родные, то «сестрины, свояченицы детки» (А. П. Лукин. Отголоски жизни <1901>).

В другом случае измененные слова Фамусова *А всё Кузнецкий мост, и вечные французы и Когда избавит нас Творец От шляпок их! чепцов! и шпильек! и булавок!* (I, 4) вводятся в один контекст с оценочными высказываниями Чацкого (III, 22) *Смешные, бритые, седые подбородки! и хвост сзади, спереди какой-то чудный выем:*

Грибоедов как будто имел в виду русских сатириков, изображая Чацкого. Ни к селу ни к городу, люди, которые не хотят их слушать и не могут понять, а если поймут, то не могут выполнить их требований, начинают они кричать о Кузнецком мосте и вечных нарядах, об иголках и шпильках (не замечая слона), восстают против фраков и бритья бород (а сами выбриты и во фраке), против мелочных недостатков. И тут же вдруг, как снег на голову, грянут с каким-нибудь маленьким требованием: будь, дескать, добродетелен,

служи бескорыстно, ставь общее благо выше собственного и т.п. абстракции (Н.А. Добролюбов. О степени участия народности в развитии русской литературы <1858>).

Заметим, что в последнем примере возникает особый тип интертекстовых контаминаций – контаминация макротекстовая, связанная с аллюзией на басню И.А. Крылова «Любопытный» («слона-то я и не заметил»).

Афористичность текста «Горя от ума» определяет его мощный «контаминационный» потенциал, когда точная ссылка на то, «кто это сказал», значения не имеет. Эту особенность комедии Грибоедова шутливо обыгрывают П. Вайль и А. Генис:

Если же признать Чацкого умным, то надо признавать и то, что он умен по-иному. Осмелимся сказать: умен не по-русски. По-чужому. По-чуждому. Для него не разделены так бесповоротно слово и дело, идея обязательной серьезности не давит на его живой, темпераментный интеллект. Он иной по стилю. Разве общество отвергает Чацкого за идеи? Прочтем отрывок:

*А все Кузнецкий мост, и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас творец
От шляпок их! чепцов! и штилек! и булавок!
И книжных и бисквитных лавок!
По шутовскому образу:
Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,
Рассудку вопреки, наперекор стихиям;
Движенья связаны, и не краса лицу;
Смешные, бритые, седые подбородки!
Как платья, волосы, так и умы коротки!..*

Пламенное проклятие иноземному засилью. Кто же это так возмущен? Да все: первые шесть строк в этом составном монологе принадлежат Фамусову, последние шесть – Чацкому (П. Вайль, А. Генис. Родная речь. Уроки изящной словесности <1991>).

Очевидно, что возможность такого обыгрывания имеет свои лингвистические основы.

2. Расширение межтекстового пространства. Имеются в виду такие случаи, когда в интертекстовом шаге участвуют два (иногда и больше) разных произведения. Так, слова Чацкого *Ах! Франция! нет в мире лучше края!* (III, 22) контаминируются со стихом Пушкина *Москва... Как много в этом звуке* («Евгений Онегин», 7, XXXVI) и дают новое цитатное единство при очевидной пушкинской интертекстовой доминанте:

Ах! Франция... Как много в этом слове для сердца русского слилось! Может, не совсем плебейская генетика, может не плохое знание истории, но что-то меня неумолимо толкало хоть раз в жизни увидеть Париж (О.В. Барышникова. Впечатления довольно романтической женщины о Париже, лишенном романтики, или как убить 2,5 часа рабочего времени <2005>).

3. Контаминация, дающая новую автономную интертекстовую единицу и являющаяся одним из путей интертекстовой деривации, позволяющей развести методологию интертекстуальности с методологией теории источников [7, с. 73]. Так, в разделе «ДЕЙСТВУЮЩИЕ» в «Горе от ума» есть «Старуха Хлѣстова, свояченица Фамусова» (Репетиллов называет ее Амфисой Ниловой, IV, 8). Там же обозначены Графиня бабушка и Графиня внучка Хрюмины. Д. Н. Бегичев в некогда популярном романе «Семейство Холмских» использует цитаты и имена из «Горя от ума» [3, с. 17], и разного рода приемы контаминирования у него не редки. Например, появляется литературный антропоним *Графиня Хлѣстова*:

По тесноте дома в Надежине, невозможно было приехать на свадьбу родной сестре князя Рамирского, *графине Хлѣстовой* и прочим его родным (Д. Н. Бегичев. Семейство Холмских <1841>).

Показательно повторение этого антропонимического обозначения у Ф.М. Достоевского. Так возникает загадка интертекстовой деривации, ср.:

<...> Ну-с, князю, разумеется, жениться нельзя было: что, дескать, *графиня Хлѣстова* скажет? Как барон Помойкин об этом отзовется? (Ф.М. Достоевский. Униженные и оскорбленные <1861>). С известной долей осторожности можем допустить, что у Достоевского присутствует и усложняющая контаминацию реминисценция слов Фамусова *Что станет говорить Княгиня Марья Алексеевна!* IV, 14).

Ср. также еще одно объединение имен грибоедовских персонажей – *Фамусов* и *Максим Петрович*:

Бывши откупщиком, ездил он [*Фамусов*] в Петербург, к торгам на откупа, и там всегда проживал много на обеды <...> *Фамусов* через обеды свои познакомился со многими. Один из значительных чиновников, которых угощал он в Петербурге, проезжал, спустя несколько лет после того, чрез его деревню, где была почтовая станция. От нечего делать спросил он: чья деревня? Ему сказали: *Максима Петровича Фамусова*. Он вспомнил, что этот *Максим Петрович* был ему знаком. (Д. Н. Бегичев. Семейство Холмских <1841>).

Заголовочное положение контаминированных единиц в словаре, как правило, исключено, однако высокая частотность вольного или невольного обыгрывания авторского слова не позволяет воспринимать контаминацию как недоразумение, которому не место в словаре, обрабатывающем язык классика. Разнообразные модификации, изменения и искажения исходного авторского слова по-разному могут быть оценены с позиций русской речевой культуры, однако без них лексикографическая обработка в соответствии с принципами интертекстовой динамики не представляется возможной.

Список литературы

1. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л.: Наука, 1970. 263 с.
2. Грибоедов А.С. Горе от ума / Подгот. текста и коммент. А.Л. Гришунина; Науч. ред. С.А. Фомичев. СПб.: Нотабене, 1995. 348 с. (Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Т. 1).

3. Мещеряков В.П. А.С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие (XIX – начало XX в.) / АН СССР. ИРЛИ. Л.: Наука, 1983. 268 с.
4. Мокиенко В.В., Семенец О.П., Сидоренко К.П. «Горе от ума» А.С. Грибоедова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения: Учебный словарь-справочник / Под общ. ред. К.П. Сидоренко. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. 463 с.
5. Мокиенко В.М., Семенец О.П., Сидоренко К.П. Большой словарь крылатых выражений А.С. Грибоедова («Горе от ума») / Под общ. ред. К.П. Сидоренко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. 800 с.
6. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка / АН СССР. Ин-т рус. яз. Л.: Наука, 1977. 283 с.
7. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Изд. ЛКИ, 2008. 238 с.
8. Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24-39.

РУССКИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЗАГАДКИ О ГОРШКЕ: ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Солдаева А.А.

аспирант кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, г. Санкт-Петербург

Все загадки одной языковой традиции рассматриваются как своеобразный «толковый словарь», что делает этот жанр фольклора благодатным материалом для восстановления народной ЯКМ. В статье представлены результаты анализа лексического и грамматического уровней «загадочных» текстов с отгадкой *горшок*.

Ключевые слова: русский фольклор, загадка, ЯКМ.

Загадка – один из самых символически насыщенных и поэтичных жанров русского фольклора – тесно связана с архаическими ритуалами и магией слова. Все загадки одной языковой традиции представляют собой своеобразный «толковый словарь», где описательная часть – дефиниция к слову-отгадке, актуализирующая те его признаки, которые не могут стать содержанием обычной коммуникации и, значит, принадлежат непосредственно к языковой картине мира (ЯКМ). Лексико-семантический анализ загадок одной тематической группы (т. е. загадок с одной отгадкой) предполагает восстановление «полной» семантической структуры слова, придаваемой ему «загадочным» жанром.

Тексты о *горшке* весьма разнообразны: в них нашли отражение как мотивы устно-письменных христианских источников (притча, апокриф, духовные стихи), так и элементы собственно фольклорного содержания (кумулятивная сказка, «житие растений и вещей», сказание).

В наиболее авторитетных сборниках загадок [1, 2] зафиксировано 133 текста с отгадкой *горшок*. При этом 12 загадок явно книжного происхождения, например: *334. Взят от земли яко же Адам; Ввержен в пещь огненную яко три отрока; Взят от печи и возложен на колесницу, яко Илия; <...> И*

до ныне его кости лежат не погребены. Горшок [2: 41]. В языке книжных загадок о горшке преобладают церковнославянские (даже иногда архаичные) элементы с вкраплениями единиц русского национального языка. При этом очевидна тесная связь между книжными и собственно фольклорными загадками о горшке (ср.: 3699. *Был я на копанце, был я на хлопанце, Был на пожаре, был на базаре, Молод был – людей кормил, Стар стал – пеленаться стал, Умер – мои кости негодящие бросили в ямку и собаки не гложут.* Горшок [1: 113]). По-видимому, фольклорные и книжные загадки какое-то время находились под взаимным влиянием, заимствуя друг у друга образы, языковые особенности, сюжетную структуру и т. д.

Семантическая структура слова *горшок* в ЯКМ восстанавливается на основе 121 собственно фольклорного текста с этой отгадкой. Чтобы установить основные и периферийные компоненты значения описываемого слова, расположим их в порядке убывающей частотности.

1. Антропоморфность *горшка*

На антропоморфность *горшка* указывает абсолютное большинство загадок (102 текста). Все 12 текстов книжных текстов актуализируют этот же признак.

«В качестве персоны, существа, в том числе обладающего "человеческими" признаками (главный среди которых – имя), могут быть представлены при загадывании <...> любые явления и предметы» [5: 11].

А. В. Юдин прежде всего отмечает имя *Адам*: 329. *Помер Адам – Ни Богу, ни нам, Ни душа на небо, Ни кости в землю.* Горшок [2: 40]. Здесь актуализируется необыкновенная важность *горшка* при «жизни», почти святость. Все комментаторы указывают также на параллель «сделанный из глины Богом – Адам, сделанный из глины человеком – горшок» [5: 24]. Сведения о сотворении Адама от земли содержатся в апокрифическом «Сказании, како сотвори Бог Адама».

Имя *Иван* встречается 10 раз, всегда в составе сюжета о том, как герой садится на коня и прыгает в огонь: 3753. *Никто не таков, как я, Иван Ермаков: Сел на конь да поехал в огонь. Чугун или горшок на ухвате* [1: 115].

С реальной «жизнью» (точнее – с процессом производства) *горшка* связаны некоторые псевдоантропонимы (термин А. В. Юдина), например, *Окат*: 3702. *Родился Окат земной, Крестился в огненной реке, <...> Пришла старая матера жена, Ударила его золотым кольцом: «Гой еси, Окат земной, отзывайся! Кости твои не оберуци, в землю не кладуци!».* Горшок [1: 113].

Псевдоантропоним *Кочкар*, по-видимому, представляет собой результат анаграммирования близкого по значению к *горшку* слова *корчага*.

Горшок может называться *Кощею*: 3727. *Свет Кощей, господин Кощей, Сто людей кормил, Гулять ходил, себе голову сломил, Кости выкинули, псы не понюхали.* Горшок [1: 114]. Эти тексты актуализируют мотив *костей*, как в загадке всегда называют черепки разбитого *горшка*. Здесь проявляется и связь загадок со сказочной традицией.

На антропоморфность *горшка* в «загадочном» жанре указывает большое количество метафорических вторичных номинаций, обозначающих лю-

дей: 3681. *Сидит баба на полке, считает балаболки, Полка – хлоп, бабе в лоб. Горшок* [1: 112]; 3728. *Дедко коптел, много лет терпел, много душ кормил. Горшок* [1: 114] и др. Антропоморфизм вообще является «основным принципом осмысления горшка и посуды в целом <...>, что проявляется и на уровне лексики (горло, ручка, носик, черепок и т. п.)» [4: 526].

Восточные славяне наделяли горшки родополовыми признаками. Существовал обычай стучать по горшку при его покупке: «Если звук глухой, то это *горшок* – борщ в нём не будет удаваться. Если же звук тонкий, звонкий – *горщица*, всё сваренное в нём будет вкусно» [Цит. по: 4: 527], видимо, именно поэтому вторичные номинации *горшка* могут обозначать людей как мужского, так и женского пола (обычай стучать по горшку при покупке отразился в следующей загадке: 3688. *В горах родится, огнем крепится, <...> Придут дочери отецки, жены купецки, Придут его глас слушать. Горшок* [1: 112]).

Почти все загадки о *горшке* сюжетны. Они содержат описание «жизни» *горшка* от «рождения» до «смерти». При «жизни» *горшок* всегда «страдает», но при этом он очень важен, даже сопоставляется с персонажами священной истории, а после смерти становится никому не нужен. Наличие в загадках о *горшке* изложения истории его «жизни» сближает эти загадки с жанрами апокрифического «жития-страдания» и фольклорного «жития» растений и предметов.

2. Страдания *горшка*

Тема страданий отличает все загадки о *горшке*, по структуре сходные с апокрифическими «житиями-мучениями» и фольклорными «житиями» предметов и растений.

Упоминания святых в загадках о *горшке* всегда содержат отсылки к соответствующим апокрифам: 3695. *Ехал на колеснице и продан на торжище, как прекрасный Иосиф, <...> и кости не погребены. Горшок* [1: 113].

Тема страданий проявляется также в сопоставлении «жизни» горшка с человеческой жизнью, например: 3700. *Был я на копане, был я на топане, Был на пожаре, был на базаре, Молод был – сколько душ кормил, Сколько лет терпел, ничего сам не ел, А как пал, так и пропал. Горшок* [1: 113]. Здесь перечислены обычные этапы производства гончарных изделий. В загадке эти действия начинают осознаваться как производимые с человеком и соотноситься с библейскими и апокрифическими сюжетами, рождая тему страданий.

Среди действий, производимых с *горшком*, требует комментария следующее, встречающееся в трёх текстах: девица или жена ('женщина') ударяет по *горшку* золотым кольцом (3689. <...> *Вывели меня на торжище, Пришла девица, Ударила золотым кольцом Мои кости рассыпучие, В гроб не кладучие, Блинами не помянучие. Горшок* [1: 112]). Золотое кольцо – символ венчания и брака. Как известно, ритуальное битьё посуды, особенно глиняных горшков, «символизирует обновление жизни и характерно в первую очередь для обрядов, отмечающих переход человека в иной половозрастной и соци-

альный статус, – для родин, свадьбы и похорон» [4: 82]. По-видимому, этот обряд и нашёл отражение в «загадочных» текстах.

Семантический компонент страдания содержится в слове *терпеть*, которым в четырёх загадках характеризуется «жизнь» горшка: 3726. *Сколько лет терпел, Сколько душ кормил, Где упал – там пропал. Горшок* [1: 114].

Тема страданий *горшка* выражается также грамматическими средствами: часто вторичные номинации *горшка* являются объектными дополнениями (3704. *Били меня, перебили, бросили на Китай-город, там меня звери не едят и птицы не клюют. Горшок* [1: 113]) или объектными подлежащими. Нередко тема страданий подчёркивается пассивным залогом сказуемого: 3686. *В огне крещается, берестой повивается. Горшок* [1: 112]; 3701. *Был я копан, был я топтан, Был я на пожаре, <...>. Горшок* [1: 113].

3. Необыкновенная важность *горшка* при «жизни»

4. Ненужность после «смерти»

Эти семантические компоненты в текстах загадок всегда дополняют друг друга, создавая ту дидактическую направленность, которая сближает многие загадки о *горшке* с притчами.

Семантический компонент особенной значимости *горшка* образуют следующие уже упоминавшиеся лексические и грамматические средства: уподобление *горшка* человеку (с помощью антропонимов, вторичных номинаций, обозначающих человека, местоимения *я* в качестве заместительной номинации, глагольных сказуемых 1 л. ед. ч., создающих эффект повествования от 1-го лица и т. д.), соотнесение «жития» *горшка* с библейскими и апокрифическими сюжетами.

Однако после «смерти», которой почти всегда заканчивается «жизнь» *горшка*, он оказывается никому не нужен, на что указывают соответствующие эпитеты: *кости негодящие* или *бедные*. Далее, обилие отрицательных предложений в части загадок, связанной со смертью *горшка*, указывает на то, что по отношению к *горшку* не соблюдают норм и ритуалов, предписанных для умерших: над *горшком* не совершают погребальный обряд, *горшок* не поминают. Черепки разбитого *горшка* попадают в «чужое» пространство: в *ямку*, в *поле*, за *тын* и т. д., а не на кладбище. Все эти мотивы указывают на соотнесение *горшка* с так называемыми «заложными» покойниками, противопоставленными «предкам» – «правильным» покойникам. *Горшок*, «житие» которого находит параллели в библейских и апокрифических сюжетах, после «смерти» оказывается «нечистым покойником».

5. *Горшок* «пеленается»

Этот семантический компонент содержится в 24 «загадочных» текстах, например: 3737. *Был ребенок – не знал пеленок, Стар стал – пеленаться стал. Горшок* [1: 114]. *Пелёнки* здесь – береста, которой обворачивали треснувший *горшок*. Это, по-видимому, одновременно отсылка к «новой жизни» и к непрочности *горшка* (*горшок* «пеленают» в «старости», в «болезни», и он может служить ещё какое-то время).

Компонент «пеленания» актуализируется также с помощью глаголов и существительных с корнем *-ви-* (*повивать*, *повитуха* и др.), *-верт-* (*обвер-*

тить и др.): 368б. *В огне крещается, берестой повивается. Горшок* [1: 112]; 3740. *Пал Ефимьян с колокольни, Добрыи жены завопили, большим полотном обвертили. Горшок* [1: 114] – и с помощью слова *ризы*, одновременно отсылающего к значению важности *горшка*: 3739. *Когда здоров – служит без риз, А когда болен, то оденется в новые ризы и опять служит. Горшок* [1: 114].

6. Горшок находится в огне

Горшок попадает в огонь сначала в процессе своего изготовления (3690. *На горе родился, огнем крестился. Умер – прах валяется в кустах. Горшок* [1: 112]), а затем постоянно в течение своей «жизни» находится в печи. Тема огня раскрывается использованием образных средств со значением соответствующих цветов (*золото, золотой, рыжий, красный*): 3761. *Цыган сидит на золотом стуле. Горшок с печи* [1: 115] и т. д.

7. Чёрный цвет горшка

Этот компонент значения актуализируется с помощью лексических средств: 3764. *Черный конь прыгает в огонь. Горшок с печи* [1: 115]), 3766. *Полна конюшня коней вороных. Горшок с печи* [1: 115].

8. Горшок издаёт шум

3749. *Мишка Попов сел на коня, поехал в огонь, Ржет и хохочет, выскочить хочет. Чугун или горшок на ухвате* [1: 115]; 3759. *Стоит старик в осеку, переселся со смеху. Горшок с печи* [1: 115] и др. Шум, издаваемый *горшком*, чаще всего передаётся словами с семой 'смех' (*ржать, хохотать*, собственно слово *смех*).

9. Сходство горшка по форме с животными и предметами

Горшок в загадке может выступать и как зооморфный предмет. Встречаются следующие заместительные номинации *горшка*, обозначающие животных (которых *горшок* напоминает по форме): *бык (вол), сова, конь, жук* (3756. *Во хлевушке у быка копна на рогах, а хвост на дворе у бабы в руках. Чугун или горшок на ухвате* [1: 115]; 3769. *Стоит гора, в горе – нора, В норе – жук, в жуке – вода. Горшок в печи* [1: 115] и т. д.).

Номинация *роготуха*, встретившаяся только в одной загадке (3768. *Хожу я по матухе, загляну в роготуху, в роготухе – нетопырь. Горшок с печи* [1: 115]), может быть связана с древним табуистическим наименованием *коровы* (ср. *горшок – бык*), с формой *горшков* (наверху *горшка* всегда делали утолщение, чтобы он служил дольше) или метонимически с *ухватом*, с помощью которого *горшок* помещали в печь.

Для книжных загадок о *горшке* характерна актуализация только первых 5 из перечисленных компонентов значения (все они связывают загадки о *горшке* с библейскими и апокрифическими текстами). На лексико-семантическом уровне в бытующих в устной форме загадках, имеющих книжное происхождение, из книжных языковых элементов последовательно сохраняются только библейские антропонимы.

Список литературы

1. Загадки / Изд. подг. В. В. Митрофанова. Л.: Наука, 1968. 255 с.

2. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д. Н. Садовников. СПб.: Типография Н. А. Лебедева, 1876. 332 с.
3. Топорков А. Л. Горшок // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. I. М., 1999. С. 526–530.
4. Топорков А. Л. Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX – начала XX в. М., 1990. Вып. 2. С. 67–135.
5. Юдин А. В. Ономастикон восточнославянских загадок. М.: ОГИ, 2007. 120 с.

«ВОЕННЫЕ» ПРОИЗВЕДЕНИЯ В.П. НЕКРАСОВА И Э.М. РЕМАРКА В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУР

Сопрун А.В.

студентка 4 курса направления подготовки «Филология»,
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
Россия, г. Ставрополь

В статье рассматривается своеобразие художественного мира «военных» произведений В.П. Некрасова и Э.М. Ремарка, их сходства и отличительные особенности как представителей разных национальных культур. Целью данного исследования является выявление специфики восприятия войны в отечественной и немецкой литературе на примере повести В.П. Некрасова «В окопах Сталинграда» и романа Э.М. Ремарка «На западном фронте без перемен». Предметом исследования стала проблема своеобразного изображения войны в литературе различных культур. На основе сравнительно-сопоставительного анализа двух текстов выявлены сходства и различия в представлении войны советским и немецким авторами. В результате автор приходит к выводу о том, что при разном видении авторами военных событий произведения имеют множество параллелей и сходных мотивов.

Ключевые слова: В.П. Некрасов, Э.М. Ремарк, творчество, «военная» проза, «окопная проза», литературные связи, «ремаркизм», «потерянное» поколение, «невозвращение».

В.П. Некрасов считается одним из основоположников «окопной» прозы, отличительной чертой которой является изображение войны «изнутри» со всеми её подробностями. Интерес историков и литературоведов к произведениям этого писателя особенно возрос за последние десятилетия: публикуется множество работ, посвященных жизни и творчеству В.П. Некрасова, переиздаются лучшие его сочинения. Все чаще актуализируется проблема литературных связей В.П. Некрасова с поэтикой писателей «потерянного поколения» и, в частности, с творчеством Э.М. Ремарка (работы О.Е. Похаленкова, С.И. Сухих, Е.Г. Эткинды и др.): исследователи выявляют общность тем и ситуаций, указывают на преемственность в принципах изображения героя и пространства, но отдельные важные аспекты такого сопоставления все еще остаются в стороне. Особенно важно изучение этого вопроса при рассмотрении первых опытов батальной прозы В.П. Некрасова (1960-е годы).

Самым знаменитым произведением В.П. Некрасова является повесть «В окопах Сталинграда», в основу которой положен личный военный опыт

писателя. В сочинении автор стремится отойти от ранее принятых советских штампов в изображении войны (возвышенное изображение боевых действий, бравурные речи, излишняя героика и т.д.). Повесть можно назвать одной из первых, где проявляются черты психологического натурализма.

В.П. Некрасов выбирает для своего произведения форму дневника, тем самым становится очевидна ориентация на документализм и творчество Э.М. Ремарка, который ранее в Германии одним из первых также стал применять подобный формат (роман «На западном фронте без перемен»). Ведение «дневникового» повествования позволяет приглушить границы между субъектом и объектом. В.П. Некрасов осознает, что «естественная», «окопная» правда, будет более интересна читателю, который недавно сам пережил все ужасы войны (аналогично автору «На западном фронте без перемен»).

Безусловно, упрекать В.П. Некрасова в прямом подражании Э.М. Ремарку нельзя. Но также не стоит и отрицать очевидное влияние на творчество писателя прочитанных и близких ему сочинений о Первой мировой войне. Русская литература, выступив в данном случае в роли литературы «воспринимающей», сохранила свои национальные особенности и традиции, переняв лишь способ ведения повествования [1, с. 59].

В повести «В окопах Сталинграда» занимают большую часть и наиболее подробно представлены сцены «окопных» будней, военной повседневности. Именно за ориентацию на «бытовое» изображение войны произведение было подвергнуто резкой официальной критике и так полюбили простые читатели, которые на себе испытали все тягости военного времени. В.П. Некрасов, как известно, также находился на фронте и поэтому в своих произведениях дает картину во многом автобиографичную (как и Э.М. Ремарк, который участвовал в Первой мировой войне). Описания соответствуют тому, что пережил сам автор:

1) детальное изображение фронтовых будней: *«Ноги гудят. Левая пятка немного натерта. Вообще с сапогами дрянь, совсем разваливаются. Так и не дождался я брезентовых. Прямо хоть проволокой обматывай»* [3, с. 25];

2) «воспроизведение» диалогов солдат: *«– Ты давно уже воюешь, Седых? – Давно-о... С сорок первого... с сентября... – А сколько же тебе лет? Он задумывается и морщит лоб. – Мне? Девятнадцать, что ли. С двадцать третьего года я»* [3, с. 35];

3) смена однообразных военных событий: *«Дни идут. Стреляют пушки...Немцы по-прежнему увлекаются минометами... Гудят самолеты – немецкие днем, наши «кукурузники» – ночью»* [3, с. 188].

Целесообразно исследовать повесть «В окопах Сталинграда» в непосредственной связи с повестью «В родном городе», которая как бы является продолжением первой, повествует о жизни солдат по возвращении с фронта. Здесь также очевидно влияние традиций Э.М. Ремарка, который пишет после издания «На западном фронте без перемен» роман «Возвращение» на аналогичную тему – тему «потерянного» поколения. Так же, как и после Первой мировой войны, возвращение в мирные будни солдат Великой Отечествен-

ной оказалось не менее тяжелым, чем военное время, так как адаптироваться к одновременно старой и новой для них мирной жизни было сложно.

Повесть «В родном городе» подверглась резкой критике: автора упрекали в следовании «западной моде» и «ремаркизму». Сам В.П. Некрасов говорил о том, что, безусловно, параллель между его творчеством и творчеством Э.М. Ремарка провести можно. Но ни в коем случае нельзя говорить об идентичности, так как война – сложно и многоаспектное явление, имеющие разные причины, события и последствия. Действительно, персонажи из романов «На западном фронте без перемен» и «Возвращение» совсем не похожи на героев повестей «В окопах Сталинграда» и «В родном городе», но читатель видит их общие черты, схожесть их мышления и т.д. Но отношение действующих лиц к войне, их жизнь после возвращения с фронта, цели и задачи, которые они ставят перед собой – всё это кардинально расходится в представлении отечественного и западного автора [2, с. 21].

Сопоставительный анализ повести «В родном городе» и романа «Возвращение» позволяет сделать вывод о том, что даже при отсутствии описания «окопных» будней, в обоих произведениях прослеживается тема трагедии целого поколения, в судьбу которого вмешалась война. Также при контекстуальном анализе можно выделить такие общие элементы сюжета, как:

- возвращение на Родину;
- непонимание со стороны людей, с которыми персонаж контактировал в довоенное время;
- попытки найти понимание/поддержку среди людей «военного» круга (бывших фронтовиков);
- связь дальнейшей жизни с учебой;
- конфликт с государством [6, с. 120].

Главных героев произведений «В родном городе» и «Возвращение» можно назвать двойниками. В обоих случаях перед читателем предстает студент, не завершивший учебу. По возвращении с войны и Николай Митясов, и Эрнст Биркхольц не находят понимания и поддержки у своего бывшего привычного круга общения, стремятся найти его среди «себе подобных» – таких же, как и они, бывших фронтовиков.

Читатель понимает, что герои уже не смогут вернуться к «нормальной» жизни. За этот пессимизм Э.М. Ремарка часто обвиняли, но признавали, что лучше, чем он мотив «невозвращения» не изучил и не изобразил никто. В.П. Некрасов также делает главной темой «потерянного» поколения. Война закончилась, но герои по-прежнему живут ею и никогда не смогут избавиться от этого внутреннего ощущения: *«Биография-то у меня кончилась, говорит Сергей. – Так, мура какая-то осталась. А ведь летчиком был. И неплохим летчиком. Восемь машин на счету имел. И это за каких-нибудь десять месяцев, со Сталинграда начал. Был и комсомольцем, думал в партию вступить. А теперь что? Обрубок... Летать уже не буду, из комсомола выбыл»* [5, с. 19].

Призрачность «идеальных» целей, традиций и ценностей довоенного времени и В.П. Некрасов, и Э.М. Ремарк показывают читателю через изображение работы героев:

1. Э.М. Ремарк: *«Наступает утро. Я иду к себе в класс. Там, чинно сложив руки, уже сидят малыши. <...> Вот стою я перед вами, один из сотен тысяч банкротов, чью веру и силы разрушила война. <...> Вот стою я перед вами и чувствую, насколько больше в вас жизни, насколько больше нитей вас связывает с нею. <...> Вот стою я перед вами, ваш учитель и наставник. Чему же мне учить вас? <...> Чему я могу вас научить? Показать вам, как срывают кольцо с ручной гранаты и мечут в человека? <...> Кроме этого я ничего не знаю! Кроме этого я ничему не научился!»* [8, с. 176];

2. В.П. Некрасов: *«И вообще, какой ты, к черту, педагог? Учишь ребят гимнастике, а сам думаешь: вот этого ты уже не сделаешь, и этого тоже. Повел как-то раз ребят поглядеть на соревнования и еле до конца досидел, обидно стало... Двадцать пять лет человеку, а что впереди? Топчись на одном месте и радуйся, что хоть что-то от прежнего осталось. И так всю жизнь? Как старик певец какой-нибудь отпел свое, вот и принимайся за молодежь. Но тот хоть пел раньше хорошо, а ты? Нет, не то все это... Не то»* [5, с. 133].

Примечательно также, что оба автора показывают столкновение своих героев не только с окружающими их людьми, но и с государственным строем и властью в целом. Николай Митясов становится жертвой первых послевоенных репрессий, а Эрнст Биркхольц становится свидетелем начала националистических эксцессов 1920-х годов.

Исходя из анализа произведений В.П. Некрасов и Э.М. Ремарка, затрагивающих тему войны и «невозвращения» с нее, можно сделать вывод о том, что они пронизаны общими мотивами, описанием сходных событий и т.д. Наличие множества различных параллелей, выявленных при контекстуальном анализе произведений, говорит об очевидном литературном контакте писателей (так называемый «ремаркизм» В.П. Некрасова) и их несомненной духовной близости. Будучи участниками боевых действий, увидев войну своими глазами, «изнутри», В.П. Некрасов и Э.М. Ремарк стали выдающимися писателями-фронтовиками и создателями лучших образцов «военной» литературы XX века.

Список литературы

1. Берков П.Н. Проблемы исторического развития литератур. / П.Н. Берков. – Ленинград: Художественная литература, 1981. 496 с.
2. Лазарев Л.И. Записки пожилого человека: книга воспоминаний. / Л.И. Лазарев. – М.: Время, 2005. 544 с.
3. Некрасов В.П. В окопах Сталинграда. Повесть, рассказы. / В.П. Некрасов. – М.: Правда, 1989. 511 с.
4. Некрасов В.П. Трагедия моего поколения. В окопах Сталинграда: до и после (очерк «Через 40 лет»). / В.П. Некрасов // Литературная газета. – 1990. – № 37. С. 15.
5. Некрасов В.П. В родном городе. / В.П. Некрасов. – Киев: Днипро, 1990. 56 с.
6. Похаленков О.Е. К вопросу о литературных связях немецкой и русской советской литератур (на примере романов о войне Э.М. Ремарка и В. Некрасова). / О.Е. Похаленков // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 13. С. 118 – 121.

7. Ремарк Э.М. Собрание сочинений в 11 томах. Том 1. На западном фронте без перемен / Э.М. Ремарк. – М.: Вита-Центр, 1991. 192 с.

8. Ремарк Э.М. Собрание сочинений в 11 томах. Том 2. Возвращение / Э.М. Ремарк. – М.: Вита-Центр, 1991. 240 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В НЕМЕЦКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Стаценко Д.А.

студентка 4 курса направления «Перевод и переводоведение»,
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
Россия, г. Ставрополь

В данной статье раскрывается актуальность изучения имен собственных в средствах массовой информации, рассматривается деление изучаемых лексических единиц на тематические группы и описываются способы перевода имен собственных в немецких публицистических текстах на русский язык в зависимости от принадлежности к той или иной тематической группе.

Ключевые слова: имена собственные, форма и содержание, национальный колорит, транскрипция и транслитерация, калькирование, постоянные соответствия.

В современном мире велика роль средств массовой информации. Все события, происходящие во всех сферах жизни общества на региональном, государственном и международном уровнях, освещаются в СМИ. В публицистике часто употребляются имена собственные, поскольку все факты неотделимо связаны с географическими названиями, названиями организаций, компетентных органов, а также имен специалистов, общественных деятелей и простых граждан. Точная передача данной категории лексики на русский язык очень важна для сохранения объективности информации. Поэтому данное исследование направлено на изучение имен собственных в немецких публицистических текстах, а также описания нюансов способов их перевода на русский язык.

Мы раскроем данную проблему на примере статей об акте терроризма в редакции французского сатирического еженедельника «Charlie Hebdo».

Для определения способа перевода имен собственных, используемых в публицистических текстах, нужно выделить основные способы перевода имен собственных. Как пишет И. С. Алексеева, «сложности перевода имен собственных состоят в том, что существует несколько способов перевода, использование которых зависит как от группы, к которой принадлежит данное имя собственное, так и от стилистических особенностей некоторых имен собственных, например говорящие фамилии» [1, с. 186 – 190]. Она выделяет следующие способы перевода:

- 1) транскрипция;
- 2) транслитерация;

- 3) калькирование;
- 4) постоянные соответствия.

Также возможно сочетание нескольких способов перевода:

- 1) транскрипция и калькирование;
- 2) транскрипция и транслитерация.

При переводе принципиально важно принять адекватное переводческое решение: что сохранить при передаче на русский язык – содержание данного имени собственного или форму и национальный колорит?

Проанализировав публицистические статьи из новостного сайта “Deutsche Welle” об акте терроризма в редакции французского сатирического еженедельника «Charlie Hebdo», методом сплошной выборки выделим основные тематические группы имен собственных, употребляемых в изучаемых текстах (в общем количестве 68 контекстов): имена людей, их прозвища, названия городов, названия организаций, религиозные имена, названия печатных СМИ. Принадлежность к конкретной тематической группе и определяет в основном способ перевода единицы, ей принадлежащей.

Имена людей, за исключением говорящих фамилий и имен героев художественных произведений, переводятся двумя способами: транскрипцией и транслитерацией. Как пишет Комиссаров, «переводческое транскрибирование и транслитерация – это способы перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее формы с помощью букв ПЯ. При транскрипции воспроизводится звуковая форма иноязычного слова, а при транслитерации его графическая форма» [2, с. 173]. Более употребительный способ перевода на данный период времени это транскрипция. Поскольку в изучаемых текстах употребляются в основном французские имена, стоит обратить особое внимание на перевод способом транскрипции. Зачастую переводы имени собственного транскрипцией и транслитерацией совпадают по звучанию и написанию. В данном случае переводы исследуемых французских единиц совпадать не будут в силу фонетических особенностей французского языка: *Gerard Biard* – *Жерар Биард* [4]; *Monsier Georges* – *Мсье Жорж* [4]; *Marine Le Pen* – *Марин Ле Пен* [4]; *Nicolas Sarkozy* – *Николя Саркози* [4]; *Laurent Sourisseau* – *Лорен Сореса* [5]; *Elizabeth Bryant* – *Элизабет Брайант* [6]; *Patrick Pelloux* – *Петрик Пелю* [6]; *Stephane Charbonnier* – *Стефан Шарбоннье* [5]; *Jean Cabut* – *Жан Кабю* [4]; *Georges Wolinski* – *Жорж Волински* [4]; *Oliver Schwendemann* – *Оливер Швендеманн* [7].

Прозвища возможно переводить двумя способами: транскрипцией (в том случае, если необходимо сохранить форму) и калькированием (если важно передать содержание). В исследуемых текстах прозвища людей никакой смысловой нагрузки не несут, так как образованы путем сокращения их фамилий, поэтому адекватен перевод транскрипцией: *Luz* – *Люц* [6]; *Charb* – *Шарб* [4]; *Cabu* – *Кабю* [4]; *Riss* – *Русс* [5].

Города передаются с помощью постоянных соответствий, закрепленных в словаре: *Paris* – *Париж* [5]; *Copenhagen* – *Копенгаген* [7]; *Frankreich* –

Франция [3]; *London* – Лондон [7]; *Dammartin-en-Goele* – Даммартен-ан-Гоель [3].

То же самое происходит в случае с **религиозными именами**: *Prophet Mohammed* – Пророк Мохаммед [4].

Названия организаций переводятся либо транскрипцией/транслитерацией, либо калькированием. Калькирование уместно в том случае, когда мы хотим указать на деятельность данной организации или если организация является международной или известна в мировом масштабе. В соответствии с В. Н Комиссаровым, «калькирование – это способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей – морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) их лексическими соответствиями в ПЯ. Сущность калькирования заключается в создании нового слова или устойчивого сочетания в ПЯ, копирующего структуру исходной лексической единицы» [2, с. 173]. В исследуемых публицистических статьях организации известны в мировом масштабе, поэтому адекватно использовать прием калькирование: *International Monetary Fund* – Международный Валютный Фонд [6]; *Reporters Without Borders* – Репортеры без границ [7].

Названия газет, журналов переводятся обычно с помощью транскрипции с сохранением формы, за исключением тех случаев, когда журналы носят научный характер (тогда важно сохранение содержания, заложенного в названии): *Liberation* – Либерасьон [4].

Иногда возможно сочетание двух способов перевода: транскрипции и калькирования. Калькирование используется при переводе таких слов, как газета или журнал, использующихся в названии: *Zeitung «Le Monde»* – газета «Ле Монд» [4]; *Nachrichtenmagazin «Stern»* – информационно-политический журнал «Штерн» [5].

Спорный вопрос возникает при передаче на русский язык названия **французского сатирического еженедельника «Charlie Hebdo»**. Перевод возможен пятью способами.

1. Транскрипцией (с сохранением формы и национального колорита): *Шарли Эбдо*.

2. Сочетанием транскрипции и транслитерации (с сохранением формы и частичной потерей национального колорита): *Шарли Хебдо*.

3. Транслитерацией (с сохранением формы, но полной потерей национального колорита): *Чарли Хебдо*.

4. Сочетанием калькирования и транскрипции (с частичной передачей содержания («*Hebdo*» сокращенно от «*hebdomadaire*» – с французского «еженедельник») и частичным сохранением формы без потери национального колорита): *Еженедельник «Шарли»*.

5. Сочетанием калькирования и транслитерации (с частичной передачей содержания и частичным сохранением формы с потерей национального колорита): *Еженедельник «Чарли»*.

Наиболее адекватным мы считаем перевод с помощью транскрипции. «Шарли Эбдо» является предпочтительным вариантом, поскольку при переводе названий печатных СМИ крайне важно сохранить национальный колорит, зачастую жертвуя передачей содержания. Более того, «Hebdo» является сокращением, его использование придает национальному колориту особую форму.

Таким образом, мы делаем вывод, что имена собственные зачастую не имеют словарных соответствий, поэтому возникают проблемы их передачи на русский язык, которые переводчику приходится решать самостоятельно. Существуют четыре способа перевода имен собственных: транскрипция, транслитерация, калькирование и постоянные соответствия. Поскольку возможна передача не только одним из данных способов, но и их сочетаниями, возможных вариантов перевода оказывается гораздо больше. Для того чтобы передать на русский язык имя собственное, использующееся в немецких публицистических текстах, необходимо, во-первых, определить, к какой тематической группе оно относится; во-вторых, принять решение: что является более необходимым при переводе – сохранение формы, национального колорита или передача содержания, смысла, заложенного в данной лексической единице.

Список литературы

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И.С. Алексеева. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода. Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
3. Barbara Wesel. «Charlie-Hebdo»-Anschlag: Anzeige gegen Medien [Электронный ресурс] / Deutsche Welle. – 2015. – Режим доступа: <http://www.dw.com/de/charlie-hebdo-anschlag-anzeige-gegen-medien/a-18656423>. – Дата обращения: 13.09. 2015.
4. Barbara Wesel. «Charlie Hebdo» ist wieder da! [Электронный ресурс] / Deutsche Welle. – 2015. – Режим доступа: <http://www.dw.com/de/charlie-hebdo-ist-wieder-da/a-18278893>. – Дата обращения: 13.09. 2015.
5. Barbara Wesel. «Charlie Hebdo» künftig ohne Mohammed-Karikaturen [Электронный ресурс] / Deutsche Welle. – 2015. – Режим доступа: <http://www.dw.com/de/charlie-hebdo-künftig-ohne-mohammed-karikaturen/a-18589904>. – Дата обращения: 13.09. 2015.
6. Susanna Dörhage. «Charlie Hebdo»-Ausstellung im Internet [Электронный ресурс] / Deutsche Welle. – 2015. – Режим доступа: <http://www.dw.com/de/charlie-hebdo-ausstellung-im-internet/a-18559779>. – Дата обращения: 13.09. 2015.
7. Susanna Dörhage. Zeigen, dass «Charlie Hebdo» nicht tot ist [Электронный ресурс] / Deutsche Welle. – 2015. – Режим доступа: <http://www.dw.com/de/zeigen-dass-charlie-hebdo-nicht-tot-ist/a-18538795>. – Дата обращения: 13.09. 2015.

ЖАНРОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ДИСКУРСА В ОБЪЕКТИВАЦИИ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ

Ульянова Н.Н.

доцент кафедры германских языков, канд. филол. наук,
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет имени В.М. Шукшина, Россия, г. Бийск

Панькина Е.В.

доцент кафедры германских языков, канд. филол. наук,
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет имени В.М. Шукшина, Россия, г. Бийск

Хлыстунова Ю.Ю.

доцент кафедры германских языков, канд. филол. наук, доцент,
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет имени В.М. Шукшина, Россия, г. Бийск

В статье дается обзор жанровой идентификации публицистического и художественного дискурса. Статья носит теоретический характер, основываясь на результаты современных отечественных и зарубежных филологов.

Ключевые слова: жанр публицистик, жанр художественной литературы, дискурс, прагматика, сниженная лексика.

При выделении дискурса в качестве адекватного пространства для реализации сниженной лексики возникает необходимость его дифференциации по жанровой принадлежности, поскольку в работе используется фактический материал не столько из бытовой сферы, сколько из литературных источников, описывающих соответствующую среду функционирования.

Понятие «жанр» первоначально использовалось в литературоведении для различения таких видов литературных произведений, как, например, новелла, эссе, повесть, роман и так далее. М.М. Бахтин предложил иначе понимать термин «жанр». Речевому жанру соответствуют типичные ситуации речевого общения, обыденные темы, то есть представляют собой отражение в речи многократно встречающихся в жизни определенных видов социального взаимодействия людей.

О.С. Ахманова дефинирует понятие «жанр» с двух позиций, во-первых, это «род, разновидность произведений в составе художественной литературы, за которым в известные исторические эпохи могла закрепляться та или иная стилистическая разновидность языка, а, во-вторых, род, разновидность речи, определяемая данными условиями ситуации и целью употребления» [1, с. 148]. Для данной статьи подходит второе определение «жанр» О.С. Ахмановой, так как оно отражает, с одной стороны, прагматический подход к исследованию сниженной лексики «цель употребления», а, с другой, актуализируются в дискурсивном пространстве «условия ситуации».

И.В. Уткина считает, что каждая сфера речевого общения характеризуется определенным набором типизированных, стандартизированных и структурированных образцов текстов, иными словами речевых жанров. Под речевыми жанрами И.В. Уткина, вслед за Л. Витгенштейном, понимает самостоятельные формы речевого общения, функционирующие в той или иной сфере. Речевые жанры отличаются друг от друга, прежде всего сферой функционирования, практического использования в речи [10, с. 4].

К.Ф. Седов принимает речевой жанр за универсальную лингвофилософскую категорию, исследование которой должно во многом прояснить природу дискурсивного поведения и мышления языковой личности [8, с. 237].

В исследовании объектом изучения является сниженная лексика в дискурсивном пространстве. Поэтому именно вид дискурса как отражение жанровой дифференциации рассматривается в данном исследовании в качестве актуального пространства функционирования сниженной лексики.

С позиции коммуникативно-прагматического подхода публицистический и художественный виды дискурса представляют собой идеальный объект для изучения функционирования сниженной лексики, так как они отражают действие совокупности прагматических факторов.

Понятие жанра публицистики складывается из языка газет, общественно-политических журналов, из языка докладов, выступлений, бесед, речей, дискуссий, языка радио- и телепередач, документально-публицистического кино. Обладая огромными техническими возможностями, многие из этих средств коммуникации буквально входят в каждый дом, воздействуя на умы и чувства людей: информируют, пропагандируют, агитируют, формируют общественное мнение, языковые вкусы и нормы.

Основная коммуникативно-прагматическая функция публицистического дискурса – пропагандистско-агитационная [3, с. 76], а также социальная, информативная и воздействующая [5, с. 73], как и функции воздействия и сообщения [7, с. 599: 9, с. 63]. Они направлены, с одной стороны, на распространение политической информации, а с другой – на побуждение людей к действию, на активизацию их мыслей, на восприятие и оценку.

Групповая индивидуализация общественно-политической коммуникации обуславливает ее экспрессивность и эмоциональность, которые конкретизируются в соответствующих речевых жанрах.

Эмоционально-экспрессивная функция публицистического дискурса характеризуется, прежде всего, открытой оценочностью. В отличие от художественного в публицистике нет подтекста, а сам текст вполне определенно выражает оценочное отношение к излагаемым фактам, например: «Mit S-Bahn und U-Bahn dauert es eine Stunde, dann sind die Jugendlichen in einer für sie fremden Welt: in Kreuzberg, einem Stadtteil von Berlin. Hier wohnt die «*Multikulti*»-Gesellschaft» [15, с. 6]. Оценочность данного текста актуализируется посредством использования разговорной лексической единицы «*Multikulti*».

В данном исследовании рассматриваемый дискурс представлен газетно-журнальной публицистикой. В качестве фактологии были использованы с одной стороны, журналы для молодежи «*Juma*», а с другой, журналы для

взрослой аудитории «Freizeitwoche», «Neues für die Frauen» и другие. Первая группа рассмотренной периодической печати направлена на молодежь, поэтому авторами статей часто используются лексические единицы данного социального слоя общества, иными словами молодежный сленг, например: «Leo sieht einfach *spitze* aus und kann supergut schauspielern» [14, с. 15]. Что касается аудитории второй группы, то она представлена взрослыми людьми, основные способы воздействия на которых – это использование разговорных лексем, например: «Ob solo oder liiert: Sie sollten einfach zu Ihren tiefen Gefühlen stehen, und Ihrem Herzkönig – bzw. Ihrer Herzdame – *klipp und klar* signalisieren, was Sie sich wünschen» [12, с. 7].

Основное качество современной публицистики – соединять противоположное, несоединимое: стандарт и образность, логичность и эмоциональность, например: «Dafür die reicheren Länder, die bislang schließlich auch am stärksten vom Kahlschlag profitiert haben, *Geld locker machen*» [14, с. 20]. На фоне нейтральных слов и выражений особенно заметны слова, принадлежащие к разговорной речи, например: «Unsere *Klamotten* machen wir auch selbst» [14, с. 7].

Чередование экспрессии и стандартов ярче всего проявляется в лексике публицистического текста. В.Г. Костомаров отмечает: «Тенденции к стандартизации в языке газеты противостоит тенденция к усилению экспрессивности, оживлению повествования притоком свежих слов <...>, в особенности из разговорного» [5, с. 88].

Язык художественной литературы – один из ярких и своеобразных жанров литературного языка, этот жанр «представляет собой вообще особый способ употребления языка ...» [6, с. 29]. Г.Я. Солганик полагает, что данный жанр занимает вершинное положение в негласной иерархии жанров по силе эмоционального воздействия, по литературным качествам [9, с. 50].

Э.Г. Ризель и Шендельс видят специфику жанра художественной литературы в том, «... dass sämtliche Quellen ... verwendet, sämtliche Elemente verschiedenster funktionaler Stile herangezogen werden können» [цит. по: 11, с. 484]. Художественные тексты – это именно тот случай, когда не существует ситуативно-определенных норм правил употребления языка.

В.И. Банару также считает, что художественные тексты – это смесь всех жанров. «Если прагматичность научного жанра зиждется на рациональном, а поэзия – на эмоциональном, то художественная литература совмещает оба эти момента» [2, с. 18], например: Aus dem Bus kamen jetzt die ersten Beschwerden: „Ich *schmeiß* doch dich, *den Blödmann, raus*“ [17, с. 151].

Т. Шиппан отмечает: «Fachlexik kann ebenso wie die Lexik der Gruppensprachen im belletristischen Text zur Skizzierung des Sprachporträts genutzt werden. Solche Wörter sind dann Indikator für die berufliche Tätigkeit, die soziale Stellung oder die Zugehörigkeit literarischer Gestalten zu sozialen Gruppen» [18, с. 239], например: In diesen Zellen hausten die übelsten *Ganoven* [13, с. 35].

Основной функцией художественного дискурса является функция эстетического воздействия на адресата. Художественная литература направлена не только на познание мира, но и на его переживание, иными словами, не

только на мир, но и на человека. Все люди разные, в силу каких-то интеллектуальных, событийных, психологических и других характеристик личности, поэтому данный дискурс из-за своей общедоступности и общепризнанности насыщен стилистически-сниженной лексикой, которая оказывает влияние на читателя, например: «Mensch, Marie», sagte Franka erschrocken und legte ihren Arm um mich. «Du bist eben doch in den *Blödmann* verliebt!» [13, с. 24].

Основу эстетической, художественной деятельности составляет творчество, как способ деятельности, цель которой – выражение человеком своих сущностных сил, его самовыражение. Свое отношение к действительности писатель реализует в художественных образах. Сниженная лексика, если не употребима, то знакома каждому носителю языка. И каждый понимает ее прагматическую направленность, поскольку использование ненормативной лексики должно быть обусловлено коммуникативной ситуацией с высоким эмоциональным насыщением негативного или позитивного плана, например: «*Du Scheißker!*!», schrie ich, und schluchzte auf wie ein kleines Kind, und dann befreite ich meine Arme aus seiner Umklammerung und schlug ihm ins Gesicht und vor die Brust und überallhin, wo ich ihn erreichen konnte. «*Du mieser, mieser, mieser Scheißker!*!» [13, с. 139]

Каждый крупный писатель стремится убедить людей в истинности своего понимания жизни, стремится увлечь читателя миром своих образов, идей, эмоций. Художественный язык, будучи рассчитан на восприятие и понимание его на фоне общенародного, общенационального языка, отличается от него тем, что действительность языка художественного произведения – это действительность целостного художественного мира, в результате чего языковые и внеязыковые (содержательные) стороны художественного произведения спаяны значительно прочнее, чем в других дискурсах. Поэтому закономерности построения художественного языка объясняются не грамматическими и синтаксическими правилами, а правилами построения смысла. Язык со своими прямыми значениями как бы весь опрокинут в тему и идею художественного замысла. Таким образом, возникает семантическая двойственность художественного языка как результат столкновения объективной значимости слов с их субъективной смысловой направленностью [4, с. 114].

Каждый текст на основе его содержания, композиции, специфики отбора и организации в нем языковых средств можно отнести к определенному дискурсу. Каждый текст как часть дискурса в той или иной степени индивидуален, в нем находят отражение индивидуально-стилистические особенности автора / продуцента речи, так как выбор языковых средств из ряда возможных осуществляет говорящий (или пишущий) с учетом особенностей того или иного дискурса. Данная работа рассматривает дискурс в жанровой представленности с позиции использования в нем сниженной лексики, что обусловлено, с одной стороны, большей открытостью границ указанных дискурсов по отношению к другим, а с другой, их функциональными особенностями, которые проявляются в высокой степени актуальности прагматического воздействия на адресата, что осуществляется посредством лексических маркеров, даже, если это происходит на подсознательном уровне.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стереотип. – М. : Современная энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Банару В.И. Оценка, модальность, прагматика // Языковое общение: Единицы и регулятивы: межвуз. сб. научн. трудов / Калининск. гос. ун-т. – Калинин, 1987. – С. 14-18.
3. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Прогресс–Традиция; ИНФРА – М, 2004. – 416 с.
4. Брандес М.П., Прворотов В.И. Предпереводческий анализ текста. – 4-е изд., перераб. И доп. – М. : КДУ, 2006. – 240 с.
5. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. – М. : Московский государственный университет, 1971. – 268 с.
6. Наер Н.М. Стилистика немецкого языка. – М. : Высшая школа, 2006 – 271 с.
7. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М. : Просвещение, 1986 – 400 с.
8. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М. : Лабиринт, 2004. – 320 с.: ил.
9. Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка. – М. : Академия, 2006. – 304 с.
10. Уткина И.В. Оптимизация форм речевого общения военнослужащих в учебно-профессиональной сфере: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21 / И.В. Уткина; Тверской гос. ун-т. – Тверь, 2006. – 20 с.
11. Fleischer W. Kleine Enzyklopädie. Deutsche Sprache. – Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1983. – 724 S.
12. Frau und Freizeit : Zeitschrift / unter Redaktion S.-C. Güthlein. – Hamburg : SCG Verlag Ltd., 2009. –№ 5. – 47 S.
13. Frey J. Höhenflug abwärts. Ein Mädchen nimmt Drogen. – Bindlach : Loewe Verlag GmbH, 2008. – 169 S.
14. Juma : Jugendmagazin / unter Redaktion C. Vogeler. – Köln : TSB Tiefdruck Schwann-Bagel GmbH&Co KG, 2004. –№ 2. – 48 S.
15. Juma : Jugendmagazin / unter Redaktion C. Vogeler. – Köln : TSB Tiefdruck Schwann-Bagel GmbH&Co KG, 2005. –№ 1. – 40 S.
16. Juma : Jugendmagazin / unter Redaktion C. Vogeler. – Köln : TSB Tiefdruck Schwann-Bagel GmbH&Co KG, 2003. – № 4. – 40 S.
17. Regener S. Herr Lehmann. – München : Der Wilhelm Goldmann Verlag, 2003. – 278 S.
18. Schippan T. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – Tübingen: Niemeyer, 1992. – 306 S.

ВОЙНА РОЗ – ИЗ ПРОШЛОГО СКВОЗЬ СОВРЕМЕННОСТЬ

Фомина Е.В.

студентка историко-филологического факультета,
Арзамасский филиал Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского, Россия, г. Арзамас

Речь пойдет о Войне Алой и Белой Роз, о ее влиянии на художественные произведения, игры, сериалы и другие виды творчества.

Ключевые слова: Война Роз, гражданские войны, Ланкастеры, Йорки, Плантагенеты, Генрих VI, Ричард III, Шекспир, Джон Норвич, Джордж Мартин, Филиппа Грегори.

Гражданские войны, бушевавшие в Англии XV века, известны в истории по гербам двух соперничающих ветвей дома Плантагенетов: белая роза Йорков и алая роза Ланкастеров. Более 30 лет длилась ожесточенная схватка за власть (1455-1485). Схватка, на протяжении которой гибли представители величайших семей Англии, умирали принцы и короли. Схватка, финалом которой явилось кровавое сражение при Босворте. После чего корона Англии перешла к Генриху Тюдору, а властвовать в стране стала новая сильная династия.

В мировой художественной литературе это значительное событие нашло отражение в повести «Чёрная стрела» Р. Л. Стивенсона, пьесах Шекспира «Генрих VI, часть вторая», «Генрих VI, часть третья» и «Ричард III», романе «Обручённая с розой» Симоны Вилар. Большое влияние война оказала и на сюжет эпопеи Джорджа Мартина «Песнь льда и пламени», где вместо Ланкастеров и Йорков фигурируют вымышленные Ланнистеры и Старки.

Остановимся подробнее на шекспировской интерпретации Войн Роз. В своих пьесах автор подробно описывает как предысторию, так и сам ход войны. У. Шекспир, безусловно, отличный драматург, но он не хронист и не историк. Он использует множество лирических отступлений, но, если на время исключить историю, то это только преобразует его произведения. Да, Шекспир позволял себе фантазировать, не противился и допускал исторические неточности. Это говорит о том, что в пьесах прослеживается субъективный характер. Как говорил американский журналист Г.Л. Менген: «Шекспир был величайшим мастером драматургии. В его пьесах нет утомительных логических рассуждений. Они наполнены яркими личностями, в сравнении с которыми все мы чувствует себя сегодня ничтожными подделками и шутами» [1].

Изучив труд Джона Норвича «История Англии и шекспировские короли» [1] становится совершенно ясно, что Шекспир весьма красочно приукрасил многих известных личностей, сыгравших немаловажную роль в Войне Роз. Д. Норвич не просто анализирует творчество Шекспира, но и доказывает, что, например, король Эдуард III на самом деле не был образцом благородства. Автор убеждает нас, что Шекспир специально придумал негативный образ Ричарда III; что на самом деле у Ричарда не было физических недостатков. Джон Норвич показывает, что Генрих VI не был легковерным простаком [1].

Взять, к примеру, Генриха VI, который является одним из главных героев трилогии У. Шекспира. Он предстает перед нами набожным, безвольным королем. Его жена Маргарита Анжуйская оказывает на короля огромное влияние. Также Шекспир показывает в последних сценах Генриха VI слабоумным. Но здесь писатель ошибается. Если бы Генрих и вправду был слабоумным, его бы просто не короновали.

Шекспир был прекрасным драматургом, его работы описывают исторические события Англии, но изучать историю по художественным произведениям нельзя.

Отголоски знаменитой Войны Роз можно найти не только в литературе. Существует компьютерная игра War of the Roses по мотивам событий. Игро-

ку придётся встать на одну из сторон двух враждующих группировок: Плантагенетов – Ланкастеров и Йорков. Есть в игре и огнестрельное оружие. Именно в эту эпоху представления о методах войны существенно поменялись. Понятие галантности и рыцарской чести было втоптанно в грязь, а вместо него появился порох. Видно, что авторы War of the Roses стараются следить за исторической достоверностью проекта.

Серия книг Филиппы Грегори The Cousins' War («Война кузенов») иллюстрирует события во время Войны роз. В этой серии всего несколько книг, каждая из которых рассказывает историю сильной женщины («Белая королева», «Алая королева», «Хозяйка дома Риверсов»).

16 июля 2013 года на BBC1 стартовал показ сериала «Белая королева» по мотивам одноимённой книги из серии «Война кузенов». В этой части идёт повествование о трёх женщинах, которые были близки к власти: Елизавете Вудвилл (жене короля Эдуарда IV), Маргарет Бофорт, Анне Невилл (дочери графа Уорик).

Последнее время большую популярность приобрело творчество Джорджа Мартина. «Одна из причин читательской и зрительской популярности саги "Песнь Льда и Пламени" Джорджа Мартина – реалистичность повествования. История семи королевств Вестероса выглядит типичной средневековой хроникой, рассказывающей о феодальных междоусобицах, и это сходство неслучайно. Работая над своей книгой, Мартин изучал труды профессиональных историков, заимствуя там и некоторые сюжетные ходы и образы героев» [2].

Война пяти королей в «Песни Льда и Пламени» основана на событиях войны Алой и Белой роз. Даже имена ключевых враждующих домов – Старки и Ланнистеры – перекликаются с историческими Йорками и Ланкастерами.

Джордж Мартин признается, что именно Война роз послужила для него основным источником вдохновения для написания саги. Черт сходства между войной реальной и войной из фэнтези-саги довольно много. Например, первая война возникла из-за разногласий между потомками короля Эдуарда III и слишком большого числа претендентов на престол, а вторая развязалась после смерти короля Роберта между его наследниками.

«Если у человека пять братьев и сестер в одном поколении, и у каждого из них есть дети, через пару поколений возможных наследников станет, скажем, тридцать. Борьба за наследство обернется конфликтом. В конце концов, именно это послужило началом войны Алой и Белой розы: избыток кандидатов на престол, произошедших от Эдуарда III. Иметь много наследников так же плохо, как не иметь ни одного, что и случилось с Генрихом VI» [3], – говорит Мартин в одном из своих интервью.

В своем повествовании Дж. Мартин сгущает краски и обостряет конфликты еще больше: король Роберт одновременно оставил слишком много наследников вообще и в то же время – ни одного реального (именно отсутствие у него законных сыновей при наличии "формального" сына стало началом конфликта). В начале Войны роз главой партии Йорков был Ричард Плантагенет, 3-й герцог Йоркский. Его отец был казнен как изменник в 1415

году. Тогда же погиб в бою дядя Ричарда. Здесь можно проследить параллель с казнью десницы в "Игре престолов" – правой руки короля и члена королевского совета Эддарда Старка и почти одновременным исчезновением его брата Бенджена, в результате чего главой дома стал малолетний Робб.

Ричард Йоркский какое-то время был регентом Англии. Однако позднее попал в опалу и был изгнан из совета. В ходе развязавшейся впоследствии войны, в которой Ричард предъявил претензии на престол, глава Йорков погиб. На его голову надели бумажную корону и выставили на потеху толпы. Так была выставлена на всеобщее обозрение и голова Эддарда Старка. А на место головы его сына – новоявленного короля Севера – пришили голову волка.

Еще одна явная параллель из эпохи Войны роз – Тирион Ланнистер, умный, тонкий и дальновидный политик, которого из-за его физического недостатка называют в народе Бесом и наделяют всеми возможными пороками, приписывают все возможные злодеяния. Этот персонаж очевидно отсылает нас к образу Ричарда III. Подобно тому, как историки склонны обвинять Ричарда Глостера в убийстве собственных племянников ("принцев в Тауэре"), которое даже не было ему выгодно, Тириона обвиняют в не совершенном им убийстве племянника Джоффри.

В этой статье затронуты далеко не все художественные произведения, сериалы, фильмы, игры и другие виды творчества, в которых эта война нашла свое отражение, но даже этого достаточно, чтобы сказать о ее важности и актуальности. Изучение материалов помогает понять, что Война Роз – это огромная платформа для дальнейшего исследования. Ее изучение – это способ выяснения закономерностей и «правил» междоусобных войн. Такие аналогии дают основу для размышления о «правильном» и «неправильном» правлении знати. Эта война – это пример бесполезности и нецелесообразности ведения войн за власть и наживу. Вновь обретенная стабильность в государстве была завоевана кровью тысяч простых людей. Сражения и казни привели к десятикратному сокращению численности английского дворянства.

Список литературы

1. Джон Норвич – История Англии и шекспировские короли, Астрель, 2012.
2. Интернет-портал «Российской газеты». Статья «Шесть реальных исторических параллелей в сюжете "Игры престолов"» <http://rg.ru/2014/05/11/ip-site.html> (дата обращения: 2.03.2016).
3. Интернет-портал «Фан ПАРТИЯ». Интервью Джорджа Мартина на Celsius 232 (Барселона, Испания) <http://fanparty.ru/fanclubs/game-of-thrones/tribune/259598> (дата обращения: 2.03.2016).
4. Шекспир У. Генрих VI. Ч. 1 // Полное собрание сочинений в 14 т. Т. 2. М.: Терра, 1993.
5. Шекспир У. Генрих VI. Ч. 2 // Полное собрание сочинений в 14 т. Т. 3. М.: Терра, 1993.
6. Шекспир У. Генрих VI. Ч. 3 // Полное собрание сочинений в 14 т. Т. 3. М.: Терра, 1993.
7. Шекспир У. Ричард III // Полное собрание сочинений в 14 т. Т. 3. М.: Терра, 1993.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА Д.С. ЛИХАЧЕВА НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТА «ПИСЬМА ТРЕТЬЕГО» ИЗ «ПИСЕМ О ДОБРОМ И ПРЕКРАСНОМ»

Чернер И.В.

магистрант кафедры русской и украинской филологии с методикой преподавания, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», Россия, г. Ялта

Синельникова Л.Н.

научный руководитель, профессор кафедры русской и украинской филологии с методикой преподавания, д-р филол. наук, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», Россия, г. Ялта

В статье рассматриваются особенности филологического дискурса публицистической прозы Д.С.Лихачева. Исследуются нравственные и духовные приоритеты ученого, дается их интерпретация.

Ключевые слова: дискурс, контекст, адресат, адресант, концепт.

Развитие современной теории культуры находится в стадии завершения процесса дисциплинарного самоопределения на основе интеграционного целостного знания. Научное наследие великого ученого-просветителя Дмитрия Сергеевича Лихачева, его филологический дискурс в полной мере вписывается в контекст такого объёмного и культурно значимого знания.

Творческое наследие академика представляет собой этически целостную теорию, организованную на чётких и понятных нравственных установках. Д.С. Лихачёв призывает свою аудиторию обратиться к русскому культурному наследию и утверждает, что восприятие этого наследия пробуждает национальную гордость и благотворно влияет на нравственное чувство. «Все мои статьи – пишет Д.С. Лихачёв, – имеют не «проповедническую» цель, а являются определенными поступками в борьбе за сохранение культуры, не только русской культуры, а культуры в целом. У меня не было никакого своего «нравственного учения», были поступки – согласно велению совести. Совесть, если она есть, объединяет людей. Определенное «учение» тем не менее у меня существует, и оно реализуется мной в изучении литературы» [3, с. 212].

Проблему значимости доброго раннего воспитания человека Д.С.Лихачев рассматривает в «Письмах о добром и прекрасном». В этом произведении рассуждения автора касаются самых важных для подрастающего поколения понятий. Тип текста-рассуждения, по нормам которого написано большинство писем, предполагает строгую композицию: тезис – аргументы (доказательства) – вывод. В начале каждого письма ставится вопрос, имеющий отношение к жизненным установкам и смыслу жизни. Далее автор размышляет о необходимости формирования нравственных понятий еще с детства. Эти понятия взаимосвязаны, но не взаимозаменяемы. Текст

рассуждения строятся таким образом, чтобы читатель стал сомыслителем, а значит, и союзником в понимании рассматриваемой проблемы. Уже в самом вопросе «*А в чем самая большая цель жизни?*» обозначена рекурсивная связь предыдущих и последующих совместных с читателем размышлений в поиске необходимого ответа. Автор доказывает необходимость воспитания добра с детских лет, используя риторический приём градации – «*увеличивать добро в окружающем нас*»: сначала ребенок любит своих близких, свой дом; затем «его привязанности распространяются на школу, село, город, всю свою страну». Но любовь к своей стране не должна исключать уважения к другим странам, то есть к миру вообще. Необходимость терпимого отношения к представителям других народов автор объясняет это просто и убедительно: «*Нет необходимости ненавидеть каждую чужую семью, потому что любишь свою*». Д.С. Лихачёв предостерегает читателей от слепой любви, когда не замечают недостатки, не говорят о них, что «*может привести к ужасным последствиям*». Д.С. Лихачев считает, что именно «*слепой восторг перед Германией («Германия превыше всего»...) привел к нацизму*», то есть к мировой войне. Применяется понятная, но очень убедительная метафора, помещённая в риторическую модель градации: «*Любовь же и дружба, разрастаясь и распространяясь на многое, обретают новые силы, становятся все выше, а человек, их центр, мудрее*». Мудрость же открыта и надежна. Она не обманывает других, и прежде всего самого мудрого человека. Рассуждение завершается интегрирующим смыслом концептом: *верность* – основа любви, дружбы, а значит, и силы человека. Аргументативная активность автора свидетельствует о его беспокойстве относительно ценностных установок человека. В филологической публицистике Д.С. Лихачёва читатель представлен единомышленником автора. Форма письма – оптимальный жанровый формат для реализации такой интенции.

Целостность понятия «добро», «любовь», «верность», рассматриваются автором в контексте нравственного воспитания, что способствует цельному восприятию содержания других текстов в «Письмах о добром и прекрасном». Линейность компонентов содержания обуславливает связность. Схема текста: добро – любовь – мудрость – верность – добро. «Сперва я пишу в своих письмах о цели и смысле жизни, о красоте поведения, а потом перехожу к красоте окружающего нас мира, к красоте, открывающейся нам в произведениях искусства» – так сам автор определяет континуальное движение текста.

Для «Письма третьего» характерна контекстуально-смысловая завершенность. Дается ответ на поставленный в начале текста вопрос, анализируются поднятые в тексте проблемы. Напутствия нравственного характера адресованы прежде всего молодому поколению. Д.С. Лихачев простым и убедительным языком говорит о незыблемых истинах: любовь и добро – главное в жизни. Без них невозможны ни счастье одного человека, ни благополучие страны.

Для установления доверительных отношений с адресатом адресант использует возможности семантики и экспрессии слова, согласует стилистический выбор с языковой картиной мира адресата.

Д.С. Лихачев с помощью логических цепочек, сравнений, антитез интерпретирует нравственные понятия, такие как: «добро» (*Большая цель добра начинается с малого – с желания добра своим близким, но, расширяясь, она захватывает все более широкий круг вопросов.*), «любовь» (*Любовь не должна быть безотчетной, она должна быть умной*), «мудрость», (*Мудрость – это ум, соединенный с добротой*), «верность» (*Верность тем большим принципам, которыми должен руководствоваться человек в большом и малом, верность своей безупречной молодости, своей родине в широком и в узком смысле этого понятия, верность семье, друзьям, городу, стране, народу*).

Произведениям Д.С. Лихачёва присуща особая **образность**, вызывающая систему представлений о ценностях жизни. Например, реализацию цели добра автор сравнивает с кругами на воде: *«Большая цель добра начинается с малого – с желания добра своим близким, но, расширяясь, она захватывает все более широкий круг вопросов. Это как круги на воде. Но круги на воде, расширяясь, становятся все слабее. Любовь же и дружба, разрастаясь и распространяясь на многое, обретают новые силы, становятся все выше, а человек, их центр, мудрее»*. **Логичность** представлена в вопросно-ответных блоках: вопрос – проблема (*А в чем большая цель жизни?*), и сразу – ответ на поставленный вопрос (*Я думаю: увеличивать добро в окружающем нас*). Далее идёт последовательное доказательство тезиса о «самом большом», приводятся конкретные примеры, делается вывод (*В конечном счете верность есть верность правде – правде-истине и правде-справедливости*).

Назовём средства языковой выразительности, которые организуют дискурс Д.С.Лихачева:

- **антонимы**: мелочь – крупное (*«мелочь и крупное нельзя разделять»*)
- подчеркивается необходимость тренировать детей на добрых делах;
- **императивные оценки**, представленные в нестандартных лексических сочетаниях (*слепая любовь, любовь должна, слепой восторг, мудрость открыта и надежна, нравственный урод, спокойная совесть*);
- **использование** одновременно **экспрессивных и нейтральных языковых средств** (*«Слепой восторг (его даже не назовешь любовью) может привести к ужасным последствиям»*);
- **сочетание абстрактных и конкретных понятий** (*«Мудрость приносит мудрецу доброе имя и прочное счастье, приносит счастье надежное, долголетнее и ту спокойную совесть, которая ценнее всего в старости»*);
- **олицетворение** хитрость вынуждена скрываться, счастье приносит).
- **эпитеты** (доброе имя, прочное счастье);
- **лексический повтор** (*«В конечном счете верность есть верность правде: правде – правде-истине и правде-справедливости»*).

Количество существительных, местоимений и прилагательных в рассматриваемом тексте значительно выше, чем глаголов (*«Большая цель добра начинается с малого – с желания добра своим близким, но, расширяясь, она захватывает все более широкий круг вопросов»*). Употребление глаголов настоящего времени подчёркивает вневременность действий, связанных с

нравственным воспитанием и совершенствованием (*«Хитрость же постепенно чахнет и непременно рано или поздно оборачивается против самого хитреца»*).

Показательно активное использование **риторических вопросов** (*«А в чем самая большая цель жизни?»*, *«Как выразить то общее, что есть между моими тремя положениями: «Большое в малом», «Молодость – всегда» и «Самое большое?»*»), **синтаксического параллелизма** (*«Нет необходимости ненавидеть другие народы, потому что ты патриот»*), **двойного отрицания** (*нет необходимости ненавидеть – необходимо любить*), **простых предложений**, осложненных однородными членами, деепричастными и причастными оборотами (*«Постепенно расширяясь, его привязанности распространяются на школу, село, город, всю свою страну»*), **афоризмов** (*«Добро – это счастье всех людей»*, *«Надо быть патриотом, а не националистом»*, *«Любовь должна быть умной»*, *«Мудрость – ум, соединенный с добротой»*).

В 2016 году исполняется 110 лет со дня рождения Д.С. Лихачёва – замечательный повод обратиться к научному наследию академика. Очевидно, что это наследие сохраняет мощную силу воздействия на равнодушного читателя. Для современного гуманитария особенно важно, что «филология» Д.С. Лихачёва междисциплинарна: в ней органически сочетается философия, история и экология культуры и проблемы воспитания человека и гражданина.

Список литературы

1. Буланин Д.М. Эпилог к истории русской интеллигенции: Три юбилея. – СПб., 2005.
2. Лихачев Д.С. Избранное: Воспоминания. – СПб., 2000.
3. Лихачев Д.С. Письма о добром. Отв. ред. С. О. Шмидт. – М.; СПб.: Наука; Logos, 2006. С. 5-210.
4. Олешков М. Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект. – Нижний Тагил, 2006. – 146 с.
5. Синельникова Л.Н. Специфика адресант-адресатных отношений в массмедийном дискурсе. Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Филология. Социальная коммуникация». – Том 21 (60), 2008 г.– №1 – С. 140-153.

ФЕНОМЕН СТАНИСЛАВА ЛЕМА, ИЛИ ЧТО И КАК ПИШЕТ ЛЕМ-ФАНТАСТ

Шафиков С.Г.

профессор кафедры английского языка, д.ф.н.,
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа

В статье рассматривается научно-фантастическая проза Станислава Лема, который превращает науку в литературу и литературу в науку, вводя в повествование огромную дозу информации о принципиально возможных технических достижениях и научных открытиях. Однако при этом его более всего интересует социальная сторона цивилизационных достижений, которые, безгранично расширяя свободу человека, могут привести его к катастрофе.

Ключевые слова: антиутопия, вектор влияния, литература, наука, научная фантастика, познание, реализм, философия, типологизация, утопия.

Прошло 10 лет со смерти Станислава Лема, фантаста, философа, футуролога, ученого, но он продолжает жить в своих трудах, возглавляя список самых выдающихся авторов научно-фантастического жанра. Число проданных томов его произведений, переведенных на несколько десятков языков, составляет более 30 миллионов экземпляров. Критика всего мира признает, что его творчество поражает своей цельностью, злободневностью и мастерским сплавом литературы с философией и наукой. Тем не менее, содержание его книг до сих пор нуждается в обстоятельном критическом осмыслении.

То, что пишет Лем, многим представляется слишком серьезным, заумным, необычным. Поэтому, несмотря на огромные тиражи его произведений, его беллетристика так и не завоевала массового читателя. Как указывает Н.М. Пауэрс, «Lem is a true original, but at the price of being marginal» [10], то есть дар оригинального таланта оплачивается ценой ограниченной популярности у публики. При этом создатель этих оригинальных произведений сам выглядит «сплавом» противоречивых составляющих. Подняв фантастику на высочайший уровень за счет ее научной компоненты, остро дефицитной в массе произведений этого жанра, он сам же называет *science fiction* «почти безнадежным делом» и даже отрешивается от этого жанрового ярлыка, приклеиваемого к его беллетристике [6]. Будучи гуманистом, он смотрит в грядущее человечества со «всеразъедающим пессимизмом» [3]. Отличное знание мотивов человеческого поведения не мешает ему фокусировать внимание на нечеловеческой, точнее, «машинной» психологии («Доктор Диагор»). Став признанным знатоком в сфере новейших технологий, он все же скептически относится к плодам технического прогресса, завлекающим человека в пропасть абсурда. Несмотря на свое отрицание коммунистической доктрины, он создает убедительную литературную утопию, представляющую модель «светлого будущего человечества» («Магелланово облако»), признаваясь, что капитализм его «всегда раздражает» [1]. Рационалист и философ, он, вместе с тем, отличается «особой склонностью к фантазмагорическим видениям» [7]. При всей своей вере в науку он убежден, что миром правит глупость, которая, в отличие от человеческого познания, не имеет пределов. Общим знаменателем всех этих противоречий можно считать тотальный скепсис Лема, смягченный толикой надежды на ЧЕЛОВЕКА и приправленный смехом, с которым можно «выкрикивать то, о чем всерьез и прошептать-то не хватит духу» («Абсолютная пустота»).

Трактовать ученого, который превращает науку в литературу так же трудно, как подвести под определенную рубрику литератора, которого больше волнуют глобальные проблемы человечества, чем характеры литературных индивидуумов. В целом, беллетристика Лема есть, прежде всего, *литература идей*, связанных с исследованием отношения человечества к окружающему миру и к своему месту в этом мире [11]. Поэтому в каждом произведении он ставит *философский эксперимент* [8], который дает пищу не чув-

ству, а уму читателя («dismissing the heart as trivial, but piercing the skull like an ice-pick») [12], прогнозируя отдаленные последствия, к которым может привести определенная тенденция развития современного мира.

Главной темой его творчества можно считать *познание* [6]. Соответственно, главные вопросы, которыми задается Лем в своих философских произведениях, связаны с процессом познания: Познаваем ли мир? Как человек (или другое разумное существо во вселенной) познает реальность? Что важнее для познания: наука или личный опыт? [15]. Для Лема-литератора мотивационным толчком всегда служит какое-либо цивилизационное достижение в свете своих социальных последствий. Выбранный им философский подход к научной фантастике точно соответствует процессу современных научных исследований, каждое из которых, достигая цели, открывает горизонт новых исследований.

Содержание «литературы идей» отлично монтируется с литературным мастерством, которое позволяет выразить самые абстрактные концепты с помощью ярких, запоминающихся образов, основанных на эпитетах, сравнениях и метафоре [14]. Литературная составляющая его творчества создает тот «реализм» [9], который сближает его фантастику с реалистической литературой (в отличие от типовых произведений этого жанра), позволяя не только осуществлять «здоровое прогнозирование», но и сопротивляться жгучим проблемам сегодняшнего реального мира [13].

Задним фоном условно реалистического произведения такого рода может служить *утопия*, то есть общество, которое решило проблему межпланетных или даже межзвездных путешествий. В этом отношении особенно показательным представляется цикл рассказов о пилоте Пирксе, в которых Солнечная система описывается как обжитое место, используемое для научных исследований, экономической деятельности и даже туризма. В результате у читателя возникает «эффект присутствия», как при чтении произведения реалистического жанра. Сходный эффект достигается также столь детализированным описанием фрагментов чужого мира, что это напоминает даже путевой очерк журналиста, посетившего малоизвестный уголок планеты Земля («Эдем», «Непобедимый», «Фиаско»).

Для типологизации фантастических миров Станислава Лема можно использовать разные принципы; например, *эктотропический принцип*, который называется так за «подход извне» (*экто* «снаружи» + *тропос* «направление»), позволяет выделить четыре таких мира.

1. Фантасмагорический мир, описанный в циклах «Звездные дневники» и «Воспоминания» Ийона Тихого, относится к близкому будущему сегодняшнего читателя. Этот мир гротескных космических приключений рассказчика, современного Мюнхгаузена, причудливо сочетает реальное с *необыкновенным*, а странные обычаи на обследованных им планетах заставляют задуматься о странностях жизни на планете Земля. В этом смысле путешествия героя-«звездопроходца» стоят в одном ряду с социальной сатирой в фантастических произведениях Рабле, Свифта и Вольтера.

2. Мир космической навигации, описанный в цикле рассказов о пилоте Пирксе («Навигатор Пиркс»), относится к двадцать первому веку, в котором полным ходом идет освоение Луны и начинается колонизация Марса. В этом мире нет пришельцев, черных дыр и устройств, позволяющих двигаться со скоростью света. Здесь властвует *научный реализм*, изображенный с массой запоминающихся и потрясающих своим профессионализмом деталей. Антагонистами этого мира выступают роботы, потомки сегодняшних компьютеров, которые в силу совершенства своего электронного мозга, способного к самообучению, ведут себя порой настолько странно, что становятся неотличимо похожими на людей.

3. Сказочный мир роботов («Сказки роботов», «Кибериада», «Семь путешествий Трурля и Клапауция» и другие произведения) относится к неопределенному пространственно-временному континууму. Этим роботам не чуждо ничто человеческое, включая моральные категории, а также мечты, сказки и мифы, в том числе миф о человеке. Здесь в мгновение ока реализуется любое изобретение, а главными героями-изобретателями выступают роботы Трурль и Клапауций, которые «на пару» путешествуют по вселенной, выполняя разные заказы на построение машин для выполнения любых задач, например машину с целью «осчастливить весь космос».

4. Самый «разношерстный» из миров Лема объединяет все, что не входит в циклы. Сюда можно отнести большое космическое путешествие («Эдем», «Непобедимый», «Фиаско»), судьбу открытия («Доктор Диагор», «Формула Лимфатера», «Профессор Донда»), встречу с неведомым («Солярис», «Крыса в лабиринте», «Правда»), переделку человеческой природы и окружающей среды («Звездные дневники», «Осмотр на месте»), создание фантомной действительности («Осмотр на месте», «Мир на Земле»), манипулирование сознанием («Футурологический конгресс»), проблему миниатюризации вооружений («Мир на Земле») и т.д. и т.п.

Этот четвертый (самый интересный в фантастике Станислава Лема) мир разрушает принцип «цикловой» классификации, хотя нарушение все равно присутствует вследствие переименования фантастических миров. Например, образ Ййона Тихого в романах «Осмотр на месте» и «Мир на Земле» значительно отличается от этого образа в веселых путешествиях «Звездных дневников». Тем не менее, непроходимая граница между этими мирами отсутствует благодаря *способу постановки проблемы*. Короткому рассказу легко придать юмористический или сатирический оттенок, зато повесть «Футурологический конгресс» уже выглядит как трагифарс, а каждый из названных выше романов имеет вид обстоятельного обсуждения с читателем.

Большое значение для типологии представляет собой *принцип влияния предшественников*, то есть учет литературных приемов, сюжетных ходов и тем, используемых другими литераторами. Сюжетно-стилевой рисунок оригинального произведения нельзя однозначным образом объяснить влиянием конкретного предшественника, как нельзя определить суммарный эффект всех предшественников в отличие, например, от механики, позволяющей точно определить действие каждой силы и равнодействующую этих сил. По-

этому Лем как философ от фантастики (фантазирующий философ) признается, что, не имея безусловных кумиров в сфере беллетристики, позволяет себе выделять лишь *отдельные произведения* некоторых сочинителей прошлого, таких как Кафка, Достоевский, Чапек, и предпочитает читать Дидро, Вольтера и Свифта [5].

Тем не менее, опираясь на указанный выше принцип влияния предшественников, можно выделить несколько *векторов влияния*.

Первый вектор можно связать с научно-техническим компонентом (влияние классической фантастики в духе Жюль Верна). Сюда можно отнести произведения, если говорить условно, «космического направления», в которых самым профессиональным образом описывается техника космического корабля и приданных автоматов («Магелланово облако», «Эдем», «Непобедимый», «Навигатор Пиркс» и др.). *Второй вектор* можно связать с социально-прогностическим компонентом (влияние классической фантастики в духе Герберта Уэллса). Сюда можно отнести, условно говоря, произведения с темой глобальной военной угрозы или апокалипсиса в результате военного конфликта («Фиаско», «Мир на Земле», «Осмотр на месте»). *Третий вектор* можно связать с сатирическим компонентом (влияние фантастической литературы в духе Ф. Рабле, Дж. Свифта, К. Чапека). Сюда можно отнести «антиутопические приключения» любимого героя Лема Йона Тихого («Звездные дневники», «Футурологический конгресс», «Рукопись, найденная в ванной»). *Четвертый вектор* можно связать с философским компонентом (влияние интеллектуальной фантастики в духе Олафа Стэплдона и Хорхе Борхеса). Сюда можно отнести фантастические произведения интеллектуального направления, в которых герой сталкивается с необычным явлением при встрече с инопланетной цивилизацией, или с миром, «изменившим свои привычные пропорции» [2] («Солярис», «Непобедимый», «Осмотр на месте»). Из примеров видно, что многие векторы пересекаются, поэтому антиутопия может находиться в каждом из разделов, связанных с определенным вектором влияния. Аналогичным образом в любом разделе проглядывает юмор, ирония и сатира, и при этом все произведения в той или иной степени служат объектами категории «философская (интеллектуальная) фантастика».

Важным для понимания творчества Лема является *принцип условности* фантастического компонента. Условная фантастика («фантастика как прием» в русском фантастиковедении) строится на условном допущении, таком как «машина времени» Уэллса. Такая фантастика не нуждается в рациональном объяснении события, поскольку приоритетом здесь выступает сложная этическая, или гносеологическая, или социальная проблема, а каузативная логика, которая должна обосновать, например, встречу героя с инопланетянином, уходит в тень. Путешествия Йона Тихого читаются как завиральные истории в духе приключений барона Мюнхгаузена, ведь каждому ясно, что нельзя в течение жизни человека посетить столько разных планет Галактики, даже двигаясь со скоростью света. Однако герой всегда возвращается в привычную обстановку родной планеты, как после недельной заграничной командировки, не испытывая никакого темпорального эффекта, обусловленного теорией относительности.

Различие между условной и безусловной фантастикой легко увидеть в интонации повествования. В безусловной фантастике Лем сохраняет полную серьезность, описывая, например, встречу с неведомым явлением так, что читатель постоянно находится в ожидании драматического события. Зато вся условная фантастика Лема пронизана смехом, который может варьироваться по тону. Вроде бы безобидная шутка вдруг приобретает острый социальный смысл, и диалектический переход количества в качество можно видеть в том, как смешная повесть переходит в сатиру, а сатира в фантазмагорию. Лем трансформирует «невидимые миру слезы» сквозь свой – видимый читателю – смех, ведь именно тревога за судьбу человечества заставляет автора обратиться к читателю таким образом. Как говорит американский фантаст Курт Воннегут, «Лем, неизлечимый пессимист, с ужасом наблюдает: что же еще способно выкинуть безумное человечество?.. От долгого общения с безнадежностью он так устает, что его разбирает хохот» [1].

Впрочем, смех Лема никогда не бывает злобным, а смешное обычно строится на смеси семантически разноплановых элементов. Так, в повести «Футурологический конгресс», используя *прием отступления*, автор позволяет герою с серьезной интонацией рассуждать, почему в суперсовременном отеле нельзя позавтракать яйцами «в мешочек», или, используя *прием включения*, вдруг вводит в серьезное повествование какую-нибудь забавную деталь, например «копуляционные талоны «для участников научного конгресса. Создается контраст между безмятежной формой повествования и жутким содержанием (смерть индийского футуролога на заседании конгресса футурологов). Можно отметить также *использование параллельных сюжетных линий*, работающих опосредованно на главную тему (изображение насилия в сценах уличных беспорядков перекликается с темой «химиократического насилия» над головным мозгом). Серьезная интонация обильно сдабривается *языковой игрой* с использованием смешных окказионализмов, например в филологических экзерсисах профессора Троттельрайнера.

Герой Лема постоянно становится свидетелем встречи человечества с непредвиденными последствиями прогресса, которые могут принимать форму своеобразного светопрестваления, такого как изменение природы человека в ходе его «дальнейшего окультуривания» («Возвращение со звезд», «Звездные дневники», «Осмотр на месте»). Автор фокусирует свое внимание на противоречии между беспрепятственным развитием знания и человечностью в обстоятельствах некоего грядущего прорыва. Такой прорыв может привести к обыкновенному уничтожению человечества вследствие бесконтрольной гонки вооружений, которая всегда опережает развитие морали («Мир на Земле», «Фиаско»). Так, роман «Фиаско» можно рассматривать как послание к человечеству с целью демонстрации ужаса *планетоцида*.

Писатель считает, что альтруизм (в отличие от эгоизма) как *доминанта существования* представляет лучший шанс на выживание в коллективе. Это объясняет, почему альтруизм внедряется в различные этические кодексы, включая религиозные, хотя с эволюционистской точки зрения это качество

можно рассматривать как «всего лишь результат действия селекционных механизмов, работавших на протяжении миллионов лет» [4].

Анализ научно-фантастических произведений Лема позволяет их интерпретировать в целом как некий *метароман*, в котором превалирует *эсхатологическая тематика*. Этот метароман выражает скепсис автора в отношении будущего человечества, а варьирование этого скепсиса в разных произведениях позволяет выделять такие «главы» метаромана, как философская фантастика, фантастическое прогнозирование, роман-предупреждение, антиутопия.

При этом антиутопия может пересекаться с философской проблематикой, прогнозированием и предупреждением. Антиутопия всегда выглядывает из-за угла здания под названием *утопия*, которая как бы представляет своей лицевой стороной «добро», а оборотной стороной «зло». Так, мечта сделать все человечество поголовно счастливым обычно приводит к разным видам несчастья. С ростом технического могущества общества возрастает искушение тотального решения вопроса, например, с помощью создания более совершенного, чем в природе, тела, или с помощью технологической (машинной) опеки общества, или с помощью химического манипулирования сознанием и т.д. Лем развенчивает такое мироустройство изображением какого-то конкретного «светопрествления», отдаленного от мира сегодняшнего человечества в пространственном отношении (инопланетное общество) или во времени (общество будущего).

Список литературы

1. Алексеев В.Н. Фантастика Станислава Лема // Интернет-газета «Мирт», 3 (80) 2012. URL: <http://gazeta.mirt.ru/stat-i/tvorchestvo/post-1549/>
2. Андреев К.К. Четыре будущих Станислава Лема. Лем С. Магелланово облако. – М., 1966, 5-20, 2002. URL: http://www.fandom.ru/about_fan/andreev_4.htm
3. Борисов В.В. Голос жителя Земли // Новое литературное обозрение, 2006 (82), 315-325. URL: http://bvi.rusf.ru/lem/lem_golo.htm.
4. Лем С. Меня бесят зло и глупость (интервью Станислава Лема иранской газете «Шарх»), 2006. URL: <http://www.computerra.ru/think/35517/>
5. Csicsery-Ronay Jr. I. Twenty-Two Answers and Two Postscripts: An Interview with Stanislaw Lem // Science Fiction Studies, 1986, 40, 13 (3). URL: <http://www.depauw.edu/sfs/interviews/lem40interview.htm>
6. Federman R. An Interview with Stanislaw Lem // Science Fiction Studies, 1983, 29, 10 (1). URL: <http://www.depauw.edu/sfs/interviews/federman29.htm>
7. Jarzębski J. Stanislaw Lem, Rationalist and Visionary // Science Fiction Studies, 1977, 12 (4). URL: <http://www.depauw.edu/sfs/backissues/12/jarzebski12.htm>
8. Koczanowicz L. Life As Simulacrum: Stanislaw Lem's Sci-Fi, 2001. URL: <http://www.themodernword.com/scriptorium/lem.html>
9. Koziół P. Stanisław Lem, 2009. URL: <http://culture.pl/pl/tworca/stanislaw-lem>
10. Powers N.M. Stanislaw Lem, 1999. URL: <http://www.themodernword.com/scriptorium/lem.html>
11. O'Reilly A. Lemistry, A Celebration of the Work of Stanislaw Lem, 2011. URL: <https://thenewshortreview.wordpress.com/2013/06/04/review-of-lemistry-a-celebration-of-the-work-of-stanislaw-lem/>
12. Sterling B. CATSCAN 2: The Spearhead of Cognition, 2003. URL: https://w2.eff.org/Misc/Publications/Bruce_Sterling/Catscan_columns/catscan.02

13. Swirski P. Stanislaw Lem: A Stranger in a Strange Land // A Stanislaw Lem Reader. Evanston, 1997, 119-129. URL: <http://bvi.rusf.ru/lem/lbplemin.htm>
14. Swirski P. Peering into the Future. Stanislaw Lem's *Okamgnienie*. – Krakow, 2000. URL: http://www.ce-review.org/01/13/books13_swirski.html
15. Ust D. Stanislaw Lem: The Problem of Communication, 1999. URL: <http://mars.superlink.net/neptune/Lem.html>

АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ТЕКСТА

Эшманова С.К.

ст. преподаватель кафедры киргизской филологии,
Ошский социальный университет, Киргизия, г. Ош

Каримова Т.У.

магистрант факультета русской филологии,
Ошский государственный университет, Киргизия, г. Ош

В статье излагаются принципы и аспекты теории текста, характеризуются критерии его классификации. В ней определены общие свойства и категории текста, обеспечивающие его функционально-смысловую и конструктивно-композиционную целостность.

Ключевые слова: лингвистика текста, текстология, теория текста, свойства и категории текста, критерии классификации текста.

Текст является объектом специального изучения ряда наук – языкознания, семиотики, информатики, литературоведения, философии и др. Термин имеет латинское происхождение, восходит к слову *textum* «ткань, плетеная работа; связь, соединение». Слово *текст* многозначно. Для языкознания важно понимание текста как законченного речевого произведения, состоящего из последовательно расположенных взаимосвязанных слов и предложений, функционирующего в виде высказывания, сочинения, документа и т.д. для передачи определенной информации, напечатанной, написанной или запечатленной в памяти и поэтому легко воспроизводимой в первоначальном виде.

Теория текста заявила о себе в конце 60-х – 70-х годах XX столетия и в настоящее время она стала вполне определенной научной дисциплиной со своим предметом, категориальным и научно- понятийным аппаратом, методологической базой, процедурами и методами исследования. Эту теорию стали называть еще лингвистикой текста, иногда – текстологией. Ср. немецкие термины *Txtlinguistik* и *Textologische* с идентичным смыслом.

Большую роль в становлении, оформлении и развитии лингвистики текста сыграли труды языковедов как дальнего зарубежья (В. Дресслер, М. Хэллдей, Х. О. Изенберг, К. Гаузенблаз, Ц. Тодоров, Т. А. ван Дейк, К. К. Вайнрих и др.), так и Советского Союза и России (Т. М. Николаева, О. И. Москальская, И. А. Фигуровский, Л. М. Лосева, Н. З. Бурикова, В. И. Кодухов, С. И. Гиндин, И. Р. Гальперин, З. Я. Тураева, В. В. Одинцов, В. И. Кодухов, С. Г. Ильенко и т. п.). В Киргизии проблематика теории текста

стала предметом изучения целого ряда языковедов (Б. Ш. Усубалиев, С. Омуралиева, С. Ж. Мусаев, Т. С. Маразыков, А. Т. Дунканаев, В. Б. Суркеева, Т. Баястанова и др.). В трудах названных и других ученых, занимавшихся исследованием вопросов теории текста, были определены сущность, специфические черты и категории текста, основные концепции и подходы к пониманию текста, выявлены виды, типы и конструктивные разновидности целостноорганизованных речевых произведений, разработаны способы, приемы и методы анализа текста, специфические черты и категории текста [см. обзоры: Николаева Т. М. М., 1978. С.3-17; Горшков А. И. 2006. С. 53-58; Зулпукаров К. З., Кожоева Г. Ж., Эшманова С. К. 2014. С. 5-14].

Определений текста существует множество. Они различны по содержанию, характеру, объему и подходу.

Мы остановимся только на главных подходах к изучению текста, важные для общей теории.

С самого начала появления лингвистики текста в ней доминирует узкограмматический подход, рассматривающий текст с точки зрения грамматики. Согласно этому подходу, текст относится к сфере грамматики и является своеобразной и сложноорганизованной ее единицей. В ряде определений текстом называется последовательная связь предложений (К. Бринкер, Р. Харвеч, В. А. Звегинцев, Л. М. Лосева, Н. Д. Зарубина и др.). В этом случае мы вправе говорить о синтаксисе текста. Однако большинство ученых подчеркивают общеграмматический характер текста и отмечают важную роль, не только связей предложений, но и местоимений, союзов и союзных слов в его организации. О. И. Москальская называет свою монографию «Грамматика текста» [1981. С.141], приводя для этого достаточно убедительные основания.

Некоторые авторы находят основания писать о семиотике текста. При этом текст понимается ими как система знаков, объединенных семантической общностью. В качестве означаемых выступают части и единицы одного целостного объекта, соответствующие понятия и значения, а в качестве означающих – слова, выражения и предложения, именующие объект и его составляющие и организуемые в определенной последовательности [Успенский Б. А. С.10].

Любой текст как речевое произведение имеет прагматический аспект. В тексте явно или скрыто присутствуют адресант и адресат, производитель, слушатель (читатель) и «оценщик» речи, принимаются во внимание роль и статус участников общения, их взаимоотношение и отношение к предмету и теме речевых произведений. Все это объединяется понятием прагматика текста. Проблемы прагматики текста исследуются в трудах Т. А. ван Дейка, Е. Е. Анисимовой, М. И. Бельской, С. Ж. Мусаева и др. [Мусаев С. Ж. 2000. С.18-26].

Тексты многообразны и многотипны. Они различны по теме, сфере использования, стилю, назначению, протяженности и т.д., поэтому допускают разбиение на типы и подтипы. На этом основании считается, что типология текста является необходимым аспектом общей текстологии.

В системе теории текста немаловажное место занимает направление, ставящее своей целью изучение письменно-речевых произведений в аспекте

функциональных стилей и сферы применения. С этой точки зрения тексты могут быть художественными и нехудожественными, научными и ненаучными, публицистическими и непублицистическими и т. д. и иметь разнообразную стилево-языковую дифференциацию и соответствующее оформление [Кожина М. Н. С. 64]. Исходя из этого, мы представляем стилистику текста как составную часть общей текстологии.

Любой текст является носителем информации. Нет текста, не имеющего информационно-смысловую нагрузку. Линейная расположенность и последовательность единиц текста – лишь его внешний показатель. На самом деле текст многомерен. В нем языковые единицы располагаются, связываются и соотносятся друг с другом не только синтагматически, последовательно, одна за другой, но и по различным «осям» – по семантическим, понятийно-смысловым, эмоционально-экспрессивным, содержательно-функциональным и другим подобным признакам [Горшков А. И. С. 64]. Поэтому мы солидарны с теми лингвистами, которые выделяют семантику текста в качестве важного аспекта текстологии.

Таким образом, текстология является многоплановой и полипарадигмальной лингвистической дисциплиной, которая внутри себя разграничивает несколько аспектов: грамматический (синтаксический), типологический, семиотический, прагматический, стилистический и семантический. Грамматический и синтаксический планы в теории текста тесно связаны друг с другом и находятся между собой в гиперонимо-гипонимических отношениях: синтаксический план входит в грамматический как часть в целое. Мы дифференцируем их с учетом того, что в лингвистике текста эти два плана получили различные терминологические обозначения.

Сказанное свидетельствует о том, что текст представляет собой полиаспектное и сложно устроенное речевое произведение. Текст может существовать в устной и письменной форме, в виде диалога и монолога, в научном или разговорно-бытовом стиле, в микро или макро объеме и т.д. Он, совмещая и синтезируя в себе грамматические и семантические, семантические и прагматические, стилистические и классификационно-типологические, ментальные и языковые и другие свойства, выступает как интегральный объект лингвистического анализа.

Текст как многоаспектное речевое образование понимается учеными совершенно по-разному. Нам известны десятки разных определений понятия текста. Суммируя их, мы можем предложить общее определение. Текст – это речевое произведение, оформленное звукобуквенными знаками одного языка, обладающее связностью, конструктивной / целостностью и стилево-семантическим единством, предназначенное на стражение, закрепление, хранение и передачу информации, имеющее объем от одного предложения до многотомного сочинения. В этом предложении отмечаются следующие свойства текста:

- 1) способность функционировать в устной и письменной форме;
- 2) связность, организованность и последовательность расположения частей;

- 3) развернутость, наличие объема-минимума и объема-максимума;
- 4) функционально-стилевое и тематическое единство;
- 5) структурно-семантическая целостность;
- 6) предназначенность для передачи, хранения и распространения информации;
- 7) оформленность звуками-буквами и иными знаками одного языка.

По сфере применения тексты делятся на художественные, разговорно-бытовые, публицистические и т.д., которые, в свою очередь, допускают внутри себя частные деления. Например, художественные тексты могут быть прозаическими, поэтическими и драматическими, авторскими и фольклорными.

По наличию-отсутствию дополнительных целей и смыслов тексты подразделяются на магические, мифологические, религиозные, рекламные, зашифрованные, учебные и т.д.

По языку различаются одноязычные, двуязычные и многоязычные тексты, тексты на родном языке и на иностранном (втором) языке, на современном языке и на древнем (мёртвом) языке.

Таким образом, текст в языке выступает как полиаспектное и многоплановое речевое произведение, требующее своего исследования с различных позиций и точек зрения.

Список литературы

1. Горшков А.И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика. – М., 2006. – 367 с.
2. Зулпукаров К.З., Кожоева Г.Ж., Эшманова С.К. Конфигурации повторов в тексте. – Ош, 2015. – 153 с.
3. Москальская О.И. Грамматика текста. – М., 1981. – 142 с.
4. Мусаев С.Ж. Текст: структура и прагматика. – Бишкек, 2000. – 217 с.
5. Николаева Т.М. Лингвистика текста: современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Лингвистика текста. – М., 1978. – С. 3-18.
6. Успенский Б.А. Поэтика композиции. – М., 1970. – 186 с.
7. Эшманова С.К. Об определениях и общих свойствах текста // Вестник Ошского государственного университета. – 2014. – Вып. 2. – С. 26-31.

О ТЕКСТООБРАЗУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ПОВТОРА

Эшманова С.К.

ст. преподаватель кафедры киргизской филологии,
Ошский социальный университет, Киргизия, г. Ош

Сабиралиева З.М.

ст. преподаватель кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Ошский государственный университет, Киргизия, г. Ош

Статья посвящена характеристике роли повтора в текстообразовании. В ней показано, что повтор усиливает действенность, выразительность и экспрессивность речи и обеспечивает целостность речевого произведения.

Ключевые слова: повтор, текст, фольклор, заговор, загадка, пословица.

Повтор – это фигура речи, которая состоит в повторении звуков, морфем, слов, словосочетаний и предложений в условиях достаточной тесноты ряда. Повторяющиеся средства языка образуют стилистическую фигуру, только находясь близко друг от друга, чтобы их можно было заметить.

Повторы так же, как и другие фигуры речи, вносят в содержание высказывания дополнительную информацию, усиливая эмоциональность, экспрессивность речи и ее воздействие на слушателя или читателя.

Повторы служат важным средством связи между предложениями и частями текста. Они часто выполняют текстообразующую функцию, тесно связывая составляющие текста друг с другом и организуя их в целое.

Повторы присущи поэзии и прозе. Им свойственно многообразие функций и форм в поэтическом тексте. По мнению А.П.Квятковского, «к системе поэтических повторов относятся: метрические элементы – стопа, стих, тактометрический период, строфа, анакруза и эпикруза; эвфонические элементы – анафора и эпифора, рифмы, ассонансы, диссонансы, рефрен; разнообразные параллелизмы» [2, с. 216]. Как видим, ученый-литературовед понимает повторы очень широко. При этом многие свойства и разновидности повторов относятся к поэтической речи. С точки зрения лингвистики и уровней лингвистического анализа важно различать звуковые, морфемные, словесные и фразовые повторы, которые нередко переплетаются и встречаются комплексно в одном и том же речевом произведении.

Повторы часто встречаются в языке фольклора, нередко выступая в качестве организующего звена соответствующих текстов. Сначала посмотрим, какую роль играют повторы в текстах заговоров, являющихся разновидностью обрядовой поэзии.

Как известно, заговоры являются короткими прозаическими устно-поэтическими произведениями, обладающими, по мнению их исполнителей и части этноса, силой магического воздействия. В народе считается, что заговоры выполняют практическую функцию: магической силой слова они вызывают желаемое (хороший урожай, удачную охоту, выздоровление, любовь и т.д.). В заговорах место повторов настолько органично, что даже кажется, что без этой стилистической фигуры они не могут существовать. Это, может быть, связано с тем, что сам по себе повтор работает на внушение и убеждение человека.

Например, в заговоре, назначение которого «присушить» девушку, сквозным повторяющимся эпитетом является прилагательное *сухой*. Вот отрывок из этого заговора: *...У того у белого камня стоит сухое дерево, у того **сухого** дерева стоит **сухой** мужик, сечет **сухое** дерево, а кладет на огонь. Коль скоро и круто разгоралось **сухое** дерево, так бы скоро и круто разгоралось сердце у рабы божьей (такой-то) по рабе божьей (таком-то)* [3, с. 65]. Как видим, в отрывке, состоящим из 42 слов, адъектив *сухой* употреблен 5 раз и является ключевым номинантом «присушки». Кроме того, повторное употребление темпоральных наречий (*скоро* и *круто*) имеет целью ускорить «ввод» любви в сознание девушки.

В заговоре от змеиного ужаления повторы используются для максимальной детализации и конкретизации образов: *Ты, змея Ирина, ты, змея Катерина, ты, змея полевая, ты, змея луговая, ты, змея болотная, ты, змея подколodная, собирайтесь у круг и говорите удруг, вынимайте нечистый яд от суставов, от полусуставов, от жил, от полужил, от полужилков, от тридевять суставов, от тридевять полусуставов, от черной шерсти, от белого тела, от чистой крови, от чистого сердца, от буйной головы* [3, с. 65-66]. Перед нами большой набор повторов. В тексте повторяются слова и словосочетания, обращения и формы существительных в родительном падеже с предлогом *от*, окончания и корни. Личное местоимение *ты* и существительное *змея* употреблены по 6 раз, причем прономинатив как бы персонифицирует змею. Змея олицетворяется и с помощью антропонимов *Ирина* и *Катерина*. В заговоре предлог *от* употребляется 13 раз, корень *сустав* – 4 раза, корень *жил* (в слове *жила* «кровеносный сосуд, сухожилие») – 3 раза, слово *тридевять* – дважды и т.д. Этот заговор невозможно представлять без повторов, которые выполняют в нем важную текстообразующую функцию.

Повтор предлога мы находим и в другой «присушке», где заговаривающий молодец хочет, чтобы присушиваемая им девушка так сильно тосковала по нему, как тоскует «мать по дитяти, корова по теленке, кошка по котятam, утка по утятам» [3, с. 65].

Повторы усиливают действенность, убедительность и выразительность заговора.

Отметим, что повтор свойствен и заговорам других народов. Наблюдения показывают, что он часто встречается и в киргизских заговорах.

На повторах базируются и прочие жанры русского фольклора – пословицы, поговорки, загадки и т.д. Например, пословица *Каково сеется, таково и веется* состоит из двух параллельных частей. В нем параллельными являются звуки, слоги, корни, слова, части речи, члены предложения. С точки зрения фонетики два простых предложения в составе сложного имеют общий звукобуквенный комплекс ... *аково...еется*. Постановка вместо первого многоточия звука *к* и вместо второго многоточия звука *с* восстановит предложение *Каково сеется*, а постановка трех звуков *т, и, в* – предложение *таково и веется*. Звуковые единицы, дифференцирующие части пословицы образуют особую конфигурацию: *к...с... = т... и в...* Постановка вместо точек в этой конфигурации звукокомплекса ... *аково...еется* восстановит общий звуковой облик пословицы в целом.

В малых жанрах фольклора текстообразующую функцию выполняют все части речи, особенно предлоги, союзы и частицы. В метафорическом и развернутом наименовании козла в загадке мы находим повторы соединительного предлога *с*, противительного союза *а не*: *С бородой, а не мужик, с рогами, а не бык, с пухом, а не птица, лыко дерет, а лаптей не плетет*. Целостность и образность текста невозможно представлять без повторяющегося контрастообразующего комплекса *с ... а не*.

В киргизском ментально-языковом сознании есть суждение «Человек является человеком благодаря другим людям/благодаря общению с другими

людьми», которое оформляется двумя идентичными по форме и значению пословицами: *Адам адам менен адам/Киши киши менен киши*. Слова *адам* и *киши* имеют значение «человек». Первое – семитского, библейского происхождения, второе, вероятно, восходит к древнекитайскому слову *кеши* «гость, странник, путешественник, другой, чужой».

В пословицах номинант человека употреблен трижды – в функциях субъекта, комитатива и предиката. С комитативом прямо связан послелог *менен* «с, вместе с, совместно с», являющийся единственным отличительным (неповторяющимся) элементом фраз. Пословицы базируются на трехкратном повторе одного слова.

Повтор – одна из продуктивно применяемых стилистических фигур, обеспечивающих целостность, смысловое единство и выразительность текста.

Список литературы

1. Абдимиталипова Г.Ж. Лингвостилистические свойства параллелизма в киргизском языке: Учебное пособие. – Бишкек: Гульчынар, 2013. – 172 с.
2. Квятковский А.П. Поэтический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 376 с.
3. Кравцов Н.И., Лазутин С.Г. Русское устное народное творчество. 2-ое изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1983. – 448 с.
4. Москвин В.П. Стилистика русского языка. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 631 с.

СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЕ ПРИЕМЫ БАШКИРСКИХ НАРОДНЫХ СКРИПАЧЕЙ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Ахтямова А.Г.

старший преподаватель кафедры струнных инструментов,
Уфимский государственный институт искусств им. Загира Исмагилова,
Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются некоторые особенности башкирского народного скрипичного исполнительства. Приемы народных музыкантов изучаются на основе нотаций известных ученых-фольклористов, а также фонозаписей, сохранившихся в Фольклорном кабинете Уфимского государственного института искусств. Автор показывает, что большинство технических приемов подчинены имитации певческой манеры.

Ключевые слова: скрипка в Башкортостане, народное скрипичное исполнительство, башкирский музыкальный фольклор.

Скрипка является одним из немногих инструментов, представленных в Башкортостане как в народной традиции, так и в профессиональном академическом искусстве. Инструмент получил распространение в быту башкир в конце XIX века, причем путь его лежал из городской среды в деревенскую. Так, исследователь-фольклорист Ф.Х. Камаев отмечает: «... скрипка и гармонь чаще всего обнаруживаются ближе к промышленным, торговым, культурным центрам, где их можно было заказать или приобрести» [4, с. 14]. Музыканты-самоучки играли и на купленных в городе скрипках западноевропейского типа, но также и на кустарных, изготовленных народными умельцами. Интерес представляет вопрос специфики народного скрипичного исполнительства, что и составляет предмет данной статьи.

Об исполнительских приёмах народных скрипачей, их репертуаре можно судить, опираясь на публикации музыкальных образцов, зафиксированных известными учеными-фольклористами в экспедициях – С.Г. Рыбаковым, Л.Н. Лебединским, Ф.Х. Камаевым, Р.С. Сулеймановым, Р.Г. Рахимовым, Р.Ф. Зелинским. Кроме того, важными источниками являются сохранившиеся фонозаписи игры башкирских музыкантов, хранящиеся в Фольклорном кабинете Уфимского института искусств (записи Х.С. Ихтисамова, Ф.Х. Камаева, Р.Ф. Зелинского, Р.С. Сулейманова, Р.Г. Рахимова, Ф.А. Фаизовой, Ф.В. Шарипова, А.М. Кубагушева, И.М. Халилова, М.З. Кашкарова). Хронологические рамки обозначенного материала составляют период с конца XIX века до последних десятилетий XX века.

Ядро популярного репертуара народных музыкантов представляют башкирские узун-кюй и плясовые мелодии – народные напевы, перенесённые из вокальной области в инструментальную. Это своеобразные народные «транскрипции» или «напевы-двойники», существующие и в вокальной, и в инструментальной версиях (см.: [6, с. 25]). Помимо этого на скрипке звучат

ли мелодии, с давних пор исполняемые на курае. Оригинальные скрипичные мелодии народной традиции, судя по имеющимся образцам, не встречаются.

При знакомстве с исполнениями и нотными записями, становится очевидным, что играя на скрипке узун-кюй (протяжная песня), музыканты стремятся на инструменте как бы «пропеть» мелодию. Практически каждый из них остается в диапазоне, не превышающем двух октав, то есть, диапазоне певческого голоса. При этом очевидно стремление (вероятно, неосознанное) передать вокальную окраску мелодии. Исполнители-мужчины подражают тембру мужского, по тесситуре более низкого голоса, чаще используя в игре струны G, D, A; соответственно, исполнительницы остаются в среднем и высоком регистрах, применяя игру на струнах D, A и E.

Исполнение мелодии широкого дыхания, кантилены составляет немалую трудность для музыканта, требуя от него мастерского владения смычком. В связи с этим обратим внимание на технику смычка в рассматриваемых образцах. Стремление народного скрипача максимально выпукло очертить контур «бесконечной», текучей мелодии («Орнаментика воплощает ... важный знак башкир – образ воды», – пишет Р.Т. Галимуллина [2, с. 6]), заставляет добиваться более незаметной смены смычка. Это подтверждают записи исследователя Р.Ф. Зелинского, который, слушая народных музыкантов, подчеркивал, что «при их игре протяжных кюев порой замечалось, что движение смычка замедлялось настолько, что вместо звука иногда появлялось шипение, вызванное заметно-слышимым трением смычка о струну. Очевидно, что музыканты избегали частой смены смычка, чтобы не прерывать протяжённые мелодические фразы» [3, с. 45].

Причудливые мелодические «узоры» составляют суть стиля протяжных песен узун-кюй, его эмоционально-выразительный характер, отражая при этом индивидуальность манеры исполнителя. Отличительной чертой исполняемых на скрипке протяжных мелодий также остается щедрое украшение «колоратурами». Обилие орнаментов с мелкими длительностями требовало от скрипача развитой техники левой руки, что обусловлено задачей исполнения всех выразительных деталей рисунка напева. И в нотированных записях, и в аудио-вариантах башкирских мелодий орнаментальные украшения крайне удобны для исполнения, – они представлены либо в сочетании с открытой струной, либо в первой игровой позиции.

Отличительной чертой скрипичных мелодий является возникающая в них, выражаясь словами учёного-фольклориста Л.Н. Лебединского, «стихийная тяга к многоголосию» [4, с. 231]. В условиях развития монодийной культуры подобный процесс рассматривается исследователями как один из наиболее значимых. Опираясь на технические возможности скрипки, музыканты используют в основном звуковое пространство двухголосной фактуры. Это связано, по-видимому, с искусством узляу (горловое пение), когда певец исполняет двухголосие, присоединяя к мелодии бурдонный звук. «Выходы» в двухголосие на скрипке, в свою очередь, имеют различный характер в мелодиях узун-кюй и в танцевальных. Так, в узун-кюй двухголосные моменты подчёркивают в основном остановки в конце фраз (в целом, при исполнении

протяжных распевных мелодий широкого дыхания преобладает одноголосие), служат слуховой опорой, закрепляя тональность, упрочая интонационный фундамент. Характерно, что во всех образцах возникают исключительно удобные для скрипача интервалы – чистые квинта и октава. Исполняются они или по открытым струнам, или одним пальцем в одной игровой позиции путём прижатия соседних струн. Не встречается в исполнительском арсенале башкирского народного скрипача аккордовая техника игры. Так, описывая манеру игры народного скрипача и используемые им приемы, ученый-фольклорист Н.В. Ахметжанова отмечает, что «основная мелодия звучала обычно на высокой (первой) струне, а остальные две (средняя, низкая) струны в определённых долях создавали своеобразное многоголосие. Четвёртая струна (отрытая или прижатая) звучит как бурдонный звук» [1, с. 30].

В плясовых образцах (хотя двухголосие встречается также и в каденционных участках) принцип включения оказывается иным. Здесь двухголосие усиливает ритмическое начало, появляясь вместе с фигурой «притопа». Благодаря фактурным изменениям плясовые наигрыши в скрипичном исполнении приобретают особый яркий колорит, присущий народной музыке. Встречается и уникальный пример (запись Лебединского) скрипичного бурдонного двухголосия в танцевальной мелодии, где в первой фразе бурдон находится в нижнем голосе, а во второй он перемещается в верхний.

Относительно использования скрипичных штрихов народными музыкантами, необходимо указать, что в своей игре скрипачи используют простые их виды. Как замечено, при исполнении протяжных мелодий основными штрихами являются легато, певучее деташе, придающие звучанию черты широкой кантилены. При исполнении же плясовых, подвижных наигрышей употребляется один из самых распространенных выразительных скрипичных штрихов – деташе в его иных разновидностях. Часто употребляемыми являются акцентированное деташе, короткое и дубль-штрих. Встречаются и виртуозные штрихи, относящиеся к группе бросковых, однако, скорее всего, в виде исключения, так как владение ими требует особой подготовки. Отметим, что народные скрипачи не обращаются к приёму игры щипком (пиццикато), все мелодии исполняют смычком.

Особого внимания заслуживает практика исполнения народными скрипачами приемов вибрато и портаменто. В нотных расшифровках они никак не отмечены, однако в фонозаписях прослушиваются отчётливо. При исполнении мелодий узун-кюй бóльшая часть этноисполнителей используют приём портаменто. В академической скрипичной литературе портаменто отдельно регламентируется автором сочинения или его редактором. Изучение аудиозаписей позволяет констатировать, что в башкирских народных скрипичных образцах приём возникает стихийно, по желанию музыканта. Замечено, что те исполнители, которые пользуются этим средством выразительности, употребляют его довольно интенсивно, обильно украшая им основные мелодические контуры напева. В ряде случаев лёгкое портаменто перерастает в очевидное глиссандо.

Исполняя протяжные мелодии узун-кюй, музыканты используют характерный вид широкого, так называемого «крупного» вибрато, которое до-

стигается путем скользящего движения вибрирующего пальца вдоль струны. Данный прием придает звучанию инструмента своеобразную звуковую краску, усиливающую эмоциональное воздействие. Такой вид вибрации отличен от исполнения на инструменте европейского образца в классическом смычковом искусстве. По-видимому, его появление обусловлено стремлением передать на скрипке интонации вокальной природы.

Следует отметить, что народные скрипачи используют в практике лишь игру в первой позиции. Думается, что причиной является постановка рук, отличная от классической, а также отсутствие таких вспомогательных средств, как мостик и подбородник. Как отмечалось, немаловажным здесь является и то обстоятельство, что игрой в первой игровой позиции музыкант пытался приблизиться по регистру и тембру к звучанию человеческого голоса.

Таким образом, знакомство с нотными записями и фонограммами образцов исполнения башкирскими народными скрипачами показывает, что основу репертуара музыкантов составляли популярные в народной среде песни, перенесенные из вокальной области в инструментальную. Самыми частыми стало исполнение на скрипке знаменитых башкирских народных протяжных песен «Тафтиляу», «Ашкадар», «Буранбай». Так, песня «Тафтиляу», записанная еще С.Г. Рыбаковым (1893), впоследствии фигурирует в пяти источниках; песня «Ашкадар», записанная от скрипача Л.Н. Лебединским (1938) – в шести источниках. И это на протяжении практически всего XX века. Устойчиво утвердились в репертуаре скрипачей песни «Буранбай», «Степной Яркей» и многие другие.

Подобная практика оказала существенное влияние на скрипичные исполнительские традиции. Безусловным образцом для подражания становится для народных скрипачей пение. Именно имитации певческой манеры подчинены большинство технических приемов, начиная от регистра (совпадающего с вокальным), положения руки на инструменте (преимущественно первая позиция), фактуры (бурдонное двухголосие) и кончая скрипичными штрихами (широкое вибрато, портаменто, переходящее в глиссандо), техникой ведения смычка и т. д. Сложившиеся традиции воздействовали на процесс формирования башкирской композиторской скрипичной литературы, однако это – предмет отдельной статьи.

Список литературы

1. Ахметжанова Н. В. Башкирская народная инструментальная музыка // В мире башкирской музыки: сб. ст. / сост., ред., вступ. П. В. Кириченко. Уфа, 1995. С. 30-36.
2. Галимуллина Р.Т. Башкирская протяжная песня: Юго-восточная традиция: автореф. дис. ... канд. иск. Казань, 2002. 25 с.
3. Зелинский Р.Ф. Башкирское народное музыкальное искусство. Т. 4: Инструментальная музыка. Уфа: Гилем, 2003. 235 с.
4. Камаев Ф. К., Шонкаров Н.Д., Хамитова Г.Ч. 400 башкирских народных песен. Уфа: Изд-во ОАО «Татмедиа» «ПИК «Идел-Пресс», 2011. 400 с.
5. Лебединский Л. Н. Башкирские народные песни и наигрыши. Изд. 2-е, доп. М.: Музыка, 1965. 245 с.
6. Скурко Е.Р. Башкирская академическая музыка. Традиции и современность. Уфа: Гилем, 2005. 320 с.

ОБРАЗ КНЯЗЯ ИГОРЯ В ОДНОИМЁННОЙ ОПЕРЕ А.П. БОРОДИНА

Гареева Ш.Д.

студентка-музыковед 3 курса,

Уфимский государственный институт искусств имени Загира Исмагилова,
Россия, г. Уфа

Платонова С.М.

профессор, заведующая кафедрой истории музыки, канд. иск.,

Уфимский государственный институт искусств имени Загира Исмагилова,
Россия, г. Уфа

Статья посвящена анализу образа князя Игоря в одноимённой опере А.П. Бородина. Основой для изучения служит новый авторский клавир 2012 года, редакция А. Булычёвой.

Ключевые слова: князь Игорь, новый клавир, А. Булычёва, монолог «Зачем не пал я».

Князь Игорь – монументальный эпический образ Древней Руси. Он привлекает внимание доблестью, отвагой, силой и, вместе с тем, противоречивостью. Его необычайный характер и бесстрашные походы нашли отражение в трудах не только в знаменитом древнерусском памятнике «Слово о полку Игореве», но и в гениальном произведении А.П. Бородина – опере «Князь Игорь».

Новый клавир оперы издан в 2012 году под редакцией Анны Булычевой (исследователь-музыковед, кандидат искусствоведения, музыкальный критик). Для создания данного труда понадобилось привлечь 93 автографа, в результате чего выяснилось, что опера о князе Игоре в интерпретации Бородина и известный хрестоматийный вариант Римского-Корсакова и Глазунова имеют между собой важные отличия. Образ главного героя раскрывается в них по-разному. Особенностью клавира А. Булычевой является воссоздание подлинного авторского варианта оперы, без фрагментов, сочинённых Римским-Корсаковым и Глазуновым и без сделанных ими купюр.

Музыкальная характеристика главного героя включает два его сольных номера. Один из них – известная всем ария «Ни сна, ни отдыха...». В ней главный герой характеризуется как «мужественный воин» (I и III разделы арии – «О дайте, дайте мне свободу»). Нахождение в неволе и невозможность действовать угнетает его, поэтому музыка полна решительных, порывистых интонаций. Получает развитие и образ «горячо любящего супруга» (средний раздел арии – «Ты одна голубка-лада»). Героические интонации сменяются на лирические – мягкие, светлые. Мелодия становится певучей и полной нежного чувства. Анализ данного номера достаточно освещён в музыковедческой литературе. В связи с этим больше внимания уделим второй сольной характеристике князя – его драматическому монологу «Зачем не пал я».

В отличие от арии, полной горячего чувства и мятущегося настроения, монолог весь выдержан в едином сумрачном колорите. Это соответствует происходящим событиям – войско Игоря сражено, сам он попал в плен про-

тивника, его родина в опасности. Светлые надежды на победу не оправдались. Примечательно, что в монологе князя нет выразительных мелодических распевов, он скорее напоминает почти монотонную речитацию. Характер музыки напряжённый, темп её развёртывания – неспешный. Мы видим тихое, но горькое раскаяние героя.

Во вступлении звучит нисходящая хроматическая тема, которая поочерёдно вступает в нижнем, затем в среднем и верхнем голосах, полифонически соединяющихся между собой. Тема напоминает ползущие хроматические ходы в басу из второй темы затмения. Это воссоздаёт зловещий, таинственный тон уже с самого начала монолога.

В первом разделе Игорь оплакивает свой позор, сожалея, что не пал вместе со своим войском «в песках Каялы». Слова князя полны отчаяния и стыда: «Позором стал я земли родной, хаот Игорь на Руси». Музыка аккомпанемента, сопровождающая декламацию, основана на мотивах и гармониях картины солнечного затмения. В басу непрерывно звучат, словно переливающиеся, хроматические ходы, вновь отсылающие нас ко второй теме сцены затмения. Благодаря этому Бородин выстраивает связь между страшным предзнаменованием и его последствиями.

Второй раздел монолога представляет собой обращение к русским князьям. Идёт последовательное перечисление вождей: Всеволод Великий, Рюрик, Давид, Мстислав, Роман, Ингварь – и восхваление их воинских достоинств. Игорь призывает ударить по врагу единой силой, предрекая им великую победу: «Забудьте смуты и раздоры, дружины ваши собирайте, разом ударьте на врага и силу поганую сломите. На вас укора нет». Все мотивы-призывы имеют одинаковое сопровождение, с той разницей, что с каждым новым обращением оно секвенцией по хроматизму опускается всё ниже и ниже. После каждого обращения звучат интонации другой темы из сцены солнечного затмения, основанные на увеличенных трезвучиях.

Монологический номер идёт почти сразу, как только мы переносимся во вражеский лагерь, следуя после «Половецкого марша». Заслуга Булычёвой заключается не только в том, что она восстановила авторские номера, но и, как подчёркивается в её предисловии, расположила их в порядке, который был предусмотрен самим композитором. Этот порядок отличается от знакомого порядка сцен. Деление в новом клавире происходит не на действия, а на картины. Половецкие сцены с Монологом Игоря идут сразу после Пролога.

Известная ария князя «Ни сна, ни отдыха измученной душе» располагается в пятой картине, связанной с его бегством из лагеря половцев. Она звучит непосредственно перед сценой с Овлуром и побегом героя.

Подводя итоги музыкального воплощения образа князя, нужно подчеркнуть безусловное обновление его характеристики в новом клавире. Один номер, дополнивший портрет героя, сделал образ и более драматичным, и человечным, а значит – более близким и понятным слушателям.

Список литературы

1. Бородин А.П. Князь Игорь [Ноты]: опера / Александр Порфирьевич Бородин. – Клавір. – М.: Классика-XXI, 2012. – 350 с.

2. Левашёв Е.М. А.П. Бородин // История русской музыки: в 10 т. – М.: Музыка, 1994. – Т. 7 (70–80-е годы XIX века). – С. 330-360.
3. Сохор А.Н. А.П. Бородин «Князь Игорь» // Русская музыкальная литература / ред. Э.Л. Фрид. – Л.: Музыка, 1975. – Вып. II, изд. 4-е. – С. 226-259.

ТРЕХМЕРНЫЕ ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ НА ОСНОВЕ ПРОЕКТИВГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА ФОРМООБРАЗОВАНИЕ

Дерева Р.М.

доцент кафедры рисунка, канд. иск.,
Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева,
Россия, г. Карачаевск

Статья посвящена трехмерным орнаментальным структурам, преобразованным из многогранников и различных конфигураций, скрытых в поле проективнографического чертежа. Автор статьи исследует формотворческие и изобразительные возможности проективнографического метода с использованием компьютерных графических программ.

Ключевые слова: проективнографическое формообразование, орнаментальные структуры, компьютерное преобразование, изобразительное искусство.

Одной из древнейших сфер художественного творчества является эстетическое преобразование окружающей материальной среды. На протяжении существования человечества этот процесс не прекращается, а во все времена активизируется с новой силой в соответствии с духом времени. Постоянное совершенствование форм искусственной среды привели к созданию великих шедевров архитектуры, изобразительного и прикладного искусства [4].

Одним из средств поиска новых форм в формотворчестве является проективнографический метод.

Объектом исследования является проективнографический метод формообразования.

Предмет исследования – преобразование трехмерных геометрических моделей в орнаментальные структуры и художественно-образные картины.

Цель исследования изучение возможностей проективнографического метода формообразования.

Перенесение в область новых технологий уже существующих методов формообразования, например, проективнографического, открывает всевозможные уникальные способы отображения и преобразования объектов в виде многогранных структур и форм производных от них, отраженных в проективнографических эпюрах.

Новизна исследования заключается в том, что впервые рассматриваются комплекс проблем преобразования виртуальных проективнографических структур посредством компьютерного моделирования, методы формообразования трехмерных орнаментальных структур на их основе и дальнейшее преобразование этих структур в виртуальные фантастические образы. Результаты подобных преобразований могут найти свое применение в различных об-

ластях дизайнерского проектирования, что делает актуальным данное исследование.

Таким образом трехмерные орнаменты, производные от многогранных геометрических структур, полученных проективнографическим методом могут рассматриваться, как и любые другие виды дизайнерского формообразования.

Дальнейшее преобразование многогранников путем продолжения граней, усечению или закруглению, приводит к новым орнаментальным формам. Автором исследования впервые разработан новый метод формообразования объемно-пространственных орнаментальных форм на основе преобразования многогранных геометрических структур в трехмерные орнаменты трех типов это: а) орнаментальная структура, имеющая только прямолинейные элементы; б) структуры, содержащие криволинейные элементы; в) структуры, сочетающие прямолинейные и криволинейные элементы.

Все три типа трехмерного орнамента являются исходными из одной и той же трехмерной многогранной структуры, полученной по ромбовидному проективнографическому чертежу. Это свидетельствует о том, что возможности формообразующих свойств многогранных проективнографических моделей неограниченны.

В выборе проективнографической модели для преобразования в тот или иной вид трехмерного орнамента необходимо руководствоваться:

- замыслом определенной орнаментальной формы – структурным содержанием орнамента, принадлежащего одному из трех типов: прямолинейный, криволинейный, смешанный;
- нахождением соответствия выбранной проективнографической модели по ее внешним признакам с проектируемым определенным типом трехмерного орнамента.

Для оптимизации процесса преобразования многогранных проективнографических структур в трехмерные орнаменты автором исследования составлена классификация этих структур по их внешним признакам на основе трех типов трехмерных орнаментов [4].

На основе разработанного метода формообразования из одного и того же проективнографического многогранника может получиться огромное количество различных вариантов орнаментальных структур соответствующего выбранного типа, что позволяет оптимизировать процесс проектирования различных форм предметно-пространственной среды.

Разработка дизайна трехмерных орнаментальных структур требует обширных знаний в области истории и теории орнамента, изложенных в трудах Г. Вейтса, Ф. Готтенрота, А. Racinet, О. Jones, Н.Ф. Лоренца, А.В. Даля, В.И. Бутовского, И.Е. Забелина, Е.Е. Виолле ле Дюка, В.В. Стасова, Н.Н. Соболева, Н.Г. Рудина, Л.Н. Лейтеса, В.М. Шугаева, В.Н. Козлова, И.П. Смирнова, С.А. Малаховой, В.Я. Берестневой, И.И. Емельянович, Н.П. Бесчастнова, Т.А. Журавлевой, Е.В. Морозовой, А.Г. Пушкарева, Ю.Я. Герчук, Л.М. Буткевич, Д.В. Сарабьянова, А.И. Рудинской, К.О. Гартмана.

К трехмерным орнаментам можно отнести декоративные объемные структуры, украшающие предметы быта и архитектурные детали.

Акантовый наряд капители – трехмерная, пространственная форма орнамента [3].

Орнаменту свойственно передавать свои существенные особенности другим видам искусства и он стоит на первом месте по способности проникновения в разные виды искусства и по возможности обретать новый смысл, ранее с орнаментом не ассоциировавшийся.

По природе своей орнамент – организующее искусство, находящееся в особо активных, содержательных отношениях с теми поверхностями, материалами и формами, которые и подлежат организации.

Сарабьянов Д.В. говорит о том, что категория орнамента не получила еще своего окончательного определения, несмотря на то, что орнаменту посвящена довольно обширная литература и, что мало кому удастся выявить существенные, принципиальные признаки орнамента как определенной формы художественной деятельности [6].

Герчук Ю.Я. в своей статье «Что такое орнамент?» констатирует о двойственности орнамента: он может существовать только в союзе с каким-то предметом, может располагаться на чем-то; с другой стороны, его можно как бы изъять из контекста вещи и сделать предметом изолированного исследования, объектом рассмотрения, в котором он будет отделен от предметного мира, им украшаемого. Действительно, истории орнамента не касаются, как правило, этого предметного мира, они сосредоточены на характере самого рисунка, на форме орнамента, на ритме [3].

Основное назначение орнамента – украсить поверхность предмета, подчеркнуть его форму.

Преобразование моделей многогранников в орнаментально-пространственные структуры дали возможность для дальнейшего развития этих структур в абстрактные картины виртуального мира.

Такие преобразования возможны в двухмерных графических компьютерных программах при использовании эффектов и фильтров данных программ. Разнообразие полученных таким образом неповторимых абстрактных художественных образов очень велико.

В заключении можно отметить, что проективнография неизмеримо облегчает создание пластических богатств формы. Она отличается от всех традиционных способов тем, что дает некую «космическую» окраску создаваемым формам путем расширения пластической палитры различными нюансами острых и тупых углов, отказа от однообразных ударных операций прямого угла.

Список литературы

1. Гамаюнов В.Н. Картины абстрактного мира. – М., – Манускрипт, 1995. – 550 с.
2. Гамаюнов В.Н. Арт-дизайн изящных фигур. – М.: Изд-во МГОПУ, -1998. – 210 с.
3. Герчук Ю.А. Что такое орнамент? – М.: Галарт, 1998. – 328 с.
4. Дерева Р.М. Дизайн трехмерных архитектурных структур: дисс. ... к. искусствоведения. М., ВНИИТЭ, 2006, 150 с.
5. Дерева Р.М. Виртуальные образы на основе проективнографии. //Сб. Исторические, философские и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Изд-во Грамота № 12, С. 58-62.
6. Сарабьянов Д.В. Модерн. История стиля. – М.: Искусство, 1994. – 296 с.

ЗНАЧЕНИЕ ЖАНРА ЛЕТОПИСИ ДЛЯ ВОСПРИЯТИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ

Жиляков С.В.

доцент кафедры менеджмента, канд. филол. наук,
Белгородский государственный национальный исследовательский
университет (Старооскольский филиал), Россия, г. Старый Оскол

В статье рассматривается важное значение жанра древнерусской летописи, которое оно имеет для восприятия культурной истории, поскольку в своей структуре содержит имплицитную идею жертвоприношения, воплощенную в форму названного нами «литературного жертвоприношения» и способствующую пониманию культурной истории как непрекращающейся череды событий, связанных с насильственной сменой власти и исходящих из нее последствий. Это позволяет пересмотреть устоявшуюся периодизацию культурной истории Древней Руси.

Ключевые слова: культурная история, коммуникация, литературный жанр, восприятие.

Общеизвестно, что каждый литературный и внелитературный жанр ориентирован на «ситуацию речевого общения» [1, с. 180], как внутри, с собственной жанровой традицией (диахронический контакт), так и с другими жанровыми формами, современными ему (синхронические отношения); из-за этого природа жанра диалогична, сущность его открыта для коммуникации. В свободе деятельности коммуникации возникает необыкновенно широкий диапазон форм, сочетающий в себе и различные типы повествования, отчего получают гибридные формы, такие как, например, сатура, диатриба и жанровые контаминации, например, трагикомедия, а также чистые канонические жанры, но с включением неоднородных жанровых мотивов. Ввиду этого жанровая природа притягательна и толерантна к нововведениям, а потребность в коммуникации для жанра постоянна и жизненно необходима. Можно сказать, перефразируя известный постулат, правда относящийся отнюдь не к коммуникации, а к движению (хотя в каком-то смысле движение для материальных явлений и предметов – это и есть коммуникация для идеальных сущностей в смысле передачи и связи энергии), что коммуникация есть способ существования жанровой материи.

Поэтому, фактическое отсутствие «партнера» в жанровом диалоге еще не отменяет его наличия в качестве потенциального или скрытого адресата. Все жанры имеют своих уникальных адресатов, которые обусловлены ситуацией речевого общения, количеством участников, временем, пространством, стилем, эмоциональным накалом, интонацией и многими иными характеристиками.

Исходя из этого, жанр, в котором локализованы иные жанровые образования (жанровые мотивы и жанровые вставки), организован из совокупной суммы ситуаций высказываний этих жанровых конструкций или, иначе, его ситуация высказывания, из которой он «произрастает», строится по принципу конвергентности всех входящих в состав доминирующего жанра высказываний либо «консонантности» (созвучности) жанровых видов, подвидов, мотивов, образующих панораму сложного жанрового единства.

Например, идеологическая нацеленность «литературного жертвоприношения» определяется консенсусом согласованного единства направленности потоков как собственно литературно модифицированного ритуального речевого высказывания, которое в свою очередь структурно состоит из малоформатных жанровых мотивов (молитвы, обета, клятвы, дара), ситуативно обращенных к богу и ориентированных на диалог с трансцендентальным метафизическим началом, имитирующим и бога, и музу либо их замещающим. Онтологически такое обращение может быть вызвано обстоятельством возникновения «запроса» истории или тогда, когда «общество в своей жизни сталкивается с серией задач, которые оно и решает наиболее приемлемым для себя образом» [3, с. 26], а именно – самопожертвованием.

Несколько слов об употреблении жанровой атрибуции. Жанр «литературного жертвоприношения» – весьма условный термин, одновременно – литературный эквивалент, обладающий своими специфическими жанровыми атрибутами, и проекция своего ритуального прототипа, введенный нами для облегчения поиска восприятия культурной истории сквозь призму летописных текстов, где он по причине частотности присутствия в качестве чистых феноменальных сущностей в типических ситуациях (событиях) является убедительным доказательством наличия в мыслительной деятельности древнерусского человека (автора летописи) концепта «жертвоприношения», которым он мыслит и с помощью которого ориентируется в мире. А человек мыслит «жанрами, которые являются относительно устойчивыми типами высказываний» (М. М. Бахтин).

Как речевое высказывание жанр всегда готов вступать в диалог со своими предполагаемыми (мнимыми) или реально существующими собеседниками и реагировать на внешнее окружение, вызов. Только в состоянии готовности к общению, диалогу он обретает свою целостность и полноту. «Жертвоприношение – односторонний жест, который предполагает ответ, позволяющий восстановить равновесие, мировой порядок и в то же время приносящий «заимодавцу»-дарителю желаемое» [2, с. 108]. Вследствие этого жертвоприношение рассчитано на взаимоотношения и диалог, более того, оно изначально содержит в себе коммуникацию, будучи посредником, между двумя сферами – сакральной и профанной. Подобно ему «литературное жертвоприношение» начинается с диалога героя с Богом, взывания к нему, молитвы и самоотречения от жизни в качестве дара, мотивируя неизбежность данного акта волей творца, взамен на благополучное загробное существование. Эту идеологему оно привносит в повесть, в которой находится «литературное жертвоприношение», а повесть соответственно в летопись. Так осуществляется с помощью жанра «трансцендентная экзистенциальная коммуникация» (К. Ясперс), свойственная только человеку способность «связываться» со сферами метафизического мира.

И действительно, если задаться вопросом: в чем замысел и каково идейное значение летописи, то напрашивается только лишь один ответ: оставить в памяти потомков информацию об исторических событиях, государственных де-

ятелях, церковных подвижниках и проч. Однако, это кажется малым и ничтожным для такого центрального жанра древнерусской литературы.

Дело в том, что летопись требовательна в плане освещения событий, освидетельствования факта произошедшего, она является в некотором роде гарантом осуществления «правильной» официальной версии истории, которая должна коррелироваться с замышляемой согласно божественному сценарию «абсолютной историей». Отсюда летопись – это всего лишь продолжение всемирной истории, которой та постоянно как бы задает вопрос с помощью действующих лиц, пытается оценить события и их осмысление с точки зрения вечности, оправдать свой народ и властителей под взором Вседержителя. Таким образом, летопись служит официальным архивом ответа на вызов истории.

Итак, древнерусская летопись одновременно как источник и способ восприятия культурной истории конденсирует в своей структуре «литературное жертвоприношение». В нем символическим образом заключена экзистенциальная цель и реализация исторического предназначения, миссия русского народа: реформы в управлении под эгидой ожидания дальнейших указаний «сверху» в условиях «трансцендентной экзистенциальной коммуникации», когда при выходе за собственные границы становится возможным ощущение собственной «правильной» экзистенции, подлинное самопроявление и осуществление которой обретается только лишь в коммуникации [4, с. 11] – откровении с высшими силами, мистическом прозрении своего жизненного пути. Результативным итогом этой коммуникации – диалога – становится четко «литературное жертвоприношение».

Это послание о том, что для улучшения жизнедеятельности должны быть предприняты в общественно-культурной сфере преобразования, стимулирующие смену определенного типа управления, сложившегося в данных обстоятельствах. Эти перестройки реализуемы, как правило, через жертву (как и в архаических ритуалах, происходит обновление мира), которая несет в себе не только политические трансформации, но в большей степени культурно-исторические. Потому такого рода жертва (экзистенциально-историческая) имеет широкий диапазон для интерпретации.

Так, жертвоприношение Бориса и Глеба ознаменовало установление майората – принцип властительства старшего среди князей, инициировало культ святых покровителей княжеского рода и послужило началом междоусобных распрей, поставивших Русь под удар иноземцев уже к концу XI века (половцы) и в начале XIII века (татаро-монгольское нашествие).

Данная функциональная экзистенциально-историческая установка укоренена в соответствующем типе жертвы настолько практично и устойчиво, что после 1015 года (убиение князей) на Руси существовали лишь короткие перерывы в «удельных войнах». Даже при всем благих и далеко идущих намерениях Любечского съезда, когда князья пытались установить «паритетно-солидарное» управление (каждый правит только в своей волости, но вместе отбивают врага в случае опасности угрозы нападения), он не имел перспектив (сразу же после съезда было совершено ослепление Василька Тербовльского),

поскольку жертва Бориса и Глеба четко обозначила начала нового периода в истории – феодальные междоусобицы, логическим завершением которых оказался трагический разгром русских войск на Калке, когда, по словам летописца, «перевелись богатыри на Руси», что, несомненно, означало конец героического прошлого и начало ожидания неопределенного будущего.

В связи с этим приоритетные задачи, стоящие перед «литературным жертвоприношением», характеризуют степень готовности к самым активным действиям по служению Богу, самопожертвованию и самоотречению во имя лучезарного и многообещающего будущего. Оно навеяно испытанием, навязанным народу извне, испытанием преданностью и верностью высшей цели, ради осуществления и услужения которой нужно принести жертву. Это испытание – некий внешний стимул, способствующий творческой мотивации [3, с. 108], толкает этнос к решительным действиям по реформированию в текущей жизни, смещает систему от одного состояния к другому, от монотонности к динамизму. Русь, принявшая в X веке христианство, историческими условиями была спровоцирована создать институт мученичества и святости. Заодно в лице Бориса и Глеба были устранены конкуренты на трон. Общественные процессы сдвинулись в сторону братоубийственных войн и политических раздоров. Нужно было свершиться жертве, чтобы разрушился баланс прежней системы, и установилась иная историко-культурная парадигма, которой суждено также смениться после битвы на р. Калке.

Итак, основную информацию о культурной истории мы черпаем из летописи, ставшей своеобразной формулой творческого восприятия действительности ее автором или составителем. В структуре летописи заложен жанровый архетип «литературного жертвоприношения» экзистенциально-исторического модуса, своими внутренними посылами обеспечивающий в воспринимающем сознании книжника и его современников диахронический переход от одного социокультурного состояния в другое, а также влияющий на ход всего исторического процесса. Сам феномен жанра «литературного жертвоприношения» возникает в результате трансцендентной коммуникации посредством диалога (ответа на вызов, обусловленный внешними и внутренними культурно-историческими обстоятельствами), а также жанровой способностью вести диалог внутри традиции с «себе подобными». Можно считать, что в жанре «литературного жертвоприношения», являющимся формально вставочной конструкцией летописного повествования о событиях (в широком смысле – летописи), зацементировалось сознание (мышление) целой эпохи, в котором нашла отражение целая система ценностей и побудов с их потенциальной возможностью проецироваться на всю плоскость социальной жизни и влиять на течение культурной истории в рамках определенного периода, детерминированного самим «литературным жертвоприношением».

В этом, как мы полагаем, заключается непреходящее экзистенциальное значение древнерусских летописей для восприятия культурной истории: они не только нас учат трепетно относиться к традиции, но и извлекать идеи и ценности, помогающие правильно определить важную роль того или иного события и научиться своевременно реагировать на сходные социально-культурные изменения, чтобы избежать тяжелых гуманитарных последствий.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Его же. Собрание сочинений, т. 5. Работы 1940-1960 гг. М.: «Русские словари», 1997. 732 с.
2. Гараджа В.И. Социология религии: Учеб. Пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005. 348 с.
3. Тойнби А. Дж. Постижение истории: Пер. с англ. / Сост. Огурцов А. П. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. 2-е изд. М.: Республика, 1994. 527 с.

СТИХОТВОРЕНИЕ АДАМА МИЦКЕВИЧА «МОЯ БАЛОВНИЦА» В ВОКАЛЬНОЙ ЛИРИКЕ РУССКИХ КОМПОЗИТОРОВ

Карнова Е.К.

профессор кафедры истории музыки, канд. искусствоведения, доцент,
Уфимский государственный институт искусств им. З. Исмагилова,
Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются пять вокальных произведений русских композиторов, написанных по стихотворению Адама Мицкевича «Моя баловница». Романсы А. Алябьева, М. Глинки, П. Чайковского, Ц. Кюи, Н. Римского-Корсакова по времени их создания охватывают шесть десятилетий. Поэтический строй стихотворения повлек за собой использование собственных польской музыке ладов, ритмов, особого рода мелодики песенно-танцевального склада. Благодаря Мицкевичу в русской вокальной лирике возникает среди различных проявлений «инонационального» романса ярко выраженная польская ветвь.

Ключевые слова: Адам Мицкевич, русский романс, польская поэзия в русской музыке.

Поэзия Адама Мицкевича (1798–1855) – основоположника и яркого представителя польского романтизма, в течение многих десятилетий привлекала внимание русских композиторов. Одной из причин популярности его стихотворений стала их необычайная музыкальность, сближающая его с Пушкиным. Историки и литераторы не раз отмечали богатство звукового строя поэтической речи польского лирика. «Композиторов, вдохновившихся поэзией Мицкевича, всегда увлекала смелость мысли ... и художественное совершенство его творений», – пишет И. Бэлза [1, с. 5].

Многочисленный композиторский интерес вызвало популярнейшее стихотворение Мицкевича «Pieszczotka moja» («Моя баловница»). Насчитывается пять воплощений этого текста в творчестве русских композиторов – А. Алябьева, М. Глинки, П. Чайковского, Ц. Кюи, Н. Римского-Корсакова.

Прежде, чем обратиться к образцам вокальной музыки, уточним, что стихотворение написано Мицкевичем в 1825 году в Одессе. Оно имеет посвящение «К Д.Д.». «Донна Джуованна» – так автор называл свою покровительницу, хозяйку одесского салона, красавицу Каролину Собаньскую. Она славилась как образованностью, так и авантюрно-романтической биографией. Пробудив глубокие чувства в душе Мицкевича, ее облик вдохновил поэта на создание целого ряда стихотворений: «Сон», «Разговор», «Элегия», «Эле-

гия к Д.Д.», «Два слова». Вместе с «Крымскими сонетами» все перечисленные сочинения вышли из печати в Москве в 1826 году.

Сравнивая несколько переводов поэтического текста «Pieszczotka moja» на русский язык – Ю. Познанского (романс Алябьева), С. Голицына (романс Глинки), Л. Мея (романсы Римского-Корсакова и Чайковского), а также неизвестного автора (романс Кюи), отметим близость их образного содержания. Переводчики сохраняют светлое лирическое настроение в сочетании с шутливым тоном. Баловница сравнивается с птичкой, а ее речь – со щебетанием. Возникает портрет девушки, где главными чертами становятся живость характера, веселый нрав, легкое кокетство. Кроме того, передается авторский дактиль (трехдольный стихотворный размер).

Романс Алябьева «Саше» (1832), созданный по стихотворению «Моя баловница» – это первое обращение к поэзии Мицкевича русским композитором. По сути он положил начало русской музыкальной «мицкевичиане». Находясь на Кавказе, композитор составил сборник из шести романсов на стихи разных поэтов и посвятил его своей будущей жене Екатерине Александровне Офросимовой. Последний из них, на текст Мицкевича, имеет другое посвящение – сестре Офросимовой Александре.

Написанный для голоса, хора и фортепиано, романс «Саше» пока не отличается польским колоритом. Интонационная основа здесь типично русская: «российская квинта» в мелодии, гитарное сопровождение. Представляя две строфы в куплетной форме с хоровым припевом, композитор приближает романс, по мнению Б. Штейнпресса, к жанру застольной песни [5, с. 245]. При этом задуман жанровый контраст песенного начала (запев) с танцевальным (припев), что на близком расстоянии отражает быструю перемену настроения игривой героини.

Романс Глинки «К ней» написан в 1843 году. В отличие от Алябьева, композитор сразу вводит слушателя в определенное интонационное поле своей ремаркой «Tempo di mazurka». Вокальная партия имеет подчеркнuto песенно-танцевальный тип. Элементы скерцозной легкой мазурки – широкие скачки, дробление сильной доли такта, соединяются с внутрислоговым лирическим распевом.

Романс Чайковского «Моя баловница» существует в двух редакциях, обе из которых написаны в 1975 году (второй вариант отличается сокращенным видом). Композитор выстраивает развернутую трехчастную конструкцию, повторяя в репризе начальную поэтическую строфу. Указание «Tempo di mazurka» более относится к крайним частям, где песенное начало подчинено энергичному танцевальному ритму. Среднюю часть отличает резкая перемена настроения, на первый план выходит лирическое чувство, а танцевальная картинка сменяется задушевым ноктюрном. Словно рядом с игривой героиней появляется влюбленный поэт.

Через год после романса Чайковского появляется произведение Кюи «Моя баловница» (1876). Композитора привлекает характер краковяка, что об-

наруживается в двудольном размере, синкопированном ритме, быстром темпе. Вокальную партию отличает резкая смена регистров, причудливый мелодический рисунок. Героиня Кюи непредсказуема, капризна и стремительна.

На первый взгляд близким Кюи оказывается решение в романсе Римского-Корсакова «Моя баловница» (1897), где композитор дает ремарку «*Alla Krakowiak*». Очевидный польский колорит проявляется уже во вступлении, где волыночные квинты с переменными акцентами при размере 4/4 напоминают подвижный крестьянский танец. Легкость, полетность движения достигается широкими ходами песенно-танцевальной мелодии. Однако сочинение Римского-Корсакова отличает оригинальная деталь, безошибочно указывающая на стиль композитора: имитация щебета птицы в фортепианном сопровождении. В переводе Мея начальные строки следующие: «Моя баловница, отдавшись веселью, / Зальется, как птичка, серебряной трелью...». На словах «Зальется, как птичка, серебряной трелью» в партии фортепиано форшлаг и трели создают неповторимый звукоизобразительный колорит. Продолжая красочную звукопись, композитор использует альтерированные гармонии, ладовые контрасты.

Таким образом, вереница романсов на стихотворение «Моя баловница» захватывает более шестидесяти лет. Небольшое лирическое стихотворение Мицкевича своей искренностью и юношеской свежестью выражения чувства притягивало не только поэтов-переводчиков, но и русских композиторов разных поколений (нельзя не упомянуть попутно, что на эти стихи созданы прелестные песни и Ф. Шопеном, С. Монюшко). Его поэтический строй повлек за собой использование свойственных польской музыке ладов, ритмов, особого рода мелодики песенно-танцевального склада. Интерес к поэзии Мицкевича постепенно приобретет устойчивый характер, круг используемых стихотворений неизмеримо расширится. Благодаря Мицкевичу в русской вокальной лирике возникнет среди различных проявлений «инонационального» романса ярко выраженная польская ветвь.

Список литературы

1. Бэлза И.Ф. Предисловие // Пушкин и Мицкевич в вокальной лирике русских и польских композиторов [Ноты]: для голоса с фп. / ред.-сост. Л. Пилецка, Е. Степневская; предисл. И.Ф. Бэлзы. М.: Музыка; Краков: Польское муз. изд-во, 1978. С. 3-5.
2. Васина-Гроссман В.А. Музыка и поэтическое слово. М.: Музыка, 1978. Ч. 2: Интонация. 368 с.
3. Карпова Е.К. Адам Мицкевич и музыка: пути притяжения // Современные тенденции развития науки и технологий: сб. науч. тр. по мат. IX междунар. науч.-практ. конф.: в 8 ч., ч. 3. Белгород, 2015. С. 122-125.
4. Рапацкая Л.А. История русской музыки: от Древней Руси до Серебряного века: учебник. СПб.: Лань, Планета музыки, 2015. 480 с.
5. Штейнпресс Б.С. Страницы из жизни А.А. Алябьева. М.: Музгиз, 1956. 403 с.

КОЛОРИСТИЧЕСКИЙ ПРИЁМ ГЛИССАНДО В СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКЕ ДЛЯ ДОМРЫ

Логинова И.В.

ст. преподаватель кафедры народных инструментов, Уфимский государственный институт искусств им. З. Исмагилова, Россия, г. Уфа

Шайбакова Г.С.

бакалавр, Уфимский государственный институт искусств им. З. Исмагилова, Россия, г. Уфа

В предлагаемой статье авторы предприняли попытку систематизировать новые виды колористического приёма глиссандо. Выявлены параметры глиссандо, получившие наибольшее развитие, обозначена тенденция сочетания глиссандо с другими игровыми приёмами, шумовыми, звукоподражательными эффектами. Отмечается возрастание смысловой нагрузки глиссандо.

Ключевые слова: музыка для домры, глиссандо, исполнительские приёмы игры.

Красочный приём глиссандо получил широкое распространение в современной музыке для домры. В предлагаемой статье авторы предприняли попытку систематизировать выявленные ими новые разновидности этого приёма. Были изучены сочинения для домры таких композиторов как А.А. Цыганков, К.Е. Волков, Г.С. Зайцев, С.А. Губайдулина, А.А. Тимошенко и др. Также в сферу внимания вошли опусы для домры, написанные за последние годы башкирскими композиторами Ш.А. Сагитовой, А.С. Ахметовой, З.Т. Шагиевой.

В методической домровой литературе сложились следующие определения приёма глиссандо:

- А.Я. Александрова: «лёгкое быстрое скольжение пальцем (реже двумя, тремя пальцами)» [1, с. 94];

- Т.И. Вольская, И.В. Гареева: «скольжение пальцами от одной ноты к другой в восходящем или нисходящем направлении». Авторы уточняют, что глиссандо может быть быстрым, замедленным, ускоренным, а также глубоким, поверхностным [2, с. 37];

- В.П. Круглов: «специфика исполнения состоит в том, что пальцы левой руки скользят по хроматическому звукоряду звучащей струны снизу вверх или сверху вниз» [3, с. 22].

Как видим, дифференцируют глиссандо Т.И. Вольская, И.В. Гареева. Другие авторы-домристы не ставят своей целью конкретизацию данного игрового движения, что объясняется не только общеметодической направленностью изданий, но и с наиболее утвердившейся формой исполнения приёма глиссандо.

Однако с развитием домровой музыки, как следует из проведённого нами обзора современных сочинений для домры, приём глissандо подвергся всестороннему развитию и получил многочисленные варианты исполнения.

Трансформации подверглись многие параметры глissандо. Их можно систематизировать по следующим критериям:

1. Динамика:

– Динамическая шкала при исполнении глissандо расширяется от *silenzio assoluto* (абсолютная тишина) до *fffff*. Примерами, в которых встречаются такие динамические нюансы, могут служить сочинения Г.С. Зайцева «Musica trista» (1), «Concerto lirico» (2).

2. Времяизмерительность:

– Композиторы указывают точное (в секундах) время звучания глissандо. Во 2 части «Ведьино болото» из цикла А.С. Ахметовой «Тайны Южного Урала» используется импровизационное глissандо от произвольных звуков в течение 5 секунд. Для передачи в партитуре особенностей звучания, композитор использует зонно-временную нотацию (3). Семь – восемь секунд длится глissандо в опусе Г.С. Зайцева «Concerto lirico» (2);

– очень медленное глissандо. Оно имеется во 2 части сочинения С.А. Губайдулиной «По мотивам татарского фольклора», (4);

– быстрое, резкое глissандирование применяется во второй пьесе цикла С.А. Губайдулиной «По мотивам татарского фольклора» (5).

3. Выход за пределы двенадцатитоновой темперации (нетемперированное глissандо):

– глissандо посредством «оттягивания ноты на ладу» (Г.С. Зайцев «Concerto-dramatico» (6), «В проекции» 3 ч. (7);

– глissандо, когда палец левой руки движением вверх завышает звук – С.А. Губайдулина цикл из 5 пьес для домры с фортепиано «По мотивам татарского фольклора» ч.1 (8). Примечательный эффект этого «своеобразного нетемперированного глissандо – четвертитонового завышения и занижения звука» отмечают С.Ф. Лукин и М.И. Имханицкий [4, с. 6].

4. Глissандо с неопределённым звуковысотным началом или/и окончанием (Ш.С. Сагитова «Снежные сны» для домры соло (9), А.А. Тимошенко Сюита для домры и фортепиано 4 ч. (10)).

5. Глissандо, задействующее максимально возможный диапазон инструмента – Г.С. Зайцев «В проекции» 1 ч. (11).

6. Глissандо двойными нотами, аккордами (этот вид глissандо в современной музыке для домры получил различные варианты):

– восходящее и нисходящее глissандо одногласно, двойными нотами до определённого созвучия, аккорда (С.А. Губайдулина «По мотивам татарского фольклора» 4 ч.(12) , А.А. Цыганков Концерт-симфония I ч. (13));

– Глissандо аккордами в восходящем и нисходящем движении (А.А. Цыганков Концерт-симфония I ч. (14, 15)).

Как особую тенденцию, можно отметить использование глиссандо в сочетании с другими исполнительскими приёмами, звукоподражательными эффектами:

1. Глиссандо с последующим лёгким хлопком по струнам (А.С. Ахметова «Ведьмино болото»).

2. Арпеджированный аккорд, исполняемый *pizzicato* при угасании звука глиссандируется (Г.С. Зайцев «Concerto lirico» (16)).

3. Глиссандо трелью (З.Т. Шагиева «Цап-царап» (17), Г.С. Зайцев «Concerto-dramatico» (18,19)).

4. Глиссандо флажолетами (Г.С. Зайцев «Concerto-dramatico» (20)).

5. Глиссандо как звукоизобразительный приём (Г.С. Зайцев «Concerto-dramatico» (21)).

6. Quasi glissando (З.Т. Шагиева «Цап-царап» (22), Г.С. Зайцев «В проекции» (23)).

7. Глиссандо *alla guiro* – «для исполнения этого глиссандо необходимо провести медиатором между струнами так, чтобы были слышны щелчки при прохождении каждого лада, от нижних ладов к верхним» [из авторских комментариев к пьесе] (Г.С. Зайцев «В проекции», 3 ч. (24)).

8. Глиссандо, исполняемое балалаечным приёмом игры (тремоло указательным пальцем правой руки) – Г.С. Зайцев, «Musica trista» (1).

9. Ритмизованное глиссандо: по слегка прижатым струнам играть левой рукой глиссандо, а правой рукой – ритмизованные шестнадцатые (А.А. Цыганков Концерт-симфония I ч.(25)).

Многочисленные примеры использования различных вариантов глиссандо в современной музыке для домры раскрывают новые ресурсы инструмента. Существенное расширение и углубление параметров звучания глиссандо говорит об активных творческих поисках композиторов в этом направлении. Важно отметить, что колористический по своей природе исполнительский приём приобретает важную смысловую нагрузку, способствуя выражению психологизма, созданию атмосферы таинственности, мистики, гротеска.

Нотное приложение

1 (tremolo 1-м пальцем) *silenzio assoluto* *ppppp*

2 *lunga molto (7-8 sec.)* *pp* *ffff*

3 *gliss.* *ca. 5 sec.*

4

5

6

7 *8va* *8va-1* *glissando на 1/4 тона вниз*

8 *движением пальца вверх зависить звук*

9 *sul E* *sul D*

10 *gliss.* *gliss.* *8va-1*

11 *Самый высокий возможный аккорд* *fff*

12 *sf* *f* *gl.* *gl.* *gl.* *gl.* *gl.*

13 *ff* *sf* *sf*

14 *gliss.* *gliss.* *sf*

15 *gliss.* *gliss.* *ff* *sf* *sf*

16 *pizz.* *pizz.*

17 *tr.* *gliss.* *f*

18 *глицандирование трелью* *tr.*

19 *глицандирование полутоновыми трелями в максимально высоком регистре* *tr.* *gliss.* *fff* *> самая высокая нота*

20 *глицандо флажолетами на струне Ми* *gliss.* *gliss.* *mp*

21 *Спорадически импровизируемые шорохи (небольшие едва слышимые глицсы, тремоло и т.д. с "опорой" на d-moll)* *pp*

22 *quasi gliss.* *sf*

23 *quasi gliss.* *8va*

24 КОДА. Мрачно ♩=70 *gliss. alla guiro* *> pp*

25

40

Список литературы

1. Александров А.Я. Школа игры на трёхструнной домре. М., 1979. – 172 с.
2. Вольская Т.И., Гареева И.В. Технология исполнения красочных приемов игры на домре – Екатеринбург: Кедр, 1995. – 51 с.
3. Круглов В.П. Искусство игры на домре – М.: РАМ им. Гнесиных, 2003. – 195 с.
4. Лукин С.Ф., Имханицкий М.И. Методика работы над новым репертуаром для домры.

И.Ф. ЛАСКОВСКИЙ – СОЗДАТЕЛЬ ПЕРВОЙ РУССКОЙ ФОРТЕПИАННОЙ БАЛЛАДЫ

Махней С.И.

доцент кафедры истории музыки, канд. искусствоведения, доцент,
Уфимский государственный институт искусств им. З. Исмагилова,
Россия, г. Уфа

В статье анализируется фортепианная баллада И.Ф. Ласковского. Подчёркивается закономерность появления нового жанра в русской музыке первой половины XIX века, отмечается близость сочинения Ласковского к балладам Ф. Шопена, определяется его историческая роль.

Ключевые слова: XIX век, Петербург, концерты, репертуар, романтизм, Ф. Шопен, повествовательность, лирика.

Жизнь и творчество И.Ф. Ласковского связаны с Петербургом первой половины XIX столетия – временем подъёма концертной жизни северной столицы. Исследователи отмечают, что в начале XIX века концертная жизнь в России в целом заметно обогащается. Наряду с хоровыми и симфоническими концертами большое место занимает камерное исполнительство. В частых камерных концертах, которые устраивались в домашних салонах, дворянских собраниях и учебных заведениях, участвовали и русские, и иностранные исполнители. В 1820-1830-х годах там с успехом выступал И.Ф. Ласковский.

Репертуар Ласковского-пианиста складывался, в основном, из собственных сочинений, которые, наряду с автором, исполняли и другие музыканты. М.А. Балакирев включал его произведения в собственную программу, был лично знаком с Ласковским и высоко ценил его творчество: «Фортепианная музыка, хотя и была затронута Глинкой, но первым русским фортепианным композитором следует признать Ивана Фёдоровича Ласковского» [цит. по: 2, с. 259-260]. После смерти Ласковского, в 1858 году, Балакирев способствовал изданию двух томов фортепианных сочинений композитора.

Появление баллады у Ласковского неслучайно. Очевидна связь композитора с европейским романтизмом, что отразилось в жанровых предпочтениях автора: польки, тарантеллы, «Песенки без слов» и др. Он, как и другие русские музыканты, увлекался творчеством Ф. Шопена. Можно заметить не только жанровые параллели с его сочинениями (вальсы, мазурки, скерцо, ноктюрны), но и родство некоторых произведений. Так, по наблюдению А.Д. Алексеева, «в мазурке b-moll явно слышатся отзвуки Шопена» [1, с. 72].

Известно, что Иван Фёдорович знал многие сочинения польского композитора. На это указывает Балакирев. В одном из его писем к С.Н. Лалаевой от 26.07.1909 имеются следующие строки: «Мне было лет 15, когда мне пришлось познакомиться с Ласковским. Он был первым, от которого я услышал частицу h-moll'ной сонаты Шопена, о которой до того времени не имел понятия, хотя уже знал его Первый концерт и другие сочинения, которые всегда на меня производили глубокое впечатление» [цит. по: 2, с. 15].

Если учитывать время возникновения баллад и h-moll'ной сонаты Шопена, то ещё значительнее становится предположение о знакомстве с ними Ласковского. Соната, которую услышал Милий Алексеевич, была написана в 1845 году. К этому времени Шопен уже являлся автором всех своих баллад.

Не без влияния Шопена Ласковский отходит от камерности звучания, присущей большинству его сочинений, и создаёт свою балладу как концертное произведение. Масштабность баллады, разнообразие динамических оттенков, вплоть до использования **f**, **ff**, широкий диапазон, обилие октавных удвоений, придают произведению черты концертности.

Особые композиционно-драматургические нормы балладного жанра с его «устремлённостью сквозного развития от эпико-лирической завязки к драматической <...> развязке» (В.П. Бобровский) находят воплощение в фортепианной балладе Ласковского, написанной в свободно трактованной сонатной форме. Эпическое начало выступает здесь в значении повествовательного, и наиболее ярко проявляется в главной партии сочинения. Здесь можно провести параллель с Шопеном. Как отмечает Н. Виеру, в балладах Шопена эпическое понятие «особенно приблизительно, так как шопеновская повествовательность не совпадает с обычным представлением о ней как о фольклорной, обобщённо-монументальной манере изложения. Эпическое у Шопена всегда согрето лиризмом, иногда интимно-камерного плана, и отличается тонкой детализацией эмоциональных оттенков» [3, с. 220].

Главная партия (тональность fis-moll) написана в трёхчастной форме. В I части дана тема повествовательного характера. Её порывистые, устремлённые мотивы, по мнению В.И. Музалевского, напоминают «рассказ о волнующих переживаниях» [4, с. 241]. Первый раздел главной партии состоит из двух элементов. Второй элемент противопоставлен первому, словно ответ, дающий успокоение активному движению. Это можно усмотреть в замедлении темпа, смене динамических оттенков, мелодической остановке (речитации на одном звуке). В среднем разделе главной партии изложена контрастная тема лирического характера. Она является предвестником побочной партии.

Лирика, пронизывая все темы баллады, особенно ярко представлена в побочной партии. Тема побочной партии зародилась, как было отмечено, в недрах главной, по типу мелодии и фактуры она представляет собой «колыбельную песню» [там же], уводящую от взволнованного, несколько мрачного тона главной партии в мир спокойствия. В её строении усматривается трёхчастность. Средний раздел включает отклонения, а последний – динамизированная реприза (изменена фактура сопровождения; более насыщена динамика звучания).

В побочной партии осуществляется уход от лиризма. Драматизм, даже трагизм, возникает в последнем проведении побочной партии. В начале коды она изложена в мажоре. Внезапно происходит смена лада на одноимённый минор: лирическая тема «захватывается» основной тональностью.

Тему вступления также можно отнести к миру драматического. Она носит призывный характер. Благодаря тонико-доминантовым гармониям чётко устанавливается основная тональность произведения. Тема вступления играет

большую роль в экспозиции – на её элементах построен подход к последнему разделу главной партии, её интонации вклиниваются в репризу главной партии.

Свободная трактовка сонатной формы раскрывается в строении следующих разделов. Небольшая разработка развивает тему вступления, которая излагается в разных тональностях (D-dur, fis-moll, e-moll, h-moll). С каждым её проведением характер становится более драматичным. Лишь перед началом репризы, словно воспоминание, на доминантовой гармонии проходит первый элемент главной партии, который после неустойчивой разработки, возвращает основную тональность произведения.

Реприза, как и разработка, строится на теме вступления. Однако здесь можно усмотреть элементы главной партии. Отсутствие побочной компенсируется в коде, основанной на драматизации темы побочной партии.

Отход от норм сонатной формы сближает сочинение с балладами Шопена. В строении можно найти черты сходства с его Первой балладой. Так, оба произведения начинаются со вступительного раздела, который разграничен с главной партией сменой темпа. Вступления по своему масштабу сходны: у Ласковского 6 тактов, у Шопена – 8. Переход от главной партии к побочной осуществляется через небольшую связку виртуозного плана. И у Шопена, и у Ласковского она представляет собой гармонические фигурации и резкий спад динамики. Нельзя не заметить сходства и в подаче побочной партии: в обеих балладах она обособлена.

При очевидной близости к балладам Шопена, сочинение Ласковского сыграло свою историческую роль: оно явилось первым образцом фортепианной романтической баллады в русской музыке. Это был шаг вперёд в развитии отечественной музыки XIX века, связанный с освоением новых жанров и форм.

Список литературы

1. Алексеев А.Д. Русская фортепианная музыка: От истоков до вершин творчества / А.Д. Алексеев. – М.: АН СССР, 1963. – 272 с.
2. Балакирев М.А. Летопись жизни и творчества / отв. ред. Э.Л. Фрид. – Л.: Музыка, 1967. – 599 с.
3. Виеру Н. Драматургия баллад Шопена // О музыке: проблемы анализа / сост. В.П. Бобровский. – М.: Музыка, 1974. – С. 219-245.
4. Музалевский В.И. Русское фортепианное искусство: XVIII – первая половина XIX века / В.И. Музалевский. – Л.: Музгиз, 1961. – 320 с.

ВАЛЕРИЙ БАШЕНЁВ – МУЗЫКАНТ, ПЕДАГОГ, ЧЕЛОВЕК

Платонова С.М.

профессор, заведующая кафедрой истории музыки, канд. иск.,
Уфимский государственный институт искусств имени Загира Исмагилова,
Россия, г. Уфа

В статье даётся творческий портрет одного из авторитетных уфимских музыкантов – баяниста Валерия Алексеевича Башенёва. Характеризуется книга, опубликованная к его 70-летию.

Ключевые слова: баянисты, Уфа, Валерий Башенёв, 70-летие.

Как бы ни менялась общественно-историческая обстановка в нашей стране, отечественные баянисты не теряются в окружающем мире. Они могут и выступить с блестящей концертной программой, и саккомпанировать певцам, и развеселить всех на народном гулянии, и разбередить душу протяжным напевом... Могут сделать аранжировку, транскрипцию и оркестровку. Способны организовать фольклорный ансамбль с актуальным не только в России, но и за рубежом репертуаром. Нередко пишут статьи и редактируют сборники. При необходимости – встанут к оркестру – например, «андреевскому», состоящему из русских народных инструментов, или большому симфоническому – и публика будет поражена силой их энергетики, глубиной их понимания музыки.

В баянистах сочетается природный талант, идущий из самых глубин народной жизни, и присущая им скромность, вместе с интеллигентностью и гордым достоинством. Из баянистов получаются хорошие руководители – учреждений культуры, музыкальных школ и училищ, оркестров и театров... Образование у них высокопрофессиональное – качественное и разностороннее.

Среди баянистов, подобных тем, о которых идёт речь – Валерий Алексеевич Башенёв. Он посвящает свою сегодняшнюю жизнь одной из сложных, но столь важных сфер деятельности – подготовке учителей музыки в системе отечественного образования. Башенёв работает на кафедре музыкальных инструментов и компьютерных технологий Института педагогики Башкирского государственного педагогического университета имени Мифтехетдина Акмуллы, расположившемся в центре Уфы.

Валерий Алексеевич родился 22 февраля 1942 года на Урале, в горняцком городке Карпинске на севере Свердловской области. Музыкальное училище по классу баяна окончил в г. Челябинске. Большую роль в профессиональном становлении сыграла насыщенная музыкальная жизнь южноуральского города, характерная для 1950-х – 1960-х годов. Высшее образование получил в филиале Гнесинского института (этот уникальный заочный филиал – Учебно-консультационный пункт московского Государственного музыкально-педагогического института имени Гнесиных находился в Уфе с 1961 по 1968 год). С 1970 по 1989 год он трудился в Уфимском институте искусств. Всегда отличался стремлением к высоким результатам, где бы ни был. И успешно выполнял очень ответственные обязанности – декан, проректор по учебной и научной работе (в институте искусств), заведующий кафедрой (в Башкирском педагогическом университете). Он – профессор, концертный исполнитель (долго работал артистом Башгосфилармонии), дирижёр.

Когда в педуниверситете Башенёв руководил кафедрой музыкальных инструментов и теории музыки, то не боялся формулировать и решать сложные проблемы. Например, именно он инициировал на кафедре освоение нового, востребованного направления – «Музыкально-компьютерные техноло-

гии». Среди многочисленных научно-методических работ Башенёва находится немало актуальных проблемных статей, например, опубликованная в сборнике Международной интернет-конференции (2007), где осмысливаются самые острые вопросы современной системы образования, среди них – причины падения престижа профессии музыкального педагога. Валерий Алексеевич справедливо выражает сомнение, что «в будущем найдутся энтузиасты, которые захотят очень долго, трудно и очень дорого учиться, чтобы в итоге иметь низкую заработную плату и соответствующий социальный статус» [2, с. 42].

Сегодня важно рассказать об этом человеке потому, что он является собой пример для окружающих, а его жизненный и профессиональный опыт может быть использован всеми, кто пожелает. О нём издана книга с подзаголовком «Творческий портрет» (Уфа, 2012; составителями выступили коллеги и соратники – доктор искусствоведения Равиль Галимович Рахимов, кандидат искусствоведения Рашида Гильмановна Сагадеева и кандидат педагогических наук Ирма Рашитовна Левина). Обратившись к ней, можно узнать обо всех более чем 150 учениках Башенёва (среди них 20 руководителей – директоров различных учреждений культуры; у каждого ученика названы год окончания, дисциплина, которую вёл Валерий Алексеевич, – специальный или основной инструмент, дипломный реферат, ансамбль, концертмейстерский класс, а также место его работы на 2012 год). Имеется полный список наград (90 различных поощрений), научных и методических трудов Валерия Алексеевича (125 наименований), а также работ других авторов – о нём (38 материалов). К книге, посвящённой юбилею Валерия Алексеевича – 70-летию со дня рождения, приложена объёмная фотогалерея.

Валерия Башенёва отличают позитивные человеческие качества: скромность, деятельная активность, большой творческий потенциал, заботливое, тёплое, душевное отношение к ученикам и коллегам, оптимизм, умение преодолевать разные встречающиеся на его пути трудности.

Список литературы

1. В творческом поиске: сб. материалов / сост. В.А. Башенёв. – Уфа: Уфимский государственный институт искусств; «Узорица», 2000. – 110 с.
2. Валерий Башенёв: Творческий портрет. – Уфа: Изд-во Башкирского государственного педагогического университета, 2012. – 100 с.
3. Кафедре народных инструментов Уфимской государственной академии искусств имени Загира Исмагилова – 40 лет: сб. материалов и статей. – Уфа, 2010. – 107 с.
4. Платонова С.М. Новые тенденции в современной советской музыке для баяна (1960-е – 1-я половина 1980-х годов): автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 – Вильнюс, 1988. – 26 с.

Подписано в печать 12.05.2016. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,37. Тираж 100 экз. Заказ № 144
ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1
ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

Эшманова С.К., Сабиралиева З.М.

ТЕКСТ ЖАНА АНЫН ТИПТЕРИ

Эшманова С.К., Сабиралиева З.М.

ТЕКСТ И ЕГО ТИПЫ

S.K. Eshmanova, Z.M. Sabiralieva

THE TEXT AND ITS TYPES

УДК: 370.371.036

Макалада текст теориясынын негизги өңүттөрү сыпатталат. Тексттин түрлөрү жана типтери жиктелет. Тексттин эң жалпы аныктамасы берилет. Текстти бөлүштүрүүнүн чен-өлчөмдөрү сунушталат.

Негизги сөздөр: *текст, тексттин теориясы, текстология, текст лингвистикасынын өңүттөрү, текстти бөлүштүрүүнүн чен-өлчөмдөрү, тексттин түрлөрү, ири тексттер, кичи тексттер.*

В статье описываются основные аспекты теории текста. Разграничиваются типы и виды текста. Дается самое общее определение текста. Предлагаются критерии классификации текста.

Ключевые слова: *текст, теория текста, текстология, аспекты теории текста, критерии классификации текста, типы текста, макротексты, микро-тексты.*

This article describes the aspects of the text osnovyne theory. Delimited text types and kinds. We give the most general definition of the text. Proposed text classification criteria.

Key words: *theory of text, text theory, aspects of the theory of the text, the criteria for the classification of text, text types, makroteksty, micro-printing.*

Учурда текст теориясы бир нече багытта изилденип жүрөт:

- текст лингвистикасы;
- текст типологиясы;
- текст грамматикасы (же текст синтаксиси)
- текст стилистикасы;
- текст семантикасы (семасиологиясы);
- текст прагматикасы ж.б.

Бул багыттардын эң жалпысы – текст лингвистикасы. Аны текст теориясы, текст таануу же текстология деп атоого да болот (В.Г. Адмони, В.И. Кодухов, С.Ж.Мусаев). Бул аспектиде текстке тиешелүү бардык маселелер анализге алынат. Мында тексттин жалпы теориясы, белгилери, категориялары, методологиялык негиздери, ыкма-методдору, принциптери, иликтенет.

Текст таануу – лингвистиканын өзүнчө тармагы. Анын негизги объектиси – текст. Ар кандай текст – бүтүн жана биримдиктеги кеп чыгармасы. Ал өзүнчө структура, “жалпыдан бөлүктөргө” карай аныкталчу кептик түзүлүш. Анын жалпы көрсөткүчтөрү аткарылуу, ишке ашуу түрүнө багынат. Оозеки же жазма түрдө, илимий же сүйлөшмө түрдө, диалог же монолог түрдө, микро же макро көлөмдө болушу тексттин жалпы турпатын, мазмунун жана түзүлүшүн аныктайт. Макротекст иерархиялык ички бөлүнүштөргө ээ, кичи (микро) тексттердин жыйындысы катары кызмат кылат.

Текст – коммуникативдик бирдик. Аны грамматикалык жана лексикалык гана каражаттар түзбөйт. Бул жерде ой-пикир, семантика, маани-маңыз, менталдык-когнитивдик элементтер орчундуу кызмат кылат. Текст тилдик алкакты гана камтыбайт, логикалык-маанилик, композициялык, когнитивдик-коммуникативдик, этнокультурологиялык, социологиялык ж.б. башталыштарды өз кучагына алат. Ошондуктан, текст теориясын интегралдык же интеграциялоочу илимий тармак деп атоо өтө эле негиздүү [2, 166].

Текст таануу, демек, – интеграциялоочу илим. Ал кийинки аталган багыттарды да өз кучагына алат. Текст типологиясы же текст грамматикасы текст таануунун сыртына чыкпайт. Текст стилистикасы менен текст прагматикасы да текстологиянын ичинде жайгашып турат. Ошондуктан, жогоруда ачыратылган багыттар тең укуктуу, бир кылка эмес. Алардын ичинде жалпылоочу, интеграциялоочу милдетти текст таануу гана аткара алат.

“Жөнөкөйдөн татаалга”, “төмөндөн жогоруга” карай принцибин жетекчиликке ала турган болсок, анда жөнөкөй сүйлөм коммуникативдик бирдик катары татаал коммуникативдик бирдикке – татаал сүйлөмгө кирет, татаал сүйлөм маанилик биримдиктеги бир нече сүйлөмдүн уюмуна кирет. Мындай коммуникативдик блоктор семантикалык-грамматикалык бүтүндүктү түзөт. Бул бүтүндүктү тема, мазмун, бириктиргич каражаттар (байламталар, бөлүкчөлөр, ат атоочтор, кириңди сөздөр, сөз тартиби, фигуралар ж.б.) уюштурат. Ошондуктан, сөз жасоо терминине аналогия түрүндө киргизилген текст жасоо же тексттик дериватология терминин (сунуштаган С.Г. Ильенко) кабыл алууга болот. Ушул көз караш менен алганда текст кептик аракетин чыгармасы жана натыйжасы катары аныкталууга тийиш.

Текстти окумуштуулар ар түрдүү бөлүштүрүшөт жана ага ар кыл аныктама беришет.

Текст теориясында типология өзгөчө орунду ээлейт. Тексттин типологиясын сыпаттоодон мурда жогорудагы жоболорго таянып текст концептине аныктама берүүгө аракет кылып көрөлү.

Текст – бул бир тилдин тыбыштык-тамгалык белгилери аркылуу турпатталаган, байланыштуулукка, уюшуу бүтүндүгүнө жана стилдик-маанилик биримдикке ээ, маалыматты чагылдырууга, сактоого, берүүгө же таркатууга арналган, бир сүйлөмдөн ири чыгармага чейинки көлөмдү камтыган кептик чыгарма. Бул аныктама төмөндөгү тексттик белгилерди өз кучагына алат:

- 1) оозеки-жазма мүнөздө болушу;
- 2) байланыштуулук, уюшулгандык, бөлүктөрдүн тизмектешип келиши;
- 3) жайылмалуулук, көлөмдүүлүк;
- 4) функциялык-стилдик жана тематикалык биримдик;
- 5) структура-маани жактан бүтүндүк;
- 6) максаттуулук, бир максатка, темага баш ийгендик;
- 7) маалымат чагылдырууга, билгизүүгө, сактоого жана таркатууга жөндөмдүүлүк;
- 8) бир тилдик тыбыш-тамгалар аркылуу туюнтулгандык ж.б.

Акыркы аталган сапат кээде бузулуп кетет. Билингвизм шартында кеп эки тилде тең жүрүшү мүмкүн. Мисалы, жарнак, көрнөктөрдү, конституцияны, закондорду ж.б. караңыз.

Тексттин типологиясы бир нече критерийлер аркылуу жүргүзүлөт:

1) көлөмү боюнча: а) минитексттер; б) орточо тексттер; в) макро тексттер;

2) аткаруучу стили боюнча: а) сыпаттоо тексттери; б) баяндоо тексттери; в) ой жүгүртүү тексттери;

3) маалыматтын мазмунуна карап: а) аз маалыматтуу тексттер; б) орточо маалыматтуу тексттер; в) көп жана жыш маалыматтуу тексттер;

4) тааныштыгы боюнча: а) тааныш тексттер; б) чала тааныш тексттер; в) бейтааныш: аа) окулбаган тексттер; бб) латиницадагы тексттер; вв) иероглифтеги тексттер; гг) армян, грузин, араб, брахми, деванагари ж.б. графикасындагы тексттер; дд) петроглифтер ж.б.;

5) колдонуу чөйрөсү боюнча: а) илимий тексттер: аа) нагыз илимий; бб) илимий-популярдуу; вв) окуу-илимий; б) көркөм тексттер: аа) проза; бб) поэзия; вв) драма; в) публицистикалык тексттер ж.б.;

6) кошумча мааниси жана максаты бар тексттер: а) магиялык тексттер; б) диний тексттер; в) рекламалык тексттер; г) шифрленген тексттер; д) окуу үчүн тексттер ж.б.;

7) тили боюнча: а) эне тилдин тексттери; б) бөтөн тилдеги тексттер; в) бир тилдүү (монолингвалдык) тексттер; г) диалингвалдык тексттер; д) полилингвалдык тексттер ж.б.

Демек, текст көп түрдүү, ар түрдүү, ар көлөмдүү болот. Алар көлөмү, максаты, стили ж.б. параметрлери боюнча өз ара жиктелет. Бир критерий менен аны классификациялоого болбойт.

Тумардагы тексттин көлөмү чектүү, анын мазмуну купуя күчкө ээ жана көлөмү чоң эмес. Анда магиялык керемет күч бар. Анын мазмуну ээсине дем берет, туура, ишенимдүү жашоого шыктандырат, адресатка маалым эмес. Аны түзүүчүдөн башка эч ким окубайт.

Справочниктердеги, энциклопедиялардагы тексттер 1-класс үчүн “Алиппенин” мазмунун түзгөн тексттерден ар тарабынан айырмаланат.

Тексттер реципиенттери менен да өз ара окшобойт. 1-класстын окуучусу текстти өзү тандабайт. Ал сунушталган текстти окууга мажбур. Ал

эми энциклопедиядагы статьяны тандоону реципиент өзү эле чечип алат.

Тексттер көлөмү боюнча да ар түрдүү. Көлөмүнө карап бөлүштүрүү башка классификациялардан айырмаланат. Минималдык көлөмдөгү тексттер сүйлөмдөн эле турат, мисалы, чакырыктар же макалдар. Кичи же орто тексттер абзацтан, бир нече сүйлөмдөрдүн түрмөгүнөн уюшулат, мисалы, анекдоттор, велеризмдер, мини тамсилдер. Ири көлөмдөгү тексттер бир нече бөлүктөрдөн, главлардан, томдордон турушу мүмкүн.

Функционалдык стилдерге таандык болушуна карап текст көркөм, илимий, публицистикалык, өндүрүштүк-техникалык, официалдуу-концелярлык болуп бир нече чөйрөлүк түрлөргө ажыратылат. Булар өз ичинен кичи жанрларды же поджанрларды жиктешет.

Адресант менен адресатты өз ара карым-катышына карап да тексттер түрлөнөт. Диалогдо алар өз ролдорун аркы-терки алмаштырып пикир алмашышат. Драмалык тексттер да диалогдук мүнөздө уюшулат. Диалог тилдин оозеки түрүнө мүнөздүү сапаттар менен ишке ашат. Мында текст кыска, эллиптикалаык, чала уюшулган, үзүк-үзүк, тизмеги бузулган, оозеки кептик сөздөр жана фразеологизмдер пайдаланылган, экстралингвистикалык каражат-ыкмалар коштогон (ымдоо, жаңсоо, тыбыштарга басым жасоо же созуу ж.б.) мүнөздө колдонулат. Монолог-текст негизинен адабий-жазма лексикага негизделет, айтымдар узун, жайылма, ырааттуу уюшулат, сүйлөмдөр бүтүн, туура түзүлөт, анда узун түрмөктөр, татаал курулуштагы сүйлөмдөр учурайт. Монологдун конкреттүү адресаты жок. Монолог-текст көпчүлүккө арналат. Полилогдук кептин катышуучулары көп болуп, алар бирдей укукта пикир алмашууга катышат.

Аткаруу стили боюнча тексттер сыпаттоочу, баяндоочу жана ой жүгүртүүчү болуп үч топко ажыратылат [5, 75-78 бб.].

Бул үч стилдеги тексттин өзгөчөлүктөрү окутуу максатында аныкталгандыктан мында методикалык сунуштар коштоп турат. Ал эми нагыз лингвистикалык өңүттө алганда баяндоо өтмүшкө багытталып, болуп өткөн окуяларды мүнөздөп берет. Сүрөттөө же сыпаттоо тексти болсо учурда актуалдуу болгон нерселердин белгилерин, касиеттерин, жалпылык-айырмачылыктарын, түстүк, көлөмдүк, структуралык ж.б. бөтөнчөлүктөрүн аныктоого арналат. Ой жүгүртүү текстинин негизин проблема коюп чечүү, окуялардын, нерселердин түпкү маани-маңызын, жаралуу себебин аныктоо, өз ара байланыштарын, законченемдүүлүктөрүн айкындоо түзөт. Тексттин мындай үч түрү бардык эле стилдерде колдонула берет. Мисалы, автомашинанын кыймылдаткычы жөнүндө баяндоо кылса болот (Качан ал пайда болгон? Ким аны биринчи ойлоп тапкан? Жүрө-жүрө кыймылдаткыч кантип өнүктүрүлгөн? ж.б.), сыпаттоо же сүрөттөө текстин уюштурса да болот (Ал кандай бөлүктөрдөн турат? Ар бир тексттин кызматы кандай? ж.б.), ой жүгүртүү тексти да кыймылдаткычка тиешеси болушу мүмкүн (Кыймылдаткычтын иштөө принциптери эмнеде? Кантип ал механизм-

дерди аракеттендирет? Ал кайсы сфераларда колдонулат? ж.б.). Ошондуктан келтирилген цитатадагы сүрөттөө менен баяндоону көркөм адабиятка гана байланыштырып кою – бир беткейликтин белгиси.

Тексттин бул үч түрү дээрлик монолог түрүндө ишке ашат, ошондуктан аларды монологдун түрлөрү катары кароого да болот.

Текстти түшүнүүгө, толук түшүнбөөгө, тапкыр түшүнбөөгө болот. Текст көп учурда эл аралык кептик кубулуш катары кызмат кылат. Угуу же окуу үчүн берилген тексттин тили, анын авторунун тили жана реципиенттин (угуучу/окуучунун) тили ар түрдүү болот. Тексттин тили автордун тили болбойт да калат, эгер ал башка тилден которулган болсо. Тексттин тили автордун да, окуучу-угуучунун да тили болбой калышы ыктымал. Тексттин тили реципиенттин эне тили болуп, бирок реципиент адресаттын тилине которуп берип жаткан болушу мүмкүн. Текст эки же үч тилде деле учурай берет. Россия теле көрсөтүүсүндөгү тексттер орустарга гана эмес, орус эместерге да арналат. Аларды россиялыктар да (якуттар, эвенктер, мордвалыктар, буряттар, чечендер...), россиялык эместер да (өзбектер, грузиндер, эстондор, казактар...) да кабыл алышат. Мечитте айтылган азан – текст. Ал араб тилинде жана кайталоолорго негизделген. Аны кыргыздар толуп жаткан варианттарда айтышат. Бирок бардык учурда анын мазмуну бирдей. Азанга мамиле да ар түрдүү. Бирөөлөр кош көңүл мамиле кылат. Бирөөлөр үчүн ал өзгөчө ритуал, диний каада. Булар аны ызатташат. Кээ бирөөлөр үчүн азан өтө ыйык. Аны айтып жатканда ишин токтотуп, Жаратканга табынып, андан ден-соолук, узун өмүр, ырыс-кешик, бак-дөөлөт, ынсап тилеп, өзүнчө күч, дем алат. Азандын мазмунун да ар ким ар түрдүү түшүнөт. Монолингв орус аны түшүнбөйт. Кыргыздын айрымдарына кээ бир араб сөздөрү маалым. Өзбек менен тажиктерге азандын тили бир топ жакыныраак, анткени алардын эне тилдеринде азандагы айрым сөздөр активдүү колдонулуп кеткен. Арабдар же башка дин адамдары бул текстти толук түшүнөт. Алар кыргыз айткан азанды сындашы да мүмкүн.

Ошентип, текстти бир нече критерийлер менен топтоштурууга болорлугу далилденди. Булардын орчундуусу – адресант менен адресаттын жекече бөтөнчөлүктөрү. Тексттин колдонушуна, түшүндүрүү / түшүнүүсүнө жеке инсандын ролу чоң. Тил инсаны кеп аракети түзгөн тилдик эмес мазмундагы “субъект – объект – кеп процесси – жагдайлардын жыйындысы” системасында борбордук орунду ээлейт. С.Е. Никитина айткандай, “говоря о языковом сознании личности, мы должны иметь в виду те особенности речевого поведения индивидуума, которые определяются коммуникативной ситуацией, его языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, возрастом, психическим типом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константами и переменными параметрами личности” [4, 34-б.]. Кеп инсанынын негизги туруктуу жана өзгөрүлмө көрсөткүчтөрү катары коммуникативдик жагдай, анын тилдик жана маданий статусу, социалдык абалы, жынысы, жашы, психикалык тиби, көзкарашы, өмүр баянынын өзгөчөлүктөрү сыяктуу параметрлер аталат. Бул көрсөткүчтөр тигил же бул даражада инсандын кебинде жана кеп аракетинде ишке ашат. Текст кеп чыгармасы катары айтуучу-жазуучунун сапаттарын жана угуучу-окуучунун мүдөө-талаптарын чагылдырат жана эсепке алат, ошондуктан ал субъективдүү жекече кеп чыгармасы кызмат кылат.

Адабияттар:

1. Кодухов В.И. Психологическое направление в языкознании в преподавании русского языка. - Илим, 1993. - 281-б.
2. Маразыков Т.С. Кыргыз тилинде текстти интеграциялоочу лингвистикалык каражаттар. - 3 китеп. - Б., 2005. - 166-б.
3. Мусаев С.Ж. Текст: прагматика, структура. - Б., 2000. - 322-б.
4. Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в культуре // Язык и личность. - М., 1989. - 32-39-б.
5. Тагаева З. Кыргыз тили сабактарында байланыштуу кепти окутуу. - Ош, 2008. - 176-б.

Рецензент: д.филол.н., профессор Байгазиев С.

Министерство образования и науки Российской Федерации
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФОРТУНАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В КАРЕЛИИ

*Сборник докладов международной научной конференции
(10—12 сентября 2018 года, г. Петрозаводск)*

ЧАСТЬ 2

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2018

УДК 81
ББК 81
Ф804

Издание осуществлено на средства проекта № 18-012-20031 Г (грант РФФИ)

Редакционная коллегия:

Л. Л. Шестакова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва);
Н. В. Патроева (науч. редактор), доктор филологических наук, профессор (ПетрГУ);
О. В. Никитин, доктор филологических наук, профессор (МГОУ)

Ф804 **Фортунаговские чтения в Карелии** : сборник докладов международной научной конференции (10—12 сентября 2018 года, г. Петрозаводск) : в 2 ч. / науч. ред. Н. В. Патроева ; предисл. Н. В. Патроевой и О. В. Никитина. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2018.

ISBN 978-5-8021-3376-7

Ч. 2 — 108 с.

ISBN 978-5-8021-3378-1

В сборнике представлены материалы докладов международной научной конференции «Фортунаговские чтения в Карелии», состоявшейся 10—12 сентября 2018 г. в Петрозаводском государственном университете. Участники конференции обсуждали проблемы лингвистической типологии, сравнительного языковедения, морфологии и синтаксиса, словообразования, лексикологии и лексикографии, теории письма и фонологии, исторической стилистики, методики преподавания русского языка. Материалы представлены академически-ми учеными и вузовскими преподавателями России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Италии, Киргизии, Молдавии, Сербии, Словакии, Узбекистана, Украины, Финляндии.

Статьи окажутся полезными языковедам, преподавателям высшей школы, учителям-словесникам, аспирантам и студентам-филологам.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-8021-3378-1 (ч. 2) © Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институт лингвистических исследований РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Московский государственный областной университет, Петрозаводский государственный университет, Вологодский государственный университет, 2018
ISBN 978-5-8021-3376-7

МЕДИАТОРЫ ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА *БОГАТЫРЬ* В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье представлен сакральный концепт «богатырь», который изначально вызывал противоречивые гипотезы происхождения среди ученых. Сложилось несколько мнений — от татарского до языческого происхождения. Сакральность концепта не оспаривается. Но христианское мировосприятие в корне изменило и трансформировало концепт «богатырь» с коннотативным оттенком. Медиаторами современных трансформаций являются средства массовой информации, которые десакрализируют и формируют неправильное представление у подрастающего поколения о данном концепте.

Ключевые слова: концепт, сакральность, десакральность, семантическая деформация, медиаторы десакрализации.

Shkuran Oksana Vladimirovna, Lugansk Taras Shevchenko National University, Lugansk, Lugansk People's Republic
oksana.shkuran@mail.ru

Mediators of decalcalization of the concept *bogatyr* in modern language space

The article presents the sacred concept «hero», which initially caused contradictory hypotheses of origin among scientists. There were several opinions — from Tatar to pagan origin. The sacredness of the concept is not contested. But the Christian world view radically changed and transformed the concept of «hero» with connotative connotation. The mediators of modern transformations are the mass media that desacralize and form a misconception about the concept in the younger generation.

Keywords: concept, sacral, desacral, semantic deformation, mediators of desacralization.

Уже не одно столетие человек пытается сформировать полное представление о мире и своем месте в нем, найти ответы на многочисленные вопросы, которые волнуют его на протяжении всей жизни. Каждая эпоха постепенно формирует взгляд определенной нации и отдельной личности. Мировоззрение — это фундамент человеческого сознания. Последнее время исследователи различных отраслей наук на материале разных языков трудятся над проблемой упорядочивания мира, т. е. формирования субъективного образа объективной реальности, что зависит от сферы идеального, опредмечивается в знаковых формах, не воплощаясь ни в одну из них. В процессе жизнедеятельности человек использует достижения культуры как необходимого условия формирования переживаний, мыслей, навыков и т. д.

А несущей конструкцией культуры является сакральность. Именно сакральные ценности определяли и продолжают определять вектор направленности развития человеческого общества на протяжении многих тысячелетий [3, 14—15]. Сакральность стоит расценивать как метакатегорию, которая включает не только научно-рациональные знания, но и знания, полученные в процессе литературно-творческого занятия, при соприкосновении с религиозной верой. Метакатегория сакральности определяет ценностно-смысловое существование всего гуманитарного знания [3, 16].

На протяжении многих веков через народно-поэтическое творчество формировался повышенный интерес к понятию «богатырь», который позже приобрел статус концепта, микроконцепты которого иллюстрируют как сакральное, так и десакральное понимание. Почему произошли такие семантические трансформации не только в языковой, но и в концептуальной картине мира?

К происхождению слова *богатырь* всегда был научный интерес, поэтому существует так много версий как давнего, так и современного толкования. В «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (1890—1907) собрана достаточно полная информация о том, что оно заимствовано из тюркских языков, а именно татарского, и представлено в различных формах — *багхатур*, *багадур*, *батур*, *батырь*, *батор* и др. Возможно, что оно заимствовано, как считает О. Миллер, с санскрита *baghadhara* (обладающий счастьем, удачный) и что русское *богатырь* восходит к праарийскому началу. Но такому происхождению соответствовало бы коренное русское *богодар*, а не *богатырь*. Современные переводные словари лексему *bohatur* представляют в македонском, словенском, чешском языках [8].

В украинском языке существует две лексемы *багатир* (м. р. *багач*; ж. р. *багатирка*) — в одном значении наделенный богатством, в противопоставление бедняку; и *богатир* — 1) герой, народный воин, прославленный в народных песнях, наделенный большой силой и отвагой; 2) сильный, крепкий, трудолюбивый, отважный человек мужского пола [9, 208].

Российские лингвисты В. Щепкин, Ф. Буслаев (1863) считали правильным утверждать христианское происхождение лексемы: *Бог* < *богатый* < *богатырь* — тот, кому помогает Бог. Можно согласиться с данным ут-

верждением, ведь семантические трансформации могли происходить находясь в русском миропонимании — быть наделенным большой силой и выносливостью для защиты слабых — женщин, детей, стариков [1, 23].

Русский историк литературы и фольклорист М. Халанский в своем труде «Великорусские былины Киевского цикла» (1885) пишет о первоначальной форме слова *богатырь* в значении «татарский воевода» и титула в значении «господин». В Древней Руси в дотатарский период употреблялись понятия *хоробр* (позже *храбр*), *хоробор*, *хоробер*, *резвец*, *удалец*, даже *поляник*, *поляницы* (женщины-богатыри) [7, 57]. Слово *богатырь* впервые употребил в 1585 г. поляк Серницкий в сочинении «Описание старой и новой Польши, с разделением старого и нового» («*Descriptio veteris et novae Poloniae cum divisione ejusdem veteri et nova*») применительно к русским [6, 23].

Интересным, на наш взгляд, является мнение современного краеведа О. Фролова, который делится своей гипотезой: «Не кажется ли странным то, что народ назвал своих героев словом, производным от слов своих порабитителей, угнетавших этот народ двести сорок лет с 1240 по 1480 г.? И как быть тогда с тем, что в книге арабского дипломата «Записка», написанной после поездки в 922 г. в Волжскую Булгарию, Адмеда ибн Фадлана написано, что «к порядкам (обычаям) царя русов (относится) то, что вместе с ним в его замке (дворце) находятся четыреста мужей из (числа) богатырей, его сподвижников»? [6, 31].

Проиллюстрируем употребление лексемы *богатырь* в летописях: «Никоновская летопись» (859—1176 гг.) (дата написания 1526—1530): Князь велики же Киевский Изяславъ Мстиславичъ зва его къ себѣ, онъ же не поиде къ нему, но иде на сына его, великого князя Мстислав[а], къ Переаславлю, и тамо пришедъ не успѣ ничтоже: бѣ бо у Мстислава Изяславича воинства много въ Переаславли собрася, но и Демьянь **богатырь** Куденевичъ тамо; «Сказание о Мамаевом побоище» (1400—1425): Приѣде же на иное мѣсто, видѣ Пересвѣта черныца, а пред ним лежыт поганый печенѣгъ, злый татаринъ, аки гора, и ту близъ лежыть нарочитый **богатырь** Григорей Капустинъ; Того же мѣсяца приходили Казанские люди на Галицкие мѣста воевати многие люди, а в больших у них был Арак-**богатырь**; «Московский летописный свод» (1560—1570): Того же мѣсяца 28 прииде посоль к великому князю из Чегадаи от Усеинъ салтана, Урусъ **богатырь** [4].

Данные фрагменты иллюстрируют следующую тенденцию: более ранние летописи содержат лексему *богатырь* в значении 'защитник земли древнерусской, вышедший рука об руку с князем на битву', а позже в значении 'татарский воин-силач', 'воин-наемник с целью обогащения'.

Таким образом, к XVII столетию формируется семантическое поле концепта *богатырь* с микроконцептами: 1) защитник земли русской; 2) сильный, надежный воин княжеский, готовый положить голову за родную землю; 3) татарский воин-завоеватель; 4) воин-обогачитель. Почему такие полярные понятия? Возвращаясь к книге О. Фролова «О прошлом и настоящем», знакомимся с таким толкованием — происхождением от двух слов *Бог* и *алатырь*, трансформированное в «-атырь». Алатырь — это священный камень, которому поклонялись славяне-язычники, поэтому *богатырь* — это бог-камень или полубог. Профессор истории русской литературы Орест Миллер (1873), например, делит богатырей на сватов и несватов. Сватовство надо понимать в мифологическом значении добывания светлого существа и сваты являются самыми полными образами диких, неукротимых сил природы: к ним относятся Иван Удовкин сын, Михаил Потык, Дунай Иванович и др. То есть связь с язычеством утверждается у двух исследователей [8].

За последние два века поменялось представление о богатырях и только былины напоминают нам о героическом прошлом воинов русской земли. Помимо большевистского прошлого (Красный богатырь — защитник советской власти) появляется легкий сарказм по отношению к современным представителям мужского пола: И вдруг этот **богатырь** пожаловался негромко, оглядываясь на жену (Борис Екимов «Пиночет»); Илюша каков богатырь: худ, шея как у ошипанного петуха, даже лысина стала морщинистой, и откуда берутся силы, энергия (Людмила Улицкая «Казус Кукоцкого. Путешествие в седьмую сторону света»); придается невероятная вседозволенность расправляться судьбами людей: Как **сказочный богатырь**, Сталин изнемогал отсекал всё новые и новые вырастающие головы гидры! (Александр Солженицын «В круге первом»); выносливость и стойкость в решении жизненных вопросов: Глебов относился к особой породе **богатырей**: готов был топтаться на распутии до последней возможности, до той конечной секундоочки, когда падают замертво от изнеможения (Юрий Трифонов «Дом на набережной»); название крупно рожденного мальчика младенческого возраста: *Увидев мальчика, акушеры ахнули: в Бишкеке родился ребенок-богатырь Жительница Бишкека родила мальчика весом более шести килограммов. При этом рост младенца 58 сантиметров. ...* [2]; стереотип российского полицейского: Обычный российский полицейский — он ведь какой? **Богатырь**, спортсмен, кровь с молоком. А среди этих одни тшедушные очкарики, которые только и умеют, что «снимать пальчики», взвешивать пули да копать в чьих-то ДНК («Русский репортер. Казусы»); духовный победитель: Он, спустившийся в ад ГУЛага и вышедший оттуда без озлобленности, восставший от смертельной болезни, бросивший вызов людоедской системе и, словно могучий **богатырь**, одержавший духовную победу над ней, персонафикация чернобыльской катастрофы: Атомный **богатырь** (К. Полушкин «Наука и жизнь») [4].

С целью определения коннотативных оттенков в значении концепта «богатырь» среди студентов филологического факультета специальности «Русский язык и литература» Луганского национального университета мы провели ассоциативный эксперимент. Количество участников — 70. Нужно было назвать первые ассо-

циации с данным исследуемым концептом. Результаты можно дифференцировать на четыре категории: 1) *силач, защитник, воин, муж, мужчина, христианин, сказочный герой, герой, патриот*; 2) *красавчик, глянцевоый герой, олигарх, культурист, качок, спортсмен, любитель бодибилдинга*; 3) *Джек Воробей, Бэтмен, Грут, доктор Хаус, Джон Сноу*; 4) *Алеша Попович, Илья Муромец, Добрыня Никитич, Геракл, Самсон и др.* Две названные группы слов-ассоциатов выражают мелиоративный семантический оттенок; вторая группа передает новое представление о богатырях — позерство и занятие спортом не только ради здоровья, но и ради самолюбования; имена голливудских актеров или героев боевиков, которые популяризируют новую идею богатырства — наслаждаться жизнью, иметь красивые внешние формы ради красоты.

Так что же является медиатором семантических трансформаций и процесса десакрализации концепта «богатырь»?

Секулярная составляющая и утрата важности роли самого понятия «богатырь» в жизни каждого человека привело к тому, что сформировались новые микроконцепты на базе уже существующего и зафиксированного как давними, так и современными словарями. Семантическая трансформация архаического концепта «богатырь» позволила ему находиться в парадигме священных понятий. Но исключительной характеристикой, что выяснилось в процессе диахронического среза, обладает концепт «богатырь» в христианском понимании — жить с Богом и уповать на Бога. Это значит защищать свою родную землю от завоевателей, думать о благополучии близких людей, совершенствовать свою физическую форму не ради красоты, а ради стойкости, выносливости, умения подставить свое плечо слабому. В этом и состоит сакральность концепта «богатырь». И пока на русской земле будут рождаться богатыри, ничто не грозит святой Руси.

Список литературы

1. Буслаев, Ф. И. Древнерусская литература и православное искусство / Ф. И. Буслаев. — Санкт-Петербург, 2001.
2. Главные новости России и мире сегодня [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mir24.tv/.../uvidev-malysha-akushery-ahnuli-v-bishkeke-rodilsya-rebenok-bogat>
3. Исаев, В. Д. Человек в пространстве цивилизации и культуры / В. Д. Исаев. — Луганск, 2003.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>
5. Словарь української мови : у 4 т. / [упорядкув. з дод. власного матеріалу Б. Д. Грінченко]. — Репринт. вид. — Т. 1. — Киев, 1996.
6. Фролов, О. В. О прошлом и настоящем / О. В. Фролов. — Москва, 2015.
7. Халанский, М. Г. Великорусские былины Киевского цикла / М. Г. Халанский. — Варшава, 1885.
8. ЭСБЕ (1890—1907) — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — Лейпциг ; Санкт-Петербург. — URL: <http://ruscorpora.ru/>
9. ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков : Праславянский лексический фонд. Вып. 31. — Москва, 1974.

С. Л. Михеева

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия
mikhsveta@rambler.ru

ВРЕМЕННОЙ ПОРЯДОК И ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ: АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Временной порядок и причинно-следственная обусловленность — две ключевые текстообразующие категории. В статье рассматриваются некоторые закономерности их взаимодействия в структуре художественного текста. Основным выразителем семантического комплекса темпоральных и каузальных значений является видо-временная форма глагола.

Ключевые слова: функциональная грамматика, временной порядок, причинно-следственная обусловленность, художественный текст, глагол

Mikheeva Svetlana Lvovna, I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia
mikhsveta@rambler.ru

Time order and causal conditionality: aspects of interaction in a literary text

Time order and causality are two key text-forming categories. The article deals with some regularities of their interaction in the structure of a literary text. The main expression of the semantic complex of temporal and causal meanings is the aspectual and temporal form of the verb.

Keywords: functional grammar, time order, causality, literary text, verb.

Временной порядок (в дальнейшем — ВП) — «языковое представление «времени в событиях», т. е. представление временной оси, репрезентируемой событиями, процессами, состояниями, обозначениями моментов времени и интервалов [1; 167]. В самом общем смысле ВП — понятие, разрабатываемое в трудах А. В. Бондарко, — может быть соотнесен с такими сочетаниями, как «индивидуальный временной ряд» (З. Я. Тураева), «темпоральная ось» (Г. А. Золотова). Каждое из этих понятий связано со структурно-семантической организацией текста.

В модели функциональной грамматики (Санкт-Петербургская школа) ВП рассматривается как одна из составляющих аспектуально-темпорального комплекса наряду с собственно аспектуальностью и темпоральностью, а также такисом и временной локализованностью. Все это — грамматическое преломление частных аспектов общей идеи *времени* (см. в частности [2], [3], [8]). Свое прямое выражение названные семантические категории находят в грамматических категориях глагольного слова — категориях вида и времени в первую очередь. Видо-временная глагольная форма является носителем целого комплекса, системы семантических оттенков.

С точки зрения реализации семантики ВП значимыми являются такие его компоненты, как «возникновение новой ситуации» (глаголы совершенного вида — СВ) и «данная ситуация» (глаголы несовершенного вида — НСВ) [1]. В единичном изолированном высказывании может быть представлен отдельный элемент семантической структуры ВП: 1) *Столовая опустела* (А. Грин. Рай); *В половине девятого утра выехали из города* (А. Чехов. На подводе) — в подобных конструкциях реализуется компонент «возникновение новой ситуации» (ВНС); 2) *Жизнь медленно оставляла его железный организм* (А. Грин. Рай); *В одну скверную осеннюю ночь Андрей Степанович Пересолин ехал из театра* (А. Чехов. Винт) — здесь реализуется компонент «данная ситуация» (ДС). В наиболее полном виде семантика ВП может быть выражена именно на уровне текста как комбинация сменяющих друг друга динамических (ВНС) и статических (ДС) компонентов.

Структура ВП в тексте — имеется в виду повествовательный текст — линейна, как линейно представление человека о свойствах времени — необратимости, однонаправленности, последовательности, порядка [5; 13]. Это значит, что при построении текста последовательность глагольных предикатов СВ в отсутствие особых, специальных показателей — например, обстоятельств, других дополнительных поясняющих слов в окружении глагола — передает или фиксирует хронологическую последовательность сменяющихся в реальности ситуаций. Показателен такой фрагмент: *Очнулась. Взглянула. Обомлела — проспала! Вскочила, стала будить. Буркнул. Растолкала. Подняла. Кинулась разогревать, накрывать, накручиваться* (В. Чудодеев. Глаголы женского рода). «По отношению к двум событиям, которые разделены во времени, наблюдатель обладает непосредственным ощущением временного порядка и использует это ощущение в качестве основы для упорядочивания событий» [9; 156]. В приведенном фрагменте линейная последовательность глагольных сказуемых, как уже отмечалось, соответствует хронологической последовательности действий персонажа. В последнем же высказывании линейная текстовая последовательность глаголов НСВ *разогреть, накрывать, накручиваться* в отсутствие дополнительных маркеров темпоральных отношений передает представление о процессах, которые могут протекать одновременно. Глагольные видо-временные формы, таким образом, обладают способностью выражать семантику ВП без дополнительного вспомогательного окружения. В формировании временной — добавим, событийной — линии повествования большую роль играют такие структурно-семантические компоненты, как наблюдатель и точка отсчета. Речь идет о совокупности темпоральных, пространственных и субъектных координат, которые в традиционном нарративе определяются с разной степенью конкретизации в начальных фрагментах текста — в инициальном высказывании или абзаце: *Это было шесть-семь лет тому назад, когда я жил в одном из уездов Т-ой губернии, в имении помещика Белокурова, молодого человека, который вставал очень рано, ходил в поддевке, по вечерам пил пиво и все жаловался мне, что он нигде и ни в ком не встречает сочувствия* (А. Чехов. Дом с мезонином) — координаты времени, пространства и субъекта конкретизированы с точки зрения наблюдателя — повествователя и участника событий; *Поздней осенью 1836 года в устье Невы против Галерного острова бросил якорь грязный итальянский корабль. Он прибыл из Ливорно* (К. Паустовский. Орест Кипренский) — определены время (календарное) и место, наблюдатель остается за пределами событийной линии, он сам в нее не включен; *Людей всегда мучают разнообразные сомнения — большие и малые, серьезные и смешные* (К. Паустовский. Ильинский омут) — максимально обобщенные субъект и время, из-за чего пространственного указания вообще нет. Отметим, что в последующем повествовании эти обобщенные координаты приобретают конкретику. Это один из типовых способов построения «классического» текста: инициальное предложение — некая сентенция, которая получает свое развитие и пояснение в дальнейшем тексте, собственно ради этого текст и создается.

Прототипом нарративного текста, таким образом, оказывается рассказ очевидца или участника событий, произошедших в прошлом по отношению к актуальному моменту речи говорящего. В преломлении к тексту это жанровые модели автобиографических повествований (собственно автобиографические произведения, мемуары и т. п.). С ними соотносятся документально-исторические тексты (биографии известных людей, очерки, художественные произведения, имеющие историческую основу). По прототипическим моделям строится далее повествовательный художественный текст. Специфика текстов хроникально-документального ти-

па по отношению к ВП заключается именно в представлении времени в виде последовательных событий, каждое из которых занимает строго фиксированное место в этом ряду, значимо с точки зрения повествователя (поэтому оно и отобрано для включения во временной ряд) и включено в отношения взаимообусловленности с другими событиями в этом ряду — от первого до последнего.

Еще одно свойство ВП как текстообразующей категории — завершенность того событийного ряда, который движет текстовое время от зачина к финалу, от завязки сюжета к его кульминации и развязке. Логика построения этого событийного ряда связана с движением сюжета — от заголовка произведения к его финальной части, которые должны быть соотнесены «по законам жанра». Финал — то, ради чего создается произведение, обязательный структурный компонент текста (см. в частности [4], [6], [7]), как это можно увидеть в следующем фрагменте: *Сам любитель игры на бильярде, я частенько вспоминаю знаменитого бильярдного игрока Рейхардта, известного своим мастерством во всех столицах мира; когда-то, играя на деньги, он гастролировал и в клубах Петербурга. С ним произошло как раз такое, когда судьба явила ему игру волшебного рока. Это случилось в Париже; однажды вечером, почти накануне его свадьбы, Рейхардт сидел дома. Машинально поставил шар на поле бильярда и крепким ударом направил его в лузу. Но удар был настолько силен, что шар, отразившись от борта, вылетел в открытое окно на улицу. Он упал на стеклянную крышу оранжереи соседнего дома, пробил ее и попал в комнату чужой квартиры, расколотив при этом драгоценную северскую вазу, за которой завтра должны были прийти, чтобы забрать ее в музей Лувра. Звон и грохот испугали беременную кошку, которая сладко дремала в корзине возле этой вазы. Выпрыгнув из корзины, эта bestия уронила лампу, отчего в доме возник пожар. Невеста Рейхардта была как раз дочерью владелицы этого дома. Пожилая женщина, увидев пламя, тут же скончалась от разрыва сердца. После чего, когда дом догорел, невеста отказала Рейхардту в своей руке и в своем сердце* (В. Пикуль. Честь имею). Фрагмент представляет собой яркий пример невообразимого стечения обстоятельств, где вся цепь событий начинается с судьбоносного для героя удара по бильярдному шару. Судьбоносность этого, казалось бы, обычного действия выясняется только в финале истории, в которой каждое действие-событие является передаточным звеном между предыдущим и последующим, т. е. включено в причинно-следственную линию.

Соотношение событий на линии ВП, таким образом, непосредственно связано с причинно-следственной обусловленностью. События и ситуации, поступки персонажа, описания — внешности, пейзажа, интерьера — вкупе создают причинно-следственный континуум художественного текста. Его логический каркас — временная линия, представленная сменяющимися друг друга ситуациями, иными словами, временной порядок. Представленные ранее семантические признаки ВНС и ДС своим внутренним содержанием предполагают потенциальную обусловленность: «возникновение новой ситуации» вытекает из представления о предыдущей — «старой», фоновой — ситуации и это возникновение является закономерным, предсказуемым именно благодаря ей; «данная ситуация» также появляется не сама по себе, а как результат развития предыдущих ситуаций, в дальнейшем становясь таким положением дел, на фоне которого становится возможным новое продолжение, развитие: *Я был гимназистом [ДС₁ фоновая] последнего класса киевской гимназии, когда пришла [ВНС₁] телеграмма, что в усадьбе Городище, около Белой Церкви, умирает [ДС₂ фоновая] мой отец. На следующий день я приехал [ВНС₂] в Белую Церковь и остановился [ВНС₃] у старинного приятеля отца, начальника почтовой конторы Феоктистова. Феоктистов рассказал [ВНС₄] мне, что ночью пошел [ВНС₅] лед на бурной реке Рось. Усадьба, где умирал [ДС₂ фоновая] отец, стояла [ДС₃ фоновая] на острове среди этой реки, в двадцати верстах от Белой Церкви <...> Полая вода идет [ДС₄ фоновая — следствие ВНС₅] сейчас через греблю валом, и никто, конечно, не согласится переправить [ВНС₅] меня на остров, даже самый отчаянный балагур — извозчик (К. Паустовский. Далекие годы).*

Структура ВП приведенного фрагмента, по сути, представляет собой цепь взаимообусловленных и закономерно вытекающих одно из другого явлений и ситуаций. В основе соотношения между причиной и следствием лежит представление человека о предсказуемости, предвидимости, прогнозируемости явлений. Соответственно для изображения этого аспекта в тексте используется весь спектр возможностей языковой системы: глаголы, прилагательные и наречия с каузативной семантикой, предложно-падежные именные группы со значением причины, специализированные синтаксические конструкции. Упорядочивающим все эти разнообразные средства структурно-семантическим началом в художественном тексте оказывается ВП.

Причинно-следственный континуум и временной порядок — две текстообразующие категории, чье воплощение в принципе невозможно друг без друга.

Список литературы

1. Бондарко, А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии / А. В. Бондарко. — Санкт-Петербург, 1996.
2. Бондарко, А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени / А. В. Бондарко. — Санкт-Петербург, 1999.
3. Бондарко, А. В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики / А. В. Бондарко // Текст. Структура и семантика. Т. 1. — Москва, 2001. — С. 4—13.

4. Брокмейер, Й. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Й. Брокмейер, Р. Харре // Вопросы философии. — 2000. — № 3. — С. 29—42.
5. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Москва, 1981.
6. Ингарден, Р. Очерки по философии литературы / Р. Ингарден. — Благовещенск, 1999.
7. Киров, Е. Ф. Текст и дискурс в семиотическом соотношении / Е. Ф. Киров // Вестник Волгоградского гос. университета. Серия 2 : Языкознание. — 2018. — Т. 17, № 2. — С. 15—25. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.2>
8. Михеева, С. Л. Семантика временного порядка в повествовательном тексте (на материале русского языка) / С. Л. Михеева. — Чебоксары, 2007.
9. Рейхенбах, Г. Философия пространства и времени / Г. Рейхенбах ; пер с англ. — Москва, 1985.

Н. В. Изотова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
 nvizotov@yandex.ru

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (РЕПЛИКИ С МЕСТОИМЕНИЯМИ-ПОДЛЕЖАЩИМИ)

В графическом пространстве художественного текста вычленение информативно важного в репликах диалога связано с горизонтальным и с вертикальным уровнями движения информации. Местоимения-подлежащие, обозначающие говорящего или собеседника, являются тематическим компонентом. Диалогический текст позволяет, как и в естественной разговорной речи, местоимениям-подлежащим выполнять функцию рематического компонента без изменения порядка расположения подлежащего и сказуемого на грамматическом уровне.

Ключевые слова: актуальное членение, диалог, интонация, порядок слов, разговорная речь, контекст.

Izotova N. V., Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
 nvizotov@yandex.ru

Actual division of the fiction dialogical text (remarks with pronouns — subjects)

In the graphic space of the fiction text, the exarticulation of informatively important from the dialogue remarks is associated with horizontal and vertical levels of information movement. Pronouns-subjects denoting a speaker or an interlocutor are a thematic component. Dialogic text allows pronouns-subjects, as in natural colloquial speech, to perform the function of the rheme component without changing the word order of the subject and the predicate at the grammatical level.

Keywords: actual division, dialogue, intonation, word order, informal conversation, context.

Диалог формируется в пространстве художественного текста, как и в устной разговорной речи, на горизонтальном и вертикальном уровнях. Сквозь графическое представление общения читатель должен «услышать» живую речь персонажей, у него должно сложиться впечатление естественной разговорной речи, в которой информативно важное по законам общения стремится к началу сообщения и где интонация является основным средством выражения актуального членения высказывания. Писатель не может буквально воспроизвести устную речь, но, подчиняя ее законам искусства, выстраивает текст так, чтобы у читателя сложилось иллюзия ее естественности.

Местоимения-подлежащие в диалоге в силу своего значения выполняют, как правило, роль тематического компонента реплики, чему способствует двусторонний характер формирования целостного диалогического текста и в силу чего они могут опускаться, обозначая ситуативно известный и информативно ненасыщенный компонент. В репликах с разной функциональной направленностью (стимулирующей и реактивной) такие местоимения-подлежащие занимают традиционное для коммуникативного и грамматического членения место в начале высказывания. При этом при чтении текста его «внутреннее» интонирование, стоящее за письменным изображением, соответствует интонационному рисунку актуального членения, при котором «тема, расположенная в начале предложения, выделяется повышением тона; рема, расположенная в конце предложения, выделяется фразовым ударением, сочетающимся в повествовательных предложениях с понижением тона» [1; 50]. В «Русской грамматике» за компонентами актуального членения в зависимости от порядка их расположения в предложении закреплены интонационные конструкции: если тема предшествует реме, рема характеризуется ИК-1, при препозиции ремы за ремой закрепляется ИК-2 или ИК-5 [2; 202]. Расположение в репликах разной функциональной направленности местоимения-подлежащего, входящего в тему высказывания, автоматически при чтении получает в зависимости от расположения темы соответствующее интонационное сопровождение. Примеры приводятся из произведений А. П. Чехова [3].

— Ты, Дымов, умный, благородный человек, — говорила она, — но у тебя есть один очень важный недостаток. Ты совершенно не интересуешься искусством. Ты отрицаешь и музыку и живопись.

— Я не понимаю их, — говорил он кротко. — Я всю жизнь занимался естественными науками и медициной, и мне некогда было интересоваться искусством [А. П. Чехов, «Попрыгунья», т. VIII, с. 10].

В репликах-стимулах и репликах-реакциях местоимение-подлежащее в связи с диалогической ситуацией может опускаться.

—...Ну, и иди к ним! Чего же стоишь? Иди!

— Да, ты здесь хуже и подлее всех, — сказал я, чувствуя, как мною постепенно овладевает гнев. — Да, ты развратная и продажная [А. П. Чехов, «Драма на охоте», т. III, с. 359].

Местоимение-подлежащее, являясь темой сообщения, в диалоге может не занимать начальную позицию в реплике, а находиться между частями комплексной ремы, с которой начинается высказывание. Такое расположение подчеркивает его коммуникативную незначимость и позволяет «занять интонационно слабую позицию и, как правило, оказаться в акцентном провале при акцентном выделении других членов» (Ковтунова, с. 86). Такую интонационно слабую позицию местоимение-подлежащее занимает в основном в репликах-реакциях и срединных репликах, имеющих синкретичную функциональную направленность.

— Возьми! — сказал он и швырнул сторублевую бумажку.

— Напрасно ты сердисься, Коля, ... — кротко сказал Самойленко, складывая бумажку.

— Баба ты старая, вот что! [А. П. Чехов, «Дуэль», т. VII, с. 411].

... — По мне как знаешь... Хочешь — люби, хочешь — не люби, а я ведь так... добра желаючи... Не живет с тобой, знать тебя не хочет... что ж это за жена? Некрасивая, хилая, злонравная... И жалеть не за что. Пуцай бы...

— Легко вы рассуждаете, Аристарх Иванович! — вздохнул Кувалдин. — Любовь — не волос, не скоро ее вырвешь [А. П. Чехов, «Дипломат», т. III, с. 424].

Нерасчлененная рема, находясь в начале реплики, в которой есть местоимение-подлежащее, как правило, используется в эмоционально окрашенных высказываниях, характеризующих одного из собеседников, и может находиться и в репликах-стимулах и в репликах-реакциях.

Ванькина он застал дома.

— Подлец ты! — обратился Ахинеев к Ванькину. — За что ты меня перед светом в грязи выпачкал? За что ты на меня клевету пустил?

— Какую клевету? Что вы выдумываете? [А. П. Чехов, «Клевета», т. II, с. 279].

— Я, сударыня, ничего не знаю! — проговорила она и вдруг заплакала.

— Лжете вы! — крикнула барыня и злобно сверкнула на нее глазами. — Мне все известно... [А. П. Чехов, «Хористка», т. V, с. 212].

Однако не всегда местоимение-подлежащее, занимая начальную позицию в реплике, является темой. При чтении диалогический текст, ситуационный контекст позволяют, как и в естественной разговорной речи, считать коммуникативную нагрузку местоимения не тематической, а наиболее информативно важной, рематической. Такие конструкции характерны прежде всего для реплик-реакций. Рематическое значение местоимения возможно в реплике-реакции при смене коммуникативной нагруженности элементов высказывания, совпадающих в конструктивном и семантическом отношении.

—... Прекрасная, чудная вещь!

— Ах, нет, нет... — испугалась Вера Степановна, отстраняя книгу. — Я уже читала! Не нужно! Не нужно!

— Когда же ты читала?

— Год... два назад... Давно читала и знаю, знаю!

— Гм! Ты фанатичка! — сказал холодно брат, бросая на стол журнал.

— Нет! Ты фанатик, а не я! Ты! [А. П. Чехов, «Хористка», т. V, с. 421].

В репликах этого диалога, кроме последней, в предложениях с местоимением-подлежащим местоимение — тема. В последней реплике-реакции в предложении «Ты фанатик!» местоимение «ты» является ремой, которая выделяется интонационно. Такое выделение естественно в ходе живого разговора и вытекает из ситуации, содержания диалога, его построения и подсказывается читателю с помощью первого предложения этой реплики «Нет!», противопоставления и повтора ремы «ты» в конце реплики.

Вошел хромой мальчик

— Ты бы, хлопче, самоварчик нам поставил! — обратился к нему мужчина.

— Кто ж теперь чай пьет? — усмехнулся хромой. — Грех до обедни пить.

— Ничего, хлопче, не ты будешь гореть в аду, а мы [А. П. Чехов, «На пути», т. V, с. 467].

Интонационное выделение местоимения-подлежащего «ты», выполняющего функцию ремы, в последней реплике предыдущего диалога диктуется отрицанием, отношениями противопоставления, которые были бы ясны даже без указания на предмет противопоставления.

Старуха была введена в залу суда под руки и давала показания, сидя в кресле. Показания ее состояли в том, что она затряслась всем телом, обернулась к подсудимому и, грозя на него кулаками, закричала:

— Это ты убил моего сына! Ты!

— Я и не отказываюсь... — угрюмо проворчал Винкель.

— Ты и не смеешь отказываться! — продолжала старуха, не слушая председателя. — Ты убил! [А. П. Чехов, «Заказ», т. V, с. 442].

В первой реплике диалога из рассказа «Заказ» рема «ты» выделяется с помощью указательного слова «это» и повторения в конце реплики. В этом примере первая реплика старухи — ее реакция на конкретную ситуацию. В конце второй реплики повторяется предложение, в котором рема (как и в первом случае) — местоимение «ты». Эти предложения не содержат ничего нового для читателя с точки зрения информативной, так как уже известно, что судят убийцу старухи, но именно с помощью этих конструкций читатель понимает ее эмоциональное состояние в зале суда.

Взаимодействие реплик в составе диалога, его связь с авторским повествованием и внутренние структурные особенности реплик, в частности место и соответствующая этому коммуникативная нагрузка местоимения-подлежащего дают писателю возможность достичь впечатления естественности в художественном диалоге.

Список литературы

1. Ковтунова, И. И. Русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения / И. И. Ковтунова. — Москва, 1976.
2. Русская грамматика. Т. 2. — Москва, 1980.
3. Чехов, А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. — Москва, 1974—1982.

Н. В. Халикова

Московский государственный областной университет, Москва, Россия
vlstd@yandex.ru

ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВЕСНОГО ОБРАЗА В ПРОЗАИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье определяется текст в языке художественной литературы, словесный образ рассматривается как единица текста в структурно-семантическом аспекте. Словесный образ представлен как реализованная через систему образных констант перцептивная модель восприятия («текст вообще») и как символический знак, который является элементом словаря языка художественной литературы. На примере словесного портрета в рассказе Тургенева «История лейтенанта Ергунова» показано, что словесный образ обладает устойчивостью и воспроизводимостью, имеет инвариантные и вариативные признаки.

Ключевые слова: художественный текст, словесный художественный образ; текст; образная константа

Khalikova Natalia V., Moscow state regional University, Moscow, Russia
vlstd@yandex.ru

Formal-semantic structure of the verbal image in prozatic text

The article gives the definition of the text for the language of fiction. The verbal image is considered as a unit of text in the structural and semantic aspect. The verbal image is presented as the perceptual model of perception realized through the system of constants («the text in general») and as the symbolical sign which is an element of the dictionary of language of fiction. On the example of a description in the story by Turgenev «History of the lieutenant Ergunov» it is shown that the verbal image has stability and reproducibility, has invariant and variable signs.

Keywords: art text, verbal artistic image; text; figurative constant.

Научное восприятие текста и его структурно-семантических единиц всегда ставит вопрос о пересечении двух основных парадигм категорий: литературоведческих (устремляющихся к типической индивидуализации уникального явления культуры на временной оси) и лингвистических (абстрагирующих и вневременных). Семантика одной формы (элемента структуры), как показал Г. О Винокур на примере поэтического слова, становится формой для другого смысла, который в свою очередь готов быть формой для третьего, и этот процесс осмысления может быть бесконечен¹. В связи с этим формально-семантическое описание некоторых единиц текста в прозе затруднено и для объективности замыкается на самом стиле, мировоззренческом типе автора, конкретном произведении с его историческими, социальными, биографическими, психологическими контекстами.

Возвращаясь к вопросу об определении материальной и идеальной природы текста, заметим, что категориальная сущность текста в различных научных парадигмах всегда приводит в результате к оппозициям: 1) с одной стороны, произведение и его текст — синонимы, легко заменяемые в речи филолога («Текст — это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письмен-

ного документа произведение...» [4; 54]); с другой стороны, произведение и текст не одно и то же; языковая личность порождает текст, который становится (или нет) произведением и значимым фактом культуры: «Текст — один из компонентов художественного произведения» [7: 74]; 2) либо текст — единица языка внутри его стилистической системы (тип высказывания, например, рецепт, заявление); либо текст — единица не языка, но речи (тексты личных писем ученых, тексты рассказов Набокова и т. д.).

Однако, к примеру, такой текст, как личное письмо (при его максимальной индивидуальности!), принадлежит «национально, исторически и дискурсивно обусловленному инварианту — эпистолярной языковой личности» и рассматривается «в качестве вербального ядра дискурса соответствующего типа <...>» [6; 258]. На наш взгляд, там, где идет речь об инварианте и вариативности, ядре и периферии, категориальном значении, знаковой сущности в процессе коммуникации — там возникает необходимость говорить о формально-семантических признаках устойчивых единиц, форм какого-либо языка (например, языка художественной литературы).

Рассмотрим этот вопрос на примере одного из самых трудноопределимых терминов художественного текста — словесного художественного образа. Иллюстративным материалом послужат фрагменты рассказа Тургенева «История лейтенанта Ергунова» [9].

Совокупность текстов, например, одного автора (Тургенева) или одной тематики (любовный роман) становится одним расширенным текстом (полем), в котором есть ядерные и периферийные элементы. Смысловые единицы, например, выбранные нами портретные словесные образы, устойчивы в своей внутренней организации и потому воспроизводимы. Результат мы называем стилистическим своеобразием (в литературоведении, возможно, мотивом), например, портрет у Тургенева, образы *мысли* у Набокова, *метель* в произведениях русских романтиков и т. п.

В понимании А. М. Пятигорского текст — «вещь», «форма сознания», или «текст вообще». Говоря другими словами, «способ, при помощи которого сознание, когда оно становится “сознающим что-либо”, объективирует себя в конечных, дискретных и отдельных целых величинах, называемых текстами» [8; 148]. Перенося эту идею в лингвистический анализ прозы, мы замечаем, что в текстах формируются варианты образов: например, описаний («тургеневский /пушкинский /гоголевский портрет»). Словесный образ сам по себе тоже есть «текст вообще», т. е. устойчивый в плане выражения конструкт, соотношенный в плане содержания с фрагментом действительности.

Попробуем раскрыть принципы этой внутренней организации словесных образов, формально больших, чем предложение. В вышеприведенном определении текста И. Р. Гальперина они соотносятся с «рядом особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную направленность и прагматическую установку» [4; 54]. Однако мы рассматриваем форму образа не в линейном отношении, его содержание не как отдельно взятый фрагмент конкретного произведения, а наоборот, в полном отвлечении от конкретных авторских задач, но в общем процессе художественной коммуникации. Мы предлагаем, вслед за Б. М. Гаспаровым, и в художественной речи выделять *коммуникативные фрагменты*. Его идея состоит в том, что готовые выражения являются узнаваемыми частицами языковой материи. Это не клише, а нормативные единицы речевого мышления [5; 248].

Так, к основным коммуникативным фрагментам и образным классам описания относится портрет. **Образные константы текста** — минимальные единицы смысловой организации, перцептивные формы, позволяющие представить любой значимый для литературы фрагмент действительности (пейзаж, встреча, действие, диалог) в такой языковой форме, которую можно назвать наиболее типичной в процессе коммуникации: *(X) был (какого) роста; (X) смеётся; взгляд был (какой), (X) видит (Z)*. Например: *Сам он говорил про себя, что был он тогда франт и красавец, кровь с молоком, губы имел румяные, волосы кудрявые и очи соколиные. Мы верили ему на слово, хотя ничего подобного в нем не находили: на наши глаза Кузьма Васильевич представлялся человеком наружности весьма обыкновенной, с простым и как бы заспанным лицом, грузным и нескладным телом. Но и то сказать: годы хоть какую красоту исказят! Следы франтовства более ясно сохранились в Кузьме Васильевиче. Он до старости носил узкие панталоны со штрипками, перетягивал свой дебелый стан, на затылке стриг, на лбу завивал свои волосы, и усы красил персидскою фаброй, которая, впрочем, отливала больше багрянцем и даже зеленью, чем чернотой.* Вычленимые из фрагмента «рост», «фигура», «одежда», «лицо» и др. — образные константы портрета, формируют его стилистические и иные типы (экспозиционные, характерологические, лейтмотивные, психологические и т. д.). Для главных героев в языке художественной литературе основными символами становятся **глаза** (взгляд) и **рот** (улыбка). Значимое отсутствие этих элементов так же содержательно, как их экспликация. В анализируемом рассказе Тургенева все герои лишены их положительной реализации. Например: *Вслед за Кузьмой Васильевичем вошла в комнату и замеченная им у калитки старуха в красном платье, которая оказалась весьма неблагооб-разною жидовкой, с угрюмыми свиными глазками и седыми усами на одутловатой верхней губе.*

Идея выявления «суммы контекстов» вокруг одного понятия была заложена еще в работе А. Белого «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы» [1; 482]). Вокруг перцептивной формы

образной константы формируются образно-символические значения. Они обычно эксплицированы: *Когда Эмилия говорила, она беспрестанно поворачивала голову из стороны в сторону и подергивала плечиками; птицы так делают, когда сидят на высокой голой ветке и со всех сторон освещены солнцем.*

Из совокупности образных констант образуются интеллектуально-перцептивные классы словесных образов в форме ССЦ, в описании это прежде всего пейзаж, портрет; интерьер, событие, состояние. Образные константы «заложены» в прозу наподобие некоей системы частей речи, с определенным функциональным потенциалом (образно-символическим значением). Используя прием суммы контекстов (восприятий), мы выявляем семантику словесного образа и его речевую форму. Инвариантные и вариативные признаки определяются обычно путем аппликации (наложения) множества контекстов на образные константы. В этом смысле **словесный образ** — это синтез переживаний (представлений) субъекта познания об объекте восприятия в определенной речевой форме, признаками которой являются: 1) принадлежность к определенному функционально-стилистическому типу речи (в понимании В. В. Виноградова [2]), 2) целостность, 3) устойчивость и воспроизводимость вариантов речевых конструкций. Образ как текст, как словесная модель типичного восприятия действительности устойчив по форме и содержанию в каждом из типов художественного мышления. Языковая личность «наивного» рассказчика и сниженный стилистический тон бесхитростного лейтенанта Ергунова позволяют увидеть читателю портреты отпетых мошенников, а лингвисту — окказиональную форму образа: у Тургенева здесь это преимущественно формы несогласованного определения («облик толстой старухи в красном платье, с тусклым фонарем в руке», «человек невысокого роста») и номинативных единиц («и губы, и щеки, и подбородок, и ямочка на подбородке, и самый даже кончик вздернутого носа.

Любой из классов образов (пейзаж, интерьер, портрет, состояние человека) состоит из инвариантных семантических множеств, реализация которых в разных художественных произведениях образует тематически однородные словесные фрагменты различного объема. Это относится к вопросу о системности прозы, который остается еще открытым.

Примечания:

¹ «Основная особенность поэтического языка как особой языковой функции как раз в том и заключается, что <...> содержание не имеет своей собственной раздельной звуковой формы, а пользуется вместо нее формой другого, буквально понимаемого содержания» [3; 30].

Список литературы

1. *Белый, А.* Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы / А. Белый // Семиотика: антология. — Москва, 2001. — С. 480—485.
2. *Виноградов, В. В.* О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. — Москва, 1959.
3. *Винокур, Г. О.* О языке художественной прозы / Г. О. Винокур. — Москва, 1991.
4. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Москва, 1981.
5. *Гаспаров, Б. М.* Язык. Память. Образ: Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. — Москва, 1996.
6. *Курьянович, А. В.* Эпистолярная языковая личность: к вопросу определения категориальных и типологических черт / А. В. Курьянович // Сибирский филологический журнал. — 2014. — № 4. — С. 255—262.
7. *Лотман, Ю. М.* Лекции по структуральной поэтике / Ю. М. Лотман // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. — Москва, 1994.
8. *Пятигорский, А. М.* Непрерываемый разговор / А. М. Пятигорский. — Санкт-Петербург, 2004.
9. *Тургенев, И. С.* Сочинения : в 12 т. / И. С. Тургенев. Т. 8. Повести и рассказы. — Москва, 1981.

Н. В. Пушкарева

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
pushkarevanata@gmail.com; n.pushkareva@spbu.ru

НЕПОЛНОТА ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК СРЕДСТВО РУКОВОДСТВА ЧИТАТЕЛЕМ

Неполнота, проявляющаяся на различных уровнях текста, описывается в статье как способ направления читательского внимания к особо значимым частям текста. Синтаксическое, семантическое и композиционное проявление неполноты рассматриваются как явления, влияющие на восприятие текста читателем. Отмечается, что с прагматической точки зрения неполнота способствует поискам связей между отдельными абзацами и внутри всего текста, а также стимулирует читательские способности восстанавливать дополнительные обстоятельства развертывания ситуации. Наличие неполноты в тексте может обозначаться с помощью эллиптических и неполных предложений, монтажного способа организации текста, а также при нестандартном использовании пунктуационных знаков и параграфических средств. Применение некото-

рых из этих способов руководства читателем выявляется в классической прозе и развивается в настоящее время. Современный читатель обладает достаточным объемом знаний и умений для поисков скрытых смыслов в текстовых отрезках с неполнотой высказывания. В качестве иллюстраций используются примеры из русской литературы XIX—XXI вв.

Ключевые слова: интерпретация текста, неполнота высказывания, писатель, читатель, скрытые смыслы.

Pushkareva Natalia Viktorovna, Saint-Petersburg State University, Russia

n.pushkareva@spbu.ru, pushkarevanata@gmail.com

Incompleteness of an utterance as a method to direct a reader

The incompleteness which appears at the different levels of a text is being described in the article as the method to direct the reader's attention towards the especially meaningful parts of the text. Syntactic and semantic ways to express incompleteness as well as their role in the text composition are being observed as the phenomena influencing on the text perception by a reader. From the pragmatic point of view incompleteness contribute to finding of connections between the certain text units and inside the whole text. It also stimulates the reader's abilities to reconstruct additional circumstances of the unrolling of the situation. The existing of incompleteness in a text can be marked with the elliptic and incomplete sentences. It also can be created via montage text organization. Nonstandard usage of punctuation and paragraphic marks can also be applied. Some of these methods appear in classic prose and are being developed now. The modern reader obtains enough knowledge and skills to search for the covered senses in the text parts with the incompleteness of utterance. Examples taken from Russian literature of the XIX—XXI c. are used for illustrations.

Keywords: text interpretation, incompleteness of an utterance, writer, reader, covered senses.

Большинство произведений современной литературы демонстрирует стремление авторов не просто донести до адресата, т. е., читателя, свои идеи и замыслы, но и намерение завоевать и удержать читательское внимание. Это обусловлено тем, что «в художественном тексте, вероятно, можно выделить два типа адресатов: идеальный (в смысле вымышленный) адресат в рамках текста, исполняющий роль партнера, воображаемого «ты», и реальный адресат (читающая публика), играющий роль арбитра» [11, 113]. Совмещение функций арбитра и интерпретатора ставит читателя в особое положение, поскольку он выступает и как воспринимающий субъект, и как отстраненный наблюдатель. В обоих случаях наблюдается взаимовлияние читателя и писателя, так как читательская реакция в определенной мере направляет писательские интенции.

Читатель становится значимым фактором, определяющим не только построение фабулы, но и подбор языковых и параграфических средств. Ориентация на читателя определенного типа стала характерной чертой литературы рубежа XX—XXI вв., она зависит от социокультурных обстоятельств существования читателя и писателя. По мнению У. Эко, «в каждом столетии способы построения художественных форм отражают то видение реальности, которое существует в науке или современной им культуре в целом» [17, 101]. В соответствии с этим, а также в зависимости от выбираемых книг, выявляются два типа современного читателя: «наивный читатель» и «читатель критический, искушенный» [17, 52], готовый вместе с автором участвовать в выявлении и интерпретации смысловых уровней текста. При этом оба читательских типа прекрасно уживаются в одном человеке.

Литературные тексты разных эпох свидетельствуют о стремлении авторов втянуть читателя в сотрудничество, привлекая к поискам и реконструкции невысказанных смыслов на разных уровнях, от языкового до композиционного. Важную роль в этом процессе играет неполнота различного рода: синтаксическая, или содержательная, нарушающая плавное развертывание повествования.

На синтаксическом уровне скрытые смыслы выявляются в неполных предложениях, в которых «опущены, но подразумеваются и легко восстанавливаются те или иные члены (главные или второстепенные)» [4, 89], особенно при передаче устной речи. В аспекте теории текста и компрессии речи неполнота квалифицируется как широко понимаемый эллипсис, т. е. «пропуск в речи или тексте подразумеваемой языковой единицы, структурная «неполнота» синтаксической конструкции», а также «отсутствие к.-л. компонента высказывания, легко восстанавливаемого из конкретной речевой ситуации» [9, 592]. Таким образом, важным фактором восстановления неполных смыслов оказываются ситуативные обстоятельства, в которых проявляется неполнота.

При рассмотрении неполноты с точки зрения теории информации и когнитивного подхода противопоставляются семантическая и синтаксическая неполнота [6, 113], поскольку «синтаксическая неполнота — системное языковое явление, охватывающее все сферы от когниции до дискурса. <...> семантическая неполнота, напротив, асистемное явление, она представляет собой результат системных и операциональных сбоев, является разрушительным фактором для дискурса» [6, 123]. Подобный подход, как нам представляется, позволяет оценить степень вероятности того, что читатель справится с восстановлением пропущенных смыслов. Полнота интерпретации системных явлений зависит от уровня владения языком и опыта чтения текстов, содержащих синтаксические лакуны. Интерпретация асистемных текстовых явлений происходит при подключении иного опыта — прежде всего, опыта кинозрителя, привыкшего к визуальному восприятию информации как при просмотре монтажного кино, так и при чтении сетевых источников.

Прикладная лингвистика относит неполноту к средствам формирования категории связности текста, поскольку «смысловые опущения ведут себя подобно местоимениям: они отсылают к другим частям того же текста, из которых может быть восстановлен опущенный фрагмент» [7].

Все виды неполноты так или иначе управляют читательским вниманием. Значение приобретает не только неполнота структуры, но и намеренные пропуски в тексте на стыках эпизодов. Ситуация информационной неполноты имеет прагматический характер, поскольку пропуск заставляет читателя самостоятельно искать связи между разделенными компонентами текста. Подобный прием становится частотным в монтажной прозе XX в., когда монтажный принцип, широко применявшийся в искусстве, применялся, чтобы «вклинить в сознание и ощущения читателя эмоциональность» [16, 165]. Таким образом, опыт кинозрителя превращается в важный интерпретационный инструмент, приближая читателя к тексту за счет возможности домысливать ход событий и эмоции героев. Возникают условия если не для сотворчества, то для своего рода совместной игры, правила которой устанавливает автор. Эта ситуация получает развитие на рубеже XX—XXI вв., когда практически каждый читатель не просто обладает определенным культурным багажом — он к тому же опытный кинозритель, сканирующий вербализированную информацию по ключевым словам и опирающийся при этом на тезаурус растиражированных изображений [10, 65].

Однако стремление руководить читателем посредством неполноты различного рода прослеживается уже в классической прозе. В повести «Княжна Мери» М. Ю. Лермонтова встречаются отрывки, построенные по монтажному принципу: эпизоды разделяются одной или двумя строчками многоточий:

.....
.....

Около двух часов пополуночи, я отворил окно и, связав две шали, спустился с верхнего балкона на нижний, придерживаясь за колонну [8, 291].

Автор предоставляет читателю возможность самостоятельно дополнить картину (и уверен, что это задание читателю по силам). По словам Н. Л. Шубиной, «отточие разворачивает информационное поле текста. Это информационное поле реципиента, которое он заполняет сам» [14, 210]. Таким образом, у читателя появляется возможность присоединиться к конструированию сюжета.

Управление читательским вниманием ярко проявилось в XX в. в орнаментальной прозе. Андрей Белый, стремившийся, чтобы читатель прочитал «фразу Гоголя или строфу Белого не любым из нескольких возможных вариантов, а тем единственным, каким внутренне слышал его автор» [3, 455], разработал целую систему приемов для достижения этой цели [1]. В его прозе для этого чаще использовалась авторская пунктуация в сочетании с парцелляцией и особым делением абзаца на отрезки, поуровнево расположенные на странице:

«Нужный вам материал в виде бомбы своевременно передан в узелке...» Николай Аполлонович к этой фразе придрался: нет, не передан, нет, не передан! И, придавшись, он ощутил нечто вроде надежды, что все это — шутка... Бомба?.. Бомбы нет у него?!.. Да, да — нет!!

.....
В узелке?!

..... [2, 184—185].

Строки, наполовину заполненные многоточиями, формируют кадр, в котором расположено самое важное для персонажа сообщение, и читатель концентрируется на самом важном отрезке.

Пунктуационные знаки служили А. Белому не только для разделения абзацев на кадры и выделения особо значимых отрезков. В тексте романа они оказываются самостоятельными компонентами диалога:

И на бритом, багровом лице проиграло:

— «?»

— «!!»

— «!?!»

Помешанный! [2, 370]

В схематичной зарисовке встречи двух персонажей лицом к лицу пунктуация обозначает не реплики, а мимику и связанные с ней эмоции. Пример как нельзя лучше иллюстрирует кинематографичность мышления, свойственную писателю [15].

Опыт начала XX в. освоен современными писателями. Формирование у читателя впечатлений, характеризующих ситуацию, может затрагивать не только зрительное восприятие. Так, два абзаца-номинативные предложения, разделенные вертикальными пробелами, создают аудиовизуальную картину, а третий абзац обращен уже к общекультурному тезаурусу читателя:

Скрип уключин.

Всхлипы чистой воды.

Что еще добавить, чтобы вышло хокку августа и рыбки? [5, 23]

Иногда для восприятия всей полноты описания необходимы знания, предоставляемые обонянием. Короткие абзацы-предложения, расположенные друг под другом, имитируют разговорную речь и создают динамическую картину впечатлений от запахов, сопровождающих движение персонажа:

Прохожу через парк, а там от цветущих лип после дождя не запах, а запашище!

Запахи из раскрытых окон — свежемолотого кофе. А тут жарят рыбу. А там убежало молоко. Кто-то присел на подоконнике и чистит апельсин. А вот варят клубничное варенье.

Пахнуло утюгом, горячей материей, гладильной доской, паром.

Делают ремонт — краска остро щиплет ноздри.

А теперь пахнет кожей — обувью, сумками, ремнями.

Потом парфюмерный — благовония духов, кремов, одеколонов, пудр.

Рыбный. От рыбин на крошеве льда тянет свежим, морским [13, 256].

Таким образом, от описания маршрута остается только указание на запахи, соотносимые с определенными действиями неизвестных людей, присутствующих на заднем плане эпизода. Текст невелик по объему, однако информационно насыщен, но часть этой информации извлекается читателем из собственного опыта, что позволяет воспринимать повествование как более или менее эмоциональное.

Обозначенная каким-либо способом неполнота изложения событий подталкивает читателя к восстановлению пропущенной информации, при этом неожиданный способ расположения текста на странице, графический вариант оформления текста, абзацное членение, связанное с монтажным принципом построения, синтаксическая неполнота предложений превращают повествование в многоуровневую смысловую структуру, интерпретация которой происходит как в зависимости от языковых особенностей прозаического произведения, так и прямо связано с личным визуальным опытом читателя, с его общекультурным и образным тезаурусом.

Часть информации не называется, а обозначается, но читатель может ее восстановить. При этом опора на собственный опыт помогает домыслить и ситуацию, и эмоциональный настрой героев, и причины тех или иных эмоций. Это напоминает игру, участвующие в которой автор и читатель, один с помощью языковых средств, второй — путем их интерпретаций, создают мир художественного произведения. Актуализируется ситуация, описанная Й. Хейзингой: «Наиболее заметные первоначальные проявления общественной деятельности человека все уже пронизаны игрою <...> Всякое абстрактное выражение есть речевой образ, всякий речевой образ есть не что иное, как игра слов. Так человечество все снова и снова творит свое выражение бытия, второй, вымышленный мир рядом с миром природы» [12, 24]. Содержательная или синтаксическая неполнота оказывается стимулом, подталкивающим читателя к самостоятельному расширению смыслового пространства текста. Текст при этом становится для читателя более объемным, эмоционально окрашенным и соответствующим читательскому жизненному опыту.

Список литературы

1. *Белый, А.* Мастерство Гоголя. Исследование / А. Белый. — Москва ; Ленинград, 1934.
2. *Белый, А.* Петербург / А. Белый. — Москва, 1981.
3. *Гаспаров, М. Л.* Белый-стихoved и Белый-стихотворец / М. Л. Гаспаров // Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. — М., 1988. — С. 444—460.
4. Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Часть вторая. — Москва, 1954.
5. *Ермаков, О.* С той стороны дерева / О. Ермаков. — Москва, 2015.
6. *Каргина, И. М.* Синтаксическая неполнота предложения в когнитивно-дискурсивном, информационном и изофункциональном аспектах : дис. ... канд. филол. наук / И. М. Каргина. — Ставрополь, 2015.
7. *Леонтьева, Н. Н.* Смысловая неполнота в формуле слабой связи / Н. Н. Леонтьева [Электронный ресурс]. — URK: <http://www.dialog-21/digest/2000/articles/leontyeva/> (Дата обращения 29.08.2018).
8. *Лермонтов, М. Ю.* Княжна Мери / М. Ю. Лермонтов // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. : в 5 т. — Москва ; Ленинград, 1935—1937. — Т. 5. Проза и письма. — 1937. — С. 240—312.
9. Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва, 1990.
10. *Найдина, Т. Е.* Грамматика экранного видения. Лингвокультурологический анализ художественного текста в парадигме экранной культуры / Т. Е. Найдина. — Тайбэй, 2017.
11. *Степанов, Г. В.* Единство выражения и убеждения (автор и адресат) / Г. В. Степанов // Степанов Г. В. Язык. Литература. Поэтика. — Москва, 1988. — С. 106—140.
12. *Хейзинга, Й.* Homo Ludens / Й. Хейзинга. — Москва, 1997.
13. *Шишкин, М.* Письмовник / М. Шишкин. — М., 2010.
14. *Шубина, Н. Л.* Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста / Н. Л. Шубина. — Санкт-Петербург, 1999.
15. *Шулова, Я. А.* «Петербург» и «Петербурги» Андрея Белого / Я. А. Шулова // Нева. — 2003. — № 8. — С. 237—243.
16. *Эйзенштейн, С. М.* Монтаж / С. М. Эйзенштейн // Избранные произведения : в 6 т. — Москва, 1964. — Т. 2. — С. 156—188.
17. *Эко, У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко. — Санкт-Петербург, 2005.

ЭТНОГРАФИЗМЫ В СЕВЕРНОМ ТЕКСТЕ¹

В статье анализируется употребление этнографизмов в номинативной и выразительной функциях в северном тексте русской литературы. Художественный контекст может содержать развернутые, почти энциклопедические описания, проясняющие значение этнографизма.

Ключевые слова: северный текст, диалектизм, этнографизм, контекст.

Petrov Andrey Vasilievich, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Ethnographisms in the Northern Text

The article analyzes the use of ethnographisms in nominative and expressive functions in the Northern text of Russian literature. The literary context may contain detailed, almost encyclopedic descriptions that clarify what a particular ethnographism means.

Keywords: Northern text, dialecticism, ethnographism, context.

Понятие «северный текст русской литературы» объединяет произведения о природе и истории Русского Севера, о жизни и труде северян, о специфике северного характера. Тем не менее, северный текст в большей степени явление не тематическое, а ментальное, поскольку оно отражает особый северорусский вариант национальной картины мира, создает мифопоэтический образ Русского Севера. К важным лингвистическим средствам создания этого образа следует отнести диалектизмы, передающие специфику региональной речи.

Наиболее показательными диалектизмами являются этнографизмы, обозначающие «местные названия местных вещей»: части крестьянского дома (*поветь, сенник, голбец*); орудия труда (*кросна, станины, стожар*); посуду и другие емкости (*братынь, ставок, пестерь*); различные хозяйственные приспособления (*верья, прясло, осек*), продукты питания (*шаньга, сусло*). Художественный контекст при этом может содержать развернутые, почти энциклопедические описания, проясняющие значение этнографизма. Рассмотрим некоторые из них, используемые создателями северного текста как номинативное и выразительное средство.

Важной хозяйственной постройкой северного крестьянского дома является **пове́ть** ‘верхнее помещение двухэтажного крытого двора’ [4, в. 27, 237], которое предназначалось для хранения сельскохозяйственного инвентаря, сена, соломы, различного домашнего скарба. Контекст позволяет уточнить значение слова, конкретизирует описание данной части крестьянского дома.

Повесть чаще всего бывает просторной, на неё можно въехать на лошади с возом: *Ах, какой это был дом! Одних только жилых помещений в нем было четыре: изба-зимовка, изба-летница, вышка с резным балкончиком, горница боковая. А кроме них были еще сени светлые с лестницей на крыльцо, да клеть, да повесть саженой семь в длину — на нее, бывало, заезжали на паре, — да внизу, под повестью, двор с разными стайками и хлевами* (Ф. Абрамов) — в данном контексте наглядно показано устройство крестьянского дома, указывается расположение повети над скотным двором.

Повесть использовалась для хранения сена, соломы: *Сено и солому на повесть до прошлой осени Пряслины подымали по взвозу, бревенчатому настилу, а осенью, когда Михаил был уже в лесу, взвоз обвалился, и корм с тех пор носили на руках* (Ф. Абрамов) — обращает на себя внимание еще одно диалектное слово *взвоз* ‘бревенчатый накат, настил, ведущий на верхнюю хозяйственную часть дома и двора’ [2, в. 4, 75], по которому въезжали с возом.

На повесть необходимо забираться по лестнице из сеней: *В темных сенцах на ощупь отыскал лесенку, поднялся на повесть* (Ф. Абрамов). Возвышенное положение повети позволяло в половодье спасти скот: *Люди трое суток отсиживались на крышах домов, колхозный скот погиб — во всей деревне осталось несколько коров, которых успели поднять на повети* (Ф. Абрамов).

Повесть использовали для обмолота зерна: *А теперь овинов нету (все разорили за войну) — суши снопы на печи да околачивай по снопу на повети* (Ф. Абрамов); *На повесть втащицась Марья с новой партией сухих, пахучих снопов, и Илья застучал цепом* (Ф. Абрамов). Одно из этимологических толкований слова *повесть* связывает его с глаголом *веять*, поэтому его первоначальное значение определяется как ‘место, где веют зерно’» (3, 27).

На повети спали в жаркие летние ночи: *...Не заснуть на повети — / Пахнет сено, как чай* (О. Фокина); *Белая ночь заглядывала на повесть через щели в крыше, в воротах, запертых на жердяной засов* (Ф. Абрамов) — наличие щелей свидетельствует о том, что повесть построена менее основательно, по сравнению с жилым помещением дома. Повесть не отапливалась, поэтому на ней было прохладно: *Больше всего Мишаулу хотелось сейчас забраться на повесть да отлежаться в холоде на траве* (Ф. Абрамов).

Повесть находится сзади избы, по ней можно незаметно пробраться в дом: *Спи-дремли, горластый петя / Постараюсь, не споткнусь, / По задворкам, по повети / До подушки доберусь* (О. Фокина); или выбраться из него: *Знаю колхозную публику. Ты к нему в заулоч, а он стрекача через повесть* (Ф. Абрамов).

Повесть могла стать местом добровольного сведения счётов с жизнью: *Кормилец — в могиле, малец в подолу. / Вережка для петли — в поветном углу* (О. Фокина); или местом любовных свиданий: *Была ли эта теплая и духовитая повесть? Была ли Варвара, ее насмешки над ним, а потом эти непонятные злые слезы?* (Ф. Абрамов); *Вспомнил, как белыми ночами ездил к Варваре с Синельги, вспомнил, как под прикрытием ночного тумана крался к ее дому, карабкался по углу на повесть-сеновал, жадно иссохшими губами припадал к ее сочному податливому рту...* (Ф. Абрамов) — приложение *сеновал* поясняет значение диалектизма.

Повесть может восприниматься как своеобразный музей крестьянской жизни: *С повестью меня познакомил Максим в первый же день (я сперва хотел спать на сеновале), и, помню, я просто ахнул, когда увидел то, что там было. Целый крестьянский музей!* (Ф. Абрамов).

Слово *повесть* может употребляться и в метрической функции в поэтическом тексте: *Ладно, некогда сидеть: / Недоделана повесть!* (О. Фокина) — скорее всего, здесь речь идет о какой-то починке на повети, а не о ее сооружении.

Одним из характерных северных предметов домашней утвари является **браты'нь** — ‘медная (или деревянная) посуда, ковш с носиком для подачи на стол пива или разливания его по стаканам’ [2, в. 2, 106], данное наименование вызывает прочные ассоциации со словом *брат* — ‘братская посуда’, рассмотрим примеры из стихотворений О. Фокиной: *И, строг запрет нарушивши, / Скоренько нацедит / С краями — красно-медную / Тяжелую братынь* — контекст указывает на размер братыни и материал, из которого она изготовлена; из братыни пили не только пиво, но и квас, и брагу: *«Ну-ко-се, жёнки, / Как он, квасок? / Уж извиняйте, / Что — из братыньки, / Не попеняйте, / Я — по старинке. / Снилось мне ныне / Экая блажь: / Брага — в братыне... / Тоня, уважь!» — / «Ух!» — / Рукавами / Вытерты рты. / Снова с краями / Полна братынь; / Чтоб, упаси бог, не было хулы / На градус пива, на духмяность кваса, / На толщину пшеничного ломтя, / На глубину медвяную братыни...* — эпитет *медвяная* указывает на предназначение предмета, из которого разливают ароматные напитки; в северных говорах употребляется вариант слова *братынь* — **брати́на** [2, в. 2, 105]: *Посиди рядом с братьями, / Выпей брагу из братины* — в данном случае вариант понадобился для метрических целей.

Весьма показательным представляется северный этнографизм **пря'сло** — ‘звено, часть изгороди от одного вбитого в землю столба, кола до другого’ [4, в. 33, 92—93], примеры из стихотворений Ольги Фокиной: *У Анюшки смято прясло, / Ей — больная — не поднять*; чаще поэтесса употребляет данное слово в переносном значении для создания поэтических образов: *Что ж, молодеть — не стариться! / Из дней, где мир и май, / Десятилетий пряслица / Раздерни — и ступай* — отрезки времени; *Понимая собственное благо / Как они, а не наоборот, / Не сроню я это прясло. / Лягу / Новой жердью в общий огород* — связь лирической героини с нравственными принципами персонажей стихотворения; *Снова нотою щемящею / В городской мотив судьбы / Вплетены дымы стоячие, / Прясла мерзлой городьбы* — метафора, изображающая зимний холод, накладывающий отпечаток на душевном состоянии лирической героини.

Есть у слова **прясло** и иное значение, именно оно легло в основу фамилии Пряслины, которую дал главным героям своей тетралогии «Братья и сестры» Федор Абрамов (до появления романа «Дом» трилогия носила название «Пряслины»): «На Севере пряслем называют приспособление из продольных жердей на столбах, предназначенное для сушки хлеба, льна, сена. В прошлом прясла были неотъемлемой принадлежностью северных полей, так как короткое северное лето и частые дожди не позволяли высушить и сохранить хлеб на земле» [5, 74]: *Стоя на скамейке у прясла, она машинально наклонилась к снопам, лежащим у ее ног, и так же машинально вешала их на жердины* (Ф. Абрамов). Выбор этой фамилии важен для осознания идейно-художественного содержания тетралогии: «прясло — основа народной жизни, символ сохранения хлеба, а Пряслины — могучая опора жизни деревни, ее стержень» [5, 75]. На одном из своих выступлений писатель заявил: «Пряслины — это соль нашей земли! <...> Они живут, они повсеместно рассеяны, по всей нашей необъятной Родине, и они та могучая опора, на которой держится наша земля» [1, 419—420].

Для передачи специфики северной природы не обойтись без слов, отражающих поморский компас и поморскую «розу ветров», поскольку, как говорится на Севере, «ветер нашей поморской жизнью заправляет, вот дотошно его и знаем». Этнографическими представляются нам диалектные наименования ветров: *сiверик (сiверко)* — северный ветер; *поберёжник* — северо-западный ветер; *полуночник* — северо-восточный ветер; *всток (сток)* — восточный ветер; *обёдник* — юго-восточный ветер; *шелóник* — юго-западный ветер. Остановимся на двух названиях — *сiверко (сiверик, сиверóк)* и *шелóник*, которые весьма выразительно употребляются в северном тексте русской литературы.

Пронизывающий, недобрый северный ветер не только определяет климатические условия Севера, но и регламентирует жизнь и деятельность северян: *Дул резкий холодный сиверко* (Е. Богданов); *Тянул предзимний сиверко* (О. Фокина); *И треплет им сиверко волосы / смолистые, / рыжие, / русые...* (Н. Журавлев); *Как не замерзла. Экой сиверко — страсть* (Ф. Абрамов); *Отсеялись, отмучились с грехом пополам — ждали лета, но тут началось самое страшное: из-за навин опять дохнул сиверок* (Ф. Абрамов).

Северный ветер в художественном контексте часто одушевляется, представляется авторам живым, мыслящим существом с определенными свойствами и повадками: это и воющий гневный зверь: *Ночью / сиверко*

зверем / выд на сотни ладов... (В. Беднов); *Ударил сиверко, / насадно воя. / Он не уляжется, / он полон гнева* (А. Левушкин); *Над Пекашином всю ночь выд, метался злой сиверок* (Ф. Абрамов); и хлесткий посланец океана: *Сиверко, посланец океана, / рваную волну к причалу гонит* (В. Беднов), *Рокочут / залива холодные воды, / под сиверком хлестким / свинцово рябя* (А. Левушкин); и бесцеремонный повеса-вор: *Дождь тебя выхлещет, / сиверко вызнобит, / каждую щель в плаще / Выщеп, вызнает* (О. Фокина); *Опять к ночи сиверик налетит воровским подлетом!* (Е. Богданов); *Сиверко хозяйничал, бесцеремонно забирался за пазухи и воротники, сковывал людей холодом* (Н. Жернаков); и даже остроперый адъютант стужи: *Остропёрый такой сиверок, / Адъютант неминуемой стужи* (О. Фокина).

Юго-западный ветер *шелоник* несет с собой тепло и дождь, что может вызвать как положительные эмоции: *С утра шелоник тёплый веет, / сугробы тают в декабре...* (В. Беднов); *Когда наконец / долгожданной весной / повеет / проснувшийся ветер-шелоник* (А. Левушкин); *И потянул шелоник, юго-западный ветер, и заплакал дождем. Стало тепло* (Н. Жернаков); так и отрицательные: *Как только сдал мороз — заплакал пасмурный шелоник. Ох уж и тошен же был горелоборцам этот дождливый юго-западный ветер!* (Н. Жернаков); *В самый разгар сева, как это часто случается на Двине, сырой шелоник развесил над полями тяжелые слоистые тучи* (Н. Жернаков) — как видим, здесь тоже не обошлось без олицетворения.

А следующий пример представляется нелогичным: *Закипает шелоник, горяч и суров* (А. Левушкин), поскольку *шелоник* как тёплый ветер вряд ли заслуживает эпитета *суровый* и метафорического предиката *закипать*.

Е. Богданов приводит народное объяснение данного названия: *Этот веселый шумный дождик принесен с юго-запада шелоником. Желанным гостем пришел этот ветер. Поморы назвали его в честь родины дедов и прадедов — Новгородчины, где течет река Шелонь. Ветер с отчего края, добрый, теплый, обычно к вечеру стихал и, по словам стариков, «уваливался в постель к женке», никогда ей не изменяя.*

Итак, одним из ярких средств создания колоритного образа Русского Севера в северном тексте русской литературы являются этнографизмы — местные названия местных вещей, которые выполняют как номинативные, так и выразительные функции.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-14-29005-ОГН «Живое слово Русского Севера».

Список литературы

1. Абрамов, Ф. А. Чем живем-кормимся / Ф. А. Абрамов. — Ленинград, 1986.
2. Архангельский областной словарь. Вып. 1—13. — Москва, 1980—2010.
3. Барашков, В. Ф. А как у вас говорят? / В. Ф. Барашков. — Москва, 1986.
4. Словарь русских народных говоров. Вып. 1—42. — Ленинград ; Санкт-Петербург, 1965—2008. (СРНГ)
5. Чаусова, Т. Л. Функции фамилий в романе Ф. А. Абрамова «Две зимы и три лета» / Т. Л. Чаусова // Федор Абрамов и север. — Архангельск, 1992. — С. 72—81.

О. А. Димитриева

Школа иностранных языков «Язык для успеха» г. Чебоксары, Россия
olgaal_79@mail.ru

КОНЦЕПТ *ВИНОПИТИЕ* В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматриваются особенности концепта *Винопитие* в прозе Ф. М. Достоевского. Особое внимание уделяется прилагательному *пьяный*. Отмечаются черты, важные с точки зрения автора при описании человека. Материалом для исследования послужили три романа — «Бесы», «Идиот», «Братья Карамазовы».

Ключевые слова: концептуализация, категоризация, концепт, менталитет, национальный характер, идиостиль, языковая картина мира.

Dimitrieva Olga Albertovna, School of Foreign Languages «Languages for Success», Cheboksary, Russia
olgaal_79@mail.ru

Concept WINE DRINKING in novels by F. M. Dostoevsky

The article deals with peculiarities of the concept WINE DRINKING in the novels by F. M. Dostoevsky. The special attention is paid to the adjective drunk. The features that are important from the author's point of view when describing a person are noted. The research is based on the three novels «Demons», «The Idiot», «The Brothers Karamazov».

Keywords: conceptualization, categorization, concept, mentality, national character, author's style, language worldview.

Изучению творчества Ф. М. Достоевского посвящены многочисленные литературоведческие и лингвистические труды (например, см. обзор в диссертации И. В. Ружицкого [5; 47—57]). Одним из популярных современных направлений исследования произведений автора является реконструирование концептов и их вербализация, например, таких как *совесть*, *бедность*, *грех*, *красота* и т. п. Ю. Н. Караулов использует понятие *идиоглоссы* для составления словаря Ф. М. Достоевского. Под «идиоглоссой» понимаются единицы, которые отражают «главные мирообразующие и миропонимающие идеи автора» и «служат концентрированным выражением специфики его языка и стиля» [3; 426]. В сводном словнике идиоглоссария мы можем найти такие идиоглоссы, как ПИТЬ, ПЬЮЩИЙ, ПЬЯНЕНЬКИЙ, ПЬЯНИЦА, ПЬЯНСТВО, ПЬЯНЫЙ [5; 424, 426], что свидетельствует о их значимости в миропредставлении и миромоделировании автором пространства художественного текста. Ранее нами были рассмотрены некоторые составляющие ситуации питья и ее вербализация на примере прозы Н. С. Лескова [2]. Для ясности анализа воспользуемся составляющими концепта *Винопитие*, выделенными Т. С. Глушковой, а именно такими субфреймами, как «Участники», «Социокультурная значимость», «Особенности употребления», «Напитки» (подробнее см. [1]).

Характеристика субъекта-участника ситуации. Особой характеристикой отличаются признаковые слова с семантикой ‘пьяный’: словообразовательный ряд, связанный с прилагательным *пьяный*, представлен словами *пьяный* (*пьян*), *пьяненький*, *полупьяный*, *вполъяна*, *спьяна(у)*; *хмельной* (*хмелен*), *во хмелю*, *по хмельном*; *вакхический*, *военно-вакхический*, *вакхичен* (...то радостен и вакхичен до слезливости... (И¹)); *готовый* (*готов*); *быть* (*казаться*) *навеселе*; в сочетании с сативным глаголом *напи(ва)ться пьян(ым)*. К этой же группе относится в некоторой степени прилагательное *трезвый* (*почти трезв / тверез*), которое отсылает к предыдущему / возможному состоянию.

1. Прилагательные группы ‘пьяный’ в первую очередь указывают на текущее состояние персонажа: ...*мужик* (о Горсткине) *пьян опять, глубоко и невозвратно* (БК²); Он [Федор Павлович] был *вполъяна* и вдруг улыбнулся своею длиною, *полупьяною*, но не лишённою хитрости и *пьяного* лукавства улыбкою (БК); на степень проявления признака — *пьян до чертиков*; *немного*, *несколько*; *мертво* / *мертвецки*, *сильно*, *совсем*, *слишком*, *решительно*; на особенности совершения действия и расположения субъекта в пространстве (сочетается с глаголами статики *сидеть* и глаголами движения, возникновения *явиться*) — ...*кричал в трактире пьяный* (БК); ...*меня там святыми зачитывать старухи принялись, а я пьян сижу, да пошел потом по кабакам на последние* ... (И); *Вот появляется пьяный и на ногах не стоит*... (И).

2. С помощью слова *пьяный* указывается на причину совершения действия и обусловленность характера состоянием.

А) Это может проявляться в характеристике народа в целом, указываться на взаимосвязь привычки и характера: ...*в России пьяные люди у нас самые добрые. Самые добрые люди у нас и самые пьяные* (БК).

Б) Состояние имеет объяснительную силу при описании поступков, отдельных действий и т. п.: *Я совсем не спяну болтаю; Пьяный старикашка брызгался слюной и ничего не замечал*... (БК).

Значение слова *пьяный* предполагает временное состояние, «находящийся под действием выпитого спиртного; нетрезвый» [7; 571]. Сочетаемость с временными наречиями, как правило, указывают на текущую ситуацию типа *сегодня*, *сейчас*. В текстах Достоевского состояние *пьяный* распространяется на годы и свидетельствует о постоянных, неизменяемых чертах человека: — *Да вы его у нас, пожалуй, этак захвалите! Видите, уж он и руку к сердцу, и рот в ижицу, тотчас разлакомился. Не бессердечный-то пожалуй, да плут, вот беда; да к тому же еще и пьян, весь развинтился, как и всякий несколько лет пьяный человек, оттого у него всё и скрипит* (И).

Некоторые выражения выполняют причинную функцию (в т. ч. прилагательное, находящееся в препозиции [4]). Таково, например, выражение — «в пьяном виде»: ...*потерял в пьяном виде; пустая ссора в пьяном виде; написал в пьяном виде* и др.

Интересны примеры, в которых дается описание внешности героя, его черт характера, куда вписываются слова, указывающие на его пристрастие: — *Остаются, стало быть, трое-с, и во-первых, господин Келлер, человек непостоянный, человек пьяный и в некоторых случаях либерал, то есть насчет кармана-с; в остальном же с наклонностями, так сказать, более древнерыцарскими, чем либеральными* (И); *Казалось, это был сильный брюнет [Федька Каторжный], сухощавый и смуглый; глаза были большие, непременно черные, с сильным блеском и с желтым отливом, как у цыган, это и в темноте угадывалось. Лет, должно быть, сорока, и не пьян* (Б³); — *Пьяный человек и негодяй* [о Лебядкине], — *пробормотал как бы нехотя Шатов* (Б). На нарушение «детерминированности ряда однородных элементов» и создание парадокса как особенности идиостиля автора указывает в своей работе И. В. Ружицкий (подробнее см. [6; 17]).

3. Сходство внутреннего, эмоционального переживания героя и состояния пьяного человека.

С одной стороны, трезвый человек выглядит как пьяный: — *Пьян! И так пьян... от тебя пьян, а теперь и от вина хочу* (БК); *Дмитрий Федорович почти с какою-то яростью поднялся с места, он вдруг стал как пьяный. Глаза его налились кровью* (БК); ...*был как бы тоже совсем не в себе, но не пьян, а точно, в каком-то восторге, очень рассеян, а в то же время как будто и сосредоточен*... (БК); — *Я духом пьян, Петр Ильич, духом пьян, и довольно*... (БК). В таких примерах, как правило, приводятся внешние проявления сильного

эмоционального или духовного переживания, которые совпадают с видимыми характеристиками пьяного человека (сбитая речь, рассеянность, движения и т. п.).

С другой стороны, здесь следует отметить и противоположную тенденцию — пьяный человек кажется трезвым: *Хотя он очевидно сейчас выпил, но пьян не был* (БК).

4. Также используется при характеристике метафоры границы, предела: *Он дошел до той черточки пьянства, когда иным пьяным, дотоле смирным, непременно вдруг захочется разозлиться и себя показать* (БК).

Аксиологическая установка прилагательного *пьяный* в большинстве случаев относится к негативному полюсу оценочной шкалы.

Особенности употребления и напитки. Действия, обозначающие процесс принятия алкоголя, представлены следующими глаголами: *пить, выпить, подвыпить, подпить, пропить, пропить, запить, распить, напиться; пьянствовать, запьянствовать; пировать; глотнуть* и др. Самыми частотными являются первые два. Глагол *пить* употребляется автором как средство характеристики человека, его привычек, наклонностей: *Дурных привычек действительно завелось у нашего друга [о Степане Трофимовиче] немало, особенно в самое последнее время. Он видимо и быстро опустился, и это правда, что он стал неряшлив. Пил больше, стал слезливее и слабее нервами; стал уж слишком чуток к изящному* (Б); *Он [Лебядкин] только умел крутить усы, пить и болтать самый неловкий вздор, какой только можно вообразить себе* (Б).

Помимо значения хабиутуальности глагол *пить* используется при обозначении общеизвестных фактов, относящихся к жизненному опыту человека, такой контекст характеризуется универсальностью, часто носит общечеловеческий или общенациональный характер, субъект, как правило, обобщен, нереперентен и в целом высказывание не локализовано на линии времени (внетемпорально): *Бабенка законфузилась и стала было отнекиваться, но, высказав всё предписанное приличием, под конец встала, выпила учтиво, в три хлебца, как пьют женщины, и изобразив чрезвычайное страдание в лице, отдала рюмку и поклонилась Степану Трофимовичу* (Б).

Глаголы расположения в пространстве (*сидеть, оставаться* и др.) и деятельности (*говорить* и др.) в сочетании с предлогами *за, с* и наименованием напитка или емкости в творительном падеже (*говорил за бутылкой; сидя за бутылкой вина; сидел за шампанским; с бутылкой перед собой* и др.) маркируют место и в некоторых контекстах (не всегда) подчеркивают одиночество постоянно пьющего человека: — *Он [Коля Иволгин об отце] теперь там сидит за бутылкой. И чем он там себе кредит приобрел, понять не могу?* (И).

Социокультурная значимость и отношение говорящего прослеживается в контекстах часто с негативной семантикой: [князь Мышкин] *Ведь не видения же какие-нибудь снились ему в этот момент, как от гашиша, опиума или вина, унижающие рассудок и искажающие душу, ненормальные и несуществующие?* (И); [Петр Верховенский] *Русский бог уже спасовал пред «дешевкой». Народ пьян, матери пьяны, дети пьяны, церкви пусты, а на судах: «двести розог, или тащи ведро»* [Б].

Итак, особенностью употребления вакхических слов в романах Достоевского является описание характера персонажа, его внешности в сочетании с отношением его к спиртному; частотное употребление разнообразных признаков слов, а также характеристика состояния душевного переживания через вакхические слова.

Условные сокращения и примечания

¹ И — Достоевский Ф. М. Идиот: Роман : в 4 ч. — Москва, 1981.

² БК — Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы : роман. — Москва, 2004.

³ Б — Достоевский Ф. М. Бесы : роман. — Москва, 2006.

Список литературы

1. Глушкова, Т. С. Винопитие / Т. С. Глушкова // Антология концептов. Т. 7. — Волгоград, 2009. — С. 234—244.

2. Димитриева, О. А. Глаголы с семантикой 'употреблять спиртное' в произведениях Н. С. Лескова / О. А. Димитриева // Грамматические исследования поэтического текста : материалы международной научной конференции. — Петрозаводск, 2017. — С. 150—152.

3. Караулов, Ю. Н. Понятие идиоглоссы и словарь языка Достоевского / Ю. Н. Караулов // Слово Достоевского. 2000. — Москва, 2001. — С. 424—444.

4. Михеева, С. Л. Признак, обуславливающий действие: о роли прилагательного в высказывании при выражении причинных отношений / С. Л. Михеева // Научный диалог. — 2015. — № 12 (48). — С. 120—131.

5. Ружицкий, И. В. Языковая личность Ф. М. Достоевского: лексикографическое представление : дис. ... д-ра филол. наук / И. В. Ружицкий. — Москва, 2015.

6. Ружицкий, И. В. «Возможные миры» в семантическом пространстве Ф. М. Достоевского / И. В. Ружицкий // Stephanos. — 2017. — № 1 (21). — С. 9—21.

7. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. Т. 3. П—Р. — Москва, 1999.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАГЛАВНЫХ НОМИНАЦИЙ
В ПОЭЗИИ К. Н. БАТЮШКОВА И В. А. ЖУКОВСКОГО¹

В статье анализируются заглавные номинации стихотворений К. Н. Батюшкова и В. А. Жуковского. Представлены классификации с точки зрения соотношенности их с денотатом объективной действительности, а также с формальной точки зрения. Выявлены сходства в способах номинации стихотворений, которые говорят о близости поэтов. Описаны наиболее яркие отличия, которые свидетельствуют о разнице мироощущения и устремлений авторов.

Ключевые слова: Жуковский, Батюшков, заглавия, поэты-романтики.

The paper analyzes the title nominations of the poems by K. N. Batyushkov and V. A. Zhukovskiy. The author presents classifications from the point of view of their correlation with the denotatum of objective reality, and also from the formal point of view. The paper reveals the similarities in the ways of naming the poems, which show kinship of the poets. The paper describes the most remarkable differences which demonstrate the distinction of the worldview and intentions of the authors.

Keywords: Zhukovskiy, Batyushkov, titles, romantic poets.

Константина Николаевича Батюшкова и Василия Андреевича Жуковского связывает прежде всего эпоха, в которую они творили. Начало XIX в. — время перемен, которые затронули не только языковые процессы. В искусстве идет отказ от классицизма и становление новых стилей, что ярко отражается в поэтических произведениях.

Хотя сравнивать этих поэтов, столь разных по темпераменту, устремлениям, мироощущению, представляется действительно сложным, в научной литературе нередко можно встретить исследования, в которых имена этих поэтов стоят рядом. Первым их сопоставил В. Г. Белинский, который считал, что «направление поэзии Батюшкова совсем противоположно направлению поэзии Жуковского» [2; 224]. Выявление сходства и различия лирических мотивов, композиционных приемов, жанров — вот неполный список вопросов, который поднимали исследователи Р. А. Евсеева [7; 50—56], П. Ф. Подковыркин [15; 12—19] и др. Нами же был выбран другой критерий для сопоставления — заглавные номинации малых жанров, к которым в последнее время не раз обращались исследователи. Заглавия, «конденсируя в себе смысловую и композиционную специфику текста» [10; 111], являясь частью заглавно-финального комплекса наряду с именем автора, подзаголовком, посвящением, эпиграфом и датой, все чаще привлекают к себе внимание ученых: рассматривается грамматический статус и синтаксическая организация заглавия, стилистика и функции заглавий и т. п., но, по мнению Н. А. Веселовой и др., которые собрали в рамках одной статьи порядка 300 работ, посвященных отдельным аспектам проблемы заглавия, эту проблему нужно решать комплексно, «учитывая многочисленные подходы к исследованию заглавия» [3; 158].

Именно на заглавиях, как справедливо отмечает Е. В. Джанджакова, отражаются «все сколько-нибудь значительные изменения в поэзии» [4; 207]. Батюшкова и Жуковского называют первыми поэтами-романтиками. В заглавных номинациях это проявляется в частом обращении поэтов к героям мифологических сюжетов (*Судьба Одиссея* (Б), *Вакханка* (Б)), творцам древнего мира и Средневековья (*Плач о Пиндаре* (Ж), *К Тибуллу, на прошедший век* (Ж), *К Гете* (Ж)), описанию древних городов и мифологического пространства: *Таврида* (Б), *Элизий* (Б), *Видение на берегах Леты* (Б). Романтические мотивы выявляются и в заглавиях *Привидение* (Ж), *Таинственный посетитель* (Ж), *Сельское кладбище* (Ж), наполненных мистикой и мыслями о вечном.

Всего было проанализировано 111 стихотворений Батюшкова и 102 Жуковского. Большинство анализируемых стихотворений Батюшкова и Жуковского озаглавлены (83 и 90 % соответственно). Следуя канонам романтизма, Батюшков, как правило, оставляет неозаглавленными стихотворения, входящие в один цикл. Такие «неотягощенные жанровой оболочкой» [11; 26] стихотворения дают «лирику возможность в пределах одного текста (*цикла — примечания наши*) воплотить сложность своего мироощущения» [16; 87]. Именно в период романтизма происходит трансформация лирических жанров и рождение «внежанровых стихотворений», что и обеспечивают циклические образования [16; 87].

Жанр «жанровых» стихотворений проявляется в заглавиях по-разному:

1) название жанра присутствует непосредственно в заголовке: *Элегия из Тибулла* (Б), *Мадригал новой Сафе* (Б), *Послание к Хлое* (Б), *Надпись к портрету Жуковского* (Б); *Эпитафия лирическому поэту* (Ж), *Сафина ода* (Ж);

2) в заголовке используется форма дательного падежа, что почти всегда свидетельствует о том, что стихотворение написано в жанре послания: *К друзьям* (Б), *К Дашкову* (Б), *К Жуковскому* (Б); *К Филалету* (Ж), *К Воейкову* (Ж), *Ареопазу* (Ж);

3) в заглавии эпитафий есть лексема, входящая в лексико-семантическую группу «смерть»: *Стихи на смерть Даниловой*, *Танцовщицы С.-Петербургского Императорского Театра* (Б), *На смерть супруги*

Ф. Ф. Кокошкина», «Надпись для гробницы дочери Мальшиевой (Б), Надпись на гробе пастушки (Б). Эта особенность не характерна для Жуковского, который в качестве заглавий для эпитафий использует названия человеческих пороков: *Моту* (Ж), *Пьянице* (Ж), *Толстому эгоисту* (Ж), тогда как лексемы, входящие в лексико-семантическую группу «смерть», встречаются в элегиях (*На кончину ея величества королевы Виртембергской, Сельское кладбище*) и во внежанровых стихотворениях (*На смерть фельдмаршала графа Каменского, Верность до гроба*).

Проспекция большинства произведений Батюшкова и Жуковского благодаря заглавиям очевидна: они ориентируют нас на события, которые будут описаны в стихотворении (*Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года* (Б), *На первое отречение от престола Наполеона* (Ж)), на героя, которому адресовано произведение (*К Жуковскому* (Б), *К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину* (Ж)), на чувства, которые испытывает герой (*Радость* (Б), *Весеннее чувство* (Ж), *Тоска по милом* (Ж)) и т. п.

Следуя за Н. А. Кожинной и поддерживая ее мысль о том, что «заглавие становится формой, в которую отливается содержание текста как целого» [10; 112], особый интерес мы видим в описании заглавий с точки зрения соотношенности их с денотатом объективной действительности, который получил отражение в литературном произведении. С опорой на исследования Н. В. Патроевой, А. В. Ламзиной, И. В. Фоменко, Е. В. Джанджаковой, С. Л. Козлова, А. М. Дундуковой Т. И. Шамякиной [17; 14—20] и др., в которых проанализированы заглавия «с точки зрения воплощенности в нем жанрового мышления художника» [11; 20—29], описаны заглавия произведений отдельных авторов [13; 19—23, 14; 18—23, 6; 124—127], представлены классификации заглавий «с традиционно вычленимыми компонентами художественного мира произведений: тематическим составом и проблематикой, сюжетом, системой персонажей, деталью, временем и местом действия» [12; 75], описывается соотношенность заглавия с внетекстовыми факторами (бытовые реалии, факты биографии) и с содержанием текста [16; 84—99], определяются отношения (эксплицитные и имплицитные) между заглавием и контекстом стихотворения [5; 114—123, 9; 171—172] и т. д., была разработана классификация заглавий поэтических произведений малых жанров Жуковского и Батюшкова.

В поэзии обоих поэтов преобладают заглавия, представляющие персонажа (персонажей) произведения. Это имена и фамилии реальных лиц — современников Батюшкова и Жуковского (*К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину* (Ж), *К М. Ф. Орлову* (Ж), *К Ив. Ив. Дмитриеву* (Ж), *Послание к Тургеневу* (Б), *Ответ Гнедичу* (Б) и др.), имена великих поэтов, к творчеству которых не раз обращались Батюшков и Жуковский (*К Гете* (Ж), *К Тибуллу, на прошедший век* (Ж), *Плач о Пиндаре* (Ж), *К Тассу* (Б)).

Активно используются поэтами заглавия, в которых мы видим названия людей по какому-либо признаку, свойству. Заглавия могут указывать на деятельность персонажа (*Путешественник* (Ж), *Пловец* (Ж), *Певец* (Ж), *Скальд* (Б)), подчеркивать уникальность человека, заслуживающего уважение (*Герой* (Ж), *Вождю победителей* (Ж), *Мой гений* (Б), *Истинный патриот* (Б)).

В творчестве Батюшкова мы не найдем стихотворений, посвященных высшим представителям государственной власти. Жуковский же был близок ко двору (долгое время он был чтецом при императрице, а затем воспитателем наследника, будущего императора Александра II), поэтому в его заглавиях встречаются имена царских лиц (*Императору Александру* (Ж), *Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича* (Ж) и др.).

Интересно, что первоначально некоторые стихотворения Жуковского имели заглавия, подзаголовки, посвящения, отсылающие читателя к конкретному лицу или лицам, однако впоследствии автор их меняет: стихотворение *Вождю победителей* (Ж) печаталось под заглавием *Князю Смоленскому*, стихотворение *К Филалету* (Ж) имело посвящение *Александру Ив. Тургеневу*, послание *Тургеневу, в ответ на его письмо* (Ж) имело примечание *Сие послание посвящено воспоминаниям молодости; двух друзей, украсивших ее, нет уже на свете*. Жуковский вносит изменения в последующие публикации, убирает конкретного адресата, и таким образом стихотворения приобретают более обобщенный характер. Батюшков же, наоборот, изменяя заглавия, конкретизирует их: так, например, *Послание графу Виельгорскому* впервые было напечатано как *Графу В.* (Б), *Послание И. М. Муравьеву-Апостолу* как *К И. М. М. А.* (Б), *Послание к Тургеневу* как *К другу* (Б) и др.

Анализ заглавий с формальной точки зрения показал, что большинство заглавных номинаций и Батюшкова, и Жуковского — это однословные или двусловные конструкции. Всего около 7 % озаглавленных стихотворений обоих поэтов — многословные конструкции (4 и более словоформы). Заглавия, представляющие собой сочинительные ряды, чаще встречаются у Жуковского (9 стихотворений), но почти не используются, как может показаться, Батюшковым (2 стихотворения). Однако если мы обратимся к рукописям, то можем обнаружить, что заглавия некоторых не дошедших до нас стихотворений Батюшкова представляют собой сочинительные ряды: *Лиса и пчелы, Орел и уж* [1; 260—261].

Очень редко мы можем обнаружить вышедшие «из моды» к началу XIX века [12; 78] дескриптивные названия. Если Жуковский, еще подверженный сильному влиянию классицизма, в исключительных случаях (рождение наследника, знаменательное событие и др.) может использовать сюжетные заглавия (*Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича, На смерть фельдмарша-*

ла графа Каменского), то у Батюшкова заглавия подобного типа единичны (*Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года*).

Объем статьи не позволяет представить подробный анализ всех выявленных типов заглавий, а также других компонентов заглавно-финального комплекса. Подзаголовки, посвящения, эпиграфы также важны для полного понимания творчества представленных поэтов.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168).

Список литературы

1. *Батюшков, К. Н.* Полное собрание стихотворений / К. Н. Батюшков. — Москва ; Ленинград, 1964.
2. *Белинский, В. Г.* Сочинения Александра Пушкина / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. — Москва, 1955. — Т. 7. — С. 224—253.
3. *Веселова, Н. А.* Поэтика заглавия : материалы к библиографии / Н. А. Веселова, Ю. Б. Орлицкий, М. В. Скороходова // Литературный текст : Проблемы и методы исследования : сб. науч. тр. — Тверь : Тверской государственный университет, 1997. — С. 158—180.
4. *Джанджакова, Е. В.* О поэтике заглавий / Е. В. Джанджакова // Лингвистика и поэтика. — Москва, 1979. — С. 207—214.
5. *Джанджакова, Е. В.* Типы связи между заглавием и контекстом лирического стихотворения / Е. В. Джанджакова // Системность языковых средств и их функционирование. — Куйбышев, 1989. — С. 114—123.
6. *Дундукова, А. М.* Пушкинские заглавия: синтаксический аспект / А. М. Дундукова // Грамматические исследования поэтического текста : материалы международной научной конференции (7—10 сентября 2017 года, г. Петрозаводск). — Петрозаводск, 2017. — С. 124—127.
7. *Евсеева, Р. А.* Зачины в элегиях В. А. Жуковского и К. Н. Батюшкова / Р. А. Евсеева // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2004. — № 11. — С. 50—56.
8. *Жуковский, В. А.* / В. А. Жуковский. 2-е изд. — Ленинград, 1956.
9. *Кожина, Н. А.* Заглавие художественного произведения : онтология, функция, параметры типологии / Н. А. Кожина // Проблемы структурной лингвистики. 1984. — Москва, 1988. — С. 167—183.
10. *Кожина, Н. А.* Способы выражения экспрессии в заглавиях художественных текстов / Н. А. Кожина // Проблемы экспрессивной стилистики. — Ростов-на-Дону, 1987. — С. 111—116.
11. *Козлова, С. Л.* К поэтике заглавий в русской лирике первой половины XIX века (Пушкин и его современники) / С. Л. Козлова // Вопросы жанра и стиля в русской и зарубежной литературе. — Москва, 1979. — С. 20—29.
12. *Ламзина, А. В.* Заглавие литературного произведения / А. В. Ламзина // Русская словесность. — 1997. — № 3. — С. 75—80.
13. *Патроева, Н. В.* Заглавия в лирике Е. А. Баратынского (типология, функции, эволюция) / Н. В. Патроева // Атриум. — 1999. — № 1. — С. 19—23.
14. *Патроева, Н. В.* Заглавия в лирике Е. А. Баратынского (типология, функции, эволюция) / Н. В. Патроева // Атриум. — 2000. — № 6. — С. 18—23.
15. *Подковыркин, П. Ф.* Романтическое состязание К. Н. Батюшкова и В. А. Жуковского : (К постановке проблемы) / П. Ф. Подковыркин // Проблемы метода и жанра. Вып. 18. — Томск, 1994. — С. 12—19.
16. *Фоменко, И. В.* Заглавие литературно-художественного текста как филологическая проблема / И. В. Фоменко // Лексические единицы и организация структуры литературного текста. — Калинин, 1983. — С. 84—99.
17. *Шамякина, Т. I.* Беларуская проза у кантэксце часу (1940—1980) : паэтыка загалюука / Т. I. Шамякіна // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. Псіхалогія. — 2011. — № 2. — С. 14—20.

ЭКЗОТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ХАРАКТЕРИСТИКА АВТОРСКОГО СТИЛЯ В ОЧЕРКАХ ПУТЕШЕСТВИЯ И. А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ «ПАЛЛАДА»»

Изучение прагматики употребления экзотизмов демонстрирует, что их статус периферийного и малоинтересного слоя лексики должен быть пересмотрен, когда речь идет об индивидуальном стиле. В данной статье рассматриваются особенности употребления экзотической лексики в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат «Паллада»». Доказывается, что, несмотря на обусловленность присутствия экзотизмов жанром путешествия, состав, характер и прагматика употребления слов этой группы носит авторские черты.

Ключевые слова: экзотизмы, И. А. Гончаров, «Фрегат «Паллада»», индивидуальный стиль, путешествие.

Shcheglova Ekaterina Alexandrovna, St. Petersburg State University, Russia
e.scheglova@spbu.ru

Exotic lexicon as the author's style characteristic in travel sketches «Frigate «Pallada»» by I. A. Goncharov

The studying of pragmatics of the exotic lexicon use shows that their status as a peripheral and uninviting layer of lexicon has to be revised when it is about the individual style. In this article the features of the exotic lexicon use in sketches of a travel «Frigate «Pallada»» by I. A. Goncharov are considered. It is proved that, despite the conditionality of the exotic lexicon presence in a travel, the structure, character and pragmatics the use of this words carries author's lines.

Keywords: exotic lexicon, I. A. Goncharov, «Frigate «Pallada»», individual style, travel.

По определению Е. В. Мариновой, экзотизмами являются «слова иноязычного происхождения, обозначающие реалии «чужой» культуры, т. е. реалии, которые не стали заимствованиями, а следовательно, отсутствуют (или отсутствовали) в российской действительности» [3; 138]. В последнее время становится все более актуальным лингвокультурологический подход к изучению экзотической лексики: «В общем виде исследование экзотизмов связано с изучением инокультурных заимствований и проблемой культурной и идеологической рецепции» [1; 13]. Такой аспект изучения экзотизмов позволяет иначе взглянуть на данную лексическую группу, традиционно считающуюся частью пассивного словарного запаса, т. е. периферийным (а значит, малоинтересным для изучения) явлением системы литературного языка. В последнее время актуальным становится изучение функционирования экзотизмов, определение сферы их употребления, что связано, в частности, с развитием коммуникативно-прагматического подхода в лингвистике: «Коммуникативно-прагматический подход к языку вводит в активный оборот лингвиста и преподавателя целый ряд периферийных (с точки зрения системы) явлений языка, актуальных в коммуникативной деятельности» [5; 9]. Экзотизмы, как и другие периферийные лексические группы (иноязычные вкрапления, варваризмы), активно изучаются как составная часть индивидуального стиля, авторского словоупотребления [4; 6]. Именно в этом аспекте экзотизмы в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат «Паллада»» будут рассматриваться в рамках данной статьи. Само присутствие экзотизмов на страницах очерков, конечно, обусловлено их жанровыми особенностями: рассказывая о других землях, автор не может не называть реалии «чужой» культуры. Однако характер употребления экзотической лексики в литературе путешествий носит личный характер, является чертой индивидуального стиля.

Наименования экзотических реалий являются важной составной частью повествования о землях, которые автор во время плавания посещает вместе с командой «Паллады». Они отражают географию экспедиции, поскольку конкретные наименования связаны с определённой территорией. Интересен сам состав наименований экзотических реалий, представленных в очерках. Прежде всего, очевидно тематическое разнообразие рассматриваемой лексической группы. Можно разделить все составляющие группу номинативные единицы на две группы: наименования, относящиеся к миру природы, и наименования, относящиеся к миру человека. В наименования, относящиеся к миру природы, входят: 1) наименования экзотических растений; 2) наименования экзотических животных; 3) наименования минеральных образований. Группу наименований, относящихся к миру человека, составляют: 1) наименования человека по должности или роду занятий; 2) наименования предметов быта; 3) наименования культурных реалий. Чертой индивидуального авторского стиля является количественное соотношение слов в этих тематических группах. Из 78 экзотизмов к миру природы относятся 50 наименований (29 названий растений, 18 — животных, 3 — минералов), к миру человека относятся 28 слов (14 наименований человека, 11 — предметов быта, 3 — культурных объектов). Таким образом, 64 % экзотических наименований связаны с миром природы, и только 36 % относятся к человеку, в то время как в других путешествиях картина может быть принципиально иной (см., например, «Письма об Испании» В. П. Боткина). Статистика демонстрирует интерес автора к живой природе (количество наименований растений и животных) и человеку как таковому (наименования человека по должности или роду занятий), нежели к объектам культуры. Такие выводы могут отчасти подтвердить слова самого И. А. Гончарова:

«Если путешествуешь не для специальной цели, нужно, чтобы впечатления нежданно и незванно сами собирались в душу; а к кому они так не ходят, тот лучше не путешествуй. Оттого я довольно равнодушно пошел вслед за другими в Британский музей, по сознанию только необходимости видеть это колоссальное собрание редкостей и предметов знания. Мы целое утро осматривали ниневийские древности, этрусские, египетские и другие залы, потом змей, рыб, насекомых — почти всё то, что есть и в Петербурге, в Вене, в Мадриде. А между тем времени лишь было столько, чтобы взглянуть на Англию и на англичан. Оттого меня тянуло всё на улицу; хотелось побродить не между мумиями, а среди живых людей» [2; 41].

Еще одной чертой авторского стиля, связанной с употреблением экзотизмов, является поиск наиболее верного наименования, представление нескольких вариантов слова: «Я купил до тридцати резных фигур из мягкого разноцветного камня *агальматолита (agalmatolite, fragodite, pierre a magots ou a sculpture; Bildstein, Speckstein aus China)*, попросту называемого *журовиком*. Камень этот, кроме Китая, находят местами в Венгрии и Саксонии» [2; 419]. В этом внимании к слову, желании найти правильное наименование объекта, представить реалию в полноте ее представления в языках разных народов не могло не сказаться филологическое образование автора «Фрегата».

Осознается автором и необходимость создания единого словаря с читателя, отсюда разветвленная сеть пояснений (внутритекстовых толкований), которыми И. А. Гончаров снабжает экзотическую лексику. Можно выделить три основных способа толкования экзотизмов в очерках:

1) краткое внутритекстовое толкование (вводится с помощью запятых, в скобках, через союзы *или, то есть*): «Полиция, которая большею частью состоит из *сипаев*, то есть служащих в английском войске индийцев, довольно многочисленна и бдительна, притом все цветные племена питают глубокое уважение к белым» [2; 282];

2) пояснение, встроенное в основную повествовательную линию (часто дается в форме диалога):

«Велите кучеру ехать сначала в Манилу, — сказал я хозяину, — потом в окрестности, только подальше и позанимательнее». — «А на *кальсадо* хотите ехать?» — спросил он. «Что это такое *кальсадо*?» — «Это гулянье около крепости и по взморью: туда по вечерам собираются все кататься». — «Ужо, попозднее», — сказал я» [2; 533—534];

3) подробное, своего рода энциклопедическое, описание (внесюжетно, повествовательная нить прерывается): «Зато медной монеты, или *кашей*, множество. Она чеканится из неочищенной меди, чуть не из самородка, и очень грязна на вид; величиной монета с четвертак, на ней грубая китайская надпись, а посредине отверстие, чтобы продевать бечевку. Я сначала не вдруг понял, что значат эти длинные связки, которые китайцы таскают в руках, чрез плечи и на шее, в виде ожерелья. Я что-то купил в лавочке, центов на 30, и вдруг мне дали сдачи до тысячи монет. Их в долларе считают до 1500 штук» [2; 420].

При этом структура энциклопедического толкования может быть различна и зависеть от самой описываемой реалии. Она может соответствовать структуре научного описания объекта (например, в толкованиях к фитонимам: внешний вид, вкус, цвет, форма и т. п.: «На берегу речки росло роскошнейшее из тропических деревьев — *баниан*. Толстый ствол, состоящий из множества крепко сросшихся вместе корней, оканчивается густой шапкой темной зелени с толстыми маслянистыми листьями. От ветвей вертикально тянутся растительные нити и, вращая в землю, пускают корни, из которых образуются новые деревья» [2; 250]) или содержать в себе дифференцирующие признаки, позволяющие читателю выделить описываемый объект из группы схожих объектов (как в приведенном выше примере о каше среди других мелких монет).

Таким образом, экзотизмы, будучи периферийным явлением языка, не являются таковым в аспекте индивидуального стиля. Состав экзотизмов, характер и прагматика их употребления являются неотъемлемыми чертами авторского словоупотребления.

Список литературы

1. Богданов, К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов / К. А. Богданов. — Москва, 2006.
2. Гончаров, И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах / И. А. Гончаров // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 2. — Санкт-Петербург, 1997.
3. Маринова, Е. В. Экзотическая лексика как лингвистический феномен / Е. В. Маринова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — Нижний Новгород, 2003. — С. 138—142.
4. Самотик, Л. Г. Внелитературные экзотизмы в русском языке: сферы использования / Л. Г. Самотик // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. — 2010. — № 1. — С. 160—164.
5. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. — Москва, 2007.
6. Шестакова, Л. Л. Иноязычные вкрапления в текстах поэтов Серебряного века (по материалам сводного словаря поэтического языка) / Л. Л. Шестакова // Известия РАН. Сер. литературы и языка. — 2015. — Т. 74. — № 1. — С. 68—76.

**ПОЭЗИЯ ГРАММАТИКИ И ГРАММАТИКА ПОЭЗИИ:
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

В статье описываются особенности функционально-грамматического анализа художественного текста с опорой на теорию поля на примере исследования идиостиля Б. Пастернака. В качестве основных единиц анализа поэтических текстов Б. Пастернака рассматриваются функционально-семантическое поле и лексико-функционально-семантическое поле, что позволяет установить грамматические доминанты идиостиля поэта, а также проследить взаимодействие равноуровневых языковых средств в создании художественных образов и установить их роль в тексто- и смыслообразовании художественного текста.

Ключевые слова: грамматические категории, идиостиль, лексико-функционально-семантическое поле, поэтический язык, функциональная грамматика, функционально-семантическое поле, художественный текст.

Lyancevich Tatiana Mihailovna, Educational establishment «Brest state University named after A. S. Pushkin», Republic of Belarus

t_lyan@mail.ru

The poetry of grammar and the grammar of poetry: features of functional-grammatical research of the artistic text

In the article deals with the features of the functional-grammatical analysis of the artistic text with the support of the field theory on the example of the research of B. Pasternak's idiosyle. The functional-semantic field and the lexical-functional-semantic field are viewed as the basic units of the analysis of B. Pasternak's poetic texts, which allows the author to reveal grammatical dominants of the poet's idiosyle and also to trace the interaction of multilevel linguistic means in the creation of artistic images and reveal their role in the formation of text and meaning of the artistic text.

Keywords: grammatical categories, idiosyle, lexical-functional-semantic field, poetic language, functional grammar, functional-semantic field, artistic text.

«Грамматика поэзии» и «поэзия грамматики» — две сферы поэтического языка, которые неизменно привлекают внимание филологов, занимающихся интерпретацией художественного текста, поскольку именно система грамматических единиц, классов и категорий вместе с правилами их функционирования во взаимодействии с лексикой служит формированию и выражению авторского замысла. На значение грамматического уровня в выражении смысла художественного текста указывал еще Р. О. Якобсон [9], отмечая необходимость систематического изучения и описания соотношения между грамматикой и поэзией, поскольку «грамматика в поэтических текстах может становиться полноправным средством выразительности и воплощать художественный смысл наряду с метром / ритмом, звуковым строем и лексикой» [5; 397]. Однако, к сожалению, традиционно в лингвистических исследованиях поэтической грамматике «практически всегда отводились «вторые роли», а <...> грамматика идиостилей описывалась в виде отрывочных наблюдений, поэтому современная лингвистическая поэтика располагает только обобщающими теоретическими исследованиями по поэтической грамматике. <...> Безразличие к авторской грамматике было прямым следствием весьма распространенного в лингвистике взгляда на грамматику как на «строительный материал» [5; 68]. В последнее десятилетие в работах, посвященных изучению смысловой структуре художественных произведений и их интерпретации, все чаще подчеркивается особая значимость грамматического уровня текста. И в связи с существующими сегодня в лингвистике точками зрения на природу художественного текста определились два подхода к его анализу: 1) от формы к ее функциям и значениям и 2) от значения к форме — от смыслового ядра к языковым способам его выражения. Сочетание этих двух подходов возможно при анализе художественного текста в рамках функциональной грамматики с опорой на теорию поля.

В языкознании теория поля, или полевой подход, разрабатывалась такими зарубежными и отечественными учеными, как Г. Ипсен, И. Трир, Л. Вайсгербер, В. Г. Адмони, М. М. Гухман, Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс, Г. С. Шур, А. В. Бондарко и др. В исследовании художественного текста сочетание двух указанных подходов функциональной грамматики с опорой на теорию поля применялся З. Я. Тураевой, И. П. Кудреватых [3; 4; 7; 8] и др. Так, понятие функционально-семантического поля является центральным в концепции категорий художественного текста З. Я. Тураевой [8]. По мнению И. П. Кудреватых, «категории художественного текста выступают, с одной стороны, как стилиобразующие, а с другой — как текстообразующие, так как, эксплицируясь определенным набором языковых средств, которые определяют взаимодействие функционально-семантических и тематических полей, они способствуют возникновению различного рода ассоциаций как важнейшего условия коннотации» [3; 32].

В теории функциональной грамматики А. В. Бондарко *функционально-семантическое поле* (далее ФСП) определяется как «базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и «строевых» лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т. п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [6; 11]. Понятие ФСП «отражает явления взаимодействия элементов разных языковых уровней, в полной мере раскрывающиеся при их функционировании в речи» [1; 21]. По аналогии с ФСП в структуре художественного текста мы выделяем лексико-функционально-семантические поля (ЛФСП) (термин И. П. Кудреватых). *Лексико-функционально-семантическое поле* — разновидность функционально-семантического поля, представляющая собой единство разноуровневых речевых средств, группирующихся вокруг определенного семантического центра и служащих для создания художественного образа. Приемлемость полевого подхода именно при анализе художественного текста обусловлена такой специфической базовой стилиевой особенностью поэтической речи, как художественно-образная речевая конкретизация (термин М. Н. Кожиной). Это «такое явление художественной речи, <...> когда <...> система разноуровневых речевых средств выполняет одну и ту же стилистическую функцию: служит созданию и выражению какой-то одной образной черты или одного образа (микрообраза), оказывая через этот комплексный акцент (скрыто или явно) активизирующее воздействие на воображение читателя» [2; 139].

Полевой подход при анализе художественного текста позволяет не только раскрыть глубинный смысл художественного произведения, интерпретировать его наиболее адекватно замыслу автора, но и выявить грамматические доминанты идиостиля того или иного писателя. Рассмотрим особенности применения полевого подхода к анализу поэзии Б. Л. Пастернака

В творчестве Б. Пастернака неизменно присутствуют и являются определяющими три темы: тема природы, тема любви и тема поэта и поэзии, или тема творчества. В качестве грамматической доминанты в выражении смысла поэтического текста категории темпоральности и аспектуальности выступают в пейзажной лирике Б. Пастернака. Тема природы репрезентирована через оппозицию лексико-функционально-семантических полей «природа» и «человек». Приоритетными средствами выражения ФСП темпоральности и аспектуальности в стихотворениях данного типа являются формы индикатива, а также синтаксические конструкции, характеризующиеся неполнотой структуры, односоставные предложения (назывные / безличные), а также предложения с именными предикатами. Оппозиции видо-временных глагольных форм не только участвуют в организации темпоральной структуры этих стихотворений, но также определяют границы ЛФСП и устанавливают между ними логико-синтаксические отношения тождества, включения и пересечения. Таким образом данные грамматические средства способствуют выражению различных оттенков эмоционального состояния человека через состояние природы и способствуют выражению индивидуального авторского восприятия мира, в котором природа выступает как великое ведущее начало, только в гармонии и единении с которым человек способен познавать жизнь и творить. И если в одних стихотворениях автор выражает мысль о равенстве человека и природы, то в других подчеркивает преобладающее значение природного начала, которое активно участвует в жизни человека и оказывает на него значительное влияние.

Функционально-семантическая категория персональности является грамматической доминантой поэтических текстов Б. Пастернака, посвященных теме любви. Лирические стихотворения Б. Пастернака, связанные темой расставания, соответствуют сюжетным схемам «я» — «ты», «я» — «вы», «я» — «она». Семантические центры, эксплицированные центральными грамматическими компонентами ФСП персональности: личными местоимениями 1-го ед. ч. и 2-го лица, а также личными местоимениями 3-го лица, группируют вокруг себя ЛФСП и определяют логико-синтаксические отношения включения и противопоставления между ними, выражающие тяжелое эмоциональное состояние лирического я, связанное с драматическим финалом его взаимоотношений с возлюбленной. Разрыв отношений между участниками любовной коллизии подтверждается отсутствием в грамматической структуре текстов объединяющего *мы*. Сосредоточенность лирического героя на своем тяжелом внутреннем состоянии выражается через систему субъектно-объектных отношений между семантическими центрами, группирующими ЛФСП, которые строятся по схеме доминирования первого центра над вторым. Приоритетное употребление притяжательных местоимений, соотносительных с личными местоимениями 1-го и 2-го лица, подчеркивает погружение лирического героя в свои глубокие переживания, а в составе обращений к возлюбленной указывает на особое значение ее образа для главного лирического персонажа.

Сочетание речевых форм диалога (личных местоимений 2-го лица, обращений, форм императива и вопросительных предложений) с глагольными формами имперфектного индикатива стального и эволютивного способов глагольного действия, характеризующими ситуацию расставания как повторяющуюся в жизни лирического героя, а ушедшие любовные отношения — как значимые, драматичные и продолжающиеся для него, создают пространственно-временной сдвиг: при таком взаимодействии разноуровневых грамматических средств возникает иллюзия совпадения воображаемого диалога с моментом речи, что способствует перемещению образа лирической героини во внутреннее пространство лирического персонажа.

Стихотворения Б. Пастернака, связанные темой взаимной любви («Степь», «Как у них», «Дождь», «Любимая, безотлагательно...», «Любить иных — тяжелый крест...», «Любимая, молвы слащавой...», «Красавица моя, вся статья...», «Ты здесь, мы в воздухе одном...» и др.), можно разделить на поэтические тексты, которые соответствуют сюжетной схеме «я» — «ты», «ты» — «мы», «я» — «ты» — объединяющее «мы», и на стихотворения, где эксплицитно выражен лишь адресат речи «ты» — лирическая героиня, а лирический герой представлен имплицитно. Грамматически доминирующий признак в этих поэтических текстах а) система субъектно-объектных отношений личных местоимений 1-го и 2-го лица, подчеркивающая главенствующую роль лирической героини, и б) оппозиция ирреальной / реальной модальности, как средство выражения смещения смысловой значимости семантических центров, формирующих ЛФСП: теперь в основе поэтической модели мира лирического героя находится *ты* его возлюбленной, и все светлые эмоции лирического *я* связаны с ее образом, а мысли и мечты обращены в будущее. Грамматическим средством выражения взаимоотношений лирических персонажей является также частотное употребление личных местоимений *ты* (используется 64 раза, ср.: в стихотворениях, посвященных теме расставания, — 29) и *мы* (ср.: 25 / 12), группирующих ЛФСП и определяющих логико-синтаксические отношения включения между ними. Значимую стилистическую функцию в стихотворениях данного типа выполняют также притяжательные местоимения.

Особую группу составляют поэтические тексты, где нет эксплицитно выраженного субъекта и адресата речи. В этих стихотворениях между ЛФСП, отражающими жизнь природы и человека, устанавливаются логико-синтаксические отношения тождества, поскольку в основе их композиционно-образного построения лежит принцип аналогии, когда через состояние природы, через восприятие лирическим героем природных явлений передаются его чувства, переживания, а ЛФСП «я» — «мы» представлены имплицитно.

Функционально-семантическая категория залоговости является доминантной текстоорганизующей категорией в стихотворениях Б. Пастернака, посвященных теме творчества. В создании поэтики пассива как формы выражения творческого кредо поэта и его «истинно христианской концепции искусства» (Д. Быков), согласно которой поэзия только губка, а поэт — орудие Творца, в идиостиле Б. Пастернака участвуют следующие грамматические средства: 1) преобладающие формы аналитического причастного пассива, составляющие морфологическое ядро ФСП активности / пассивности и способствующие выражению авторских представлений о «страдательной сущности искусства» (Б. Пастернак); 2) неканонические средства выражения пассивности: безличные предложения и инфинитивы, претерпевающие расширение грамматического значения. Инфинитивы передают безотносительную к лицу стихийность творчества. Художественное пространство поэтического текста способствует расширению грамматического значения этой формы и совмещению в ней различных стилистических функций. С одной стороны, инфинитив выражает внутреннее побуждение к действию, с другой — передает динамику как эмоционального состояния лирического субъекта без его актуализации, так и поэтического процесса, т. е. является внешней формой выражения стихийного творческого вдохновения, выступая средством выражения категории модальности. Взаимодействие различных видовых форм инфинитива передает взволнованное эмоциональное состояние лирического героя и отражает динамику творческого процесса. Инфинитивы разного способа глагольного действия (эволютивного; неограниченно-повторяющегося) становятся средством выражения многообразия и особенностей разных видов искусства. А высокая концентрация в одном стихотворении инфинитивов в предложениях без синтаксически выраженного носителя действия усиливает значение «процесс или состояние «в чистом виде», вне его связи с субъектом» и становится средством выражения отношения лирического героя к миру — открытого, жертвенного, лишённого эгоцентризма.

Особыми грамматическими средствами создания поэтики пассива в поэтических текстах Б. Пастернака являются: 1) оппозиция ирреальной / реальной модальности, представленная формами имперфектного индикатива со значением неопределённого действия в прошлом и глагольными формами сослагательного дельберативного, передающая устремления лирического *я*, его неуверенность в себе, его сомнения в своих творческих возможностях, а организация ЛФСП «я — поэт» в некоторых поэтических текстах исключительно в сослагательном дельберативном становится маркером сознательной пассивной функции лирического героя в творческом процессе, его роли второго плана; 2) способ выражения лирического субъекта, когда ЛФСП «я» либо представлено имплицитно, либо только намечено; лирический герой выступает главным образом в роли лица претерпевающего либо вообще скрыт автором за семантикой местоимений *ты*, *он*, *мы*. Активным же субъектом в данных стихотворениях являются поэзия либо «ненареченный некто», но не главный лирический персонаж.

Для стихотворений «Февраль. Достать чернил и плакать!», «Что почек, что клейких заплывших огарков...», «Про эти стихи», «Вдохновение», «Поэзия», «Опять Шопен не ищет выгод», «Баллада», «Стихи мои, бегом, бегом...», «Музыка» и др. характерна пассивизация субъекта: поэзия, а не лирический герой становится активным началом. Вся лексико-грамматическая структура этих поэтических текстов указывает только на связующую роль поэта между миром идеальным, духовным и земным, материальным. По Пастернаку, поэт, лирическое *я*, лишь инструмент в руках Творца. Место художника сам поэт образно определил так: *Я вишу на перу у Творца / Крупной каплей лилового воска. <...> Я креплюсь на перу у Творца / Терпкой каплей густого*

свинца («Я вишу на перу у Творца...»). Поэзия же — стихия, которую поэту дано донести людям. Именно поэтому ЛФСП «я», где я лирический герой, поэт, в стихотворениях о процессе творчества либо только намечено, либо представлено имплицитно («Февраль», «Тоска», «Определение творчества», «Определение поэзии»).

Итак, в рамках функционального подхода художественный текст определяется как сложное структурно-смысловое единство, в котором грамматическая организация «находится в прямой зависимости от логического начала, от его содержательной стороны, а связь логико-грамматического и стилистического выражается в создании смысловых полей, в их контаминации, в результате чего складывается единый смысл, репрезентированный определенными единицами языка» [4; 65]. Функциональный аспект, или анализ грамматико-стилистической системы языковых средств, участвующих в решении коммуникативных задач автора, с нашей точки зрения, оказывается приоритетным именно при изучении художественного текста, поскольку охватывает все уровни языковой системы и позволяет проследить взаимодействие разноуровневых языковых средств в создании художественных образов, позволяет выявить грамматические доминанты в идиостиле автора.

Список литературы

1. *Бондарко, А. В.* Основы функциональной грамматики: языковая интерпретация идеи времени / А. В. Бондарко. — Санкт-Петербург, 1999.
2. *Кожина, М. Н.* О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики / М. Н. Кожина. — Пермь, 1966.
3. *Кудреватых, И. П.* Стилистическая роль синтаксических единиц (блоков информации) в структуре русского художественного текста / И. П. Кудреватых. — Минск, 2001.
4. *Кудреватых, И. П.* Структурирование поэтического текста как условие его интерпретации / И. П. Кудреватых // Вест. Беларус. дзярж. пед. ун-та. Сер. 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. — 1999. — № 4. — С. 56—65.
5. *Панова, Л. Г.* «Мир», «пространство», «время» в поэзии О. Мандельштама / Л. Г. Панова. — Москва, 2003.
6. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / А. В. Бондарко, М. А. Шелякин, В. И. Храковский [и др.]. — Москва, 2003.
7. *Тураева, З. Я.* Категория времени. Время грамматическое и время художественное / З. Я. Тураева. — Москва, 1979.
8. *Тураева, З. Я.* Лингвистика текста: текст: структура и семантика / З. Я. Тураева. — Москва, 1986.
9. *Якобсон, Р. О.* Поэзия грамматики и грамматика поэзии / Р. О. Якобсон // Семиотика : антология / сост. и общ. ред. Ю. С. Степанова. — Москва, 2001. — С. 525—546.

М. Ф. Шацкая

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия

marina.schatzckaya@yandex.ru

ИМЕННОЙ КРИПТОТИП 'НАЛИЧИЕ / ОТСУТСТВИЕ ВОЛЕВОГО НАЧАЛА' В ЯЗЫКОВОЙ ИГРЕ

В статье рассматриваются аномалии, присутствующие в комическом контексте и связанные с трансформациями именного крипто типа 'наличие/отсутствие волевого начала' у личных существительных. Исследование проводится в сопоставительном плане: на материале русской и украинской художественно прозы. Преобразования названной скрытой категории имеет в каждом языке не только свои особенности, но и встречаются общие виды контекстуальных изменений семантики.

Ключевые слова: воля, комическое, скрытые категории, языковая игра.

Shatskaya Marina Fyodorovna, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia

marina.schatzckaya@yandex.ru

Personal cryptochip 'the presence/absence of willful beginning' in the language of the game

The article deals with the anomalies present in the comic context and related to the transformations of the nominal cryptotype 'presence / absence of volitional origin' in personal nouns. The research is carried out in the comparative plan: on the material of Russian and Ukrainian artistic prose. Transformation of the named hidden category has in each language not only its own characteristics, but also there are common types of changes in semantics in the above languages.

Keywords: will, comic, hidden categories, language game.

Семантика скрытых категорий — одно из малоизученных в современной лингвистике направлений. Так, получили освещение в языкознании такие криптотипы, как *контролируемость/неконтролируемость*, *личность/неличность*, *определенность/неопределенность*, *конкретность/неконкретность*, *эталонность* и др. (см.: [1], [2], [3], [4]. [5] [8] и др.) Скрытые категории (или криптотипы) — «семантические и синтаксические признаки слов или словосочетаний, не находящие явного (эксплицитного) морфологического выражения, но существенные для построения и понимания высказывания, в частности, потому, что они оказывают влияние на сочетаемость данного слова с другими словами в предложении» [6; 457—458].

Скрытая категория может быть классифицирующей, «если ее значение является постоянным для данной единицы» [6; 458], или модифицирующей, «если ее значение является переменным для данной единицы» [Там же]. «Значение классифицирующей скрытой категории обычно является словарным признаком лексемы, а модифицирующие скрытые категории характеризуют высказывание в целом и часто являются продуктом взаимодействия его компонентов» [Там же].

В нашей статье мы коснемся такой категории имен существительных, как наличие/отсутствие волевого начала. Для предметных существительных она является классифицирующей, для личных — модифицирующей. Именно этот факт — возможность проявлять себя в двух ипостасях с разными типами имен — дает возможность, на наш взгляд, обыгрывать эту категорию в комическом, в том числе с использованием средств языковой игры. Рассмотрим, как идет формирование указанной выше эстетической категории, включающей в себя юмор, иронию, сарказм и пр., в современных украинских и русских художественных текстах. Уточним также, что под термином *языковая игра* мы понимаем «творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой/речевой, в том числе — стилистической, речеповеденческой, логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе — комического характера» [9; 86—87].

Как пишет И. Б. Шатуновский, *воля* — «это способность выбора, способность выбирать, поскольку выбор предполагает наличие альтернатив... С волей неразрывно связана *свобода* — возможность выбора из нескольких альтернатив» [11; 285]. Лингвист отмечает, что с проявлением воли соотносятся контролируемые предикаты — *намерен, намеревается, собирается, имеет намерение* и др. В контексте для создания комического эффекта личные существительные «лишаются» такой характеристики, как воля. Причем данное значение может быть заключено и в семантическом, и в грамматическом пассиве. Так, безвольность личности, признаваемая ею самой, становится поводом создания языковой игры и активизации компонента «— контроль» при подмене Агенса (*я→Гуревич*): *Наступила пауза. Затем спокойный женский голос произнес: — Меня забыл Гуревич...* (Сергей Довлатов «ЗОНА. Записки надзирателя»); лишение выбора каких-либо альтернатив наблюдается и в данном примере, где субъект становится объектом: *И повлекла Веру комнатами* (Александр Снегирев «Вера»)

Грамматический пассив маркирует названную выше семантику через замену на словообразовательный дериват (ср.: определить → определиться [10; 1, 699]) глагола *определить* ('поместить, устроить на какую-либо службу, должность и т. п.' [7; 2, 630] → *определиться* ('поступить, устроиться куда-либо, кем-либо' [7; 2, 630]): *В это же время (параллель) **Веня** растаял с женой и **определился** в психиатрическую лечебницу, где он и поныне* (Владимир Маканин «Андеграунд, или Герой нашего времени»). При этом глагол *определить* может рассматриваться как контекстуально синонимичный глаголам *класть, положить* в связи с наличием синтагмем 'поместить, устроить'.

Часто встречается в комическом контексте ситуация, когда субъект (эксплицитированный или имплицитированный) превышает свои полномочия:

— при этом на отдельного человека возлагается ответственность за всё общество или какой-либо большой коллектив: ... *він* печально оглядає революційний порив народних мас, і ось тут уже все *залежить від нього* (Сергій Жадан «*Anarchy in the UKR*»); Будучи *флюгером*, чутко улавлюючим общественные дуновения, помышлял о месте кукловода, трогательно полагая, что не сам вертится по ветру, а своими манипуляциями ветер организует (Александр Снегирев «Вера»); — *Нет, вы подумайте! — продолжала возмущаться мама. — Страна работает, из последних сил строит социализм, а этот хочет только бездельничать! Озеро, видите ли, ему подавай! Пока букву «м» писать не научишься, не будет тебе никакого озера! Слышишь?!*

... *Мне сделалось горько, оттого что вся наша великая страна ударными темпами идет вперед, выполняет и перевыполняет пятилетний план, а я один всех задерживаю* (Андрей Аствацатуров «Осень в карманах»).

— иногда преувеличивается зарубежное влияние на развитие определенной области жизни отечественного социума: *Обнаружив свое знание русского языка, произнеся неизменное французско-русское «здроздвуте» с ударением на «е», дама позволила себе несколько слов о великой русской культуре и важной роли **французского фонда** в ее поддержании на плаву и всяческой стимуляции* (Александр Снегирев «Скребется»);

— может происходить возложение ответственности на человека за абсолютно неконтролируемые ситуации (факт его собственного рождения): *Ні, хай хто-небудь усе ж пояснив: якого чорта було родитися на світ жінкою (та й в Україні!)...* (Оксана Забужко «Польові дослідження з українського сексу»).

Иронизируют авторы художественных произведений и над ситуациями, в которых ограничивается свобода воли человека: *Ага, заговорил бы я вам в 1974-м честно, после того как мне в очередной раз преподали уроки правильного поведения творческого лица в тоталитарной державе!* (Евгений Попов «Подлинная история “Зеленых музыкантов”»). Как видим, в приведенном выше контексте через инверсию имплицитруется отрицание какого-либо выбора вообще и свобода, в данном случае, оборачивается необходимостью.

Нетривиальное понимание наличия свободы воли в ее отсутствии находим в следующем контексте: ... *справжня свобода не тоді, коли вона є, а тоді, коли її дуже хочеш* (Юрій Андрухович «Гаємниця»). Антагонизм *воля* — *желание* усиливается и за счет семантической синтагматики: первое подразумевает присутствие контролируемого предиката, второе — неконтролируемого (ср.: «...существенной особенностью желания является неконтролируемость, произвольность...» [11; 295]), несмотря на тесную связь желания с волей (ср.: «Само существование желаний обусловлено необходимостью и возможностью (включая сюда способность) выбора» [11; 298]. Однако в приведенном выше контексте семантика глагола *хотеть* несинонимична *намереваться*, поскольку ситуация вне контроля Агенса; *хотеть* выражает чистое желание.

Воля может вступать в противоборство со свободой, что алогизирует сам факт ее наличия: *Кожен є всім, к кожному живе все. Час не має значення. Світ усе робить для тебе, навіть якщо ти не зробив нічого для себе. Світ не має закінчення. Треба лише бути вільним настільки, щоб виконувати волю* (Тарас Прохасько «Місць і слів»). Таким образом, воля понимается как осознанная необходимость какого-то определенного выбора из альтернатив.

Свобода выбора, присущая воле, иногда может быть ограничена в связи с какими-либо жизненными обстоятельствами, когда глубинное единство мнения и намерения расходятся в своей тематической отнесенности (намерение 1 — посетить Эрмитаж (как факт), намерение 2 — посетить Эрмитаж для того, чтоб приобщиться к мировой культуре, то есть наличие у последнего намерения совершенно четкой мотивировки):

— *Николай!* — *неожиданно спросил я.* — *Ты в Эрмитаже когда-нибудь был?*

Николай добросовестно задумался.

— *Да, заходил два раза,* — *неохотно проговорил он,* — *Да оба раза бесполезно.*

— *Что значит — бесполезно?* — *удивился я.*

— *Да первый раз, только захожу в гардероб,* — *Маратка Гасеев.* *Ну, мы еще в армии с ним недолюбливали друг друга. Ну и тут сцепились. А второй раз — росто какой-то козел. Так оба раза дольше гардероба не попадал.*

— *Может, еще раз попробовать?* — *сказал я, удивляясь такому неожиданному использованию Эрмитажа.*

— *Да ну... бесполезняк!* — *Николай устало махнул рукой* (Валерий Попов «Соседи»).

Как показал проведенный анализ, именно криптип ‘наличие/отсутствие волевого начала’ у личных существительных трансформируется в комическом контексте, в том числе содержащем языковую игру, следующим образом. Наиболее широкое распространение в украинской и русской художественной прозе получили ситуации, когда субъект (эксплицитированный или имплицитированный) превышает свои полномочия. В русских контекстах для аномального «лишения свободы» агенса используется грамматический или семантический пассивы. В украинских произведениях есть случаи, когда воля и свобода становятся антагонистами, в русских — через наличие экстралингвальной пресуппозиции передается значение ‘ограничение воли’ или проявляется синкретизм в трактовке мотивировки поступка.

Список литературы

1. Булыгина, Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке / Т. В. Булыгина // Семантические типы предикатов / отв. ред. О. Н. Селиверстова. — Москва, 1982. — С. 7—85.
2. Вежбицка, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицка. — Москва, 1996.
3. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. — Москва, 2006.
4. Кацнельсон, С. Д. Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. — Москва, 2004.
5. Кобозева, И. Скрытая именная категория эталонности и эталоны формы в русском языке / И. Кобозева // Известия РАН. Сер. литературы и языка. — 2010. — № 6. — С. 31—39.
6. ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — Москва, 1990.
7. МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва, 1981—1984.
8. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. — Москва, 2004.
9. Сковородников, А. П. О понятии и термине «языковая игра» / А. П. Сковородников // Филологические науки. — 2004. — № 2. — С. 79—87.
10. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. — Москва, 1985.
11. Шатуновский, И. Б. Семантика предложений и нерелевантные слова / И. Б. Шатуновский. — Москва, 1996.

«ПРОРОК» А. С. ПУШКИНА: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена этимологическому аспекту программного стихотворения А. С. Пушкина «Пророк». Знание античной поэтической традиции и непреходящий интерес к ней, несомненно, влияли на эстетические и философские воззрения русского поэта, а также формировали богатейшую палитру лексических значений, образующую «язык Пушкина». Обращение к слову «пророк», являющемуся калькой древнегреческого слова, показывает, что в пушкинском тексте ярко проясняется исходное античное значение, которое вплетается поэтом в библейский контекст.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Пророк», античная традиция, древнегреческий язык.

Skoropadskaja Anna Aleksandrovna, Petrozavodsk State University, Russia
san19770@mail.ru

«The Prophet» of A. Pushkin: the etymological aspect

The article is devoted to the etymological aspect of Pushkin's program poem «The Prophet». The knowledge of the ancient poetic tradition and the everlasting interest in it undoubtedly influenced the aesthetic and philosophical views of the Russian poet, and also formed the richest palette of lexical meanings that forms the «language of Pushkin». Appeal to the word «prophet», which is a tracing word of the ancient Greek word, shows that the Pushkin text clearly shows the original ancient meaning, which is weaved by the poet into the biblical context.

Keywords: A. Pushkin, «The Prophet», ancient tradition, the ancient Greek language.

Пушкин и античность — тема совершенно не новая. К ней на протяжении уже почти двух веков обращались и обращаются ведущие ученые. Однако говорить об исчерпанности темы преждевременно. Напротив, работы, например, Т. Г. Мальчуковой актуализируют ее путем исследования пушкинского литературного наследия методами классической филологии (прежде всего — грамматико-риторическим анализом). Ведь обращение Пушкина к античности не исчерпывается использованием мифологических и исторических имен, сюжетов и образов, оно проникает на жанровый, стилистический и даже лексико-грамматический уровни. К последнему мы и хотим обратиться, так как именно скрупулезная работа со словом, знание и чувство его внутренней формы — главные принципы творческого метода Пушкина.

Образование, полученное поэтом в Лицее и университет, содержало значительный классический компонент. Как отмечает Д. П. Якубович, «не переобременяя себя школьной латынью <...> и вовсе не зная языка греческого, Пушкин тем не менее <...> через дебри обязательных изучений, а иногда и помимо них, мог соприкоснуться с красотами античных поэтов, понимая их как поэт, и рос на них как поэт» [8; 120]. Приведем и слова Пушкина, так рассуждающего о роли греческого языка в становлении языка русского: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI в. древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени...» [5; 20].

Влияние древнегреческого языка на русский шло на всех уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Наиболее продуктивным способом заимствования стало калькирование. Как правило, слова заимствованные таким способом, не воспринимаются носителями языка как иноязычные. Большое количество греческих слов именно таким способом вошло в русский язык, в том числе и слово *пророк*, являющееся калькой древнегреческого слова *προφήτης*, содержащего приставку *про-* и корень *φη/φα*.

В древнегреческом языке приставка *про-* имела значения: 1) движение вперед; 2) положение во времени; 3) предпочтение). Этот префикс синонимичен русскому префиксу *про-* и заимствованному латинскому *про-*, которые имеют значения: 1) действующий в интересах кого-нибудь; 2) замещающий кого-либо, исполняющий обязанности. В русском языке греческая приставка *про-* сохранила первое значение и частично второе.

Корень *φη/φα* восходит к индоевропейскому корню **bhā* и праиндоевропейскому **b^heh*, имеющим значение *светить, сиять*. Отсюда берут происхождение слова *φαίω* (*являть, показывать, обнаруживать*) и *φημί* (*говорить*). Семантическое сближение этих, казалось бы, разных слов объяснимо: *являть* > *прояснять* > *объяснять* > *говорить*. Исследователи [9; 1566—1567. 10; 1009—1010] устанавливают этимологическое родство с латинскими словами *fas* (*божеское определение*), *fatum* (*изречение, прорицание, судьба, рок*), *fabula* (*молва, сказание*), *facundus* (*говорящий плавно, красноречивый*), а также с русским *баяти*. В русском языке *речь* и *рок* (*судьба*) также оказываются этимологически связанными, однокоренными.

С учетом значения приставки и корня глагола *φημί* (*говорить*) можно дать следующее толкование слова *προφήτης* — *предсказатель, прорицатель*. Однако, как указывает, например, Е. В. Приходько, это позднеан-

тичное понимание слова, сформировавшееся в связи с изменениями семантики префикса про-: есть довольно большое количество примеров, где «префикс про-, соединяясь с глаголами речи, дает им значение не временного предшествования (“предсказывать”), а распространения действия “из себя наружу” (“предписывать”, “объявлять”, “указывать”))» [4; 113]. Именно на него указывает академический словарь древнегреческого языка, составленный И. Х. Дворецким, где первое значение слова *προφήτης*, приведенное в словаре — «истолкователь, выразитель воли богов» [2; Т. 2; 516]. Обращает на себя словарная иллюстрация к этому значению: *τῶν Μουσῶν προφῆται* — *толкователи воли Муз*, т. е. поэты. Пример, взятый из диалога Платона «Федр» — это характерное для античности понимание роли и назначения поэта: «поэт не только видит и знает настоящее: он обладает памятью о прошлом и будущем (предвидение, предсказание)» [7; 106]. Подробному анализу семантики слова *προφήτης* посвящена глава в монографии Е. В. Приходько [4]. В частности, исследовательница достаточно убедительно показывает трансформацию семантики слова *προφήτης* от нейтрального значения *вестник, глашатай*, до понятия *божественного служения*. Но, так или иначе, именно в античной традиции термин *προφήτης* закрепился за поэтами: «истинный поэт обладал даром профетизма... Мантисы Музы и их профет поэт — эту впоследствии ставшую привычной для античности мысль наиболее емко и лаконично выразил Пиндар: «Открывай сокровенное, Муза, а я буду твоим профетом» (*μαντεύεο, Μοῖσα, προφατεύσω δ' ἐγώ*. Fr. 150), т. е. я буду петь людям твои откровения, буду творить в мире твою волну» [4; 148].

Согласно словарю языка Пушкина [6; Т. 1; 875], слово «пророк» встречается в произведениях поэта 26 раз. При этом составители словаря выделяют два значения этого слова: провозвестник воли божества и предсказатель, прорицатель будущего. Примечательно, что переносное *пророк* о поэте отнесено к первому значению, что вписывается в концепцию поэтического творчества, традиционную для античности, согласно которой, поэзия — божественное вдохновение и язык богов, а поэт — посредник богов, не просто слышащий и понимающий божественный язык, но и умеющий полно и красиво «переводить» этот язык на язык людей.

Подобное сочетание значений мы можем наблюдать в известном стихотворении А. С. Пушкина «Пророк», где преобразование происходит по высшей воле: «И Бога глас ко мне воззвал». По замечанию В. В. Виноградова, «в первых словах повеления: «Восстань, пророк» выражен не только призыв к воскресению, но и дано лирическому «я» имя пророка, которое составляет внутреннюю форму стихотворения» [1; 134].

Большое количество исследователей говорит о библейском контексте стихотворения, в качестве сюжетного источника указывая на 6 книгу пророка Исаии. Однако эта точка зрения давно оспаривается: в пушкинском тексте находят отсылки и к другим книгам Ветхого Завета, и к православной литургической традиции, и к Корану. Т. Г. Мальчукова усматривает в стихотворении элементы европейской традиции, восходящей к Гомеру, и в обобщении замечает: «Пророк» оказывается не пересказом, парафразой или вариацией имеющихся религиозных текстов, а творческим образцом <...> духовной поэзии, вырастающей из души поэта, европейской и русской лирики, и — на почве античной культуры и христианской традиции» [3; 86]. Общие семантические и мотивно-образные компоненты в пушкинском и древнегреческом понимании и использовании слова «пророк» свидетельствуют если не о точном следовании русского поэта античной традиции, то о некоем культурном и языковом контексте, в который вписывается поэзия Пушкина. Лингвистическая и литературоведческая реконструкция позволяет приблизиться к исходной форме и тем самым углубить понимание творческого процесса, включающего в себя не только вдохновение к созданию нового, но и трансформацию предшествующего, переложение его в соответствии с языком, нравами, культурой своей эпохи.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка / В. В. Виноградов. — Москва ; Ленинград, 1935.
2. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. — Москва, 1958.
3. Мальчукова, Т. Г. Лирика 1820-х годов в отношении к церковнославянской традиции (к интерпретации стихотворений «Воспоминание» и «Пророк» в контексте христианской культуры) / Т. Г. Мальчукова // Мальчукова Т. Г. Лирика А. С. Пушкина (Опыты интерпретации). — Петрозаводск, 2006. — С. 71—86.
4. Приходько, В. Е. Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах / В. Е. Приходько. — Москва, 1999.
5. Пушкин, А. С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. — Ленинград, 1977—1979. Т. 7. Критика и публицистика. 1978.
6. Словарь языка Пушкина : в 4 т. / отв. ред. В. В. Виноградов. — Москва, 2000.
7. Топоров, В. Н. Μοῦσαι «музы»: соображения об имени и предыстории образа (к оценке фракийского вклада) / В. Н. Топоров // Греческий язык в пространстве и времени. Внешняя история греческого языка: (до-балканский и прото-балканский периоды). — М., 2015. — С. 103—110.
8. Якубович, Д. П. Античность в творчестве Пушкина / Д. П. Якубович // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. — Москва ; Ленинград, 1941. — [Вып.] 6. — С. 92—159.

9. Beekes, R. S. P. Etymological Dictionary of Greek / R. S. P. Beekes. — Boston, 2010.

10. Frisk, H. Griechisches Etymologisches Wörterbuch / H. Frisk. — Heidelberg, 1960.

А. А. Лебедев

Петрозаводский государственный университет, Россия

perevodchik88@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ СИНТАГМЫ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПОЭЗИИ П. А. ВЯЗЕМСКОГО¹

В статье освещаются вопросы, связанные с представлением в поэтическом творчестве П. А. Вяземского сравнительных конструкций, используемых поэтом в качестве инструмента языковой игры. Анализируются отсылки к литературному контексту того времени, к мифологическим и историческим реалиям. Представленные в стихах Вяземского поэтические конструкции подразумевают наличие у читателя текста широкого культурного кругозора, обеспечивающего понимание подобных контекстов.

Ключевые слова: сравнительные синтагмы, языковая игра, поэтический синтаксис, П. А. Вяземский.

Lebedev Aleksandr Aleksandrovich, Petrozavodsk State University, Russia

perevodchik88@yandex.ru

Comparative syntagmas as a tool of language game in the poetry of P. A. Vyazemsky

The article highlights the issues related to the representation in the poetic works of P. A. Vyazemsky comparative constructions used by the poet as a tool of language game. The references to the literary context of that time, to mythological and historical realities are analyzed. The poetic constructions presented in Vyazemsky's poems imply that the reader has a cultural horizon that provides an understanding of such contexts.

Keywords: comparative syntagmas, language game, poetic syntax, P. A. Vyazemsky.

Однозначное толкование явлению «языковой игры» дать весьма затруднительно — это обусловлено прежде всего самой многозначностью термина «игра» как такового, необходимостью определения места и статуса «языковой игры» в традиционной теории тропов, фигур и стилистических приемов, необходимостью учета взаимоотношений между «языком» и «речью», вследствие чего появляется конкурирующий термин «речевая игра», а также рядом других факторов. Мы понимаем языковую игру как «те явления, когда говорящий «играет» с формой речи» [2; 172], как для создания комического эффекта, так и для усиления ее выразительности. Вряд ли можно поставить под сомнение тот факт, что поэзия П. А. Вяземского содержит в себе элементы языковой игры. Анализ стихотворного творчества поэта позволил нам выделить несколько типовых приемов, к числу которых следует отнести в том числе и использование семантически нагруженных сравнительных оборотов.

Спектр сравнительных оборотов, встречающихся в творчестве Вяземского, многообразен как по синтаксическому строению, так и по семантике. Разумеется, Вяземский не избегает достаточно банальных сравнений:

И где уездные Париды,

Боясь красавиц, как чумы... [1; 156]

Волю беглым дав рукам,

Карп стихи, как сено, косит... [1; 160]

Но даже, казалось бы, используя привычные для сравнительные обороты, поэт иногда позволяет себе языковые вольности. В частности, в стихотворении «Ночь в Ревеле», Вяземский, описывая море, сравнивает его с тигром, но не останавливается на этом и отмечает, что «море скалит волны» (вместо ожидаемого «скалит зубы»).

Что ты, в радости ль, во гневе ль,

Море шумное, бурлишь

И, как тигр, на старый Ревель

Волны скалишь и рычишь [1; 276]

В то же время некоторые из его сравнительных конструкций (обособленных оборотов и придаточных частей) по праву можно назвать необычными и, что самое главное, требующими для понимания читателем наличия у того определенного багажа знаний. Некоторые из контекстов для современного читателя могут показаться непонятными в силу языковых изменений. К примеру, в указанном ниже контексте «жидкий» означает не «обладающий текучестью», а «слабый, неокрепший»:

Он прочь задумчиво побрел;

Шатался, медленно кружился

И наземь тихо повалился,

Как жидкая под ветром ель [1; 62]

В некоторых случаях для понимания стихотворений Вяземского нужно иметь представление о литературном контексте того времени: таким образом сравнительные обороты представляют собой средство создания аллюзий и реминисценций, что позволяет говорить нам о категории интертекстуальности. При этом наличие в таком тексте антропонимов представляет собой указание на прецедентное имя или ситуацию, на предшествующий текст.

Вяземский в сравнительных оборотах отсылает читателя и к произведениям Жуковского (здесь в качестве прецедентной номинации вводится имя античного поэта, а затем оним *Громобой* — герой баллады Жуковского «Двенадцать спящих дев»)

*И, может быть, молодой
Наперсник фей и граций,
Веселый, как Гораций,
И сумрачный порой,
Как самый Громобой...* [1; 87], —

и к поэмам Пушкина:

*И не начнешь в сердцах, забыв и страх и грех,
Как Демон Пушкина, злословить всё и всех* [1; 273], —

и к творчеству Гоголя (аллюзия на поэму «Мёртвые души»):

*И, чтоб нажить друзей, как Чичиков другой,
Он души мертвые скупает.* [1; 280], —

и к басне Крылова «Демьянова уха»:

*Боюсь, меня стихов ухою
Замучите вы, как Демьян* [1; 394]

Часты в поэзии Вяземского и сравнительные конструкции на мифологическую тему:

*С тех пор я сам не свой: прикованный к столу,
Как древле изгнанный преступник на скалу
Богами брошен был на жертву хищной власти,
Насытить не могу ненасытимой страсти.* [1; 127]

Здесь Вяземский сравнивает себя с Прометеем, а свой стол поэта — со скалой, к которой мифологический герой был прикован.

В стихотворении «Байрон» Вяземский продолжает разработку темы античной мифологии:

*То слово — тайное и роковое бремя,
Которое тебя тревожило и жгло,
Которым грудь твоя, как Зевсово чело,
Когда им овладел недуг необычайный,
Тягчилась под ярмом неразрешенной тайны!* [1; 186]

В этом контексте Вяземский ссылается на миф о рождении богини Афины из головы Зевса, и проводит необычную аналогию между Зевсом, беременным Афиной и Байроном, «беременным» словом, которое «жгло и тревожило» поэта.

Контекст из стихотворения «Из поминок» отсылает нас к малоизвестному мифу о Мемноновой статуе:

*Ветром тронутый, тоскуя
Запоеет ли темный лес,
Как Мемнонова статуя
Под златым лучом небес* [1; 319]

По преданию, статуя Мемнона (героя Трои) издавала протяжный звук при восходе Солнца, что символизировало приветствие героя своей матери Эос (богини зари).

При этом Вяземский черпает сравнения не только из греческой, но и из славянской мифологии (здесь сравнения одновременно предстают как перифразы: под «гласом Перуна» и «стрелой Перунного огня» понимаются гром и молния):

*Иль, как Перуна глас, казнит слепых невежд
<...>
И мыслью, как стрелой Перунного огня,
Вдруг освещаешь ночь души и бытия!* [1; 185]

Также в пределах одного стихотворного контекста Вяземский может использовать сравнительные обороты, отсылающие нас к разным мифологическим реалиям:

*И гроб, твой ранний гроб, как Фениксов костер,
Благоухающий и жертвой упраздненный,
Бессмертья светлого алтарь немой и тленный,
Свидетельствует нам весь подвиг бытия.*

Гроб, сей Ираклов столп, один был грань твоя... [1; 186]

В этом контексте общемифологическое существо Феникс (и его костер) сочетаются с Иракловыми столпами — скалами, считавшимися пределом мира. При этом образ Феникса (мифической птицы, обладающей способностью к самосожжению и самовоскрешению) встречается в творчестве поэта не единожды. Так, в стихотворении «Пожар на небесах — и на воде пожар» мы вновь встречаемся с образом костра Феникса:

*С землей прощаясь, день на пурпурном одре
Оделся пламенем, как Феникс на костре. [1; 380]*

Некоторые из контекстов, содержащих сравнительные обороты, требуют от читателя определенных исторических знаний. В стихотворении «Сибирякову» встречаем комментарий, сделанный как будто бы от лица чиновника:

*Нам памятен еще примерный тот позор,
Как призрен был двором беглец из Холмогор.
<...>
И мимо нас, дворян, как дерзкий тот рыбарь,
Ты попадешь и в честь, и в адрес-календарь. [1; 128]*

Здесь Ломоносов не указывает по фамилии, однако отсылка к месту рождения (Холмогоры) и профессии (рыбак) позволяет начитанному читателю сделать вывод о той исторической персоналии, на которую устами своего героя ссылается Вяземский.

Иногда Вяземский в пределах нескольких строк предлагает читателю сравнительные обороты разного уровня сложности. Если мы рассмотрим отрывок из стихотворения «Из Царского села в Ливадию», то заметим там простое и понятное сравнение «сiju в берлоге как медведь» и более сложное, требующее от читателя особых знаний («смотрю Аюдагом»).

*Смотрю я вашим Аюдагом,
В берлоге, как медведь, сiju [1; 402]*

Аюдаг — это гора, расположенная на южном берегу Крыма. Вяземский упоминает ее в стихотворении, поскольку второе ее название — Медведь-гора. Как следствие, сравнение Вяземского с медведем усиливается в том числе и за счет скрытого образа, который будет ясен далеко не каждому из читателей стихотворения.

Таким образом, сравнительные конструкции, которые представлены в поэтическом творчестве Вяземского, обладают интертекстуальным смыслом, изначально рассчитанным на широкий культурный кругозор того, кто возьмется за чтение стихов поэта.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168.

Список литературы

1. Вяземский, П. А. Стихотворения. Ленинград: Советский писатель / П. А. Вяземский. — 1958.
2. Земская, Е. А. Языковая игра. Русская разговорная речь / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. — Москва, 1983.

А. Ю. Нилова

*Петрозаводский государственный университет, Россия
annnilova@yandex.ru*

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО¹

Ф. М. Достоевский часто использует латинские выражения в своих художественных и публицистических произведениях. В статье рассматриваются функции латинских фразеологизмов в художественных произведениях автора и отношение к латинскому языку персонажей. Делается вывод о их важной стилистической и смыслообразующей роли.

Ключевые слова: Достоевский, латинский язык, классическое образование, персонаж, «Братья Карамазовы», католическая церковь.

Nilova Anna Yurievna, Petrozavodsk State University, Russia
annnilova@yandex.ru

The Latin language in the Dostoevsky's creative work

Dostoevsky often uses Latin expressions in his artistic and journalistic works. The article deals with the functions of Latin phraseological units in the author's works of art and the attitude to the Latin character language. A conclusion is drawn about their important stylistic and semantic role.

Keywords: Dostoevsky, Latin, classical education, character, «The Karamazov Brothers», the Catholic Church.

Проблема Достоевский и античная культура, отражение античного наследия в творчестве Достоевского, была поставлена еще больше ста лет назад в работах Вяч. Иванова [3] и Л. В. Пумпянского [5], однако до сих пор не получила достаточного развития. Одним из аспектов этой темы является роль и место древних языков в творчестве автора. Латинский язык писатель начал изучать еще дома под руководством своего отца. По воспоминаниям А. М. Достоевского, «братья очень боялись этих уроков <...> Отец, при всей своей доброте, был чрезвычайно взыскателен и нетерпелив, а главное очень вспылчив» [4, 27—28]. Затем Ф. М. Достоевский продолжил занятия латинским языком в пансионате Чермака и сохранил к нему интерес и в дальнейшем: в 1862 г. он купил для домашней библиотеки «Латинскую грамматику» Кюнера [1, 11].

Достоевский в своих сочинениях — и художественных, и публицистических — довольно часто обращается к латинским фразеологизмам. В основном, это краткие и общеизвестные фразы или выражения.

Использование латинских фраз может маркировать дискомфортную ситуацию. К подобным выражениям прибегают персонажи, испытывающие сильное волнение. В этом случае содержащее их предложение имеет восклицательную интонацию: «*„О, прощайте мечты мои! Двадцать лет! Alea jacta est.“ — Лицо его было обрызгано прорвавшимися вдруг слезами; он взял свою шляпу.*» («Бесы» [2; X, 267]).

Также к латинскому языку персонаж обращается в состоянии сильно смущения: «*Да ведь предположите только, что и я человек есмь, et nihil humanit ... одним словом, что и я способен прельститься и полюбить (что уж, конечно, не по нашему велению творится), тогда все самым естественным образом объясняется.*» («Преступление и наказание», Свидригайлов объясняется с Раскольниковым [2; VI, 215]).

Латинскую фразу может использовать персонаж, наблюдающий волнение другого. «*Я обернулся и остановился в почтительном ожидании, продолжая на него смотреть и улыбаться. Он, видимо, недоумевал и подтянул брови до pes plus ultra. Лицо его все более и более омрачалось. Баронесса тоже повернулась в мою сторону и тоже посмотрела в гневном недоумении. Из прохожих стали засматриваться. Иные даже приостанавливались.*» («Игрок» [2; V, 234]).

В речи повествователя латинские фразы могут способствовать созданию комического или иронического эффекта. Так в рассказе «Крокодил» читаем: «*Ввалившись во внутренность крокодила, незнакомец тотчас же засыпает. Ни крики иностранца-собственника, ни вопли его испуганного семейства, ни угрозы обратиться к полиции не оказывают никакого впечатления. Изнутри крокодила слышен лишь хохот и обещание расправиться розгами (sic), а бедное млекопитающее, принужденное проглотить такую массу, тщетно проливает слезы.*» [2; V, 206]) В «Записках из Мертвого дома» Достоевский с иронией описывает, как арестанты пользовались добротой тюремного лекаря для смягчения условий и употребляет латинское название болезни в ироничном контексте: «Иногда он и сам замечал, что больной ничем не болен; но так как арестант пришел отдохнуть от работы или полежать на тюфяке, <...> то наш ординатор спокойно записывал им какую-нибудь febris catarrhalis и оставлял лежать иногда даже на неделю. Над этой febris catarrhalis все смеялись у нас. Знали очень хорошо, что это принятая у нас, по какому-то обоюдному согласию между доктором и больным, формула для обозначения притворной болезни; "запасные колотья", как переводили сами арестанты febris catarrhalis.» [2; IV, 143].

Также Достоевский вводит латинские фразы для создания негативной характеристики персонажей и идеологии, носителями которой они являются. Так в «Бесах» на собрании у Верховенского два персонажа — Хромой и Ставрогин используют латинские выражения. При этом Ставрогин с насмешкой высокомерно (*Vox populi, vox Dei*) говорит о пожаре. В этом случае латинский язык является признаком высокомерия, презрения к другим, а отнюдь не образованности. Студент Раскольников, например, никогда не использует латинский язык, и латинские фразы совершенно невозможны в его «сердечном» диалоге с Соней, они — признак холодного и жестокого ума.

Больше всего латинских выражений в романе «Братья Карамазовы», в нем же содержатся и размышления персонажей о классических языках и классическом образовании. В пятой главе четвертой части романа «У Илюшиной постельки» Коля Красоткин говорит Алеше о своем отрицательном отношении к классическим языкам: «*Опять эти классические теперь у нас языки: одно сумасшествие, и ничего больше.<...> Классические языки, если хотите все мое о них мнение, — это полицейская мера, вот для чего единственно они заведены, — мало-помалу начал вдруг опять задыхаться Коля, — они заведены потому, что скучны, и потому, что отупляют способности. Было скучно, так вот как сделать, чтоб еще больше было скуки? Было бестолково, так как сделать, чтобы стало еще бестолковее? Вот и выдумали классические языки. Вот мое полное о них мнение, и надеюсь, что я никогда не изменю его, — резко закончил Коля*» [2; Т. 14, 498].

Обращение к проблеме классических языков и — шире — античной культуры в сцене беседы у постели Илюши вполне объяснимо участниками этой сцены — они гимназисты и говорят об актуальном для них, но в контексте всего творчества Достоевского показательно их негативное отношение к латинскому языку, а также

то, что для Достоевского латинский язык тесно связан с гимназическим обучением. Вспомним, что его отец не отдавал детей в гимназию из-за того, что там применялись физические наказания, т. е. гимназия воспринималась им в отрицательном ключе.

В романе к латинскому выражению обращается захмелевший Федор Павлович Карамазов:

— Да ведь он же верует в бога.

— Ни на грош. <...> Губернатору Шульцу он прямо отрезал: *credo, да не знаю во что* [2; Т. 14, 125].

Латинские выражения дважды используются Достоевским при описании суда над Дмитрием Карамазовым. Повествователь замечает: «*Nota bene. Фамилия Грушеньки оказалась «Светлова». Это я узнал в первый раз только в этот день, во время хода процесса*» [2; Т. 15, 160]. Это усиленная акцентация фамилии вводит Грушеньку (Агриппину) Светлову в контекст христианских святых с тем же именем. Второй раз к латыни прибегает адвокат Фетюкович: «*Не ради моего клиента привожу теперь эти святые слова, я для всех отцов вспоминаю их. Кто мне дал эту власть, чтоб учить отцов? Никто. Но как человек и гражданин зываю — vivos voco!*» [2; Т. 15, 170]. С одной стороны, это использование латинского выражение санкционировано ситуацией суда, предполагающего использование латинской юридической терминологии, с другой — в результате суда было вынесено неправильное, несправедливое решение, и вынесли его те самые *vivi*, к которым зывал адвокат.

Дважды к латинским фразам обращается черт в кошмаре Иване Карамазова, и обе эти фразы ироничны, и также два раза используются латинские выражения в Легенде о великом инквизиторе Ивана Карамазова, здесь они связаны с образом самого Инквизитора: «*Он снисходит на «стогны жаркие» южного города, как раз в котором всего лишь накануне в «великолепном автодафе», <...> была сожжена кардиналом великим инквизитором разом чуть не целая сотня еретиков ad majorem gloriam Dei.*» [2; Т. 14, 226]. «*Ибо если был, кто всех больше заслужил наш костер, то это ты. Завтра сожгу тебя. Dixi.*» [2; Т. 14, 237]. Причем рассказ Ивана, образ инквизитора и его логика так поражают Алешу, что он, удивленный и растерянный, тоже обращается к латинскому языку: «*Я не совсем понимаю, Иван, что это такое <...> прямо ли безбрежная фантазия или какая-нибудь ошибка старика, какое-нибудь невозможное qui pro quo?*» [2; Т. 14, 228]. Обращение к латыни в контексте описания Великого Инквизитора, как и в сцене суда, кажется совершенно логичным и вроде бы нейтральным в оценочном плане, ведь речь идет о представителе римско-католической церкви, сохраняющей латинский язык как язык богослужения и общения высших чинов, но с другой стороны, в публицистике, в Дневнике Писателя Достоевский неоднократно писал о том, что римско-католическая церковь утратила исконное духовное христианское начало, идею духовного единения человечества во Христе ради идеи всемирного владычества [2; Т. 14, 178], а в рассказе Ивана латинские выражения еще и связаны с жестокой казнью ради торжества католической церкви, не только отошедшей от истинного учения Христа, но и использующей имя Божие для реализации своих идей.

Т. о. можно сказать, что Достоевский обращается в своих произведениях к латинским выражениям для снижения. Это или маска, за которую герои прячутся в неприятной ситуации, или способ негативной или иронической (что часто одно и то же) характеристики персонажа или ситуации. Краткие, но яркие фразы привлекают внимание к тому или иному элементу текста, демонстрируя нарушение правды и закона жизни, которое происходит в этот момент.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90037.

Список литературы

1. Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. — Санкт-Петербург, 2005.
2. *Достоевский, Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Ленинград, 1972.
3. *Иванов, В.* Достоевский и роман-трагедия / В. Иванов // Иванов В. Собрание сочинений : в 4 т. — Брюссель, 1987. — Т. 4. — С. 399—436.
4. *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского.* — Санкт-Петербург, 1999. — Т. 1. — С. 13—281.
5. *Пумпянский, Л. В.* Достоевский и античность / Л. В. Пумпянский. — Петербург, 1922. — 48 с.

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ КАК СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЭКСПРЕССЕМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Вопрос об особенностях современного политического языка является одним из актуальных в политической лингвистике — новом научном направлении, которое изучает взаимоотношения между языком, мышлением и коммуникацией. Эта область научных знаний тесно связана с социолингвистикой, риторикой, функциональной стилистикой. В статье рассматривается семантика и деривационная структура невузальных слов, активно употребляемых в политическом дискурсе, а также прослеживаются их стилистические функции. Поскольку значение окказиональных единиц обусловлено контекстом, описание словообразовательных экспресем проводится с учетом коммуникативных ситуаций. Материалом для анализа послужили выступления политиков, государственных и общественных деятелей, аналитические статьи на социально-политические темы, информационные публикации новостных агентств.

Ключевые слова: политический дискурс, экспрессема, неодериват, окказионализм, словообразовательная структура, социолингвистика, стилистическая функция, композит, продуктивный/непродуктивный способ образования.

Novoselova Victorija Andrejevna, Petrozavodsk State University, Russia

novosita@mail.ru

Occasionalisms as derivational expressely in the political discourse

The question of the features of the modern political language is one of the most relevant in political linguistics — a new scientific direction that studies the relationship between language, thinking and communication. This area of scientific knowledge is closely connected with sociolinguistics, rhetoric, functional style. The article deals with the semantics and derivational structure of non-verbal words actively used in political discourse, as well as their stylistic functions are traced. Because the value of the occasional pieces of context, the description of derivational Express is based communicative situations. The material for the analysis was the speeches of politicians, government and public figures, analytical articles on social and political topics, information publications of news agencies.

Keywords: political discourse, expressam, neodelight, occasionalism, derivational structure, sociolinguistics, stylistic function, composite, productive/unproductive way of educatione.

В политической лингвистике термин «дискурс» трактуется неоднозначно. Согласно образному определению Н. Д. Арутюновой, дискурс — это «речь, погруженная в жизнь» [1: 137]. Исследователь политического языка М. В. Гаврилова словосочетание «политический дискурс» периодически заменяет синонимом «политическая коммуникация» [2: 127—139].

Вслед за Ю. Н. Карауловым и В. В. Петровым, которые рассматривали методы моделирования социального взаимодействия и политического мышления, а также анализировали практику использования языка в процессе общественной деятельности, под политическим дискурсом мы понимаем многомерное «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы» (знания об окружающем мире, происходящих событиях, различные мнения по тому или иному вопросу, установки, цели адресата и др.), необходимые для понимания текста [4: 8].

Речевым актами политического дискурса являются выступления политиков, общественных и государственных деятелей, дискуссии по социально-политическим вопросам на конференциях, брифингах, заседаниях, форумах, сессиях, саммитах, а также публикации, комментарии, репортажи журналистов на политические темы.

Средством общения в политическом дискурсе является политический язык, ориентированный на массового адресата, обеспечивающий формирование, функционирование и передачу информации определенной направленности. С помощью политического языка формируются социальные и политические идеалы, осуществляется контакт между властью и гражданами [6; Т. 2: 305].

Поскольку политический язык обладает свойством воздействия на адресата, для него характерно активное употребление экспресем — вербальных единиц, выполняющих эмоционально-экспрессивную функцию. В ряду средств речевой выразительности особое место занимают словообразовательные окказионализмы, необычный облик которых помогает актуализировать тему, находящуюся в фокусе социального внимания.

В современной дериватологии вопрос о квалификации окказиональных единиц является открытым. Известный лингвист В. В. Лопатин в группу *окказионализмов* включает не только невузальные неологизмы, созданные по непродуктивным моделям, но и потенциальные слова, образованные по продуктивным образцам, поскольку и те, и другие представляют собой номинации, отсутствующие в языковой традиции и не имеющие кодификации в толковых словарях. Значение этих новообразований сопряжено с определенным контекстом, конкретной речевой ситуацией.

На формирование лексики политического дискурса влияют процессы, происходящие в социуме, которые, как отмечает Е. А. Земская, «требуя новых наименований, активизируют определенные звенья словообразовательной системы языка» [3: 138].

Обратимся к фактологическому материалу.

1. Повокационная деятельность в Сирии организации «Белые каски», спонсируемой Великобританией и США, давно уже не является секретом для мирового сообщества. Членов этой «частной военной компании» журналисты стали называть **белокасочниками**:

Один из лидеров, Фарк аль Хабиб, был главой группировки, захватившей Хомс, он даже в США признан террористом. Это не мешает Вашингтону и дальше нахваливать белокасочников (А. Балашов, 05.10.2016). *А, например, в сирийской Ракке, которую авиация американской коалиции превратила в руины и пепелище, ни одного репортажа белокасочники почему-то не сняли* (Военное обозрение, 24.07.18).

Наблюдения показывают, что созданное и растиражированное публицистами окказиональное слово **белокасочники** употребляется только в контекстах с негативной оценкой их миссии на территории Сирийского государства.

Неузальный дериват **белокасочники** образован сложносuffixальным способом: *белые каски* → *бел* + интерф. *-о-* + *касоч* + суф. *-ник*; чередование корневых морфов: *каска* // *касоч*.

2. Накануне президентских выборов на Украине активизировалась пропагандистская деятельность официального Киева. Сенатор от Республики Крым Ольга Ковитиди так охарактеризовала ситуацию в Незалежной:

Она подчеркнула, что страна сотрясается и «еще долго будет сотрясаема лжепризывами, лжеполитиками и лжевойнами» (Известия, 10.08.18).

Повторение начальной корневой морфемы *лж-* (*ложь*) в окказиональных композитах тождественной структуры привлекает особое внимание и помогает представить общую картину правления киевского режима, основанного на двойных стандартах: президент и Рада обманывают народ и проводят агрессивную политику не только в отношении других государств, но и в своей стране,

Окказионализмы **лжепризывы**, **лжеполитики** и **лжевойны** построены способом сложения по продуктивной модели: *ложивые призывы* → *лж* + интерф. *-е-* + *призывы*; *ложивые политики* → *лж* + интерф. *-е-* + *политики*; *ложные войны* → *лж* + интерф. *-е-* + *войны*.

В первом и втором дериватах производящей основой начального компонента является слово *ложивый* (содержащий ложь; говорящий ложь), а в третьем его пароним — *ложный* (ненастоящий, неправильный).

3. Некоторые известные российские миллионеры, уличенные в мошеннических операциях, а также состоятельные лица, нарушившие российские законы, как известно, нашли приют в Великобритании. Однако на фоне ухудшения взаимоотношений с Россией финансовые счета олигархов оказались под угрозой блокировки и изъятия, и это послужило причиной смены места жительства некоторых из них.

Этот факт не обошли молчанием в информационно-аналитическом издании «Русская Правда»:

Нуворисши и бандиты прощаются с Лондонградом (Русская Правда, 26.03.18).

Соединение в одном композите названия английской столицы и славянского слова *град* не только содержит подтекстовую информацию о достаточно большом числе русских эмигрантов в Лондоне, но и создает комический эффект.

Сложный дериват **Лондонград** построен по продуктивной модели: *Лондон* + *град* → *Лондонград*.

4. Пресс-конференции официального представителя Министерства иностранных дел Марии Захаровой по текущим вопросам внешней политики всегда вызывают живой интерес. Если в международном политическом дискурсе нарушаются нормы права со стороны агрессивно настроенных государств или отдельных политиков, а риторика выступлений носит неприемлемый оскорбительный характер, Мария Захарова нередко прибегает к обличительному юмору.

Так, отвечая на необоснованные обвинения в адрес России по делу Скрипалей, она предстала перед журналистами в образе медсестры, а позднее, в пятницу, в Facebook поместила мем со своей фотографией в белом халате и подписью:

МИДсестра. *С партнерами можно общаться только в белом халате* (07.09.18).

Мария Захарова дала понять, что обвинения в адрес Москвы абсурдны и являются показателем неадекватности парламента Великобритании.

Окказионализм **МИДсестра**, напоминающий слово *медсестра*, предполагает его двойное прочтение и раскрывает содержание текста.

Дериват образован способом сложения звуковой аббревиатуры со словом: *МИД* + *сестра* → *МИДсестра*.

5. В современном политическом дискурсе стало привычным слово **фейк** (от англ. *fake* — подделка, фальшивка, имитация). Так именуется недостоверная информация и дезинформация, которые используются в провокационных целях. Высокопрофессиональные фейковые видео (*дипфейки*: от англ. *deepfake* — глубокий фейк) способны дестабилизировать внешнеполитическую обстановку и привести к серьезным последствиям.

Слово **фейк** активно функционирует в окказиональном словопроизводстве:

США решили возобновить работу **фейкомета**: «Белые каски» снова будут финансироваться Вашингтоном (Яндекс Дзен, 18.06.2018).

Следует отметить высокую частотность употребления этого новообразования в политическом языке:

За **фейкометов** надо братья всерьез. Их аккаунты будут блокировать (Р-24, 02.04.18); Украина запустила **фейкомет** и тиражирует ложные сообщения от имени первых лиц ЛНР (Яндекс Дзен, 02.09.18).

Фейкомет — источник неоднократных лживых «вбросов» в информационное поле. Эта экспрессема употребляется для негативной характеристики деятельности социально-политических структур, которые пользуются фейками как инструментом коммуникативного воздействия.

Композит **фейкомет** образован способом сложения: имя сущ. *фейк* + интерф.-о- + усеч. основа глагола *мет(ать)*-> *фейкомет*.

Деривационная модель создана по аналогии со словами *пулемет*, *огнемет*, *водомер*.

Начальный компонент *фейк* встречается и в композите **фейкогенераторы** — создатели заведомо ложной информации:

Если международная следственная группа действительно заинтересована в установлении истинных виновников катастрофы пассажирского авиарейса МН-17, ее представителям следует опираться в своих заявлениях прежде всего на факты и свидетельские показания, а не подделки **фейкогенераторов** из «Беленгкэт» или СБУ, — говорится в заявлении министерства РФ (25.05.18).

Дериват **фейкогенераторы** образован способом сложения: *фейк* + интерф. -о- + генераторы -> *фейкогенераторы*.

Украинского журналиста А. Бабченко за его участие в инсценировке убийства пренебрежительно назвали **фейк-журналистом**:

Восставший из мертвых Аркадий Бабченко сегодня не мог оставить без комментариев едкие заявления в британской прессе, которая высказала, мягко говоря, озабоченность фактом убийства **фейк-журналиста** (Яндекс Дзен, 31.05.18).

Окказионализм образован сложносоставным способом: *фейк* + *журналист* -> *фейк-журналист*.

Презрительно-уничижительная тональность прослеживается в неузвальном композите **государство-фейк**:

Украина сама признала себя **государством-фейком**, и тем самым дает возможность всем желающим просто ее добить многомиллиардными исками за тот же «Боинг» (Яндекс Дзен, 31.05.18).

В сложносоставном деривате **государство-фейк** определяющий компонент находится в постпозиции по отношению к определяемому: *государство* какое? — *фейк*.

6. Глава Общественной палаты Республики Крым Г. Иоффе предложил составить список деятелей культуры и политиков Украины и России, которые разжигают межнациональную вражду или угрожают террористическими актами на полуострове:

Мы будем в это досье включать тех людей, которых неофициально называют **крымоненавистниками** (Г. Иоффе, 18.07.18).

Окказиональный дериват **крымоненавистники** характеризует агрессивно настроенных лиц, не признающих свободный выбор крымчан.

Неузальный неологизм образован способом сложения: *Крым* + интерф.-о- + *ненавистник*.

7. Выход Литвы из энергетической системы БРЭЛЛ приведет к ослаблению экономики страны. К такому логическому выводу пришли литовские политики и бизнесмены. Об этом с иронией пишет журналист Фил Козлов:

Электропрозрение Литвы: Россия теперь лучший друг. Нынешний процесс по достижению прибалтийскими странами энергетической независимости от России втягивает их в европейскую кабалу (ПолитПазл, 13.07.18.).

Электропрозрение — внезапное просветление мысли и обретение способности видеть и понимать перспективность выхода из энергетического кольца БРЭЛЛ.

Способ образования окказионализма **электропрозрение** — сложение усеченной основы имени прилагательного *электрический* и имени существительного *прозрение* с помощью интерфикса -о-.

8. Политический обозреватель, эксперт по международной военной безопасности Александр Запольскис приходит к выводу, что в Литве, как и на Украине, нарушаются многие законы международного и общеевропейского права. В своей статье он приводит примеры политизированного преследования российских граждан в Литве и рассуждает о странном реагировании правительства этого прибалтийского государства на законное привлечение к ответу за противоправную деятельность. Уже в заголовке проводится параллель с такой же циничной реакцией на сходные процессы на Украине:

Литва в лучших традициях **Хохлостана** - «А нас-то за шо?» (ИА REX, 23.07.18).

Окказионализм **Хохлостан** в значении *страна хохлов* в данном контексте имеет пренебрежительно-уничижительную окраску. Автор подчеркивает, что в стране Европейского Союза Литве царит такое же беззаконие, как и в современной Украине.

Дериват *Хохлостан* образован суффиксальным способом: производящая основа *хохол* (шутливо-ироническое прозвище украинцев) + суффикс *-стан* (в значении *страна*).

9. Известный журналист Георгий Зотов в еженедельнике «Аргументы и факты» опубликовал статью, посвященную проблеме беженцев в Германии, с заголовком

Салам Алейкум, Берлинстан! Столица Германии живет по правилам беженцев? (АиФ, № 19, 09.05.18.).

Называя столицу Германии *Берлинстаном*, автор привлекает внимание к непродуманной миграционной политике Евросоюза. Беженцы из Ливии, Ирака, Сирии и других стран Ближнего Востока, неуправляемым потоком хлынувшие в Германию, не хотят подчиняться законам государства, которое предоставило им убежище, и устанавливают свои порядки, дестабилизируя обстановку в городах и терроризируя местное население.

Дериват *Берлинстан* образован суффиксальным способом: *Берлин* + суффикс *-стан* (в значении *страна*).

10. Публикация Светланы Манекиной «Конец киселевщины на Украине» посвящена вопросу эмиграции российских журналистов на Украину в обмен на солидное вознаграждение за очернение России. Прежде всего речь идет о Евгении Киселеве и Матвее Гананольском, которые в определенный период времени были востребованы в Незалежной, благодаря своим антироссийским выступлениям.

Авторские оценки этой деятельности отличаются высокой степенью эмоциональности, что отражается в многочисленных окказиональных экспрессемах:

Время киселевщины на украинском телевидении заканчивается. Как и время гананольщины, впрочем. Самые отъявленные медиа-мерзавцы, упыри-пропагандисты оказались не у дел. Еще не состоялась инаугурация нового американского хозяина в США, а тех, кто требовал санкций против России и исполнял в эфире частушки про Путин-ло-ло-ло, уже попросили с вещами на выход (ИА NEWS FRONT, 10.01.17).

Киселевщина, гананольщина — социально-политическая пропагандистская деятельность конкретного лица, названного в производящей основе.

Дериваты образованы суффиксальным способом: *Киселев* + суф. *-щин-* -> *киселевщина*; *Гананоль(ский)* + суф. *-щин-* -> *гананольщина*.

Сложные окказиональные дериваты *медиа-мерзавцы* и *упыри-пропагандисты* отличаются разговорно-просторечной стилистической окраской, что не противоречит языковой организации комментариально-оценочных жанров СМИ. В этих экспрессемах даются образные определения однозным журналистам.

Окказиональные неологизмы образованы сложносоставным способом: *медиа+мерзавцы* -> *медиа-мерзавцы*; *упыри+пропагандисты* -> *упыри-пропагандисты*.

В украинских масс-медиа были популярны частушки про Путина в исполнении беглых российских артистов и журналистов, по мнению которых, президент часто говорит впустую, бессодержательно, безрезультативно. Вторая часть композита *Путин-ло-ло-ло* напоминает фрагмент песни «Маленький принц» в исполнении Э. Хиля, который в разных вариациях произносит бессодержательные сочетания звуков, отражающих его позитивное настроение.

Композит образован сложносоставным способом: имя собственное *Путин* + звукоподражательное слово *ло-ло-ло* -> *Путин-ло-ло-ло*.

Далее С. Манекина в саркастическом ключе описывает выступление виолончелиста, стоящего рядом с П. Порошенко и играющего на сильном морозе гимн Украины в честь 25-годовщины его принятия:

На днях ньюсмейкером стал «гарант нации», могучий столп украинского свидомизма и отец украинской политической нации Петр Порошенко...Перед нами стоит отморозенный «патриот» в камуфле и балаклаве — но с виолончелью (!), и на морозе, посреди снегов, зимы, разрухи и запустения, извлекает из несчастного музыкального инструмента заунывную пародию на гимн Украины, который...называют щеневмерлой вовсе не из-за его избыточной жизнерадостности.

Свидомизм — националистическое общественно-политическое движение, идеология фашистской направленности. Неодериват восходит к слову *свидомый*, которое является прозвищем украинских националистов.

Способ образования деривата *свидомизм* — суффиксальный: *свидом(ый)* + суф. *-изм* -> *свидомизм*.

Щеневмерла — гимн Украины, названный так по его начальным словам.

Окказиональный дериват в данном фрагменте статьи имеет неоднозначное содержание и является показателем подтекстовой информации — Украина пока еще «не вмерла», но находится на грани выживания.

Неологизм образован способом сращения: *ще не вмерла* -> *щевневмерла*.

Таким образом, наблюдения показывают, что в политическом дискурсе идет активный процесс экспрессивизации языка. В условиях информационной войны настоящего времени используются различные вербальные способы влияния на аудиторию.

Окказионализмы помогают более точно, образно, выразительно реализовать мысль, поэтому эти языковые единицы широко используются в политической риторике. Они выполняют различные функции: собственно номинативную, компрессивную, эмоционально-экспрессивную, текстообразующую. Каждое коммуникативное событие проходит через призму восприятия автора, который отражает это восприятие через номинацию явления или признака.

В зависимости от содержания контекста окказиональные эспрессеми имеют разнообразную стилистическую окраску: ироническую, иронически-неодобрительную, пренебрежительную, уничижительную, скептически-неодобрительную, фамильярно-пренебрежительную.

В ряду способов деривации заметное место занимает сложение. Необычные комбинации компонентов сложных производных помогают сделать текст более емким, позволяют автору высказываться кратко и предельно точно. За счет сокращенности формы и емкости семантики, возникающей в результате соединения значений композитных единиц, сложные окказионализмы не только номинируют признак или факт действительности, а на основе ассоциаций создают контекстуальный образ, в котором взаимодействуют основное и дополнительное, субъективно-оценочное значение.

Нельзя не отметить, что рост эмоциональной напряженности в жизни общества активизирует процессы образования эмоционально-эспрессивных дериватов, а ускорение темпов жизни усиливает действие закона речевой экономии, отсюда и актуализация аналитизма в словообразовании.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва, 1999. — С. 137.
2. Гаврилова, М. В. Лингвистический анализ политического дискурса / М. В. Гаврилова // ПОЛИС. — 2004. — № 3. — С. 127—139.
3. Земская, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). 2-е изд. — Москва, 2000. — С. 90—141.
4. Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса. / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. — Москва, 1989. — С. 7—12.
5. Лопатин, В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования / В. В. Лопатин. — Москва, 1973. — С. 65.
6. Политическая энциклопедия : в 2 т. — Москва, 1999. — Т. 2. — С. 305.

Т. И. Дмитрук

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия
tatyana.dmitruk.64@mail.ru

СРЕДСТВА СВЯЗИ В ОДНОФУНКЦИОНАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КОМЕДИЙ XVIII ВЕКА)

В статье рассматривается состав союзных средств в однофункциональных конструкциях простого предложения и динамика их стилистической дистрибуции в языке комедий XVIII века.

Ключевые слова: союзные средства, литературный язык XVIII века, комедия, простое предложение, однофункциональные конструкции.

Tatyana Ivanovna Dmitruk, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
tatyana.dmitruk.64@mail.ru

Means of communication in single-function structures simple sentences (based on the comedies of the eighteenth century)

The article examines the composition of allied means in one-functional constructions of a simple sentence and the dynamics of their stylistic distribution in the language of comedies of the 18th century.

Keywords: allied means, literary language of the XVIII century, comedy, simple sentence, one-functional constructions.

Теория трех стилей М. В. Ломоносова, положенная в основу реформирования языка XVIII в., требовала отбора языковых средств в соответствии с темой, стилем и жанром текста.

Язык комедии в этом смысле выбивался из общей системы: он был лишен внутреннего единства, т. к. героями этого жанра были люди разного общественного положения и разного культурного уровня. Поэтому, как считает Г. В. Москвичева, на уровне лексики для комедии было характерно «сочетание элементов «высокого», «украшенного» стиля со стилем низким, простым. Они существовали параллельно, не создавая единства» [3; 143—144]. Грамматические средства комедии с этой позиции исследователями не анализировались.

Задача статьи — рассмотреть состав союзных средств в однофункциональных конструкциях простого предложения и динамику их стилистической дистрибуции в языке комедий XVIII в.

Материалом для анализа послужили средства связи однофункциональных конструкций простого предложения из комедий «Пустая ссора», «Чудовищи», «Тресотиниус» А. П. Сумарокова (первая половина XVIII в.) и «Недоросль» и «Бригадир» Д. И. Фонвизина, «Ябеда» В. В. Капниста (вторая половина века).

Следует отметить, что в жанре комедии зафиксированы все виды употреблявшихся в литературном языке XVIII в. союзных средств как по семантике (соединительные, разделительные, противительные, сопоставительные, градационные, присоединительные, сравнительные, аналоги), так и по составу (простые, двойные, повторяющиеся, составные нерасчлененные, союзные сочетания). Во второй половине XVIII в. в комедии на треть увеличилось число союзных конструкций (282 против 190), а количество союзных лексем выросло с 43 до 59. Динамика стилистической дистрибуции союзов, союзных сочетаний и аналогов представлена в таблице 1.

Таблица 1

Динамика стилистической дистрибуции средств связи в комедии

	первая половина XVIII в.	вторая половина XVIII в.
ядро	и, ни...ни, а, а не	и, и...и, ни...ни, да (=и), а, а не, не...а
центр	не...а, да еще и, столько ж... как и, да хотя, а после, а ныне, что, хотя...хотя, да (=и), как...так и, хотя и не...но (нежели, однако, только)	притом и, да и, то...то, однако, ли...или, да (=но); а, бывало
периферия	да (=но), так как, не столько...сколько, не только...но и, и чуть, как...так и	а особливо, хотя и не...а (однако, да), как...так и, либо...либо, каков...таков и, ниже...не только, и лишь, пожалуй, как...так и, иль...или, не только...но и, не...но, и токмо

Как видно из таблицы, ядро системы средств связи в комедиях составили нейтральные союзы. Стилистически окрашенные средства заняли центр и периферию.

Основные изменения, произошедшие в составе грамматических средств в комедии на протяжении XVIII в., были следующими.

Увеличилось количество конструкций с соединительными союзами, в частности, за счет того что в два раза чаще стали использоваться повторяющиеся *и...и, ни...ни* в двучленных рядах. Это объясняется экспрессивностью таких конструкций в диалогической речи и тем, что при помощи этих конструкций могли передаваться новые типы отношений — соединительно-сопоставительные и градационные:

Закажу и другу, и ворогу идти замуж (Фон., 84); Признаюсь, что я рад бы отдохнуть и от дороги, и от всего того, что слышал и что видел (Фон., 141); Судья, который не убоится ни мщения, ни угроз сильного, отдал справедливость беспомощному (Фон., 158).

Из градационных союзов в комедии на протяжении всего XVIII в. употреблялись обе основные группы, образованные на базе союзов *не только...но и, хотя и не...но*. Если в первой группе практически не произошло изменений, то во второй интересна динамика второго компонента союза: в начале века это преимущественно *однако, однакоже и, нежелли*; в конце — *а, да и, но, однако*. Такой выбор свидетельствует об упрощении стиля:

Это хоть и не так остро, однако иногда колет сильнее и шпаги (Сум., 302); Я лучше хочу, что б Инфемелла хотя уж за Хабзеем была, нежелли за ним (Сум., 321);

Я от него уйти хоть всячески старался, мирился, уступал, но потерял весь труд (Кап., 333) Он хотя и шестнадцати лет, а достиг уже до последней степени своего совершенства (Фон., 118); Он хотя и всегда слыл мужиком разумным, однако военный человек (Фон., 48); ...большая часть судей нынче взяток хотя и не берут, да и дел не делают (Фон., 60).

В семь раз увеличилось количество конструкций, выражающих разделительные отношения, разделительные союзы стали более разнообразными: союзы первой половины века — *или, то...то, хоть...хоть*; союзы конца века — *или, иль, или...или, иль...иль, иль...или, ли...или, либо...либо, то...то*:

А помелом или кочергой можно? (Сум., 306); Как тебя Тресотиниус бранить ни станет, хоть в стихах, хоть в прозе (Сум., 305);

Слушай, жена, мне все равно, сдуру ли ты врешь или из ума... (Фон., 23); ... а без того бы я, конечно, или засмеялся, или заплакал (Фон., 77); От двора, мой друг, выживают двумя манерами: либо на тебя рассердятся, либо тебя рассердят (Фон., 132); Тут надобен указ, или право, или закон (Кап., 360); ...так кто сам не смыслит, меня нанимает то счетец проверить, то итоги подвести (Фон., 125); Экстрактец сочинить без точек, запятых, подчистить протокол, или лист прибавить смело, или стибрить документ (Кап., 337).

Значительно расширился спектр уточнителей в союзных сочетаниях, при этом модальные уточнители начали преобладать над логическими. Самыми распространенными из уточнителей были *кажется, может быть, бывало, так называть, пожалуй*:

Я поспешаю вам нелестное усердье, привязанность мою на деле изъять, и *хоть, может быть, могу вас, огорчить сей откровенностью* (Кап., 421); ...то новенькие я законы приискал и с делом, *кажется, гладенько сочетал* (Кап., 351); Садись, мой друг, но лишь, *пожалуй, не соли* (Кап., 393).

Во второй половине XVIII в. почти вдвое увеличилось количество конструкций, выражавших сопоставительные отношения, прежде всего за счет конструкций, образованных на базе союза *а*. От сопоставительных союзов, имевших ярко выраженный книжный характер, а именно — от двойных *как...так и, столько же...как и*, комедия стремилась отказаться.

Вить я человек, а не ангел (Фон., 150); ...он уже стал не правый, а виноватый (Фон., 62); Тут не самолюбие, а, *так называть, себялюбие* (Фон., 132); Я не суда прошу, а только рассужденья (Кап., 399).

Основной пласт грамматических средств, употреблявшихся в комедиях второй половины XVIII в., составляли союзы, соответствовавшие нейтральной норме.

Из грамматических средств, маркированных как разговорные, в конце XVIII в. в комедиях употреблялся союз *да* в соединительном и противительном значениях, а также уточнитель *бывало* в составе союзного сочетания:

...сей слабый труд тебе я посвящать дерзаю, да именем твоим его успех венчаю (Кап., 352); ...вот это плод, сударь, походов да сражений (Кап., 348); Говори, да не ври (Фон., 97); ...как мы заведем игру, так в марьяж, или в дураки, а всего веселей, *бывало, в хрюшки* (Фон., 87).

Еще одной особенностью было то, что в комедиях конца века, хотя и в небольшом количестве, использовались союзные средства, закрепленные за другими стилями и жанрами: *токмо, ниже, особливо*. Это являлось прямым нарушением классицистического канона, но делось авторами сознательно.

Желать смерти никому не надобно, ...*ниже* собаке, не только моей матушке (Фон., 90); ...совсем ему сторонний и *токмо* просто кум (Кап., 346); Так, батюшка, все пословицы справедливы, а *особливо* французские (Фон., 89).

Появление в тексте комедии этих союзных фактивов говорило о том, что устанавливаются новые правила, связанные с выбором слова, в том числе и в сфере грамматических средств связи. Авторы начинали свободно соединять слова и выражения, которые, как раньше считалось, принадлежали к разным стилям и рядом не употреблялись. При этом драматурги исходили только из «искренности и точности выражения» [1; 306].

С точки зрения развития стилистической системы этот факт говорил о том, что наступает период, когда границы разных языковых стилей становятся «зыбкими и неустойчивыми», что, по мнению В. Д. Левина, «отражает диалектику развития литературного языка, свидетельствует о процессе становления новой стилистической системы» [2; 89].

П. А. Семенов считает, что в языке комедии гораздо в большей степени, чем в языке высоких жанров, «отразились тенденции развития русского литературного языка» [4; 126]. В частности, это выразилось в том, что с развитием комедии при выборе грамматических средств связи в простом предложении к концу XVIII в. разрыв между книжной и разговорной речью в значительной степени был преодолен, о чем свидетельствуют и наши данные.

Источники

1. Капнист, В. В. Избранные произведения / В. В. Капнист. — Ленинград, 1973.
2. Сумароков, А. П. Драматические сочинения / А. П. Сумароков. — Ленинград, 1990.
3. Фонвизин, Д. И. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1 / Д. И. Фонвизин. — Москва ; Ленинград, 1959.

Список литературы

1. Благой, Д. Д. История русской литературы XVIII века / Д. Д. Благой. — Москва, 1960.
2. Левин, В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX века. Лексика / В. Д. Левин. — Москва, 1964.
3. Москвичева, Г. В. Русский классицизм / Г. В. Москвичева. — Москва, 1986.
4. Семенов, П. А. Язык предпушкинской драматургии / П. А. Семенов. — Санкт-Петербург, 2002.

ПЕТЕРБУРГ В ТЕКСТАХ РУССКИХ КЛАССИКОВ

Статья посвящена образу Петербурга в русской литературе (Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский и др.) или петербургского текста по методологии семиотики.

Ключевые слова: русская литература, тема города, гоголевские мотивы, тексты Достоевского, урбанистическая проблематика.

Miskichekova Z. Ya., Isakova D. K., Osh State University

super.zanfira@mail.ru

Petersburg in the texts of russian classics

Studying the subject of St. Petersburg in Russian literature by (N. V. Gogol, F. M. Dostoyevsky, etc.) or the St. Petersburg text on the methodology of semiotics today has become a very pressing problem.

Keywords: Russian literature, city theme, Gogol motives, Dostoevsky texts, urban problems.

В исследовании «петербургского текста» ценны идеи русских критиков В. Белинского, Н. Чернышевского, Н. Добролюбова, литературоведов М. Бахтина, Ю. Тынянова, С. Машинского, Ю. Манна, М. Гиллельсона, В. Кирпотина, Ю. Лотмана и др. о творчестве Н. Гоголя и Ф. Достоевского. Наличие отмеченной литературы по проблеме «петербургского текста» в их творчестве отнюдь не говорит о достаточной разработанности вопроса.

В данной работе будет сделана попытка на материале текстов двух классиков осмыслить проблему эволюции образа Петербурга. У истоков этой темы стоял великий Пушкин, который в поэме «Медный всадник» поднял ряд важных тем, связанных с Петербургом (тема города, «маленького человека», двойничества и др.). Как родоначальник критического реализма, Гоголь обогатил эти темы новыми штрихами, мотивами. Его «петербургские повести» В. Г. Белинским были оценены как новаторское явление в русской литературе. Замечено, что Петербург Гоголя похож и не похож на пушкинскую столицу. Пушкин любит прекрасную архитектурой города. Еще в ранних стихах он сказал: «Город пышный, город бедный». В поэме «Медный всадник» поэт создает подлинный гимн граду Петра. Гоголь рисует совершенно другой город. Северная Пальмира увиденна глазами «маленького человека»: то титулярного советника Поприщина («Записки сумасшедшего»), то мелкого чиновника 14-го класса. Акакия Акакиевича Башмачкина («Шинель»). В их мире поручик Пирогов («Невский проспект») и майор Ковалев («Нос») — это высшая аристократия. Исследователи М. Гиллельсон и др. отмечают, что на своеобразии восприятия столицы автором «Петербургских повестей» сказались личные впечатления. Не очень ласково встретила она сына малороссийского помещика. Вот некоторые штрихи биографии писателя.

В первое время Гоголь жил в мещанском квартале Петербурга, в доме Зверкова на Екатерининском канале. Сюда и забрел чиновник Поприщин. «Этот дом я знаю. Это дом Зверкова. Эка махина! Какого в нем народа не живет: сколько кухарок, сколько приезжих! В нашей сирани братьев-чиновников — как собак, один на другом сидит» («Записки сумасшедшего»). Герои Гоголя ютятся в каморках, углах, чердаках, их жизнь проходит в вечной толчее по службам, в беготне от нищеты, бедности, среди пьяниц, проституток, нищих. На смену мотивам романтики-юношеских книг «Ганца Кюхельгартена» (1829), «Вечеров...» (1831—32) пришли персонажи петербургских повестей — столичные чиновники, служивые, цирюльники, поручики, художники, ростовщики, коллежские регистраторы, т. е. знаковые фигуры государства Российского, столицы-монстра. *Гороховая, Пески, Мещанская, Выборгская часть, Васильевский остров, Щукин двор, Столярная, Кокушкин мост, Линейная* — это один Петербург Гоголя. Но есть и другой — это *Невский проспект, Таврический сад, Вознесенский проспект*. Но кодовым, знаковым локусом Петербурга, конечно, является Невский проспект. Вот одна только гоголевская фраза. «На Невском народу была тьма; дам целый цветочный водопад сыпался по всему тротуару, начиная от Полицейского до Аничкова моста» («Нос»). В «Невском проспекте» читаем: «Едва только взойдешь на Невский проспект, как пахнет одним гуляньем. Невский проспект!». Повести Гоголя оказали огромное воздействие на развитие не только отечественной прозы, но и мировой литературы. В. Я. Пропп говорил о необыкновенном таланте гоголевского комизма, использования особенностей приемов эзопова языка (комизм сходства, игра контрастами, гротеск, юмор, комическая шутка, эвфемизм и др.), использованных автором петербургских повестей для изображения столицы русского государства. Комичны строки, описывающие наряды некоторых дам: «А какие встретите вы дамские рукава на Невском проспекте! Ах, какая прелесть! Они несколько похожи на два воздухоплавательные шара, так что дама вдруг бы поднялась на воздух, если бы не поддерживал ее мужчина» (т. 3, с. 13). Здесь комизм нелепой моды соединен с другим средством достижения комического эффекта (мужчина поддерживает даму, чтобы она не улетела на воздух). Гоголь мастер комических деталей в описании человеческого лица, тела. Нос в его произведениях —

благодарная деталь для создания комического впечатления. Носы упоминаются у Гоголя довольно часто. Народные речения «утереть нос», «оставить с носом», «показать нос» прозаик реализовал в гениальной повести «Нос», в которой нос ушел от хозяина и разгуливал по Невскому проспекту в виде статского советника. «Нос» — едкая сатира на петербургское чиновничество. «Влияние Гоголя на русскую литературу было огромным», — отмечал критик В. Г. Белинский, имея в виду школу критического реализма.

Романы и повести Ф. М. Достоевского «Бедные люди», «Белые ночи», «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток» — это новая ступень реализации петербургского текста. Здесь зримо просматривается эволюция темы города Петра по сравнению с повестями Гоголя. Критик Н. А. Добролюбов писал, что «под свежим влиянием лучших сторон Гоголя и наиболее жизненных идей Белинского, Ф. Достоевский со всею энергиею и свежестью молодого таланта принялся за анализ аномалий нашей бедной действительности». Знаковым в выявлении семиотики Петербурга у Достоевского стал его первый роман «Бедные люди». Он был опубликован в «Петербургском сборнике» (1845). Это печальное повествование о столичной бедноте, о бескорыстной любви бедного чиновника Макара Девушкина к Варе Доброселовой. Как и гоголевские герои они вынуждены обитать в той же среде. Это *Гороховая («шумная улица»), толчея Гостиного двора, Выборгская сторона, Васильевский остров, район Фонтанки* и другие места обитания петербургского люда. «У нас чижики так и мрут»: одна эта фраза — это не только развитие гоголевских мотивов, но о показатель отличия ученика от учителя. Печально сложились судьбы героев — умирает студент Покровский, несчастен Макар Девушкин, Быков увозит Вареньку. «Я умру, Варенька, непременно умру!» — пишет любимой девушке бедный чиновник. Новое у Достоевского мысль, звучащая из уст бедного чиновника — «я не хуже других...» Вехой в осмыслении указанной темы стал роман «Униженные и оскорбленные» (1861), в котором столица империи увидена глазами бедствующего литератора-разночинца. Выдвигая в 1861 г. новую формулу, взамен «бедных людей» «униженных и оскорбленных» Достоевский как бы говорил, что он вступает в новую полосу своего творчества. Начало новой вехи русского реализма признают исследователи В. Я. Кирпотин («Достоевский в 60-е годы»), А. А. Белкин («Достоевский в оценке русской критики»), Е. Старикова («Два романа Достоевского»). Новаторство книги заключалось в том, что здесь автор использует новую форму повествования, соединяя в корпусе романа социальный анализ реальных и широко охваченных жизненных обстоятельств современности с изображением фантастически-сложных психологических результатов, возникающих от совпадения этих обстоятельств. Новым было и использование многих художественных приемов западноевропейской прозы, особенно традиций В. Скотта, Ч. Дикенса (напр., в показе драмы семьи Ихменьевых, литератора Ивана Петровича, рокового князя Валковского).

Этот опыт Ф. М. Достоевскому весьма пригодился при создании своего классического романа о Петербурге «Преступление и наказание» (1866) и последующих книг «Идиот» (1868), «Бесы» (1872), «Подросток» (1875), «Братья Карамазовы» (1880) и др. Исследователи М. Бахтин, С. Белов, В. Кирпотин, Ю. Карякин называют роман о судьбе Родиона Раскольникова самым «петербургским» произведением писателя (В. Кирпотин, 1974). По словам писателя, эта книга была задумана им «как психологический отчет одного преступления». С первых страниц романа читатель окунался в душную атмосферу петербургских улиц, питейных заведений, «углов», «гробов», «чердаков», доходных домов. Родион Раскольников, исключенный из университета по бедности, сознательно и обдуманно решает убить старуху, дающую деньги под проценты, исходя из созданной им теории «о праве сильного на кровь». **Петербург — тоже участник преступления.** Именно на улицах, площадях города вызревает идея убийством решить все проблемы, когда Сенная площадь оставляет «отвратительный и грустный колорит» в душе, когда в питейных Родион услышит страшный и печальный рассказ Мармеладова о своей семье. На этих улицах он встречает падшую девицу. Все подводит его к мысли, что «надо решиться». Справедливо замечено, что только в мрачном и таинственном Петербурге могла зародиться «безобразная мечта» нищего студента о решении всех проблем убиением старухи. Вот почему топонимические локусы **Сенная, Екатеринский канал (Канавы), Козеля дом, дом Бакалеева, К-ный переулочек**, как район петербургской бедноты, противопоставлены хронотопам **Марсова Поля, Летнего сада, Юсупова сада.**

Петербург — действующее лицо и в романах «Идиот», «Подросток» «Бесы», но каждый раз, в целом, следуя фарватером Пушкина, Гоголя, Ф. М. Достоевский находит новые штрихи для показа «города полусумасшедших». Автор «Преступления и наказания», видимо, не раз перечитывал слова своего оппонента А. Герцена о том, что «в судьбе Петербурга есть что-то трагическое, мрачное и величественное» («Москва и Петербург»). Он соглашался со своим оппонентом. Подобную же трактовку позднее городу Петра дал А. Белый в своем символично-реалистическом романе «Петербург».

Список литературы

1. Лихачев, Д. С. Петербург в истории русской культуры / Д. С. Лихачев. — Санкт-Петербург, 2006; Лотман, Ю. М. Статьи о культуре и искусстве / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург, 2002; Топоров, В. Н. О московско-тартуской семиотической школе / В. Н. Топоров // НЛО. — 1993. — № 3. — С. 103.

2. *Лотман, Ю. М.* Художественное пространство в прозе Н. В. Гоголя / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. О русской литературе. — Санкт-Петербург, 1997; *Топоров, Н.* Петербургский текст русской литературы / Н. Топоров. — Санкт-Петербург, 2003. — С. 23.
3. *Шубин, В. Ф.* К литературной жизни Петербурга пушкинского периода / В. Ф. Шубин, В. М. Файбисович // Русская литература. — 1982. — № 3. — С. 149.
4. *Белинский, В. Г.* Петербургский сборник / В. Г. Белинский // Собр. соч. : в 9 т. Т. 8. — Москва, 1982. — С. 128.
5. *Гиллельсон, М.* Гоголь в Петербурге / М. Гиллельсон. — Ленинград, 1961.
6. *Кралин, М.* Город славы / М. Кралин // Гранитный город: Петербург-Петроград-Ленинград. — Ленинград, 1988.
7. Альтман, М. С. Топонимика в произведениях Ф. М. Достоевского / М. С. Альтман // Достоевский по векам имен. — Саратов, 1975. — С. 192.
8. *Бахтин, М.* Проблемы поэтики Достоевского / М. Бахтин. — Москва, 1979; *Белов, С.* Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий / С. Белов. — Москва, 1985; *Корякин, Ю.* Самообман Раскольникова : роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» / Ю. Корякин. — Москва, 1976; *Кирпотин, В.* Разочарование и крушение Родиона Раскольникова / В. Кирпотин. — Москва, 1974; и др.
9. *Пропт, В. Я.* Природа комического у Гоголя / В. Я. Пропт // Рус. лит.-ра. — 1988. — № 1. — С. 27—43.

З. М. Сабиралиева

OshГУ

sab-venera@yandex.ru

КОМПОЗИЦИОННО-ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА АНЕКДОТА

Статья посвящена характеристике жанрового, композиционного и языкового своеобразия анекдота.

Ключевые слова: анекдот, юмор, жанр, композиция, ситуация.

Sabiralieva Z. M., OshGU

sab-venera@yandex.ru

Composite-language specificity of joke

The article is devoted to the description of the genre, compositional and linguistic originality of the anecdote.

Keywords: anecdote, humor, genre, composition, situation.

Анекдот как объект представляет собой определенную сложность для исследования вследствие разных трактовок данного термина в трудах ученых. Существует множество разновидностей комического текста, тем не менее единообразной, конкретной классификации, которая являлась бы наиболее приемлемой, на сегодняшний день еще не существует.

Понятие анекдота весьма многогранно и, тем не менее, в русском языке существует специальное и вполне определенное название для рассматриваемого явления. В кыргызском языке нечто подобное называется та-маша, шакаба, азил («шутка»), в узбекской культуре сходное явление получило название *ascia* («забавная история»), в казахском же языке словом *эзіл*, *эзіл-қалжың*, а в арабском — *hikaуа* или *hida* обозначаются и шутка, и острота, и то, что в русском языке называется анекдотом.

В английском, французском и немецком языках также нет определенного названия данного явления, т. е. это слово не переводится. Таким образом, во всех случаях интересующее нас явление обозначается более широким, родовым словом, гиперонимом, охватывающим несколько близких по смыслу наименований. И только в русском языке существует специальное, отдельное название исследуемого явления. Целью нашей статьи является анализ этого явления с точки зрения сюжетной композиции и выявление особенностей этой композиции.

Анекдот как вид юмористического дискурса занимает умы ученых уже не одно десятилетие [5, с. 82]. Это связано прежде всего с тем, что как жанр устной и письменной речи он все время создается и видоизменяется не структурно и композиционно, а по содержанию. Исследователи, в своем большинстве, относят анекдот к фольклорным формам, поскольку он обладает теми признаками этого жанра, которые «действительно совпадают с присущими фольклору как существовавшей на протяжении веков форме народного, крестьянского творчества» [2, с. 53]. А согласно М. С. Кагану, «анекдот это городской фольклор, создаваемый и функционирующий в среде демократической городской интеллигенции. Миросозерцание интеллигенции порождает и широкую жанровую структуру анекдота, и историческую динамику соотношения его основных жанров» [2, с. 8].

Общая структура анекдота уже рассмотрена в лингвистике некоторыми учеными (Е. Я. Шмелева и А. Д. Шмелев, М. С. Петренко, Н. Г. Бирюков, А. С. Архипова и др.). Прежде всего, следует отметить, что к двум основным толкованиям анекдота в русском языке относятся, во-первых, рассказ о забавном или поучительном случае, якобы состоявшийся в жизни исторического лица; во-вторых, краткий устный шуточный рассказ с остроумной концовкой. Такой рассказ, чтобы соответствовать понятию «анекдот», должен обладать неотъемлемым свойством вызывать смех. Но, разумеется, способность вызывать смех не может быть единственной характеристикой анекдота. Смех вызывают и иные явления смеховой культуры. Существуют традиционные и неизменные формы сюжетной композиции анекдота, отличающие его от других форм смеховой культуры. К примеру, Е. Я. Шмелева и А. Д. Шмелев выделили двучастную структуру анекдота. По мнению ученых, «анекдот строится по принципу двучастности: в нем есть интродукция (зачин) и развязка, или начало и конец» [6, с. 45]. А. С. Петренко выделил трехчастную структуру анекдота, в которой содержатся следующие элементы: начало, середина и конец [4, 151—156]. Правда, не все анекдоты могут быть подведены к двучастным и трехчастным формулам, некоторые из них допускают выделить в них четырехчастную структуру: вступление, завязку, кульминацию, развязку.

Мужик встречается в баре после работы с друзьями. Все видят, что он в новом дорогом костюме, и, естественно, обращают на него внимание:

— *Классный у тебя костюм!*

— *Это мне жена подарила.*

— *Что, на день рождения?*

— *Да нет, просто вчера прихожу домой пораньше — смотрю: пиджак с брюками на стуле висят.*

Внутренняя антиномичность, несовпадение прогноза с результатом, преподнесение откровенной «небывальщины» как реальности во многом определяют суть той демонстративной эстетической игры, на которой строится анекдот.

Приемная комиссия в институте. Председатель спрашивает очередного абитуриента:

— *Молодой человек, а почему вы выбрали для поступления именно этот институт?*

— *Пап, не задавай глупых вопросов.*

Анекдот демонстративно «играет» под действительность, поскольку на самом деле текст, созданный по канонам анекдота, ни в коем случае не может быть с этой действительностью отождествлен (не являются исключением и «исторический» и «литературный» анекдоты, в которых связь с действительностью весьма условна). Особую роль в этом каноне выполняет финал анекдота. Часто он не просто неожидан, но во многом и непредсказуем и даже иногда вроде бы отделен от основного текста, как бы не вытекает из него, противоречит ему, отрицает всё предыдущее изложение. Подача вымысла, «небывальщины» или, как минимум, невероятного случая не столько маскируется под реальность, сколько деконструирует ее, поскольку невероятность и даже нелепость не скрыты, но даже подчеркнуты, выделены. Это и есть, на наш взгляд, то главное, что определяет феномен анекдота.

Кроме того, анекдот представляет собой литературное явление, для которого характерно наличие определенных, достаточно устоявшихся жанровых признаков. Выше мы уже говорили о том, что для современного анекдота характерны стереотипность и лаконичность формы. Действительно, текст анекдота практически чаще всего строится по принципу двучастности: в нём есть интродукция (завязка сюжета) и развязка. Тексты других литературных смеховых произведений могут иметь еще и среднюю часть фабулы. В анекдоте же, в силу его лаконичности, средней части нет. Интродукция сообщает жанровую тему анекдота, но, прежде всего, вводит слушателя в состояние ожидания:

Попали русский, узбек и киргиз на необитаемый остров...

Возвращается муж из командировки...

Попали киргиз, узбек и русский в плен...

Встретились Акаев, Бакиев и Отунбаева...

Жили старик со старухой...

Заходит соседка за солью...

Женятся в одно время кыргызы, казахи и русский...

Встретились давние подруги...

Формальная стереотипность анекдота проявляется в том, что в интродукции, как правило, используются языковые средства, с помощью которых событие, излагаемое в анекдоте, представляется как актуальное.

Интродукция может быть и развернутой. Например, в зависимости от числа персонажей и их действий может варьироваться и событие, излагаемое в анекдоте. Иногда завязка сюжета преднамеренно затягивается, удлиняется с тем, чтобы усилить эффект последующей неожиданной развязки

Рыбачил как-то мужик в море, долго сидел, а клёва всё нет и нет. Наконец, поплавок дёрнулся и вытащил мужик Золотую рыбку. Обрадовался ужасно, отпустил рыбку в ведро с водой, а она и сказала: — Мужик, ты же в курсе, что во всём мире кризис? Поэтому я могу выполнить не три, а только одно твоё желание. Но самое заветное. Подумал мужик, подумал, в затылке почесал и ответил: — Самое заветное, говоришь?

Тогда слушай: хочу я, значит, отдохнуть на Гавайях, а летать на самолёте боюсь и на корабле плыть опасуюсь. Построй-ка ты мне, рыбка, дорожку надежную от самого моего дома да через океан, чтоб я сел на свою машину и с ветерком домчался! Удивилась Золотая рыбка такому ответу: — Ты чего, мужик? С ума сошёл? Ты хоть представляешь, сколько для этого материалов надо? А рабочих? А сколько свай в дно морское забить придётся? Э, нет, загадывай-ка ты другое желание. — Ну ладно... Есть у меня другое желание: хочу я логику женскую постичь в совершенстве! — Мда-а-а... — сказала рыбка, — Так от самого дома, говоришь, дорога-то тебе нужна?

В то же время развязка анекдота, независимо от продолжительности всего его текста, всегда, без исключений должна быть краткой, неожиданной, зачастую парадоксальной. Развязке обязательно предшествует пауза, которая «членит текст на две неравные части. Пауза эта означает перелом в развёртывании анекдота» [3, с. 18]. Такова стереотипность композиции анекдота как жанра: двучастность, актуальность, асимметрия интродукции и развязки, наличие структурно-смысловой паузы перед развязкой.

Следует отметить и то, что стереотипность формы и сюжетной композиции анекдота отражается в том, что анекдот это, по преимуществу, устный рассказ. Письменная запись анекдота не может передать важное для подавляющего большинства анекдотов наличие смысловых пауз, в том числе интонационное выделение развязки; ускорение или замедление темпа повествования; в ряде случаев произносительно-речевую характеристику персонажей анекдота. Без всего этого многие анекдоты утрачивают свой смеховой эффект.

Не менее актуальна смеховая культура и в условиях современного кыргызского общества, переживающего стадию социальной и культурной трансформации, результатом которой является размытость как официальных, так и неофициальных ценностей, а также связанная с этим дестабилизация человеческого существования. В такой ситуации у людей возникает необходимость обращаться к механизмам защиты от такой реальности. Игра, смеховое начало в культуре, карнавализация жизни позволяют человеку выбирать значимые для него ценности, свободно варьируя ими, «жонглируя», создавать свое собственное культурное пространство. Как отмечал М. М. Бахтин: «В эпохи великих переломов и переоценок, смены «правд» вся жизнь в известном смысле принимает карнавальный характер» [1, с. 154].

Обращение к проблеме героя анекдота, помимо всего прочего, возвращает нас к проблеме стереотипности формы и сюжетной композиции анекдота. Персонажи любого анекдота наделяются определенным набором клишированных качеств. Эти качества, как правило, гиперболизированы. То есть, другими словами, сам образ анекдотического персонажа мифологизирован. Здесь очень важно сказать о том, что за мифологизированными образами персонажей анекдотов в массовом сознании закреплены наиболее характерные образы, ментальные стереотипы и комические стандарты поведения этих персонажей, но такие, что, во-первых, адекватно воспринимаются исключительно в пределах русской или кыргызской речевой культуры, а, во-вторых, соответствуют той ценностно-смысловой направленности, которая актуализируется в современных социокультурных условиях. Содержательные тематические элементы русского и кыргызского анекдота составляют своеобразные «правила игры», способствуют быстрому узнаванию анекдотического персонажа, пониманию темы, включению слушателя (читателя) в жанровую ситуацию анекдота. Кстати говоря, опора на известные персонажи это признак и старого литературного анекдота, и фольклорной «бывальщины», а традиционные характеристики анекдотических персонажей (хитрость, жадность, глупость, наивность) вполне сопоставимы с признаками бытовой русской сказки, где тоже купец хитёр, поп жаден, мужик терпелив, супруга неверна. Это является дополнительным подтверждением тезиса о стереотипности сюжетной композиции анекдота, а также говорит о его взаимосвязи с другими формами смеховой культуры.

В заключение, следует отметить, что с помощью такой категории анализа как «жанр анекдота» мы пытались выделить круг проблем, которые осмысливаются в культуре в границах смехового сознания; выявить наиболее распространённые виды анекдотов и сделать выводы об актуализации той или иной проблематики в современном социокультурном контексте. Основным выводом, который мы сделали это вывод о стереотипности и формы, и сюжетной композиции, которые воспроизводятся в любых социокультурных условиях, хотя смысл анекдота может меняться вслед за актуализацией той или иной вида ценностно-смысловой направленности смеха.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Дополнения и изменения к «Рабле» / М. М. Бахтин // Вопросы философии. — Москва, 1992. — С. 154.
2. Каган, М. С. Анекдот как феномен культуры / М. С. Каган // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. — Санкт-Петербург, 2002. — С. 53—54.
3. Курганов, Е. У нас была и есть устная литература / Е. Курганов // Русский литературный анекдот конца XVIII начала XIX века. — Москва, 2003. — С. 18.
4. Петренко, М. С. Современный анекдот в текстовом, жанровом и дискурсивном аспектах : дис. ... канд. филол. наук / М. С. Петренко. — Таганрог, 2004. — 216 с.

5. Фефелова, Г. Г. Дискурс как единица лингвокультурологии / Г. Г. Фефелова // Современные тенденции развития науки и технологий. — Белгород, 2016. — № 6—5. — С. 83—86.

6. Шмелева, Е. Я. Русский анекдот: Текст и речевой жанр / Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев. — Москва, 2002. — 144 с.

С. Ф. Бут-Гусаим

Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Беларусь

svfbg@tut.by

ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОГО ИМЕНОСЛОВА В ЗЕРКАЛЕ АНТРОПОНИМИКОНА ПРОЗЫ ЯНКИ БРЫЛЯ И НИКОЛАЯ ПАШКЕВИЧА

В статье представлено лингвокультурологическое описание употребленных в произведениях белорусских писателей Янки Брыля и Николая Пашкевича антропонимов. Рассмотрена система личных имен собственных, основой которой является христианский именослов, освоенный национальным языком и говорами. Изучена прагматическая значимость фамилий и прозвищ, которые передают особенности восприятия и оценки белорусами моральных качеств, внешности, поведения индивида, отражают социальную структуру общества.

Ключевые слова: оним, антропоним, поэтоним, личное имя собственное, прозвище, патроним, фамилия.

But-Gusaim Svetlana Feodosievna, Brest State University named after A.S. Pushkin, Brest, Republic of Belarus

svfbg@tut.by

History of Belarusian naming words in the mirror of anthroponymicon of the literary works by Yanka Bryl and Nikolay Pashkevich

This article gives linguistic and cultural description of the anthroponyms used in the literary works by Belarusian writers Yanka Bryl and Nikolay Pashkevich. The author views the system of personal proper names, the basis for which is the Christian naming words, adopted by the national language and dialects. The author studies pragmatic value of surnames and names, which reflect the peculiarities of perception and assessment of moral qualities, appearance, behaviour of the individual, and also illustrate the social structure of the society.

Keywords: onim, anthroponym, poetonym (poetic name), personal proper name, nickname, patronym, surname.

Антропонимы, использованные в художественном тексте, позволяют проследить изменения в системе языка, определенные культурными и политическими событиями в обществе. Онимы участвуют в формировании смысловой многомерности содержательных универсалий произведения: человек — время — пространство. Единицы проприальной лексики являются значимым смысло- и стилообразующим компонентом информационного пространства текста. Цель представленной статьи — лингвокультурологическое описание использованных в прозе талантливых летописцев белорусской истории XX—XXI вв. Янки Брыля и Николая Пашкевича антропонимов. Материалом исследования послужили 172 формы собственных личных имен, 54 фамилии, 57 прозвищ, выбранных из произведений Янки Брыля и Николая Пашкевича.

Литературная ономастика в произведениях писателей-реалистов опирается на общенародный именослов. Герои произведений белорусских писателей — простые сельчане — являются носителями традиционных христианских календарных имён, пришедших в белорусский именослов из греческого (*Агаф'я (Гана), Дзмітрый (Мицё), Еўдакія (Оўдзя), Мінай (Мінё), Паліна (Поля), Трахім (Трохім), Яўгенія (Ёўга)*), латинского (*Клім, Матруна, Разалія (Рузя), Усціння (Юста), Цім*), древнееврейского (*Ева, Гаўрыло, Назар, Сара*) языков. Среди традиционных онимов выделяются проприальные лексемы славянского происхождения: *Браніслава (Броня) и Вацлаў (Вацік)*. Николай Пашкевич называет приведенные имена редкими. Брестский автор пишет: «Сёння частку рэдкаўжывальных імёнаў можна ўзнавіць толькі на падставе сямейных мянушак. Статус мянушкі набыло рэдкаўжывальнае асабовае імя *Каленік (Каліна)*. Зараз нямногія рубельцы ведаюць, што мянушка *Хіма* паходзіць ад жаночага імя *Яўхімія*» [3, 155].

Греческие, латинские, древнееврейские по происхождению имена, которые давали детям в церкви, были непонятны сельчанам и часто заменялись другими, созвучными словами, наполненными для простого человека смыслом. С таким случаем знакомит Янка Брыль читателя в повести «Рассвет, увиденный издалека»: «Калі дзяўчынку хрысцілі, кумы, вярнуўшыся з Мілтачоў, ушчэнт забыліся на марозе, якое імя даў дзяўчыны бацюшка. Таксама з кніжкі, на святцах. “Ну, — кажуць тыя кумы, — як гэта ў нас бывае зімою, калі добра падзьме? Замець? Кудаса? Завіруха? Мяцеліца? Усё не так. А потым і схамянуліся: *Зімавея*”. Вядома ж, дзеравенскія. Гэта ж яны так *Зіновію* панялі» [1, 15].

На страницах произведений белорусских писателей находим многочисленные диалектные формы онимов, которые передают региональный колорит: *Віліта, Ярына, Алісей, Ёсін, Юста, Захара* (Я. Брыль); *Зоня, Зыня, Зонька; Ладзё, Ладзік; Пэлё, Пэлік; Сцелё, Сцелько* (Н. Пашкевич).

На формирование системы белорусского национального именника повлияли две конфессиональные традиции — *православная* и *католическая*. На страницах произведений Янки Брыля отражены как византийско-греческие, так и римско-католические варианты имен. В повести «Нижние Байдуны» находим последовательное использование православных и католических форм имени одного персонажа, что является свидетельством изменений его социального статуса, напр.: *«Монька Рыгор Іванавіч. Цяпер ён ужо пан Гжэгаж. Плэхаўскі настаўнік, і гарадское скончыў, ды яшчэ і Нясвіжскую семінарыю. І цяпер яго паны перавучылі на Гжэгажа»* [2, 18].

Янка Брыль и Николай Пашкевич создали правдивые зарисовки жизни своих героев, опираясь на национальные традиции именования.

Прозвище — один из самых древних и интересных компонентов антропонимической лексики. В среде сельчан выделяются *коллективно-территориальные прозвища* — прозвания жителей конкретного населённого пункта. В воспоминаниях Николая Пашкевича приводится прозвище односельчан писателя и определяется его мотивация: *«Згадваючы сваю вандроўку на Столінычыне, Уладзімір Караткевіч піша: “Рэдкія там вёскі, але, як кажучь, меткія. У вёсцы Рубель 1800 двароў — “Гэта ж на Кітай” (мясцовы жарт)”. Сапраўды, падчас майго дзяцінства і юнацтва нярэдка нас, рубельцаў, жыхары суседніх вёсак называлі кітайцамі»* [3, 11].

Значительную часть неофициальных прозваний сельчан занимают *семейно-родовые (генеционимические) прозвища*. Это *патронимы*, основой для образования которых становятся имена предков по мужской линии: *«мянушка Пэтрыніныне ўтворана ад імя Пэтро, Косцючковыя — ад Костусь, Саўчыныя — ад Сава. Такіх мянушак у рубельскай гаворцы параўнальна нямнога. Звычайна імі абазначаны род, які належыць да былой шляхты»* [3, 186].

Оценочно-характеристическую функцию выполняют *индивидуальные прозвища*, в которых отражены представления сельчан о нормах поведения, образе жизни и др. В первую тематическую группу нами выделены прозвища-зарисовки внешности: *Гурбочка, Кучко, Куцы, Лысы, Мэляўка, Покорнаны, Трубач, Стройны, Сыты, Цыган, Шнур, Бэзрукі, Глухі, Зубэль, Клішун, Кульпач, Носар, Почка, Сіпак, Слепцоў* (Н. Пашкевич); *Кісяе малако, Лысы, Гуляйназа, Кульгач, Ляпножка, Дзюб, Лапа, Цукровы Бурак, Вінтоўка, Чэрдрэп* (Я. Брыль). На моральные качества персонажей указывают следующие прозвища: *Корпаец, Мазунец (подхалим), Рэўкач, Срой (о неуравновешенном человеке), Сонда (соня), Стойковэц, Шпаркі* (Н. Пашкевич); *Фамут, Ліска, Балазій, Дзеўка ў розуме, Смок, Грозны, Важнае ліцо* (Я. Брыль). На социальный, имущественный статус, национальность, профессию, положение в семье носителя прозвания или его предков указывают прозвища *Багатыроў, Босякоў, Дранец, Король, Покіданка, Прымачок, Касір, Коваль, Морак, Музыкант, Мэлэчко, Панамар, Партізан, Пісар, Поп, Прокурор, Сторожоў, Стрэлжц, Шкуратнік* (Н. Пашкевич); *Парабак, Жабрак, Воўчая смерць, Кароль вугроў, Залатая іголачка, Лётчык, Латышка*.

Являясь наиболее древним разрядом антропонимической лексики, прозвища продолжают свою жизнь в среде современных сельчан, давая им возможность ярко обрисовать наиболее броские черты внешности человека, описать и оценить его характер и речь, определить родственные отношения между людьми.

Фамилии — это наследуемые собственные имена, указывающие на принадлежность человека к определенной семье, роду. Как известно, антропонимическое пространство художественного произведения — это отражение антропонимикона определенного языка. В произведениях Николая Пашкевича и Янки Брыля можно выделить фамилии, образованные от христианских (календарных) имен при помощи суффиксов *-ович-, -евич-, -ич-* (*Пашкевіч, Яромліч, Клімовіч, Нупрэвіч, Цітовіч, Адамовіч, Хоміч*); *-ук-* (*Грыцук, Яцук*), *-енк-* (*Антоненка*), *-чык-* (*Мірончык, Янушчык*), *-ачк-* (*Юрачка*), *-ёнак-* (*Хамёнак, Клімёнак*), *-еў-* (*Сіланцеў*), *-эц-* (*Макарэц*). Фамилии второй группы возникли от прозвищ апеллятивного происхождения, образованных лексико-семантическим способом (*Камар, Жолуд*) или с помощью различных суффиксов (*Машилякевіч*). В основе этих фамилий лежат бывшие прозвания-характеристики лиц по семейному положению, характеру занятий, национальности (*Ляшкевіч, Дзядзюля, Турак, Ціеунок, Трацяк*). Выделяются фамилии, образованные от прозвищ — названий птиц, животных, растений, явлений природы (*Бурак, Машилякевіч, Камар, Журавель, Заяц, Капытка, Верабей*), от названий предметов быта, блюд, построек (*Смятана, Мякіш, Торба, Качарга, Паходня, Венік, Кужалевіч, Калодка, Халупка*).

Фамилии-позтонимы в произведениях современных писателей являются *социально характеристическими*. Исследователи позтонимов отмечают, что в белорусской классике доктябрьского периода выработались неписанные требования к подбору фамилий с формантами *-скі, -цкі*, а также двойных фамилий: ими оформляются антропонимы представителей высшего сословия, которые являются, как правило, отрицательными персонажами. Вспомним фамилии *Протосовицкий, Тюхай-Липский* у В. Дунина-Марцинкевича, *Быковский* у Я. Купалы. Упомянутую традицию продолжает и Я. Брыль. Предметом авторской насмешки в повести «Нижние Байдуны» является шляхетская фамилия *Бохан-Калоша*, в составе которой объединены слова, обозначающие в белорусском языке обычные, бытовые, прозаические вещи: *бохан* — *‘испечённый хлеб преимущественно круглой формы’* и *калоша* — *‘часть брюк которые надеваются на одну ногу’*. Носитель

такой социально «подвышенной» фамилии — обычный бедный крестьянин. Фамилия персонажа вызывает ассоциации с фразеологизмом *сесть в калошу* — ‘*потерпеть неудачу, оказаться в неловком, смешном положении*’. Эти ассоциации рождает описание героя и тех комических ситуаций, в которые он попадает: «*Не гаспадар быў дзядзька **Бохан-Калоша**. Не туды ў яго цяга была. Дарма, што прозвішча, як у шляхціца, дубальтовае, — двор іхні быў невялікі, з хаты ў гуменца крокаў мени за паўсотню, а ён, казалі, прыйшоўшы калісьці салдатам у водпуск, выходзіў з бацькам раненька малаціць і падпяразваў у хаце шаблю. У гумне распяразваў яе, ставіў у кут, а тады ўжо за цэп. Снедаць ішлі — зноў падпяразваўся. Дзе там шабля, а дзе «дзярыжабля» былі ў яго ў тых салдатах, не вельмі хто ў вёсцы разбіраўся. Хапала таго, што гэта было пацешна» [2, 111].*

Итак, фамилии в произведениях современных белорусских авторов не только идентифицируют персонажей, но и приобретают конкретное понятийное содержание, передают национальный и региональный колорит.

Исследовав лингвокультурологические свойства антропонимов прозы белорусских авторов, следует отметить, что имена героев рассмотренных нами произведений сохраняют информацию о культуре белорусского этноса XX—XXI веков.

Список литературы

1. *Брыль, Я.* Золак, убачаны здалёк / Я. Брыль. — Мінск, 2006.
2. *Брыль, Я.* Ніжнія Байдуны / Я. Брыль. — Мінск, 1977.
3. *Пашкевіч, М. І.* У родным слове адгукаецца душа / М. І. Пашкевіч. — Брэст, 2012.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ВЫСШЕЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

О. В. Гордеева, О. В. Сампоева

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия

АНТРОПОНИМЫ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

В статье рассмотрены антропонимы, функционирующие в школьных советских и российских учебниках коми-пермяцкого языка. Списки антропонимов из учебников разных лет отличаются по количеству и составу антропонимов. Общие частотные антропонимы в списках из учебников разных лет являются важным средством связи поколений.

Ключевые слова: антропоним, коми-пермяцкий язык, школьные учебники, частотность, связь поколений.

Gordeyeva Olga Vladimirovna, Sampoeva Olga Vyacheslavovna, Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Russia
Anthroponims in the school textbooks of the Komi-Permyak language

In the article the anthroponyms functioning in the school Soviet and Russian textbooks of the Komi-Permyak language are considered. Lists of anthroponyms from textbooks of different years differ in the number and composition of anthroponyms. Common frequency anthroponies in the lists from textbooks of different years are an important means of communication of generations.

Keywords: anthroponym, Komi-Permyak language, school textbooks, frequency, communication of generations.

Системные знания о мире человек начинает получать в школе. Огромную роль в этом процессе играют школьные учебники, в каждом из которых можно обнаружить имена собственные, связанные с конкретными научными знаниями (место научного открытия, имя исследователя и т. п.). К концу обучения у выпускников формируется базовый список различных имен собственных, соотносящийся с разными школьными предметами (*А. С. Пушкин, Михайловское* — русская литература, *Пифагор* — математика, *Д. И. Менделеев* — химия, *Берингов пролив* — география и т. п.). Со временем часть имен собственных может актуализироваться, использоваться в качестве прецедентного имени, другая часть может уйти из этого списка.

Опыт предыдущих поколений передается от человека к человеку, поэтому без антропонимов в этом процессе не обойтись. Чем чаще в учебниках повторяется тот или иной антропоним, тем больше вероятность того, что ученики запомнят и этот антропоним, и событие, с которым данный антропоним связан.

Данная работа входит в ряд исследований, посвященных изучению качественно-количественного состава антропонимов в различных школьных учебниках. Функционирование антропонимов в современных учебниках уже было рассмотрено на примере учебников литературы, истории, математики, некоторых региональных учебных пособий [1].

В Пермском крае компактно проживают коми-пермяки. Коми-Пермяцкий национальный округ был создан в 1925 г., до 1992 г. находился в составе Пермской области, с 1992 г. стал самостоятельным субъектом РФ, а 1 декабря 2005 г. объединился с Пермской областью, в результате чего появился Пермский край (в границах советской Пермской области). Все административные изменения отражаются в разных сторонах жизни жителей округа, где проживают коми-пермяки и русские.

Особенностью школьных учебников коми-пермяцкого языка является то, что они известны школьникам только определенной территории, т. е. будут не общероссийскими или всесоюзными, а региональными. Коми-пермяки, как и представители других национальностей в нашей стране, в школах учатся и по своим учебникам, и по общероссийским, поэтому общий список имен собственных, с которыми должен ознакомиться школьник в процессе обучения, у коми-пермяцкого выпускника школы будет больше, чем у выпускника русской школы.

Материалом для изучения стали списки антропонимов из школьных учебников коми-пермяцкого языка. Источником послужили советские учебники 4—8 классов, созданные в 70-е и переизданные в 80-е гг. XX в. (далее — советские учебники), учебник 7—9 классов, изданный в 1992 г. (далее — российский учебник XX в.), учебники 2—9 классов, вышедшие в 2006—2010 гг. (далее — современные учебники XXI в.). Полных комплектов учебников для каждого периода найти не удалось, но сопоставление списков антропонимов из учебников разных лет позволяет сделать некоторые выводы.

Антропонимы из учебников коми-пермяцкого языка можно разделить на две группы: 1) антропонимы, относящиеся к реальным людям, 2) антропонимы, относящиеся к вымышленным персонажам (герои художественных произведений, имена людей в учебных примерах и т. п.). Все антропонимы написаны на коми-

пермяцком языке (тексты созданы коми-пермяцкими писателями или являются переводами с русского языка). Тексты на русском языке встречаются в очень небольшом количестве (редкие упражнения с заданием: перевести русский текст на коми-пермяцкий язык).

Важную для каждого народа информацию несут антропонимы, относящиеся к реальным людям. По подсчетам О. В. Сампоевой, в советских учебниках XX в. было зафиксировано более 120 антропонимов, относящихся к реальным людям, с учетом повторов — около 820 раз, в современных российских XXI в. — около 170 наименований реальных людей с повторами употребляется более 1450 раз. Отметим, что качественно-количественный состав антропонимов менялся. Приведем примеры количества антропонимов в учебниках, в скобках указано количество словоупотреблений (с учетом повторяющихся антропонимов).

Советские учебники коми-пермяцкого языка:

4 кл. — около 50 антропонимов (190 словоупотреблений);

5—6 кл. — около 70 антропонимов (250);

7—8 кл. — около 55 антропонимов (более 380).

Российские учебники XX в.:

7—9 кл. (1992 г.) — около 80 антропонимов (около 600).

Современные российские учебники XXI в.:

2 кл. — около 30 антропонимов (более 95);

3 кл. — около 30 антропонимов (более 130);

4 кл. — более 55 антропонимов (более 160);

5—6 кл. — более 60 антропонимов (около 460);

7—9 кл. — более 100 антропонимов (более 600).

Цифры показывают, что больше всего антропонимов используется в учебнике для 4 класса (1 уч. год), общее количество словоупотреблений увеличивается в учебниках для старших классов. В российских учебниках антропонимов стало больше, увеличилось и количество словоупотреблений антропонимов по сравнению с советскими учебниками. Такая тенденция проявляется и в современных общероссийских школьных учебниках, например, в учебниках литературы, истории, математики.

В советских учебниках коми-пермяцкого языка функционировало более 120 антропонимов, относящихся к реальным людям. Отметим, что из этих 120 слов около 60 % зафиксированы всего по 1—2 раза (более 60 антропонимов по 1 разу, более 10 — по 2 раза), поэтому вероятность запоминания таких антропонимов будет низкой. В учебнике 1992 г. и в современных российских учебниках этот показатель уменьшается до 50—55 %. Некоторые антропонимы упоминались по 1 разу только в советских учебниках (советские писатели *В. Бианки, М. Исаковский, Е. Пермяк* и др.), другие антропонимы зафиксированы только в современных учебниках (проживающие в Пермском крае современные исследователи коми-пермяцкого языка и культуры *О. А. Гагарина, Г. Чагин* и др.).

Частотность употребления у отдельных антропонимов может меняться. Самыми частотными в школьных учебниках коми-пермяцкого языка являются антропонимы, относящиеся к известным коми-пермяцким писателям. В советских учебниках первая десятка самых частотных антропонимов по учебникам 4—8 классов представлена следующими именами (даны в порядке убывания частотности): *В. Баталов, И. Минин, В. Климов, М. Лихачёв, Н. Попов, С. Караваяев, С. Федосеев, И. Шадрин, М. Вавилин, Т. Фадеев*. В учебнике 7—8 класса 1992 г. десятка частотных антропонимов выглядит так: *И. Минин, В. Баталов, М. Лихачев, В. Климов, Т. Фадеев, С. Федосеев, М. Вавилин, А. Зубов, И. Шадрин, Г. Бачева*. Появление в списке 1992 г. А. Н. Зубова (1899—1937) связано с тем, что имя репрессированного писателя было возвращено в литературу. Г. М. Бачева (1952—2012) — коми-пермяцкая поэтесса, чье творчество не успело войти в советские учебники 70-х гг. XX в., которые переиздавались в 80-е гг. В списке самых частотных антропонимов из современных учебников повторяются многие фамилии: *В. Климов, В. Баталов, И. Минин, М. Лихачев, Т. Фадеев, М. Вавилин, Н. Попов, Л. Гуляева, С. Федосеев, В. Исаев*. Новые в этом списке имена: поэтесса и педагог Л. П. Гуляева, первый сборник стихов которой вышел в 1991 г., писатель и учитель В. Исаев.

Вторая десятка частотных антропонимов в советских и современных учебниках выглядит по-разному. В советских учебниках в этой десятке можно было встретить фамилии не коми-пермяков: *А. Гайдар, М. Горький, А. С. Пушкин, К. Паустовский, В. И. Ленин, В. И. Чапаев*. Эти антропонимы были в учебниках истории, литературы, по которым учились все школьники страны. В современных учебниках коми-пермяцкого языка вторая десятка представлена только фамилиями коми-пермяков. В этом списке есть исследователи коми-пермяцкого языка *Р. М. Баталова* и *А. С. Кривошекова-Гантман*.

В советских учебниках было много примеров о героях войны и мирного времени (общеизвестных и региональных): герои гражданской войны *В. И. Чапаев* и *Щорс*, герои Великой Отечественной войны *Саша Чекалин*, легендарный разведчик *Н. И. Кузнецов* (до войны работал в Коми-Пермяцком округе), коми-пермяки *Леонид Голев* и *Андрей Дмитриевич Топорков*, первый космонавт *Юрий Гагарин*, бортпроводница *Надежда Курченко*, герои соцтруда учитель *Т. П. Комарова*, *В. В. Четин* и др. В российских учебниках

больше внимания уделяется коми-пермяцким писателям и исследователям коми-пермяцкого языка: Р. С. Надьмова, Л. П. Ратегова, Б. А. Серебренников, Е. В. Ботева, А. С. Лобанова и др.

Антропонимы, относящиеся к реальным людям, представлены разными моделями: чаще всего встречается фамилия в сочетании с инициалами имени, имени и отчества (В. Васнецов, И. А. Крылов, М. П. Лихачёв и т. п.), функционирует полное официальное именование человека в разной последовательности (Федор Михайлович Решетников, Зубов Андрей Никифорович), используется сочетание имени и фамилии (Борис Полевой, Иван Федоров), может употребляться только имя и отчество (Надежда Константиновна), только фамилия (Кулибин, Шишкин, Левитан), в каждом учебнике есть 20—30 условных сокращений имен и фамилий писателей (В. К. — Василий Климов, С. К. — Степан Караваев). Вариативность именования реального человека связана с частотностью упоминания этого человека. Чем чаще используются примеры из биографии и текстов писателя, тем больше фиксируется вариантов его именования (в учебниках XX в. коми-пермяцкий писатель Михаил Дмитриевич Вавилин упоминается 46 раз, из них *Михаил Дмитриевич Вавилин* — 1 раз, *Михаил Вавилин* — 2 раза, *М. Д. Вавилин* — 1 раз, *М. Вавилин* — 15 раз, *М. В.* — 27). Количество словоупотреблений, как правило, больше всего у сокращений имен и фамилий коми-пермяцких писателей (И. М. — Иван Минин — 193, М. Л. — Михаил Лихачёв — 80). Сокращенные антропонимы — это информация, которая рассчитана на учителя больше, чем на школьника. Школьник лучше запомнит человека, если хотя бы фамилия будет представлена в полном виде, еще лучше, если в сочетании с именем, отчеством и фактами биографии.

Антропонимы, относящиеся к героям произведений коми-пермяцких писателей, как и современные антропонимы коми-пермяков, испытали сильное влияние русской антропонимии. В текстах упражнений чаще всего встречаются неполные имена: *Федя* и *Степа*, *Геня*, *Виталько*, *Пашко*, *Мирош*, *Тимок* да *Ванюша*. Это связано с тем, что примеры рассчитаны на школьников, героями произведений тоже чаще всего бывают дети. К исконным коми-пермяцким антропонимам можно отнести имя героя коми-пермяцкого фольклора — *Перабогатырь*.

У каждого поколения свой комплект школьных учебников, поэтому у представителей разных поколений формируются разные базовые списки имен собственных. В результате одно поколение не всегда может понять другое по той причине, что списки не совпадают. Так, например, даже очень ответственные современные школьники и студенты не знают некоторые антропонимы, которые были актуальными для советских школьников (фамилии советских писателей, особенно из республик СССР, фамилии пионеров-героев и др.). Те антропонимы, которые составляют общую часть списков разных лет, являются очень важным средством связи разных поколений, что важно для единства страны в целом.

Учитель на уроках своим рассказом и с помощью дополнительных заданий для детей может привлечь внимание к тем антропонимам, которые связаны с важной для страны или региона культурной информацией, но не всегда частотны в школьных учебниках.

Список литературы

1. Гордеева, О. В. Антропонимы в современных школьных учебниках и учебных пособиях (общероссийских и региональных) / О. В. Гордеева [и др.] // Современная регионалистика: традиционные подходы и новые направления : сб. ст. всерос. науч. конференции с междунар. участием, посвященной юбилею д-ра филол. н., проф. Н. Н. Парфеновой, 29—30 сент. 2016 г. — Тюмень, 2016. — С. 351—358.

Н. В. Кривошапова

*Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь,
Молдова, Приднестровье
krivoshapova@spsu.ru*

ПОЛИЛИНГВАЛЬНЫЙ АСПЕКТ В ОБУЧЕНИИ РОДНОМУ И НЕРОДНОМУ ЯЗЫКУ В МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЕ

В статье освещаются важные этапы реализации полилингвального аспекта при обучении родному языку и в условиях многоязычности региона. В качестве примера в статье затрагивается психологический подход в усвоении болгарского языка как родного и неродного в прямой связи с психическими процессами обучаемых через взаимосвязь языка и мышления.

Ключевые слова: полилингвальный, мультилингвальный, базилект, акролект, мезолект.

Krivoshapova N. V., Pridnestrovian State University «T. G. Shevchenko», Tiraspol, Moldova, Transnistria
krivoshapova@spsu.ru

Polylingual aspect in training native language in multilingual environment

The article highlights important stages in the implementation of the polylingual aspect in the teaching of the native language and in the conditions of the multilingualism of the region. As an example, the article touches on the psychological approach in mastering the Bulgarian language as a native and non-native in direct connection with the psychic processes of learners through the interrelation of language and thinking.

Keywords: polylingval, multilingual, baseline, acrolect, mesolelect.

Приднестровье — государство в Европе, малое по территории и населению, но в нем проживают представители 20 национальностей. Больше всего русских, украинцев, молдаван (они представлены приблизительно в равных долях — по 30 % населения), все они мирно соседствуют с болгарами, гагаузами и другими народами. [2; 24—32]

Проблемы обучения родному языку в регионе тесно связаны с вопросами формирования национального самосознания учащихся. Необходимость их решения не может не повлиять на характер сегодняшних уроков. Традиционная основа школьного курса — структурно-семантическое описание языка, которое требуется для овладения языковой нормой (по Ф. Ф. Фортунатову), дополняется сочетанием коммуникативного и культурологического аспекта познания языка [1].

Исходя из задач обучения учащихся родному языку, задач воспитания и развития в полилингвальной среде, опираясь на методологические основы — на теорию познания и на смежные науки — методическая наука выдвигает собственные принципы обучения родному языку, принципы, которые определяют основные направления учебной деятельности учителя и учащихся и выходят за рамки общедидактических принципов.

Назовем принципы обучения родному языку в мультилингвальной среде:

Принцип внимания и материи языка, к развитию органов речи, к правильному развитию речевых навыков.

Принцип понимания языковых значений, как лексических, так и грамматических, морфемных, синтаксических.

Принцип развития чувства языка.

Принцип оценки выразительности речи.

Принцип опережающего усвоения устной речи перед письменной

Те, кто изучают неродной язык, задаются вопросами о сущности механизма порождения речи на неродном языке, какие процессы происходят в человеческом мозгу при межязыковом взаимодействии. Естественно в человека могут быть ограничения в познании сущности процесса усвоения неродного языка.

Как общаться с людьми, не знающими наш язык? Эта проблема возникает при первой встрече с иностранцем или при выполнении перевода и становится стимулом к изучению другого языка. Различие языков в семантической форме поставило перед лингвистами задачу изучить способность человека к структурированию языкового материала в соответствии с новым миропониманием, которое несет с собой каждый новый язык. Особое внимание уделяется культурно-историческим, психологическим и социальным факторам.

С помощью языка человек создает средство общения, позволяющее ему использовать новые формы переработки информации, обозначать понятийные структуры и проводить мыслительные операции, обмениваться личным опытом общения с другими, сохранять и передавать социальный опыт.

Создание теории описания всего процесса усвоения языка — трудная задача. Человеческое сознание руководствуется системой понятий, представляющих знания людей о языковых единицах. Наблюдая речевое поведение людей, изучающих неродной язык, и детей, изучающих родной язык, мы можем проникнуть в тайну психологических механизмов, которые ими управляют.

Предмет нашего исследования — горящий человек (*homo loquens*), дети младшего школьного возраста разных национальностей, изучающие болгарский язык как родной и неродной в условиях мультикультурной среды.

При освоении болгарского языка как неродного в условиях четко организованного обучения и естественной языковой среды проявляется специфический процесс взаимодействия между родным языком (базилектом) и болгарским языком (акролектом) в языковом сознании детей различных национальностей. Это сближение между двумя языковыми системами приводит к резкому сокращению функциональной валентности редукиции на всех языковых уровнях болгарского языка и появившегося мезолекта.

Мезолект — это результат интеграции компонентов родного и неродного языка как основы языковых универсалий. Присутствие родного языка в механизме речевой деятельности неродного у детей разных национальностей — это неоспоримый факт, так как очень сильно влияние на этом этапе порождения речи смыслового программирования речи [4; 52].

При декодировании смысла структур неродного языка дети разных национальностей используют свои внутренние резервы, часто опираются на опыт и образные представления родного языка невербального характера. На следующем этапе обучения механизм интерпретации данных в памяти разнонациональных детей опирается уже на систему неродного языка. Выстраиваются ассоциативные связи между родным и изучаемым болгарским языком, отделяются новые понятийные узлы.

При декодировании смысла структур неродного языка дети разных национальностей используют свои внутренние резервы, часто опираются на опыт и образные представления родного языка невербального ха-

рактера. На следующем этапе обучения механизм интерпретации данных в памяти разнонациональных детей опирается уже на систему неродного языка. Выстраиваются ассоциативные связи между родным и изучаемым болгарским языком, отделяются новые понятийные узлы.

Овладение неродным языком — познавательный процесс, усваиваются не только новые поверхностные структуры выражения мыслей на неродном языке в контексте уже существующих понятий, но и в известной степени подробно усваиваются языковые явления нового языка

Сопоставительные исследования предлагают достаточное количество примеров несовпадения в объеме одного и того же понятия в двух языках, которые ведут к появлениям трудностей в усвоении слов, называющих соответственные понятия, особенно в речевой коммуникации, где контекст, ситуация общения и другие экстралингвистические факторы играют большую роль.

Основная задача нашего исследования — выполнить психолингвистический анализ процесса усвоения болгарского языка как неродного старшими дошкольниками разных национальностей и спланировать проведение экспериментальных исследований с целью раскрыть некоторые психолингвистические особенности усвоения языка.

Необходимость подобного исследования, как и его актуальность, определены тем фактом, что данные об усвоении языков могут быть взяты из языкового поведения учащихся разных национальностей, что поможет проникнуть в психологические структуры и процессы, находящиеся в основе порождения речи.

Необходимо отметить, что политические и социально-экономические преобразования в Приднестровье позволяют носителям национальных языков свободно изъясняться на родном языке, изучать другие официальные языки. Ценность Приднестровского полилингвизма осознается этническими группами русских, украинцев и молдаван и представителями других народов. Для малых народов овладеть несколькими языками — залог успеха в мультилингвальном обществе. Учащиеся в Приднестровье стремятся овладеть, как минимум, четырьмя языками: украинским, русским, молдавским и одним из европейских языков, чаще всего, английским.

В проведенном нами исследовании представлена проблема академического полилингвизма в условиях мультикультурной среды, понимаемой нами, вслед за Т. Паслар, как одновременное сожителство нескольких языковых систем и речевых навыков в сознании индивида [3; 113—116].

Мы проследили проявление межъязыковой интерференции как результата взаимодействия между несколькими языковыми системами. Чисто лингвистическая трактовка полилингвизма означает использование нескольких различных языков индивидом, при этом степень владения каждым языком различна.

Известно, что усвоение неродного языка — это не только освоение нового языкового кода, но и новой картины мира. Опора на родной язык не всегда требует навыка перевода похожих слов, но частое обращение к родному языку затрудняет глубокое усвоение нового языка.

Психологический подход усвоения языка как иностранного (в нашем случае болгарского) позволяет нам раскрыть некоторые особенности соотношения языка и мышления, основы систематизации единиц нового языка на начальном этапе, проследить влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на формирование языковых знаний. Интересующие нас вопросы рассматриваются в прямой связи с психическими процессами, протекающими в языковом сознании исследуемых лиц.

Все выводы и заключения в нашем исследовании строятся на основе наблюдений за речевой деятельностью учащихся разных национальностей. Способность к восприятию, осмыслению, продуцированию языковых знаний проявляется у человека перманентно, в процессе накопления им жизненного опыта.

Список литературы

1. *Журавлёв, В. К.* Московская фортунаговская школа / В. К. Журавлёв // Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва, 1990. — <http://tapemark.narod.ru/les/317a.html>
2. *Щукина, О. В.* Фонетическая и грамматическая интерференция при обучении русскому и иностранному языкам билингов в Приднестровье / О. В. Щукина, Н. В. Кривошапова, Е. Г. Луговская. — Тирасполь : Издательство Приднестровского университета, 2018. — С. 24—32.
3. *Паслар, Т.* Полилингвальный аспект в обучении по роден език в мултикултурна среда / Т. Паслар // Дунав — Днестър: Човек и общество. Годишник. Т. I. — Кишинев, 2007. — С. 113—116.
4. *Хъдсън, Р. Д.* Социоллингвистика / Р. Д. Хъдсън. — София, 1995. — С. 52.

КОМПРЕССИЯ КАК МЕТОД «СЖАТИЯ» ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ОБУЧЕНИЯ

Компрессия как тенденция в развитии и функционировании языка проявляется многообразно. Она активно действует на всех уровнях языковой системы — в фонетике, морфологии, синтаксисе, словообразовании и лексике, особенно продуктивна в разговорной речи. Компрессией управляют природные импульсы механизма языка, поэтому она мыслится нами как проявление естественной способности языка к самосовершенствованию.

Ключевые слова: Компрессия, сжатие, языковые единицы, языковая система, многообразие.

Zulpukarov K. Z., Seyitbekova SS, Osh State University

Zulpukarov.kapar@mail.ru

Compression as a method of «compression» of language units for training goals

Compression as a trend in the development and functioning of the language manifests itself in a variety of ways. It is active at all levels of the language system — in phonetics, morphology, syntax, word formation and vocabulary, especially productive in colloquial speech. Compression is controlled by the natural impulses of the mechanism of language, therefore it is conceived by us as a manifestation of the natural ability of the language to self-improvement.

Keywords: Compression, compression, language units, language system, diversity.

Компрессией (от лат. *compressio* — «сжатие») лингвисты обычно называют объективно действующую в языке тенденцию к сокращению протяженности языкового знака и увеличению его информационной нагрузки. Эта тенденция вызывается прежде всего необходимостью осуществления общения при меньшей затрате времени и интеллектуально-физических усилий участников общения. Она предполагает увеличение количества информации за одну единицу плана выражения.

В дидактолингвистике термин «компрессия» используется в другом значении, более важном для целей настоящей работы. Понятие компрессии введено в русскую педагогическую лингвистику Л. Н. Новиковым. По мнению этого ученого, компрессия позволяет получить «учебный язык», состоящий из «языковых блоков», «речевых заготовок» и иного «строительного материала» для написания учебников и учебных пособий. Этот учебный язык должен быть освобожден от малосущественных и второстепенных для целей обучения черт, представлять собой относительно законченную функционирующую систему и являться адекватным отражением структуры и «пропорции» всего языка в целом [1, 17].

Понятие компрессии позволяет интегрировать языковые единицы и категории и создать «сжатый» учебный язык, который может быть описан с помощью ограниченного числа лингвистических терминов и понятий. Такое учебное описание должно быть «максимально приближено... к теоретической модели соответствующего языка» [2, 7]. В этом плане интересно толкование П. В. Булыгиным и В. Г. Костомаровым термина «минимум», которые понимают его «как объем языковых средств, являющийся максимальным с точки зрения физических возможностей усвоения учащимися включенного в него лексико-грамматического материала в отводимое время и минимальным с точки зрения всей системы языка, т. е. не разрушающим ее функционального единства» [3, 37]. Принцип минимизации и компрессии языкового материала В. И. Кодухов считает одним из ведущих принципов интрасики — учения о русском языке как учебном предмете в иностранной аудитории [4, 10]. С этой точки зрения понятие компрессии и минимизации языка выступает как близкие дидактолингвистические категории, имеющие общий объект и общее содержание. Путем компрессии и минимизации можно создать базисную грамматику русского языка, отражающую ядро грамматической системы языка и обеспечивающую оптимальную интенсивность обучения языку.

Грамматический минимум русского языка для начального этапа обучения ориентируется прежде всего на ядро грамматического строя, противопоставляемое его периферии по координатам «системность — асистемность», «стандартность — нестандартность», «устойчивость — подвижность», «частотность — ограниченная употребительность», «регулярность — нерегулярность» и т. д. Минимум в грамматике — это ограниченный в свете конкретных целей и задач список общеупотребительных, часто повторяющихся и потому легко запоминающихся и легко вовлекаемых в коммуникацию грамматических единиц, категорий и структур в парасинтагматике; это весьма экономно построенный центр грамматической системы, становящийся стандартным в силу своей повторяемости, устойчивости и максимальной коммуникативной нагруженности. Языковые единицы, образующие грамматический минимум — ядро, относительно регулярны и характеризуются относительно динамичным равновесием и «покоем» на определенном синхронном срезе. «Стандартное ядро системы, — пишет Н. В. Черемисина, — принципиально устойчиво и, следовательно, относительно статично, периферия же системы... характеризуется существенным разнообразием: содержит либо уходящий стандарт...»

либо новации, которые еще не вошли в стандартное ядро» 4. Грамматический минимум для продвинутого этапа обучения, например, для средних и старших классов, включает в себя более разнообразный материал и стремится охватить все продуктивные категории и единицы русской грамматики. Но грамматика-минимум не может существовать автономно. Грамматический минимум должен быть соотнесен с лексико-фразеологическим, должен создаваться исходя из ситуативно-тематического и личностно-коммуникативного характера общения. При такой координации грамматики и лексики с темой и ситуацией общения сам учебный процесс задает темп, который напрягает речевую потребность учащихся и требует от них непосредственных реакций и коммуникативно-результативных усилий. В минимальные сроки вводится максимальный объем речевого материала. Перспективность такого подхода очевидна: чем интенсивнее обучение, тем больше языковой информации усваивают школьники, тем быстрее и эффективнее осуществляется их мыслительно-речевое развитие. Именно синтетический принцип может стать ключом к решению проблемы интенсификации обучения русскому языку в киргизской школе.

Синтезирующей, на наш взгляд, можно считать такую грамматику, которая служит «заместителем» ряда уровней грамматического анализа — частей речи, типов словосочетания, членов предложения и типов связи слов. Передача функций этих уровней «в распоряжение» одноуровнево-синтетической грамматики должна осуществляться не насильственно, не противоречиво грамматическим закономерностям языка, а путем последовательного нахождения и выявления соответствующих оснований, всестороннего раскрытия системно-функционального строя грамматики, путем познания ее природы и укрупнения составляющих ее единиц. Синтезирующая грамматика может быть объективно вычленена из корпуса многоуровневой аналитической грамматики. Она должна исчерпывающе полно и адекватно отражать сам объект — язык, не разрушая его естественные пропорции и функционально-структурную целостность. Поскольку «природа основных единиц языка (звука, слова, словосочетания и предложения) такова, что они структурно взаимосвязаны, взаимообусловлены» [5, 169], то лексика и фонетика могут быть вовлечены в ткань концентрической грамматики. Следовательно, усвоение такой грамматики в конечном счете должно привести к овладению строем языка в целом.

Синтезирующая грамматика снимает избыточные рубрики и соответствующую им терминологию, увеличивает количество учебно-речевой информации за единицу времени, способствует интеграции лексико-грамматического материала и, соответственно, повышению содержательности и эффективности учебной работы. Синтез лексико-грамматических единиц в целом приведет к компрессии языка. Создание и реализация такой «сжатой» грамматики позволяет сократить сроки обучения языку, получить большие результаты при меньших затратах.

Компрессия грамматики целесообразна и в другом отношении. Как известно, многоуровневая учебная грамматика не может быть исчерпывающе полной, поскольку каждый из ее уровней требовал бы полноты представления и учебно-аналитическая грамматика превратилась бы в грамматику-максимум, наподобие грамматики АН СССР 1960 г. Полнота представления грамматических фактов в учебной грамматике необходима потому, что неполная ориентировочная основа речевого действия оставляет пробелы в знании нерусскими учащимися языка, которые сами по себе не восполняются их языковым опытом. Речевое же действие, которое формируется на полной ориентировочной основе, характеризуется быстротой и безошибочностью процесса становления, большой устойчивостью и широтой переноса. Одноуровневое описание изучаемого языка, таким образом, целиком охватывает парасинтагматический строй русской грамматики и, покрывая его полностью, во всем объеме, предстает перед школьниками как всеобъемлющая система и предусматривает последовательную интенсивно-планомерную подачу грамматических фактов языка в крупных системно-функциональных объединениях.

Есть у одноуровневой грамматики еще одно преимущество. Она хорошо согласуется с активно-коммуникативным подходом и ситуативно-тематическим представлением учебно-речевого материала. Коммуникативность обучения, принятая в массовой школьной практике, зачастую порождает разрозненность и дробность, мешающие увидеть упорядоченную и обобщенную систему языка. Такая особенность распространенного варианта коммуникативного обучения смущает учителей и иногда вносит в их работу известную неупорядоченность. Стремление обеспечить все уровни анализа ситуативно-тематическими упражнениями привело бы к построению коммуникативного макрокурса русского языка. А системно-концентрическое описание, ограничивая как раз возможность превращения учебной грамматики в такой макрокурс, интегрирует темы и ситуации общения, соответствующие упражнения, группирует их в типы и классы. Потому и оно может стать стержнем и организующим звеном активно-коммуникативной методики.

Список литературы

1. Новиков, Л. А. Основные принципы описания русского языка в учебных целях / Л. А. Новиков // Рус. яз. в нац. шк. — 1970. — № 5. — С. 17.
2. Булыгин, П. В. Активизация преподавания русского языка иностранцам / П. В. Булыгин, В. Г. Костомаров // Из опыта преподавания русского языка иностранцам. — Москва, 1963. — С. 7.
3. Кодухов, В. И. Русский язык как иностранный / В. И. Кодухов. — Ленинград, 1988. — С. 37.

4. Черемисина, Н. В. Принцип экономии в лингвистике и в русской лингводидактике / Н. В. Черемисина // Теория и практика лингвистического описания русского языка в учебных целях. — Москва, 1982. — С. 10.

5. Текучев, А. А. Методика русского языка в средней школе / А. А. Текучев. 3-е изд., перераб. — Москва, 1980. — С. 169.

Д. А. Асанова, В. К. Сабирова
ОшГУ, Кыргызская Республика
sabirova_venera@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ПРЕПОДАВАНИЕ КУРСА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Авторы статьи пытаются рассмотреть вопросы, касающиеся профессионально-ориентированного преподавания учебных дисциплин по современному русскому языку применительно к сфере педагогической деятельности.

Ключевые слова: педагог, преподавание, современный русский язык, ориентация на профессию.

Asanova D. A., Sabirova V. K., Osh State University, Kyrgyz Republic
sabirova_venera@mail.ru

Professionally-oriented teaching course of modern russian language in pedagogical university

The authors of the article try to consider issues related to the professionally-oriented teaching of educational disciplines in the modern Russian language in relation to the field of pedagogical activity.

Keywords: teacher, teaching, modern Russian language, orientation to the profession.

Профессия учителя, педагога, как и профессия врача, — одна из древнейших. В ней аккумулирован тысячелетний опыт преемственности поколений. По сути, педагог — это связующее звено между поколениями, носитель общественно-исторического опыта. Общественно-культурная целостность народа, цивилизации в целом, преемственность поколений во многом обусловлены ролью Школы — Учителя. В меняющемся мире профессий, общее количество которых насчитывают несколько десятков тысяч, профессия Учителя (Педагога) остается неизменной, хотя ее содержание, условия труда, количественный и качественный состав меняются [3, 132—133].

Один из ведущих исследователей проблем психологии высшего образования А. А. Вербицкий в числе первых тенденций в образовании выделил осознание каждого уровня образования как органической составной части системы непрерывного народного образования. Эта тенденция предполагает решение проблемы преемственности не только между школой и вузом, но и, учитывая задачу повышения профессиональной подготовки студентов, — между вузом и будущей производственной деятельностью студентов [2, 14]. Специфика учебно-воспитательного процесса в педагогическом вузе заключается в том, что в нем не только обучают и воспитывают студентов, но и готовят их к тому, чтобы они в свою очередь учили и воспитывали детей, т. е. учат обучать и воспитывать [4, 92—95].

Каждый, кто выбирает профессию педагога, берет на себя ответственность за тех, кого он будет учить и воспитывать, вместе с тем отвечая за самого себя, свою профессиональную подготовку, свое право быть Педагогом, Учителем, Воспитателем. Во время обучения в вузе формируется прочная основа трудовой, профессиональной деятельности. «Усвоенные в обучении знания, умения, навыки выступают уже не в качестве предмета учебной деятельности, а в качестве средства деятельности профессиональной» [2, 14]. Для полного эффективного осуществления профессионализации (педагогизации) в педагогическом вузе необходима реализация межпредметных связей между специальными дисциплинами и методикой преподавания школьного предмета. И это в полной мере относится к современному русскому языку как учебной дисциплине.

В нашей действительности до сих пор, к сожалению, многие преподаватели современного русского языка относятся к методике с некоторым высокомерием и смотрят на неё как на предмет, не заслуживающий внимания, читая себя «чистыми» лингвистами. Хотелось бы напомнить, что выдающиеся русские лингвисты прошлого и настоящего, исследуя и разрабатывая проблемы языка, вместе с тем с глубоким интересом относились к актуальным вопросам методики и внесли большой вклад в их решение. Так, Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, Ф. Ф. Фортунатов, Л. В. Щерба, А. А. Пешковский, С. И. Абакумов, А. Б. Шапиро, А. Н. Гвоздев и другие были не только крупными лингвистами, но и выдающимися представителями методической науки, сделавшими очень многое для улучшения преподавания русского языка в школе.

Несомненно, преподаватель современного русского языка не может стоять в стороне от методической науки. Он должен быть хорошо осведомлен об основных задачах и целевых установках преподавания русского языка в школе, должен знать содержание и структуру школьного курса русского языка, его лингвистическую базу и своеобразие лингвистических трактовок в школьном курсе в сравнении с соответствующими

трактовками вузовского курса. Хорошо зная эти вопросы и имея определенный опыт преподавания русского языка в школе, вузовский преподаватель получает более широкий кругозор и большую свободу ориентировки в построении курса, в расстановке всех лингвистических и методических акцентов, в отборе материала, в объяснении дискуссионных вопросов, в средствах актуализации наиболее значимых тем и т. д.

Принцип единства лингвистического образования и методической ориентации студентов в процессе преподавания современного русского языка может быть реализован в конкретных формах работы.

Так, в рамках лекционного курса обращение к школьной грамматике, к методическим интерпретациям той или иной темы должно быть не эпизодическим, а регулярным, так, чтобы начиная с первого курса, студенты знали, что каждая лекция будет включать в себя методический комментарий, и ждали его. Это комментарий, занимающий не более 10 минут, может включать в себя не только информацию о том, как изучаемая тема дается в школьном учебнике (т. е. информацию сопоставительного характера), но и мотивы методических решений, конкретные методические рекомендации с учетом трудных мест темы и типичных ошибок школьников. Учитывая литературу вопроса, лектор называет и соответствующие параграфы школьных учебников, а в нужных случаях и методических пособий для учителя. Систематическое проведение такой работы, как свидетельствует опыт [5, 99], приносит положительные результаты: студенты не только учатся мыслить методически, но и самый курс научной грамматики усваивают более осознанно. Педагогическая направленность, таким образом, способствует воспитанию интереса к предмету.

На практических и лабораторных занятиях сведения о школьной грамматике, которые студенты получили на лекциях, закрепляются. Однако этим отнюдь не ограничивается роль этих форм обучения в профессионализации учебно-воспитательного процесса. Необходимо, кроме того, обстоятельнейшее знакомство с дидактическим материалом всех школьных учебников, со школьными словарями (толковым, антонимов, словообразовательным, фразеологическим), а также со специальной литературой для учителя (конечно, в разумных пределах) и учебников (комплекты таблиц, раздаточный материал и др.). Весьма полезно и выполнение упражнений из школьных учебников, и работа над изложениями с различными дополнительными заданиями и над сочинениями различных видов и жанров. Такой подход к содержанию практических занятий позволяет, не снижая требований к собственно теоретической подготовке студентов (школьные учебники дают и в этом отношении очень богатый материал), активно формировать необходимым будущим учителям навыки и профессиональные умения и вместе с тем разнообразить работу, делать ее более целенаправленной и интересной.

Содержанием лабораторных занятий по современному русскому языку должны быть трудные для усвоения вопросы, лингвистическая сущность которых не лежит на поверхности, формой — экспериментальное применение различных методов и приемов исследования (описательного, сопоставительного, статистического и др.) для анализа сложного материала и письменного обобщения полученных результатов [6, 93].

На лабораторных занятиях преподаватель также должен акцентировать внимание на профессионально-педагогической подготовке студентов. Этот важный аспект работы надо иметь в виду при определении тематики лабораторных занятий, составлении вопросов и заданий к ним, при подборе материала для анализа языковых фактов. Исходя из того, что своеобразие лабораторных занятий, по сравнению с практическими, заключается в интенсификации самостоятельной работы студентов и, соответственно, в больших возможностях индивидуальной работы с ними преподавателя, именно здесь целесообразно организовать анализ различных сторон школьных учебников и словарей. Например, весьма полезны такие виды работ, как анализ лексики учебников, ее тематического состава, частотности, повторяемости, состава и повторяемости орфограмм и пунктограмм определенных морфологических форм, словообразовательных моделей и синтаксических конструкций; анализ дидактического материала учебников: типы упражнений, их повторяемость, функциональная и стилистическая характеристика; анализ теоретических частей учебников и т. д. Особенно полезными представляются работы, в основе которых лежит сопоставительный анализ тех или иных параграфов школьных учебников и соответствующих параграфов вузовских учебных пособий; строения словарных статей в различных филологических словарях и в школьных словарях того же типа и др. Большую пользу может принести работа со специально подготовленным материалом (сочинения, изложения школьников, диктанты) над орфографическими и пунктуационными ошибками; по устранению композиционно-стилистических и содержательных недостатков ученических работ (это могут быть и студенческие работы). Все это позволит повторить, закрепить и углубить сведения по очередной теме и в то же время прямо подготовить студентов к их будущей деятельности.

В отличие от лабораторных занятий на практических занятиях студенты не столько анализируют факты языка, в том числе и школьных учебников, словарей, ученических работ, сколько сами работают в указанных направлениях, т. е. выполняют упражнения, в том числе и из школьных учебников, пишут изложения и сочинения, занимаются разбором, реферированием, конспектированием, в том числе и научно-методической работой.

В результате правильной организации практических и лабораторных занятий достигается следующее:

- а) расширяется и углубляется теоретическая подготовка студентов;
- б) воспитывается научный подход к проблемным вопросам языка;

в) формируются навыки исследовательского, углубленного анализа языковых явлений с использованием различных научно-исследовательских методов;

г) происходит активная подготовка студентов к будущей работе в школе.

Такие формы занятий, как спецкурсы, спецсеминары, курсовые и дипломные работы, также могут планироваться с учетом педагогизации процесса обучения. Большое значение в этом плане имеет сама тематика этих занятий. Темы спецкурсов и спецсеминаров должны быть достаточно широкими и актуальными для преподавания русского языка в школе.

Языковой материал, привлекаемый для написания семинарских докладов, курсовых и дипломных работ, также представляет большие возможности в смысле профессионализации. Во-первых, это должен быть материал для непосредственного наблюдения над различными сторонами языка, во-вторых, желательно, чтобы этот материал был так или иначе связан с практикой школьного преподавания. Это может быть язык художественного произведения, изучаемого в школе, или нескольких произведений одного или двух писателей; язык школьных учебников научно-популярных книг для школьников; материал различных филологических словарей (возможно, в сопоставлении со школьными); детская речь и др.

Таким образом, охарактеризованные выше наиболее чувствительные «точки» соприкосновения и «выходы» современного русского языка как лингвистической дисциплины в методiku и практику школьного преподавания представляются весьма реальными и должны рассматриваться как недостаточно используемые резервы дальнейшего совершенствования профессиональной подготовки учителей русского языка.

Список литературы

1. *Асатурова, С. А.* Как обучать студентов работе над орфографическими ошибками / С. А. Асатурова // РЯШ. — 1991. — № 3.
2. *Вербицкий, А. А.* Активное обучение в высшей школе: контекстный подход / А. А. Вербицкий. — Москва, 1991.
3. *Зимняя, И. А.* Педагогическая психология : учебник для вузов / И. А. Зимняя. — Москва, 2005. — С. 132—133.
4. *Дудников, А. В.* Современный русский язык и методика преподавания русского языка в аспекте межпредметных связей / А. В. Дудников // РЯШ. — 1987. — № 3.
5. *Максимов, Л. Ю.* Профессионализация преподавания русского языка в педагогическом институте / Л. Ю. Максимов // РЯШ. — 1982. — № 4.
6. *Шутова, В. П.* Место и назначение лабораторных занятий в системе подготовки студентов по современному русскому языку / В. П. Шутова, Ю. А. Фигаровская, А. В. Немешайлова // РЯШ. — 1982. — № 6.

Т. Т. Дыйканбаева, Г. С. Байтикова

ОшГУ

Dyikanbaeva.totukan@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

В структуре учебной деятельности особое место занимает самостоятельная работа студентов (СРС). Не зря в настоящее время уделяют большое внимание на СРС.

Ключевые слова: самостоятельная работа, развитие умений и навыков студентов, английский язык.

Dyikanbaeva T. T., Baitikova G. S., Osh State University

Dyikanbaeva.totukan@mail.ru

Peculiarities of independent work of students at english language lessons

In the structure of educational activity a special place is occupied by the independent work of students (CDS). It's not for nothing that they are currently paying much attention to the CDS.

Keywords: independent work, development of students' abilities and skills, English.

Одной из актуальных задач наших преподавателей является совершенствование и внедрение в учебный процесс различных форм и методов развития СРС, так как одним из основных факторов становления личности будущего учителя является самообразование и самовоспитание.

Преподаватели нашей кафедры проводят определенную работу в этом направлении, например: вместе со своими преподавателями наши студенты участвуют в подготовке и проведении различных конференций,

конкурсов, вечеров английского языка оформляют стенды, принимают участия в подготовке мероприятий посвященных юбилеям и знаменательным датам.

Наши студенты мало подготовлены к восприятию самостоятельной работы по ее осмыслению. Большинство наших студентов нуждаются в помощи и в становлении навыков самоорганизации и самоконтроля в новых условиях обучения в развитии учебной и профессиональной мотивации.

Ведущие специалисты отмечают, что через СРС закладываются основы фундаментальных знаний студентов, формируются учебные и профессиональные навыки, воспитываются личностные качества будущих учителей. В связи с этим они пишут, что учебный материал для СРС должен способствовать формированию порядочного человека, внимательного к окружающим, умеющего видеть красоту природы, любящего свою страну и готового дружить со всем миром. В материале СРС акцент должен быть направлен на использование в качестве дидактического материала английских стихов, песен, скороговорок, пословиц — фольклорных, классических и современных. Этот аутентичный материал не только позволяет работать над произношением и обогащать лексический запас студентов, но и дает возможность осуществлять эстетическое воспитание. Таким образом, студенты делают первые шаги в богатейший мир английской культуры.

Мы не должны забывать и о том, что лингвострановедческий материал ценный в познавательном отношении, требует от студента умственных усилий при сопоставлении грамматической и лексической систем английского и кыргызского языков, развивает языковую догадку.

Главное в самостоятельной работе научить студента мыслить оригинально, и на основе полученных знаний находить правильные решения. Студент, умеющий самостоятельно мыслить, и работать всегда сможет овладеть определенной суммой знаний и успешно применить их на практике. Кроме того, СРС должен носить системный и целенаправленный характер. Думается, что методическое руководство поможет нашим студентам усовершенствовать орфографические, лексические и грамматические нормы английского языка в пределах программных требований и правильно использовать их во всех видах речевой деятельности, устной речи, аудирования, чтения и письма на пройденном языковом материале.

Наши преподаватели ведут следующие виды СРС:

1. СРС по отдельным темам и занятиям.
2. СРС по интересам.
3. СРС по ликвидации пробелов в занятиях.
4. СРС по подготовке и сдаче модульных заданий текущих зачетов и экзаменов.
5. Подготовка контрольных работ.
6. Подготовка рефератов.
7. Подготовка докладов.

Результаты проводимых работ приводят нас к выводу шире использовать виды самостоятельной работы. Мы знаем, что хорошо организованная самостоятельная работа способствует лучшему усвоению материала, помогает закрепить, расширить и углубить знания и навыки, которые студенты приобрели на занятиях.

Как известно, различные формы самостоятельной работы благоприятно влияют на прочность знаний студентов, вызывают повышенный интерес к изучению английского языка. Кроме того, материал для самостоятельной работы должен иметь определенную профессиональную направленность.

Перед нами стоит задача оживить самостоятельную работу, путем обновления системы СРС учитывая ее формы, цели, добавляя учебную информацию со средствами педагогической коммуникации продумывая и собственную роль в этом процессе.

В соответствии с рабочей программой и учебным планом предлагаем составить методическое руководство, которое содержит определенное количество скороговорок, пословиц и поговорок и список часто употребляемых неправильных глаголов, песен, а также отрывки из книги «Little Tom», и короткие сценарии. Программа направлена на краткую коррекцию произносительных и грамматических умений и навыков.

Руководство по СРС рассчитано на четыре семестра: 152 часа на весь курс обучения, по 38 часов на каждый семестр. Вопросы изучаемых тем объединены тематически и расположены от более легких к более трудным в соответствии с рабочей программой.

Целью данного руководства является формирование у студентов навыков чтения, изучения грамматики, фонетики, и лексики английского языка, расширение словарного запаса, и вызов интереса к изучению английского языка.

Как нам известно, образовательная программа является одним из важнейших инструментов эффективного осуществления учебного процесса. В связи с этим предлагаем экспериментальную программу по самостоятельной работе студентов на занятиях по английскому языку. Предлагаемая программа составлена с учетом потребности сегодняшнего дня в сфере образования: введение инновационных методов обучения и развитие творческих способностей студентов в области культуры, истории других народов, так как иностранный язык — это ворота в мир. Знание английского языка — это своеобразный мост через границы.

При составлении данного методического руководства мы соблюдаем следующие методические принципы:

1. Разнообразно подать материалы по определенному нарастанию трудностей.

2. Регулярно работать над произношением.
3. Прорабатывать особо сложные темы.
4. Разнообразить коммуникативную практику и т. п.

Мы думаем, что в итоге систематической самостоятельной работы студенты смогут правильно и корректно выражать свои мысли на английском языке, используя пословиц и поговорок. Студенты будут иметь возможность поддерживать разговор, вести дискуссию, выразить свое мнение, и давать советы.

Комплексное преподавание иностранного языка направлено на выполнение одной конкретной задачи — овладение навыками устной речи на основе развития необходимых автоматизированных речевых навыков.

Конечно материалов очень много, но мы взяли то, что необходимо, в соответствии с учебной программой. Думаем, что данное руководство будет дополняться различными учебными материалами. Предлагаем следующие материалы разделенные на семестры:

1. Little Tom (Part I).
2. Proverbs.
3. Tongue Twisters.
4. Riddles.
5. Poems for learners.
6. Plays.
7. Tests for self control.

Список литературы

1. Дыйканбаева, Т. Т. «English» пособие по английскому языку / Т. Г. Дыйканбаева, Ч. М. Мамытова. — Ош, 1999.
2. Качалова, К. Н. Практическая грамматика английского языка / К. Н. Качалова. — Москва, 1995.
3. Дыйканбаева, Т. Т. Исторические материалы об эпосе Манас / Т. Г. Дыйканбаева, Г. С. Байтикова. — Ош, 2004.
4. Книга для чтения «Little Tom».
5. Осмонов, А. «Waves of the Lake» (translated by «Yolter May») / А. Осмонов. — Бишкек, 1996.
6. Aitmatov, Ch. «Jamilya» (отрывки из произведений) / Ch. Aitmatov. Любое издание.
7. Методическое руководство по СРС (песни, скороговорки, пьесы, инсценировки). — Москва, 1990.

С. А. Алимбаева, Н. Т. Усенова
ОшГУ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

В статье рассматриваются интерактивные методы обучения английскому языку. Под методами интерактивного обучения понимается совокупность педагогических действий и приемов, направленных на организацию учебного процесса и создающего условия.

Ключевые слова: интерактивный метод, языковая политика, социокультурный компонент, речевая коммуникация, вербальная и невербальная поведения, принцип коммуникативность.

The article deals with the interactive methods of teaching English language. By means of interactive learning understood as a set of pedagogical activities to organize educational process and creating conditions.

Keywords: Interactive method, language policy, sociocultural component, speech communication, verbal and nonverbal behavior, communicative principle.

Выбор темы для написания данной статьи определяется прежде всего ее актуальностью. Изменения, произошедшие в последние годы в экономической и культурной жизни как внутри страны, так и в области международных отношений, существенно расширили функции иностранного языка. Включение Кыргызстана в мировой рынок, расширение сотрудничества с зарубежными странами, интернационализация научного общения значительно увеличили возможность контактов для различных социальных и возрастных групп. Появились реальные условия для получения образования и работы за рубежом, для продвижения кыргызских товаров и услуг на мировой рынок, для обмена студентами и школьниками, специалистами. Вследствие этого наблюдается тенденция к возрастающей роли иностранного языка во всех сферах жизнедеятельности человека в современном обществе, которая диктует новый подход к обучению иностранным языкам. Суть данного подхода заключается не только в пересмотре методики преподавания отдельных аспектов языковой системы, но

и в формировании нового взгляда на место зарубежной культуры в учебном процессе. Опираясь на многолетний опыт кыргызских и зарубежных методистов, можно с уверенностью сказать, что обучение иностранному языку на основе ознакомления учащихся с культурой другой страны является одним из базовых принципов обучения этому предмету. Приобщение к культуре другого народа не только делает изучение иностранного языка более привлекательным для учащихся, но и способствует полноценной коммуникации, более точному и адекватному пониманию носителей данной культуры.

Это означает, что сегодня требуется выработка такой языковой политики в области иноязычного образования, которая была бы нацелена на удовлетворение и общественных, и личных потребностей человека. А это, в свою очередь, предполагает поиск инновационных технологий обучения иностранному языку, способствующих формированию у учащихся социально-культурной компетенции.

Проблема содержания обучения иностранным языкам была и остается одной из самых важных проблем методики. Это естественно, ибо социальный заказ современного общества в этой области выдвигает задачу сформировать такую личность, которая была бы способна адаптироваться в быстроразвивающихся условиях жизни.

Цель обучения, как известно, определяет его содержание. Поэтому основной задачей учителей является обновление содержания образования, которое должно обязательно включать социокультурный компонент. В государственном стандарте уровня обученности по иностранным языкам отмечается, что формирование коммуникативной компетенции неразрывно связано и с социокультурными, и страноведческими знаниями, иными словами, как бы с «вторичной социализацией». Без знания социокультурного фона нельзя сформировать коммуникативную компетенцию даже в ограниченных пределах. Только культура в различных ее проявлениях содействует формированию личности человека (Е. И. Пассов) овладения иностранным языком в учебном, познавательном, развивающем и воспитательном аспектах. При этом обучение иноязычной культуре используется не только как средство межличностного общения, но и как средство обогащения духовного мира личности на основе приобретения знаний о культуре страны изучаемого языка (история, литература, музыка и так далее), знаний о строе языка, его системе, характере, особенностях и так далее.

Актуальность данной темы обусловлена противоречиями между: объемом иноязычных знаний учащихся, уровнем владения ими социокультурной компетенцией и недостаточным умением активно использовать их в социальной и межкультурной коммуникации; имеющимися научно-педагогическими наработками по формированию социокультурной компетенции и сложностью реализации этой задачи в общеобразовательной школе; требованиями педагогической практики и недостаточной разработанностью технологии формирования социокультурной компетенции учащихся. Необходимость разрешения существующих противоречий послужило основанием для выбора темы «Формирование социокультурной компетенции учащихся на уроках английского языка в общеобразовательной школе». Жить в культуре и ничего о ней не знать сегодня является опасным и разрушительным для общества и культуры. Вследствие этого необходима значительная степень культурологизации образования, то есть внесение элементов культурологического знания во все уровни обучения и воспитания. В современной Конституции Кыргызской Республики говорится о том, что содержание образования должно обеспечивать: адекватный мировому уровень общей и профессиональной культуры общества; формирование у обучающихся адекватной современному уровню знаний и уровню образовательной программы картины мира; интеграцию личности в национальную и мировую культуру. Необходимо обеспечить освоение культурного наследия молодым поколением как существенную сторону воспроизводства кыргызской нации. Нужно дать молодежи возможность обрести современный комплекс систематических знаний и представлений, умений и навыков, традиций и ценностных ориентаций, личностное самосознание и идентичность, что может быть названо системой культурной компетентности учащегося.

Предмет «иностранное языки» занимает особое место. Он не только знакомит с культурой стран изучаемого языка, но путем сравнения оттеняет особенности своей национальной культуры, знакомит с общечеловеческими ценностями. Иными словами, содействует воспитанию школьников в контексте «диалога культур». Привлечение материалов культуры резко повышает мотивацию учения, что чрезвычайно важно, так как изучение без мотивации неэффективно и познавательных интересов. Приобщение к материалам культуры содействует пробуждению познавательной мотивации, т. е. школьники не только осваивают программный материал, но и знакомятся с неизвестными фактами культуры, что, несомненно, вызывает их интерес. Поэтому процесс обучения с учетом интересов школьников становится особенно эффективным.

Привлечение культуроведческих компонентов при обучении иностранным языкам абсолютно необходимо для достижения основной практической цели — формирование способности к общению на изучаемом языке. Особое познание мира той или иной человеческой общностью, обычаи, нашедшие отражение в культуре, передаются в языки и могут стать препятствием при общении представителями разных народов.

Социокультурный компонент обучения иностранным языкам, на базе которого формируются знания о реалиях, нравах, обычаях, традициях страны изучаемого языка; знания и навыки коммуникативного поведения в актах речевой коммуникации; навыки и умения вербального и невербального поведения, входит в содержание национальной культуры. Социокультурный компонент содержания обучения иностранным языкам

имеет огромный потенциал в плане включения учащихся в диалог культур, знакомства с достижениями национальной культуры в развитии общечеловеческой культуры.

Как известно отсутствие непосредственного контакта с носителем иностранного языка в условиях изучения страны изучаемого языка усиливает общеобразовательную значимость иностранного языка и, следовательно, более последовательную опору на социокультурный компонент обучения иностранным языкам. Достаточно полно социокультурный компонент реализован в подходе З. Н. Никитенко и О. М. Осияновой, где представлены все составляющие этого компонента:

— языковые знания, включающие безэквивалентную и фоновую лексику, а также знания национальной культуры (национальные реалии и этикет);

— навыки и умения речевого и неречевого поведения.

Безэквивалентная и фоновая лексика требует особого внимания учителя. Безэквивалентные слова в строгом смысле непередаваемы, и их значение раскрывается путем толкования. В качестве примера могут служить названия праздников, транспорта, символов: (Hallowe'en — Хэллоуин, Beefeater — стражники Лондонского Тауэра). Фоновая лексика содержит в себе слова, значения которых невозможно описать без определенной привязки к лексическим единицам. Эти слова, безусловно, присутствуют в сознании носителей языка и культуры, ассоциируясь с чем-то особенно примечательным и часто описываются через какое-то другое понятие. Например, Bristol (Бристоль) — город и порт, большой мост через залив.

Фоновой лексике соответствуют и реалии — названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и тому подобное. Овладение иностранным языком неразрывно связано с овладением национальной культурой, которая предполагает не только усвоение культурологических знаний (фактов культуры), но и формирование способности и готовности понимать ментальность носителей изучаемого языка, а также особенности коммуникативного поведения народа этой страны.

Такие фразеологические обороты, как идиомы, на протяжении веков сохраняют в себе глубинные пласты англо-саксонской культуры. Идиомы отражают не только мудрость народа, но и его отношение к миру (выраженное через язык) и даже юмор. Изучение идиом значительно расширяют кругозор ученика, а также дает ему эмоционально-образную картину языка англичан. К счастью, многие английские идиомы соотносятся с аналогичными кыргызскими выражениями. Чаще всего эти выражения имеют общее древнее латинское происхождение или же глубокий так сказать смысловой корень. Например «Лучшая защита — это нападение» — Best defence is attack или «Лучше поздно, чем никогда» — Better late than never.

Говоря о национальной культуре, о коммуникативном поведении носителей языка различают вербальное и невербальное поведение. Совокупность норм и традиций, отражающих рекомендуемые правила общения, сложившиеся в обществе в силу исторических традиций, ритуалов, социальных ситуаций, включающих мимику, жесты, позы общающихся, называется невербальным коммуникативным поведением или невербальным языком (немым языком общения).

Учащиеся, приобретая знания о культуре, должны уметь оперировать отобранными языковыми материалами (фоновая и безэквивалентная лексика), формировать навыки и умения оперирования отобранными страноведческими знаниями (плюсами и нормами повседневного поведения), а также минимумом коммуникативно-стереотипизированных телодвижений (мимика, жесты, позы).

Усвоение содержания национально-культурного компонента в обучении иностранному языку видится нам основным условием приобщения учащихся к культуре страны, язык которой они изучают, а именно ознакомление их с народом, традициями и обычаями данной страны. В этом путь к осуществлению иноязычного диалога культур, обладающего большими возможностями для создания социокультурного контекста развития личности ученика (расширение общего кругозора, совершенствование лингвострановедческих навыков), для приобщения его к общечеловеческим ценностям и осознания их приоритета. Выявление значений понятий компетенция и компетентность позволяет установить сущность ещё одного понятия — межкультурная компетентность. Под *межкультурной компетенцией* исследователи понимают позитивное отношение к наличию в обществе различных этнокультурных групп и добровольную адаптацию социальных и политических институтов общества к потребностям различных культурных групп [6].

Понятие межкультурной компетенции связывают с таким процессом, как межкультурная коммуникация. «*Межкультурная коммуникация* — адекватное взаимопонимание участников коммуникации, принадлежащих к разным национальным культурам» [6]. Одним из наиболее важных и радикальных условий развития межкультурной компетенции является расширение и углубление роли социокультурного компонента.

«Язык не существует вне культуры. В основе языковых структур лежат структуры социокультурные» [28]. Наряду с речевой и языковой компетенцией *социокультурная компетенция* также является одним из компонентов коммуникативной компетенции. В структурном плане социокультурная компетенция является комплексным явлением и включает в себя набор компонентов, относящихся к различным категориям:

— лингвострановедческий компонент (лексические единицы с национально-культурной семантикой и умением их применять в ситуациях межкультурного общения);

— социолингвистический компонент (языковые особенности социальных слоев, представителей разных поколений, полов, общественных групп, диалектов);

— социально-психологический компонент (владение социо- и культурнообусловленными сценариями, национально-специфическими моделями поведения с использованием коммуникативной техники, принятой в данной культуре);

— культурологический компонент (социокультурный, историко-культурный, этнокультурный фон).

Формирование и развитие компонентов социокультурной компетенции

А) обеспечивает человеку возможность 1) ориентироваться в социокультурных маркерах аутентичной языковой среды и социокультурных характеристиках людей, с которыми он общается, 2) прогнозировать возможные социокультурные помехи в условиях межкультурного общения и способы их устранения, 3) адаптироваться к иноязычной среде, умело следуя канонам вежливости в инокультурной среде, проявляя уважение к традициям, ритуалам и стилю жизни представителей другого культурного сообщества;

Б) создает основу для 1) последующего развития разновидностей социокультурной компетенции профессионально-профильного характера, 2) осуществления самостоятельного изучения других стран, народов, культурных сообществ, 3) овладения способами представления родной культуры в иноязычной среде, 4) социокультурного самообразования в любых других, ранее не изучаемых сферах непосредственной и опосредованной коммуникации.

Назначение иностранного языка как предметной области школьного обучения состоит в создании условий для овладения учащимися умением общаться на изучаемом иностранном языке. Речь идет о формировании коммуникативной компетенции, т. е. способности и готовности осуществлять непосредственное иноязычное общение. Основу коммуникативной компетенции составляют коммуникативные умения, сформированные на основе языковых знаний и умений, а также страноведческих и лингвострановедческих знаний. При этом особая роль отводится социокультурному компоненту содержания обучения, как фактору, во многом определяющему и обуславливающему использование языка в конкретных ситуациях, тем самым влияющему на иноязычную коммуникативную компетенцию учащихся.

Каждый урок иностранного языка — это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире.

Учащиеся общеобразовательной школы должны:

— получить знания

а) по основным темам национальной культуры страны изучаемого языка (по истории, географии, политико-общественным отношениям, образованию и другим);

б) о социокультурных особенностях народа — носителей языка, что служит основой общения с людьми разных культур и разных профессий в различных ситуациях;

— научиться понимать устные и письменные сообщения по темам, определенным программой;

— уметь правильно и самостоятельно выражать свое мнение в устной и письменной форме;

— уметь критически оценивать предлагаемый материал и активно работать с ним;

— научиться использовать соответствующую страноведческую литературу и словари;

— научиться отстаивать свою точку зрения и осознанно принимать собственное решение;

— научиться выполнять проектные работы;

— развивать способности работать самостоятельно и в коллективе.

Исходя из поставленных целей и задач, и ориентируясь на конечные результаты обучения, в содержании обучения страноведению включаются следующие компоненты:

1) лингвострановедческий компонент: знание, понимание реалий (слов, обозначающих предметы национальной культуры) и умение употреблять их, а также фоновую лексику (антропонимы, зоонимы, топонимы), фразеологизмы, пословицы, афоризмы как источник национально-культурной информации; знание страноведческих тем, связанных с общими знаниями об англоговорящих странах; историей и географией стран изучаемого языка; общественными и социальными отношениями в этих странах; политической системой; обычаями и системой ценностей; экономической, хозяйственной связями и условиями труда; окружающей средой; средствами массовой информации; жизнью обеспеченных слоев населения и неравноправием в этих странах; текстовый материал, содержащийся в учебниках и учебных материалах по страноведению;

2) общеучебный компонент учебно-интеллектуальные умения связанные с формированием способности сравнивать, сопоставлять, анализировать, систематизировать и обобщать изучаемый материал; учебно-коммуникативные умения, проявляющиеся в культуре общения, т. е. в умениях слушать и слышать партнера по общению, обосновывать свою точку зрения; учебно-организационные умения, связанные с формированием у школьников старших классов способности работать в различных режимах (учитель — ученик, ученик — ученик, ученики — ученик, группа — ученик и других); объективно и правильно оценивать свою деятельность и деятельность своих товарищей.

Социокультурное образование может быть объективным лишь в том случае, если процесс обучения осуществляется с учетом общедидактических принципов. Современная методика обучения иностранным языкам ориентирована на *принцип коммуникативности*, исходя из предположения, что овладение навыками слушания и говорения сложнее, чем навыками чтения и письма. Принцип коммуникативности предполагает широкое использование на уроках учебно-речевых ситуаций, которые становятся действительным стимулом к общению в том случае, если она близка каждому.

Список литературы

1. *Верещагин, Е. М.* Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — Москва, 1992. — С. 277.
2. *Воробьев, Г. А.* Развитие социокультурной компетенции будущих учителей иностранного языка / Г. А. Воробьев // ИЯШ. — 2003. — № 2. — С. 30—35.
3. *Гальскова, Н. Д.* Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам / Н. Д. Гальскова // ИЯШ. — 2004. — № 1. — С. 3—8.
4. *Гальскова, Н. Д.* Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителя / Н. Д. Гальскова. — Москва, 2000. — С. 16.
5. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года // Вестник образования. — 2002. — № 6.
6. Культурология: учебное пособие для вузов / под ред. проф. А. Н. Марковой. — 3-е изд. — Москва, 2000. — С. 319.
7. *Маслова, В. А.* Лингвокультурология / В. А. Маслова. — Москва, 2001. — С. 208.

Е. Н. Мурадымова, Н. М. Мурадымов

ОшГУ

tzimir@mail.ru

«ЧЕЙ ТЫ? ОТЦА, МАТЕРИ..!»

(Термины родства в текстах о писателе родного края)

Современная лингводидактика, в частности когнитология, уделяет большое внимание человековедческой лексике. Термины родства, обозначающие родственные отношения, составляют важную часть лексического фонда русского и киргизского языков. В данной статье обобщен некоторый опыт использования терминов родства на занятиях со студентами неязыковых факультетов.

Ключевые слова: термины родства, творчество Чингиза Айтматова, родственные связи, генеалогия писателя.

Muradymova E. N., Muradymov N. M., Osh State University

tzimir@mail.ru

«Why are You? Father, Mother..!» (The terms of kinship in the texts about the writer of the native land)

Modern linguodidactics, in particular cognitology, pays great attention to human-vocabulary. The terms of kinship, which designate related relations, form an important part of the lexical fund of Russian and Kyrgyz languages. This article summarizes some experience of using terms of kinship in the classroom with students of non-linguistic faculties.

Keywords: terms of kinship, creativity of Chingiz Aitmatov, family ties, genealogy of the writer.

Народный писатель Киргизии Ч. Т. Айтматов всегда подчеркивал, что **семья, родители, предки** сыграли огромную роль в становлении его личности, таланта. Тема «**Человек, семья, биография**» в вузе и школе открывает большие возможности для целенаправленной работы словесника по расширению лексического багажа обучаемых, по формированию в душе юных чувства сопричастности к родным корням. Работа над данной темой помогает студентам и учащимся глубже выявлять общие и отличительные концептуальные черты терминов родства в русском и киргизском языках, некоторую устойчивость терминов названия в языках различного строя. Лексический материал данной темы развивает представление о важнейших понятиях этнопедагогической лексики (*санжыра, жети ата, предки, бабушка, дедушка, отец, мать, брат, сестра* и др.). Лексико-грамматические задания носят сопоставительный характер, они позволяют словеснику выбрать игровые формы работы в группах по темам «мать», «отец», «бабушка», «тетя», «дети», «братья», «сестры». Студенты получают консультацию, что термины родства обладают относительностью значения: «я» для кого-то сын, для кого-то «внук», для кого-то «муж» и т. д. Им рекомендовано пользоваться русско-киргизскими словарями, текстами писателя. В преддверии 80-летия писателя-земляка студенты имеют возможность еще раз соприкоснуться с материалами о его жизни и творчестве.

Цели занятия:

- а) обучение приемам творческого пересказа текста о семье;
- б) углубление знаний о терминах родственных отношений, о семье, биографии писателя;
- в) развитие речевых способностей и этического, эстетического вкуса студентов;
- г) воспитание уважительного отношения к народным традициям, обычаям предков.

Вступительное слово (текст на руках у студентов). Когнитивная лингвистика — одна из перспективных тенденций современного языкознания. Она обращена в сторону человека, к изучению его языкового сознания, в частности, соотношения когнитивных и языковых структур. Исследователи пишут, что с появлением когнитивных аспектов изучения языка, человек стал рассматриваться в качестве центральной фигуры в познании окружающего мира [1].

С этих позиций особый интерес представляет жизнь и творчество выдающегося писателя современности — **Чингиза Торекуловича Айтматова**. Видный айтматовед А. Акматалиев пишет: «Самое значительное место в жизни человека занимает семья» [2]. Он справедливо замечает, что истоки большого таланта в его детстве, семье. Жизнь кочевой общины, к основам которого были приобщены дед, бабушка писателя, наложила отпечаток на характер родственных отношений и в семье Айтматовых. Как известно, система родства кыргызов формировалась веками на основе уважения к родовым корням, «семи предкам» («жети ата»), слитностью прямой и боковой линий, обозначением особыми терминами каждого из родителей, сыновей, дочерей, внуков обоюбого пола, объединение между собой боковых линий родства, наличие особых терминов для дядьев, теток, племянников и племянниц [3]. В текстах писателя находим корректное употребление разнообразных терминов родства и свойства. Лингвисты верно заметили, что ТР в таких текстах получают «тот смысл и коннотацию», которые отражают «ментальное отношение народа к предмету или явлению» (Тагаев М. и др., 2006, 89). Со страниц почти всех книг Айтматова сквозит мысль, что главные и первые наставники в начале большой жизни человека — это родители. Сегодня очевидно: тем, что Чингиз Айтматов стал всемирно известным писателем, он прежде всего обязан отцу — Торекулу Айтматову и матери — Нагиме Айтматовой. Во многих художественных произведениях, публицистических текстах сын пишет о родителях, о предках самые душевные слова. «Песни и сказки, слышанные мною от бабушки, — читаем у Чингиза Торекуловича, — скрасили мое детство.» А Айымкан, бабушка Чингиза, приучила внука уважать понятия «предки», «родители», «наш род», «семья», «дед», «бабушка», «отец», «мать», «брат», «сестра», «тетя» и др.

Отец писателя Торекул Айтматов (1903—1938) — крупный партийный и государственный деятель. Сын сохранил об отце самые светлые воспоминания. У деда писателя Айтмата было три дочери — Айымкуль, Карагыз, Гуляым и два сына — Торекул и Рыскулбек. Окончив русско-туземную школу, сын Торекул активно участвовал в движении бедноты. Потом он учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Т. Айтматов вступает в ряды ВКП(б), работает на различных крупных должностях партии и государства — секретарем Караколо — Нарынского окружкома ВКП(б), секретарем Джалал-Абадского кантонного комитета партии, народным комиссаром промышленности и торговли Киргизской АССР. В 1934—35 гг. являлся вторым секретарем Киробкома ВКП(б). В годы учебы в Институте Красной профессуры по ложному обвинению Т. Айтматов был репрессирован. Отец писателя погиб в страшном 1937 г., пав жертвой «большого террора». «Отец, я не знаю, где ты похоронен... Посвящаю тебе, Торекулу Айтматову...» Такие строки были предпосланы повести «Материнское поле». Теперь мы знаем, где покоится отец писателя. Это Мемориал «Ата Бейит» («Гробница отцов»). В этом же посвящении читаем: «Мама, ты вырастила всех нас, четверых... Посвящаю тебе, Нагиме Айтматовой».

Мать писателя — Н. Х. Айтматова (1904—1970) — активная участница женского движения в Киргизии. Она получила образование в одной из первых советских школ города Каракола. Там вступила в комсомол. В 20-е гг. работала завотделом Каракольского кантонного комитета комсомола.

Биограф пишет, что с Торекулом Айтматовым Нагима познакомилась в Пишпекке. Вскоре молодые люди поженились. Их направили на работу в Джалал-Абад. Здесь Нагима Хамзаевна исполняла обязанности секретаря райкома комсомола. Позже она работала секретарем кантонного исполкома. Очень многое входило в круг обязанностей молодой женщины: в крае осуществлялась земельно-водная реформа, шла борьба с неграмотностью, много внимания и сил требовали проблемы женского движения, семьи, брака. И она блестяще справлялась со своими обязанностями, не забывая о муже, детях.

Многое круто изменилось в судьбе семьи в 1937 г. — был арестован муж. По его совету она с четырьмя маленькими детьми — на ее руках были сыновья Чингиз, Ильгиз, дочери Люция и младшая Роза — вернулась из Москвы в Шекер. Родственники по отцовской линии приняли самое горячее участие в бедствующей семье. Они помогали, чем могли. Помимо любимой бабушки Айымкан Сатин кызы, пользовавшейся особым уважением в аиле, Айтматов с особой благодарностью вспоминает доброту, великодушие Карагыз-апы, сестры отца. Она ухаживала за приболевшей Нагимой Хамзаевной, воспитывала ее детей, кормила их, обстирывала. В книге «Балалык» («Детство») Ч. Айтматов с большой теплотой рассказывает и о муже Карагыз-апы Досалыжезде, прекрасном семьянине, страстном охотнике. Жили трудно, особенно в годы войны, но в домах, семьях айылчан царилло стремление помочь человеку в беде. Особенно поучительны главы «Воспоминания об отце»,

«Черные письма», «Джамиля и Данияр» из книги «Балалык». Они дают яркое представление о ростках личности будущего большого писателя, гражданина.

«Судьба человека изначально закладывается отчей землей», — пишет Айтматов. Он вспоминает, как во время больших сборищ аксакалы принимались подзадоривать айльную детвору: «А ну-ка, кто из вас без запинки назовет своих предков до седьмого колена?..» И каждый по очереди перечислял их имена. И, боже упаси, было пропустить имя хоть одного из них...

«Позднее я понял, — говорит Айтматов, — что в этой стариковской уловке крылся глубинный смысл». Действительно, умудренные старцы сызмальства старались в сознание будущих отцов и матерей заложить понятия о собственном происхождении, о связи поколений, учили различать свою ближнюю и дальнюю родню. В духе этнопедагогических воззрений кыргызы бережно передавали детям заветы предков «жети ата». «Опыт наших далеких прадедов, — читаем у писателя, — заключался в том, что обычай «жети ата» — знания своих предков до седьмого колена — прочно вошел в наше сознание как основополагающий патриотический этикет» [4]. Поистине, как сказано в повести «Белый пароход»: «Чей ты? Отца, матери...»

Ч. Т. Айтматов вспоминает: «Еще ребенком я знал назубок: я из рода Шекер. Мой отец — Торекул, отец Торекула — Айтмат, отец Айтмата — Кимбильди, отец Кимбильди — Кончужок...». В семье отца и матери детям прививали прочные знания о **родословной**, о необходимости помнить и знать старших. В «Заметках о себе» Айтматов писал: «И если окажется, что мальчик не знает свою родословную, то нарекания дойдут до ушей родителя. Что, мол, это за отец без роду, без племени? Куда он смотрит, как может расти человек, не зная своих предков.» [5]. Внук говорит: «Мой дед Айтмат был мастером на все руки: и плотник, и кузнец, и что очень важно — прекрасный портной, к тому же неплохой комузист и певец...». В трудовой семье деда Айтмата и бабушки Айымкан формировалось уважение к любому труду, к человеку, его достоинству. На всю жизнь юный Чингиз запомнил «урок», который преподала бабушка внуку в случае с погибшим донским жеребцом («Мой первый гонорар»). Мальчик понял необходимость знания языков, значимость престижа рода, семьи, единения человека с народом. Недаром, в русском языке есть мудрая мысль: «Не тот человек, кто для себя живет, а тот, кто народу счастье дает» (киргызы в этом случае говорят: «Ата баласы болбосон болбо, эл баласы бол»). Верно замечено, что в народной мудрости проявляется «национально-культурная семантика языка» [6].

Именно в такой атмосфере сформировалось чувство глубокого уважения у детей к святым понятиям «дед», «бабушка», «отец», «мать». Сестра писателя вспоминает: «До самой своей кончины наша мама была на попечении у Чингиза. Наверное, потому что он был не только старшим из детей, но и в силу какой-то особой духовной близости к ней». Мать верила в сына, в сыне она видела продолжение того, что не успел сделать ее муж, отец детей Торекул. Мать вдумчиво читала книги сына. «Она была хорошо осведомлена, — пишет дочь, — и о тогдашней советской и мировой литературе». Миллионы почитателей Чингиза Торекуловича Айтматова радовались тому, что в свои 35 лет за книгу «Повести гор и степей» он стал самым молодым лауреатом престижной Ленинской премии. Можно понять ближайшую родственницу, которая пишет: «День присвоения Чингизу этой премии стал поистине днем высочайшего взлета авторитета семьи Айтматовых». Уж очень много ими было в прошлом пережито обидного из-за клейма «семья врагов народа». Ведь в страшном 37-м г. машина «большого террора» помимо Торекула беспощадно сокрушила жизнь и других ее членов — его брата Рыскулбека, родственников Алымкула, Озизбека. Неправедное обвинение честных людей годами висело «дамокловым мечом» над семьей Айтматовых. Сестра писателя помнит тот страшный день, когда в 1957 г. получили бумажку о полной реабилитации Т. Айтматова, когда «хотелось кричать о несправедливости, которая проклятием висела столько лет над семьей». «Потом все мы, — вспоминает Роза Торекуловна, — весь род Айтматовых, отправились в Шекер и в память о душах четырех жертв, безвинно погибших от великой несправедливости — Торекула, Алымкула, Озизбека и Рыскулбека - в доме Керимбека собрали всех сельчан и устроили поминки» [5].

Со страниц ряда книг, особенно из диалогов «Плач охотника над пропастью», предстает светлый образ матери писателя. Нагима Хамзаевна во все годы ожиданий была цементирующей силой семьи. Она верила в невиновность мужа. И это убеждение привила детям, внукам. Только в такой атмосфере могли сформироваться талант, вера в человека, которыми отмечены книги Ч. Айтматова. Об этом философски верно сказано в стихотворении казахского поэта Мухтара Шаханова:

Ведь у человека на долгом и трудном пути,
Помимо Матери — той, что его родила,
Четыре есть Матери — словно четыре крыла.
Родная земля — наша суть и основа основ,
И Слово родное, пришедшее к нам от отцов,
Родные обычаи — добрый и благостный свет,
Горящий для нас через тьму поколений и лет,
Родная История — как бы она ни была
Горька и печальна, мучительна и тяжела...

Афоризмом стали слова писателя: «Мать — это начало Родины, мать — это родной язык, мать — это совесть, вкушенная вместе с материнским молоком».

С памятью об отце, матери, о предках Айтматова связаны лучшие страницы его воспоминаний, публицистических раздумий, страниц многих творений мастера («Детство — ядро будущей человеческой личности», «И тогда я открыл для себя. Шекер...», «Снега на Манас — Ата», диалоги Ч. Айтматова и М. Шаханова «Исповедь на исходе века» и др.). Поистине, для автора «Материнского поля» понятия Мать, Отец, Родина, родной язык — это «суть и основа основ».

Далее идет работа студентов по следующим вопросам:

1. Какую роль в становлении Ч. Айтматова — писателя сыграла *семья*? (Пересказ о роли семьи, бабушки, отца и матери в формировании личности будущего писателя нужно сделать используя термины родства).

Какую роль сыграла *мать* в судьбе всех детей и особенно *сына* Чингиза?

2. Переведите на русский язык предложение. *Балалыгымдын татт\ к\ндър\ ошол чоё энемдин мээрими менен ытт\.*

3. Выберите из текста термины родства в одну колонку, а в другую — выпишите кыргызские соответствия; напр. *Отец — ата*.

4. Что обозначает в менталитете кыргызского народа понятие «жети ата»; подтвердите ваши рассуждения примером из родословной Чингиза Айтматова и собственной биографии.

5. На основе терминов «отец», «мать», «дед», «бабушка» составьте как можно больше производных слов (лидером будет считаться тот, у кого будет больше оригинальных примеров). Напр.: дед-дедовский, дедов и т. п.

6. Кто такие Карагыз-эже и Досалы-жезде и какую роль они сыграли в судьбе семьи репрессированного Торекула Айтматова, особенно в трудные военные годы. Кем они приходились Торекулу и Чингизу Айтматову?

7. Ч. Айтматов. «И если окажется, что мальчик не знает свою родословную, то нарекания дойдут до ушей его родителей». Какие понятия есть в кыргызском языке тождественные термину «родословная»? (Дается объяснение термина **санжыра**).

8. В предложения из рассказанного текста вставьте пропущенные термины родства.

— говорит: «Мой Айтмат был мастер на все руки...»

— Песни и сказки, слышанные мною от, скрасили мое детство.

— У писателя было три и два

—, ты вырастила всех нас, четверых.

— На ее руках были Чингиз и Ильгиз, Люция и Роза.

— Ч. Айтматов с особой благодарностью вспоминает доброту Карагыз-апы,

— — это начало Родины, — это родной язык.

9. Подобрать нужные определения к указанным терминам родства и свойства: мать, сын, дочь, дед, бабушка, внук, сестра, брат, тетя. Напр. *Отец — лицо мужского пола по отношению к своим детям*.

Слова для справок: сестра отца или матери; сын одних и тех же родителей по отношению к другим их детям; дочь одних и тех же родителей по отношению к другим их детям; сын сына или дочери; мать отца или матери; отец отца или матери; лицо женского пола по отношению к своим родителям; лицо мужского пола по отношению к своим родителям; лицо женского пола по отношению к своим детям.

10. Подберите к кыргызским пословицам русские аналоги.

— Абийир тапса баласы, атасына бак конот; Агасын кър\п, ини ыьт, эжесин кър\п, сиёди ыьт; Азамат акылдуу болсо, алганы мээримдуу болот; Ата-балага сыёчы; Ата жакшы — уул жакшы, эне жакшы — кыз жакшы; Ата-эненди сыйласан, ыз баландан жакшылык кърьс\н; Карысы бардын ырысы бар; Ыз \й\м — ыльн тьшьг\м; Катын албай, кайыё ал; Жакшы катын — ырыс, жаман катын — уруш. Напр.: Уйдун кърк\ аялда — (Красота юрты в жене); Мир в семье женой держится.

— За старой головой - как за каменной стеной (у кого есть дед, у того и обед);

Добрый сын — всему свету мил (слава сына — отцу отрада); Каков старший, таков и младший (глядя на старшего брата, растёт младший); Кто от кого, тот в того (каковы батьки-матки, таковы и дитятки); У хорошего мужа и жена досужа (у умного молодца и жена ласкова); Кто родителей почитает, тот век счастливым живет; Хорошая жена — каменная стена, а худая — на голову положенная беда; Бери не жену, а родню; Отец сыну — критик (знаток); Своя хатка — родная матка.

В конце занятия концентрированно подводим итоги о роли семьи в жизни и творчестве писателя-земляка, выявляем лидеров, наиболее основательно знающих термины родства и свойства. Задание на дом: написать эссе-сочинение о своей родословной (санжыра), о семье, используя термины родства.

Список литературы

1. Тагаев, М. Дж. Кыргызская лингвистика на пути к когнитивной модели языка / М. Дж. Тагаев, Ы. Темиркулова // Вестник ОшГУ. — 2006. — № 3. — С. 87—89.

2. Акматалиев, А. Чингиз Айтматов и взаимосвязи литератур / А. Акматалиев. — Бишкек, 1991. — С. 155.

3. *Исраилова-Харьехузен, Ч.* Термины и система родства / Ч. Исраилова-Харьехузен // Традиционное общество кыргызов в период русской колонизации во второй половине XIX — нач. XX в. и система их родства. — Бишкек, 1999. — С. 140—141.

4. *Айтматов, Ч.* Плач охотника над пропастью. Исповедь на исходе века. Диалоги / Ч. Айтматов, М. Шаханов // Айтматов Ч. Собрание сочинений : в 7 т. — Москва, 1998. — Т. 6. — С. 147.

5. *Айтматов, Ч.* Заметки о себе / Ч. Айтматов // Советские писатели. Автобиографии. Т. 4. — Москва, 1972. — С. 9—10.

6. *Абдыралиева, Ж. А.* Человековедение и некоторые вопросы описания соматических паремий в учебных целях / Ж. А. Абдыралиева [и др.] // Актуальные проблемы паремиологии. — Москва ; Бишкек ; Ош, 1992. — С. 31.

7. *Айтматов, Ч.* Собрание сочинений : в 7 т. / Ч. Айтматов. Т. 6. — Москва, 1998. — С. 161.

Е. А. Жесткова

Арзамасский филиал ННГУ, Арзамас, Россия

ezhestkova@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ МЕТОДИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ (НА ПРИМЕРЕ «МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ»)

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся сущности и особенностей использования интерактивных технологий, в частности, кейс-технологии, в процессе обучения будущих педагогов методическим дисциплинам. Приведены типы учебных кейсов, методика организации кейс-стади и пример кейсов по методике обучения русскому языку.

Ключевые слова: кейс-технологии, учебный процесс, анализ конкретных ситуаций, бакалавры.

Zhestkova E. A., Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas Branch)

Use of interactive technologies in the process of teaching future teachers of initial classes to the methodical disciplines (on the example of «methods of training russian language»)

In the article the questions concerning the essence and peculiarities of the use of interactive technologies, in particular case studies, in the process of teaching future teachers to methodical disciplines are considered. The types of case studies, the method of organization of the case-study and the example of cases by the method of teaching the Russian language are given.

Key words: case technologies, educational process, case studies, bachelors.

В современных условиях в системе высшего профессионального образования целесообразно использовать такие образовательные технологии и методы, которые в наибольшей степени направлены на повышение мотивации учебной деятельности, способствуют развитию готовности будущих специалистов к самостоятельности, приобретению практических навыков, проявлению творческой индивидуальности и полноценной самореализации. Особое место среди них занимают кейс-технологии.

Существует множество определений кейс-технологий. В. Я. Никитин представляет кейс-технологии как информационный комплекс, который позволяет понять ситуацию. Г. К. Селевко рассматривает кейс-технологии как обучение при помощи анализа конкретных ситуаций. По мнению И. В. Гладких, это методически организованный процесс анализа конкретных ситуаций, в ходе которого у слушателей развиваются профессиональные навыки [2].

Кейсы, как вид учебных изданий, различаются как по форме подачи материала, так и по стилю изложения. *Учебный кейс* — это специально подготовленный учебный материал, содержащий методически структурированное описание ситуаций, заимствованных из реальной практики, представленное в адаптивном виде для постановки и принятия решений в учебных целях.

При составлении кейса необходимо соблюдать следующие требования:

— в кейсе должна быть поставлена актуальная исследовательская проблема, не имеющая очевидного или однозначного решения;

— кейс должен соответствовать поставленным образовательным задачам и тематике курса, в рамках которого он предлагается;

— кейс должен содержать достаточное количество информации для проведения анализа и нахождения решения исследовательской проблемы, описанной в нём. При этом важно не перегружать кейс несущественными деталями;

— в кейсе не должна присутствовать авторская оценка проблемы. При этом в нем может быть представлена противоречивая информация, что повлечет дискуссию между студентами, необходимость аргументации своей точки зрения и отстаивания своей позиции [1].

Создание нового кейса состоит из нескольких этапов: поиск источника кейса; сбор данных для кейса; макетирование содержания кейса; апробация кейса в аудитории [3].

Кейс-стади — это вид учебного занятия, сочетающий в себе несколько форм и методов организации работы студентов в процессе использования кейс-технологий.

К основным преимуществам кейс-технологии относятся использование системно-деятельностного подхода, который обеспечивает активную познавательную деятельность студентов; обеспечение возможности получения знаний, глубокого понимания теоретических концепций; возможность выработки навыков обобщений [4].

В процессе изучения методических дисциплин по направлению подготовки «Педагогическое направление», профилю «Начальное образование» систематически используются кейсы, способствующие формированию необходимых профессиональных компетенций студентов [5].

Предлагаем варианты кейсов по теме «Методика изучения орфографии», которые выполняются студентами факультета дошкольного и начального образования Арзамасского филиала ННГУ на занятиях по методике обучения русскому языку [6].

1. На нескольких уроках по разделу «Звуки и буквы» в первом классе учитель знакомил детей с сущностью орфографических трудностей русского языка, т. е. формировал понятие об орфограмме (без использования термина).

Проанализируйте фрагмент урока, установите: а) чем учитель заменил термин «орфограмма»; б) за какими признаками орфограммы велось наблюдение; в) в чем состояло обобщение. Исходите из того, что наблюдения над орфографическими явлениями уже имели место в период обучения грамоте.

Сравните слова: суп — зуб, год — кот. Какие звуки произносятся на конце слов в каждой паре? Разные или один и тот же? А буквы?

— Как видите, один и тот же звук на конце слов обозначен по-разному: п, б; т, д. Значит, по согласному звуку (п, т, с и др.) на конце слова нельзя определить, какую букву нужно писать. Он всегда обозначает опасное для письма место.

В чем далее учитель будет тренировать учащихся, какое умение станет вырабатывать? Завершите данный фрагмент урока, показав, как должна быть организована дальнейшая практическая работа, а затем уточните с детьми: звуки р, л, м, н не обозначают орфограмму.

2. Постройте урок по теме «Ударение» (I класс), на котором давались бы или закреплялись знания о том, что безударный гласный звук — это всегда опасное для письма место. Разработайте методику проведения наблюдения, используя слова типа «трава — дрова». Сформулируйте обобщение и составьте тренировочные упражнения, такие, в которых учащиеся работали бы с предъявленным текстом.

3. Если учащиеся с I класса знакомы с признаками орфограмм, то как они должны действовать, выполняя задание: списать, отметив точками все опасные места? Сколько орфограмм им следует выделить в предложении: В самой гуще леса, в овражке, поселилась лиса.

4. Проверьте уровень орфографической зоркости учащихся своего класса. Для этого проведите контрольное списывание текста, не содержащего пропуска букв, с заданием: найти в словах орфограммы и подчеркнуть соответствующие буквы. Выясните процентное соотношение найденных орфограмм и их общего количества. Сделайте методические выводы.

5. Учителя двух параллельных классов одинаково часто предлагают первоклассникам списывание с текста, не содержащего пропуска орфограмм, с заданием: отметить опасные места. Но объективные признаки орфограмм ученики одного класса знают, а другого — нет, они ищут в словах места на изученные правила. В каком из классов систематическое выполнение задания дает более ощутимые результаты? Почему?

6. Предлагая в I (II) классе списывание с текста, не содержащего пропуска орфограмм, и обозначение опасных мест, один учитель включает материал только на изученные правила, а другой и на те, которые еще подлежат освоению (с безударными окончаниями, суффиксами, приставками). Кто из них, по-вашему, прав? Обоснуйте свою позицию.

7. Знакомства с правилом правописания безударных гласных корня (II класс) учитель начал с такого вопроса к учащимся: «Как бы вы написали последнее слово в предложении *Еду я в поезде, а за окном вагона л.са?*»

Какую задачу преследовал учитель? Как повел бы беседу с учениками, если бы на доске появилась такая запись: л?са Е или И?

Разработайте соответствующий фрагмент урока.

Уточняя сущность изучаемой орфограммы, другой учитель попросил второклассников сказать, почему в первых словах каждой пары все буквы обозначены, а во вторых — нет:

лес — л?са; лисы — л?са.

Было выяснено: в одном случае гласный звук под ударением, его можно обозначить только одной буквой (так, как слышится), иначе исчезнет или изменится все слово. В двух других случаях гласный звук безударный, для него нужно выбирать букву, а чтобы правильно это сделать, необходимо применить правило.

Пользуясь предложенным материалом, подробно разработайте фрагмент работы (с вопросами для беседы, с заданиями, обобщениями и т. д.). Какое умение в дальнейшем следует закреплять у учащихся на основе этих сведений?

В процессе обсуждения заданий данных кейсов осуществляется перенос знаний из области учебной в область профессиональной деятельности, условием формирования которой является вовлечение будущих педагогов в оперирование специальной терминологией, выступающей средством профессиональной коммуникации.

В итоге систематического использования кейс-технологий в учебном процессе студенты получают не только знания, навыки и опыт в профессиональной деятельности, но и развивают универсальные социально-психологические и социокультурные качества личности.

Список литературы

1. Барнс, Л. Б. Преподавание и метод конкретных ситуаций / Л. Б. Барнс. — Москва : Гардарики, 2000.
2. Гладких, И. В. Методические рекомендации по разработке учебных кейсов / И. В. Гладких // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Менеджмент. — 2005. — № 2. — С. 169—194.
3. Губанихина, Е. В. Формирование общекультурных и профессиональных компетенций будущих педагогов в процессе интерактивного обучения / Е. В. Губанихина, Е. А. Жесткова // *Alma mater* (Вестник высшей школы). — 2017. — № 7. — С. 107—111.
4. Гуцин, В. В. Интерактивные методы обучения в высшей школе / В. В. Гуцин // Психологический журнал. — 2012. — № 2. — С. 1—18.
5. Жесткова, Е. А. Оценка сформированности профессиональных компетенций у студентов, обучающихся по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование, на примере дисциплины «Методика обучения русскому языку» / Е. А. Жесткова // Личностное и профессиональное развитие будущего специалиста: Материалы XIII Международной научно-практической конференции. 29 мая — 4 июня 2017 г. / отв. ред.: И. А. Шаршов, Л. Н. Макарова. — Тамбов, 2017. — С. 305—311 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.tsutmb.ru>
6. Методика преподавания русского языка: Руководство к самостоятельной работе над курсом / М. С. Соловейчик, О. В. Кубасова, В. П. Канакина и др. ; под ред. М. С. Соловейчик. — Москва, 1988.

ДОКЛАДЫ СЕКЦИИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

А. Ф. Аветисян

*Ширакский государственный педагогический университет
им. М. Налбандяна, Республика Армения, г. Гюмри*

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭПИТЕТА «ВЕЛИКИЙ» В РОМАНАХ Ч. АЙТМАТОВА «И ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИТСЯ ДЕНЬ», «ПЛАХА», «КОГДА ПАДАЮТ ГОРЫ»

В данной статье рассмотрен процесс метафоризации эпитета «великий» в идиостиле Ч. Айтматова, и в частности, в его романах. В ней подробно излагается путь, пройденный метафорой и эпитетом, анализируются романы. В результате анализа на наглядных примерах доказана метафоризация эпитета «великий» во всех трех романах.

Ключевые слова: концептуальная метафора, эпитет, стилистическая категория, идиостиль, когнитивная система.

Avetisyan A. F., Shirak state university after M. Nalbandyan, Armenia, Gyumri

Metaphorical conceptualization epithet «great» in the Ch. Aitmatov's novels «The day lasts more than a hundred years», «The scaffold», «When the mountains fall»

The article deals with the metaphor processing of the epithet «great» in the Ch. Aitmatov's idiosyle in particular, in his novels. It is spoken in detail about the way the metaphor and the epithet passed, analyzed novels. Conclusions are drawn on illustrative examples in all three novels.

Keywords: conceptual metaphor, epithet, stylistic category, idiosyle, cognitive system.

Традиция изучения метафор восходит к античным риторикам и начинается с Аристотеля. Становясь неоднократно предметом исследования не только в отечественной лингвистике, но и в зарубежной, метафора продолжает оставаться в центре внимания лингвистов, психологов, философов и специалистов других областей. В современной лингвистике интерес к метафоре только продолжает расти, концептуальные метафоры охватывают всю сферу человеческого опыта и обладают значимым когнитивным потенциалом.

В творчестве Ч. Айтматова взаимодействуют две разные художественные системы. Языковое мастерство писателя привлекает особое внимание своей оригинальностью, национальной этнокультурной особенностью. Исследование особенностей изобразительно-выразительной системы в произведениях актуально, т. к. роль писателя в обогащении стилистической системы литературного языка, образность его языкового воплощения еще не полностью раскрыты. Изучение метафор у Ч. Айтматов, является не случайным, так как автор сам неоднократно признается, что в своих романах он пишет о «метафорах родного края и о метафорах жизни».

Выбор творчества данного писателя в качестве объекта исследования объясняется насыщенностью его текстов стилистическими приемами, и в частности тропами. Среди таких приемов центральное место принадлежит метафоре и эпитету, которые понимаются Ч. Айтматовым не как украшение, а как слова, вбирающее в себя концептуальную значимость всего высказывания в широком смысле.

Метафора используется Ч. Айтматовым как один из основных приемов выражения главной мысли, идеи, эмоции произведения. Писатель умеет обратить внимание на какую-то новую сторону предмета, известную всем, но подмеченную особым зрением художника. С помощью же эпитета Айтматов подчеркивает отдельный признак слова с целью придачи особой стилистической окраски. Особенностью романа Ч. Айтматова является ее лиризм. Без метафорической насыщенности художественного текста невозможно создание ассоциативных художественных образов у читателя, без чего, в свою очередь, невозможно достичь полного понимания смыслов текста.

Одним из простых способов выдвинуть тот или иной признак — это назвать его. В переводе с греческого термин «эпитет» означает «приложенный». «Эпитет — это называемый признак, сопутствующий какому-нибудь слову. Обыкновенно эпитет принимает форму определения, и по существу слово «эпитет» и значит определение, при этом определение грамматическое, т. е. в простейшей форме это прилагательное при существительном» [7; 201] — как верно заметил Б. Томашевский.

В данной статье нас интересует то, как метафоризируются эпитет «великий» в идиостиле Ч. Айтматова, и в частности, в его романах.

Большинство монографических исследований, касающихся творчества Ч. Айтматова, освещают художественные особенности его произведений. Наша статья посвящена изучению языка романа. Представляя собой сложное единство разнородных черт, стиль романа Айтматова имеет ряд особенностей.

Метафора и эпитет — явления, изучающиеся с античности и постепенно расширяющие сферу использования. Они становятся механизмом, который вбирает в себя культурные традиции и физический опыт того общества, в котором создавались. У Ч. Айтматова это наблюдается сильнее в силу его билингвальности. В языке романа использование метафор расширяется, постепенно поглощая другие средства и метафоризируя их. Тем сильнее это наблюдается на примере эпитета «великий».

Взросший интерес изучения метафоры в разных областях постепенно приводит к тому, что из области филологии, она переходит в область изучения практической речи, а так же в сферы, обращенные к мышлению, познанию, концептуальным системам и т. д.

Лингвистами предложено большое количество классификаций метафор. Одно из самых ранних определений метафоры было дано около 2 тыс. лет назад Аристотелем, который впервые высказал мысль о том, что метафора должна присутствовать в речи, но она должна быть короткой и излишне не обременять речь. Классифицируя метафоры, Аристотель дает следующие виды метафор: из рода в вид, из вида в род, из вида в вид и по аналогии.

В труде Г. Н. Скляревской выделяется одиннадцать аспектов изучения метафоры, среди которых: семасиологическое, ономазиологическое, гносеологическое, логическое, собственно лингвистическое, лингвостилистическое, психолингвистическое, экспрессиологическое, лингвистико-литературоведческое, лексикологическое и лексикографическое направления [6; 6—11].

Книга американских ученых Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» стала опорной точкой для изучения концептуальной метафоры как языкового явления. В книге раскрывается когнитивную структуру метафоры, основанная на взаимодействии когнитивной структуры «источника» и «цели». Авторы считают, что метафора не только языковое явление, она проникает в нашу повседневную жизнь и мыслительную деятельность. В их труде выделяются структурные, ориентационные, онтологические и творческие метафоры [5; 36].

Как пишет Дж. Лакофф «метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [5; 71].

Э. В. Будаев считает, что метафору «принято определять как (основную) ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [1; 16].

Что же касается эпитета, то здесь следует отметить, что явление эпитета еще в самых ранних риториках рассматривается лишь как прием украшения речи, способ сделать ее более выразительной, при использовании эпитетов нужно руководствоваться, чтобы соблюдать чувство меры.

Наиболее полную классификацию эпитета дает А. Н. Веселовский. Ученый считает, что эпитет подчеркивает «какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета», что эпитет прошел путь от окаменения, то есть забвения реального смысла, к внутреннему и внешнему развитию эпитета [2; 59]. Он выделяет три этапа в развитии эпитета: накопление эпитетов, указывающих существенный типичный признак; установление постоянных эпитетов и разложение типичности индивидуализмом. Веселовский считает, что эпитет свойственный поэзии «рельефнее, и отвечает поднятому тону речи», чего не скажешь об эпитете, свойственному прозаической речи.

Мы же, придерживаясь классификации Веселовского, в данной статье показываем, что в романах Ч. Айтматова эпитеты метафоризируются. Ошибочно было бы полагать, что эпитет существующее от метафоры отдельное явление, так как применяя классификацию Веселовского на романах становится ясно, что в них находят место эпитеты-метафоры или как говорит Веселовский «метафорические эпитеты».

Исследуя язык романов, мы обнаружили, что во всех трех романах красной нитью проходит слово «великий». После анализа романов, мы пришли к выводу что, кажущиеся с первого взгляда эпитеты со словом «великий», на самом деле, метафоризировались и превратились в концептуальных метафор. Этим словом автор определяет все, что ему дорого. Так, в романе «И дольше века длится день» встречаем: «великая неумолимая степь», «великой железной дороге», «при великой Сары-Озекской степи», «мир велик», «великие и пустынные сарозеки», «великий от тех дней», «великий хаган», «великий старик», «великий мастер песни», «жырау великий», «великий мастер, в искусстве», «таким великим, таким любимым всеми» и др. Немалочисленны примеры этого слова и в романе «Плаха»: «великий природный инстинкт», «великий храм Иерусалимский», «великая охотничья жизнь», «насколько оно велико», «с великой зимой в горах», «Акбару Великую», «великие и малые стада», «великой жары», «великая охота», «предстояло великое охотничье будущее», «великая Мюнкумская саванна», «великой азиатской степи», «великую полупустыню» и др. Приведем примеры из романа «Когда падают горы»: «великим творением», «великим перевалом», «великая охота», «великая увертюра», «великая рукопись», «великий охотник», «музыку великую», «к великому их удивлению», «великих снежных хребтов» и др.

Если рассматривать метафору в рамках определения, предложенного акад. Виноградовым как «акт утверждения индивидуального миропонимания, акт субъективной изоляции» [3; 358], то можно предположить, что кажущиеся на первый взгляд эпитеты в приведенных примерах достигают метафорического значения, хотя и

представляют собой типичные эпитеты. Таким образом слово «великий» превращается в концепт, вбирающий в себя «некий вербализованный культурный смысл» [4; 76—77] (из контекста становится ясно, что Айтматов определяет этим словом все, что ему дорого: это природа родного края, это киргизские народные легенды, это искусство и т. д.), а словосочетания с этим словом метафоризируются, превращаясь в **концептуальную метафору**.

Свое полное раскрытие концепт «великий» получает в первом романе, в последнем своем романе Айтматов уменьшает его употребление.

Являясь компонентом человеческого сознания, метафора постоянно присутствует в процессе актуализации концептуальной картины и мира. Дж. Лакофф и М. Джонсон пишут, что обычная концептуальная система, в терминах которой люди одновременно действуют и думают, фундаментально метафорична по своей природе [5; 76]. Они отмечают также, что метафоры структурируют базовые представления нашего опыта, моделируя наше восприятие и существуя независимо от него. В художественном тексте когнитивная метафора приобретает индивидуальный авторский компонент в концептуализации актуальной картины мира.

Впадая в глубинные структуры языка романа, постепенно начинаешь понимать, что обаятельный язык писателя, полный изобразительными средствами свидетельствует об огромной и напряженной работе Айтматова над языком романа. Так создает Айтматов свой стиль.

Список литературы

1. Будаев, Э. В. Становление когнитивной теории метафоры / Э. В. Будаев. — Екатеринбург, 2007.
2. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. — Москва, 1989.
3. Виноградов, В. В. Поэтика и риторика. Избран. труды: О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. — Москва, 1980.
4. Воркачев, С. Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели / С. Г. Воркачев // Филол. науки. — Тамбов, 2005. — № 4.
5. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Москва, 2004.
6. Склярская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Склярская. — Санкт-Петербург, 1993.
7. Томашевский, Б. В. Стилистика и стихосложение / Б. В. Томашевский. — Ленинград, 1983.

В. А. Адамян

Ереванский государственный университет, Ереван, Армения

vera.adamyan@ysu.am

ИМПЕРАТИВ С СЕМАНТИКОЙ ПРОСЬБЫ В РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья посвящена исследованию одного из важнейших в человеческом социуме речевых актов — речевого акта просьбы. В частности, рассматриваются семантические особенности императивных конструкций, выражающих просьбу. Автор приходит к выводу, что императив с указанной семантикой является специфической особенностью именно русского языка. В разговорном дискурсе при фамильярных отношениях русские, как правило, выражают просьбу в форме императива без маркеров вежливости с соответствующей интонацией. Императив смягчается следующими элементами: фамильярное обращение по имени в уменьшительно-ласкательной форме, деминутив, комплимент, личное местоимение «ты». На этом фоне в дискурсе англичан императив встречается редко. Это и является главным различием в способах выражения просьбы в русской и английской лингвокультурах.

Ключевые слова: речевой акт просьбы, императив, разговорный дискурс, интонация, частицы волеизъявления.

Adamyan Vera Arturovna, Yerevan State University, Armenia

vera.adamyan@ysu.am

Imperative with Semantics of Request in the Colloquial Discourse (on the basis of Russian and English Languages)

The paper is devoted to the research of one of the most important speech acts in human society — the speech act of Request. In particular, semantic features of the Imperative structures expressing a request are revealed and analyzed. The author comes to a conclusion that the Imperative with semantic of Request is the specific feature of Russian. In spoken discourse Russians, as a rule, express a Request in the form of Imperative without politeness markers with the corresponding intonation. The imperative is softened with the following elements: the familiar address by name in a diminutive-hypocoristic form, a diminutive, a compliment, the personal pronoun «you». On this background in the discourse of the British Imperative is not popular. It is the main difference in ways of expression of request in Russian and English Linguocultures.

Keywords: The Speech Act of Request, Imperative, Colloquial Discourse, Intonation, Particles of Will.

Темой настоящей статьи является один из наиболее значимых и широко распространенных в повседневной коммуникации речевой акт просьбы. Грамматическое оформление речевого акта просьбы в русском языке — самое разнообразное. В рамках этой статьи мы рассмотрим императивные конструкции без показателей вежливости, обладающие семантикой просьбы.

Как известно, одним из значений повелительного наклонения является значение просьбы, несмотря на то, что название указывает на повеление. Это подчеркивается во всех определениях данного наклонения: «...значение формы повелительного наклонения может конкретизироваться как требование, просьба, совет, увещание, мольба» [10; 624]; «Повелительное наклонение выражает побуждение к действию, приказ, просьбу» [11; 257].

В русском коммуникативном сознании слабо представлена категория вежливости в отличие от английского. Так, В. А. Маслова отмечает: «...в русском языковом сознании и картине мира вежливость — антипод грубости: вежлив тот, кто не ругается матом, не кричит, не перечит старшим, т. е. тот, кто соблюдает правила приличия, правила этикета. В английском сознании вежливость связывается с этикетным вниманием: вежливый тот, кто демонстрирует свое уважение другим. <...> вежливость в русской культуре нужно исследовать только вместе с искренностью, ибо русские излишнюю с их точки зрения, вежливость связывают с проявлением неискренности» [8; 163—164]. На наш взгляд, именно этот факт мог повлиять на такую большую распространенность императивных конструкций без маркеров вежливости в русском языке. Как показали результаты исследования, в контексте диалогического дискурса при фамильярных, дружеских отношениях, русские «не церемонятся» и в беседе с близким человеком обращаются с просьбой в императивной форме с интонацией просьбы. Важно подчеркнуть, что это вовсе не говорит о невежливости русских. Это лишь свидетельствует о разном отношении к категории вежливости и ее восприятию. По мнению исследователей, обилие императивных конструкций в русском языке носит отпечаток советской идеологии. Показательно в этом контексте высказывание С. Г. Тер-Минасовой: «Русский язык советского времени, отражая идеологию полного подчинения интересов отдельного человека интересам коллектива, не снисходил до выражения заботливого, теплого отношения к человеку» [12; 293].

Императивные конструкции без маркеров вежливости распространены в разговорном фамильярном дискурсе. В подобных речевых актах, как правило, решающую роль играет **интонация** (в устной форме, при письме «сила» интонации теряется), ласковое обращение к адресату (как в устной, так и в письменной форме). Показательно в этом контексте высказывание Г. Е. Крейдлина: «В сущности, слово тон представляет собой своеобразный языковой оператор, который не только переводит один речевой акт в другой, но и одни чувства в другие» [5; 156]. Для выражения просьбы роль интонации действительно велика, ведь в ее выполнении заинтересован говорящий. Таким образом, интонация, может изменить смысл высказывания, и поэтому говорящий при выражении речевого акта просьбы должен выбрать необходимую для конкретной ситуации интонацию, что зависит от ряда экстралингвистических факторов.

Русский разговорный дискурс «пестрит» речевыми актами просьбы, выраженных императивом: **Познакомь тогда с рабочим местом, — попросил он** (молодой мужчина отцу) (Кожевникова, «Простые вещи»); **Остановись, — попросил бывший муж жалобно...** (Устинова, «Жизнь, по слухам, одна!»); **Приезжай ко мне к девяти часам вечера, — попросил Иван Шубин** (Токарева, «Птица счастья»); **Дай мне наволочку, — попросил Костя** (молодой мужчина бывшей супруге) (Токарева, «Стрелец»); **Останови, — попросил Костя. — Я сойду.** <...> — **Притормози, — попросил Костя** (соседи, около 35-и) (Токарева, «Стрелец»). Лексема **попросил** после актов просьбы в форме повелительного наклонения является словесным указанием авторами на просьбу, дифференцирующим характер речевого акта. В беседе с близким человеком носители русского языка опускают «лишние» формулы вежливости: **Завтра принеси пару сосисочек** (два друга) (Никулин, «Почти серьезно»); **На пакет неси** (Сигарев, «Пластелин»); **Покажи** (Арбузов, «Жестокие игры»); **Саня, познакомь меня с известными артистами!** (Гришковец, «Рубашка»); **Ой, Денисов, бери такси, приезжай. У меня тут кошмарное горе** (невеста жениху) (Толстая, «Сомнамбула в тумане»); **Это для нас, — пояснила она, вываливая дары Ольге в руки, — отнеси на кухню, свари нам кофейку** (две подруги) (Дашкова, «Место под солнцем»). Во всех вышеперечисленных примерах между коммуникантами — фамильярные отношения. Все примеры из современной художественной литературы подтверждают, что императив воспринимается русскими именно как просьбы без затруднения.

Примечательно, что носители русского языка прибегают к императиву даже в нефамильярной беседе: **Вместо денег пригласите меня на балет, — попросил он** (Дашкова, «Место под солнцем»); **Возьмите меня к себе! — попросил автор** (Попов, «Автора!»); **Соедините меня с ним, — попросил Глеб** (Устинова, «Жизнь, по слухам, одна!»).

Данные конструкции зачастую встречаются в тех речевых актах просьбы, выполнение которых не составляет большого труда для адресата, по крайней мере, так полагает говорящий: **Тамаре передай от меня привет, — попросила Ляля. — И сувенир. Я ей флакончик духов купила** (молодая жена мужу) (Кожевникова, «Простые вещи»); **Так ты поделись со мной, расскажи, что случилось, — попросила она уже не так из любопытства, как из жалости** (Дашкова, «Место под солнцем»); **Подождите здесь одну минуточку** (Дашкова,

«Место под солнцем»); *Дай мне телефон Ивана Савельевича* (подруги) (Токарева, «Птица счастья»); *Передай привет Юрию Александровичу* (Никулин, «Почти серьезно»); *Татьяна, я тут адресок свой написал, передай Марине* (Розов, «В поисках радости»); *Расскажи о себе, — попросил губернатор* (Токарева, «Птица счастья»); *Да к чему подходит-то, спроси* (Романов, «Рулетка»). В этой связи показательно высказывание Н. И. Формановской: «...за какой-нибудь пустяк (например, передали в транспорте билет) я не могу сказать что-нибудь вроде этого: *У меня нет слов выразить вам свою благодарность!*» [13; 293]. Вышеприведенные примеры являются подтверждением сказанного.

Императив так популярен в силу своей краткости, удобства использования, поэтому употребляется в ситуациях, когда имеется нехватка времени, как в следующей ситуации: *Буди всех! Звони 01!* — кричала Ирина (женщина лет 35-и мужу, пожар) (Дашкова, «Место под солнцем»).

Примечательно, что императив с семантикой просьбы встречается в русской народной сказке «Гуси-лебеди», а сказки, как известно, ярче всего отражают ментальность народа: *Яблоня, яблоня, скажи, куда гуси-лебеди полетели?*; *Девушка, девушка, дай мне кашки, я тебе добренькое скажу*; *Печка, матушка, спрячь меня и др.*

Следует подчеркнуть, что в императивных конструкциях, выражающих просьбу, важным оказывается такой морфологический показатель, как вид глагола. А. В. Бондарко и Л. Л. Буланин отмечают в связи с этим: «У глагольного вида здесь открывается особая сторона: он в какой-то мере используется для выражения модальности» [2; 127]. В. В. Виноградов отмечает, что повелительное наклонение несовершенного вида выражает волеизъявление в более прямой, фамильярной форме, чем императив совершенного вида [см. 4; 597]. В «Грамматике-80» указывается, что формы повелительного наклонения глаголов несовершенного вида обычно выражают более категорическое побуждение, чем формы глаголов совершенного вида [10; 623]. По справедливому замечанию авторов, просьба, выраженная формой повелительного наклонения совершенного вида, представляется более мягкой. Между тем, Д. Э. Розенталь, рассматривая стилистические особенности повелительного наклонения, отмечает, что «форма повелительного наклонения совершенного вида, выражающая приказание, направленное на результат, имеет более категорический характер по сравнению с соответствующей формой несовершенного вида, например: *Она мало говорила со мной, все больше приказывала: — Сходи, подай, поднеси ... (Горьк.)*». В то же время, автор отмечает, что в зависимости от экстралингвистических факторов форма несовершенного вида может оказаться более категорической, резкой и фамильярной, если она «выражает волевой акт, направленный на самый процесс» — *«Сядь, Илья! Ради бога, сядь! Ну, да садись же!»* (Чех.) [9; 168]. В «Грамматике-80» также приводятся случаи, когда форма совершенного вида выражает большую степень категоричности, чем форма несовершенного вида: *«Придите в четыре часа/ Приходите в четыре часа»* [10; 623].

Императив с семантикой просьбы, как правило, смягчается тем или иным способом. Это может быть фамильярное обращение по имени в уменьшительно-ласкательной форме, указывающее на неформальные отношения между собеседниками: *Саш, помоги, покажи...* (Малюкова, «Разговор поэтов о киноторговле»); *Анют, притормози вон там, я денег быстро на телефон кину* (х/ф «Человеческий фактор»), *Паша, торт нарежай!* (т/п «Понять, Простить»); *Лех, привет, помоги мне аппарат УЗИ до палаты докатить?* (т/с «Интерны»).

Деминутивы — типичная черта русского языка и ментальности. Уменьшительно-ласкательным суффиксам свойственна национально-культурная окрашенность [см. 3; 152]. Рассмотрим следующий пример: *Слушай, Васенька, друг мой: сделай для меня большое одолжение* (Розанов, «Приключения Травки»). Здесь императив смягчает также ласковое обращение к адресату «друг мой», отражающее положительные чувства к адресату. В устном дискурсе можно обходиться и без этого, лишь интонационно придать высказыванию значение **просьбы**. Однако в письменной речи, в частности в художественной литературе, из-за отсутствия такой возможности, обычно применяется указанный способ.

Примечательно, что конструкция «императив без формул вежливости» в большинстве случаев встречается в мужском дискурсе. В женском же дискурсе императив смягчается тем или иным способом [см. 1].

Императив могут смягчать и комплименты в адрес слушающего: *Мне, — говорит, — снимки надо, кучу снимков. Вы фотографы, настоящие профессионалы. Помогите* (Щекина, «Инверсия»); *Глеб, помоги даме, ты ведь у нас джентльмен* (молодая девушка-мачеха около 25- и 30-летнему пасынку) (Дашкова, «Место под солнцем»); *Геночка, зайка, покажи макет, а? Ну ведь мне интересно! Ты же такой отличный художник* (Устинова, «Жизнь, по слухам, одна!»). На наш взгляд, комплименты создают положительный настрой и смягчают просьбу.

Императив может смягчить и вводное слово «кстати», которое несколько ослабевает побуждение: *Ты, кстати, узнай расписание рейсов на Петрозаводск* (мужчина женщине-секретарю) (Гришковец, «Асфальт»).

В роли «смягчителя» выступает и наречие «заодно», отражающее русскую национальную ментальность: *Заодно и мне прихвати; Заодно купи чего-нибудь к чаю* (т/с «Интерны»). Оно смягчает просьбу, ведь по форме говорящий как бы побуждает адресата к действию «попутно». В обоих случаях это бытовые просьбы, и в такой форме излагаются просьбы, которые требуют лишь «попутного выполнения», то есть это случаи, когда казулируемый собирался совершить определенное действие, а говорящий добавляет и от себя.

И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев выделяют следующие наиболее характерные типы ситуаций, с которыми связывается русское «заодно»: «Здесь можно выделить две разновидности. Ср., с одной стороны, Ты все равно идешь гулять, купи заодно хлеба и, с другой — *Сходи, пожалуйста, за хлебом, заодно воздухом подышишь*. Если в первом случае говорящий убеждает адресата совершить некоторые действия, ссылаясь на то, что тому это совсем нетрудно, то во втором говорящий соблазняет адресата возможностью без дополнительных усилий получить приятный для того результат» [7; 347]. Нами был выявлен еще один тип ситуации употребления «заодно» — когда говорящий побуждает к действию и вслед за тем просит еще об одном одолжении: *А меня что-то все из Интернета выкидывает. Так что сделай милость, покажи внука, пошли Инночке благодарственное письмо, а заодно и новости узнай* (Кожевникова, «Простые вещи»).

В роли «смягчителя» выступает и частица «раз», совпадающая в семантическом плане с «заодно»: *...да, и раз ты в магазин едешь, возьми макарон* (т/с «Универ. Новая общага»). Просьба смягчается в силу того, что само действие инициируется не говорящим (адресат собирался идти в магазин), и просьба, казалось бы, требует лишь попутного выполнения.

В императивных конструкциях определенную роль играют присоединяемые к форме повелительного наклонения личные местоимения «ты/вы» для усиления или смягчения просьбы. Приведем примеры, иллюстрирующие сказанное. В высказывании *Коля, ты сейчас не ходи со мной* (Розов, «В поисках радости») личное местоимение «ты» усиливает просьбу. Напротив, в высказывании *Ты, Кай, не ругайся* (Арбузов, «Жестокие игры»), на наш взгляд, наблюдается смягчающий оттенок рассматриваемого местоимения.

В разговорном дискурсе следует выделить также императивные конструкции с частицами волеизъявления, смягчающие императив. Нами в частности дифференцированы следующие частицы: **частица «а»**: *Вылезай, а?* — *помолчав, попросила Катя* (Устинова, «Жизнь, по слухам, одна!»); **частица «-ка»**: *Фила, дай-ка!* *Не дам!* *Давай книгу, Фила* (х/ф «Подари мне тепло»); **частица «только»**: *Только форточку открой* (Арбузов, «Жестокие игры»); **частица «ну»**: *Дай мне!* *За одноклассника ответишь./ Ну дай;* **частица «да»**: *Ир! Ир, стой! Да стой!* (х/ф «Гюльчатай. Ради любви»); **частица «давай»**: *А если не посмею, то меня товарищ комиссар Пивоваров застрелит. Давай, помоги мне* (Гроссман, «Жизнь и судьба»); **частица «ладно»**: *Послезавтра позвони, ладно?* (Новикова, «Женский роман»); **частица «же»**: *Слушайте, у нас сегодня столько комаров в подъезде! Сделайте же наконец очистку подвала!* (Горланова, «Водоканальи и моя душа»); **частица «-то»**: *Вы уж отцу-то не рассказывайте, что Митька опять напился! Это у него пройдет!* (Устинова, «Жизнь, по слухам, одна!»). Заметим, что частицы волеизъявления могут придать просьбе оттенок недовольства: *Слушай, отстань, а?* — *попросил Кузьменко* (молодой мужчина приятелю) (Дашкова, «Место под солнцем»). Если проследить за полным дискурсивным событием, то можно понять, в каком русле велась беседа, и что постпозитивная усилительная частица *а* действительно придает просьбе оттенок недовольства: *Кристина, поехали, а?* (молодой мужчина подруге, когда последняя все еще не была готова к отъезду, хотя и готовилась достаточно долго) (т/с «Универ. Новая общага»). Как видим, на категоричность просьбы вместе с постпозитивной усилительной частицей *а* указывает и форма прошедшего времени глагола, использованная для выражения действия после момента речи. Частица *только* также может содержать оттенок недовольства: *...все, все, поздно, мы спать хотим, и совала деньги на такси, и подталкивала к двери, и пихнула ей томик Сименона: ради бога, на ночь почитаешь, только уходи!* (женщина среднего возраста соседке примерно того же возраста) (Толстая, «Огонь и пыль»); *Миша, ты только устрани там эту возню, а дальше разберемся* (Гришконец, «Асфальт») (мужчина 37-и лет коллеге). Оттенок недовольства могут выражать частицы *да* — *Да допивай ты скорее! Дядя Паша уже знает, ждет...* (Толстая, «На золотом крыльце сидели...») и *же* — *«Она подождет-подождет и скажет: Да отковыряйте же вы эти стекляшки, гос-поди! Встанет и дверью хлопнет* (Толстая, «Петерс»). Во втором примере последующее невербальное действие подтверждает правоту сказанного.

На этом фоне в английской лингвокультуре императив без актуализаторов вежливости употребляется редко и, в большинстве случаев, среди собеседников, которых связывают близкие отношения, и выполнение просьбы не требует больших усилий: *Okay, slow down* (во время пробежки, близкие подруги) (х/ф «Bride wars»); *Hey, Ronnie? Get me a drink* (с интонацией вопросительности) (молодой человек девушке) (х/ф «Last song»). Интерес представляет реакция адресата, что вполне может быть обусловлена употреблением императива: *Is there something wrong with your legs* («У тебя больные ноги?»).

В английском языке императив, как правило, сопровождается оттенком недовольства и имеет значение требовательности: *Don't touch me* (х/ф «Bride wars»). В случае если среди собеседников формальные, эмоционально дистанцированные отношения, императив (если используется), всегда сопровождается актуализатором вежливости «please». Английский императив, в отличие от русского, редко используется даже в случае «пустяковых» просьб: *Please, don't call me Mr. Devis. My friends always call me Alan* [пример из Национального корпуса английского языка]; *Please give my respects to Mrs. Macphail* (Maugham, «Rain»), и, как правило, смягчается определенными способами. Одним из таких распространенных способов является наличие конечных формативов «will you/ won't you». С помощью подобных конструкций, отличающихся большей экспрессивностью, императив переходит в категорию реквестивов: *Come in, won't you?* [см. 6].

Таким образом, в разговорном дискурсе среди собеседников, которых связывают неформальные, дружеские отношения, русские используют речевые акты просьбы, оформленные императивными конструкциями без актуализаторов вежливости. Посредством интонации происходит конкретизация побуждения. Императив смягчается дополнительными средствами: фамильярное обращение по имени в уменьшительно-ласкательной форме, деминутив, комплимент, личное местоимение «ты». Эта конструкция реализуется также в ситуациях, когда выполнение просьбы, как полагает говорящий, не составляет большого труда для адресата. Императив употребляется при нехватке времени, когда требуется быстрая реакция со стороны адресата, в ситуациях, исключающих многословие. На этом фоне в дискурсе англичан как бы наложено табу на употребление императива. Это и является главным различием в способах выражения просьбы в русской и английской лингвокультурах. Если типичными для носителей русского языка являются конструкции с императивом и, следовательно, тактика прямого выражения просьбы, то носители английского языка, редко используют императив даже в разговорном дискурсе.

Список литературы

1. Адамян, В. А. Речевой акт просьбы в свете гендерных различий / В. А. Адамян // Актуальные вопросы филологических исследований : Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 195-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского. — Краснодар, 2016. — С. 72—79.
2. Бондарко, А. В. Русский глагол / А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. — Ленинград, 1967.
3. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — Москва, 1990.
4. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — Ленинград, 1947.
5. Крейдлин, Г. Е. Тон — понятие и слово (язык и параязык) / Г. Е. Крейдлин // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. — Москва, 1999. — С. 155—161.
6. Кулундарий, В. В. Экспрессивность и эмфаза в побуждении / В. В. Кулундарий // Мир науки, культуры, образования. — 2015. — № 1 (50). — С. 283—285.
7. Левонтина, И. Б. Русское «заодно» как выражение жизненной позиции / И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва, 2005. — С. 345—349.
8. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. — Москва, 2010.
9. Розенталь, Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Д. Э. Розенталь. — Москва, 1965.
10. Русская грамматика. Т. I. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. — Москва, 2005.
11. Современный русский язык. Ч. 1. Лексика и фразеология. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Словообразование. Морфология (под ред. Д. Э. Розенталя). — Москва, 1979.
12. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — Москва, 2008.
13. Формановская, Н. И. Культура общения и речевой этикет / Н. И. Формановская. — Москва, 2005.

О. И. Бобкова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия
olgabobkova8@gmail.com

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОПОСТАВЛЕНИЮ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ СИНТЕТИЧЕСКИХ И АНАЛИТИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье предпринимается попытка рассмотреть перспективы сопоставления синтаксических конструкций в ономаσιологическом аспекте на примере русских и английских предложений со значением свойства. Высказывается предположение, что такой ракурс рассмотрения позволяет определить причины наблюдаемых расхождений в способах синтаксического оформления одного и того же мыслительного содержания в синтетических и аналитических языках.

Ключевые слова: сопоставительный синтаксис, ономаσιологический подход, русский язык, английский язык.

Bobkova Olga Igorevna, Lomonosov State University, Russia
olgabobkova8@gmail.com

Onomasiological approach to cross-lingual matching of the syntactic structures in synthetic and analytic languages

The article aims to consider some prospects for cross-lingual matching at the syntactic level in the onomasiological aspect. The author uses contrastive analysis to Russian and English sentences which carry the qualitative meaning. The author assumes that onomasiological contrastive studies can provide us with the information about the factors which underlie the discrepancies in the syntactic patterns which is used by the synthetic and analytic languages.

Keywords: contrastive syntax, onomasiological approach, Russian, English.

Появление и развитие сравнительного языкознания сыграло исключительно важную роль для лингвистической науки. Ф. Ф. Фортунатов пишет: «С появлением сравнительно-исторического исследования языков в трудах Боппа, Якова Гримма и их учеников возникло и само языковедение как особая наука, т. е. как исследование человеческих языков в их истории» [4; 47].

Со времен своего возникновения сравнительное языкознание получило значительное развитие, в том числе в области синхронических сопоставительных исследований. Необходимо отметить, что сопоставительные исследования были ориентированы главным образом на выявление и фиксацию фактов формальных сходств и различий в сопоставляемых языках. Такие исследования, как правило, проводятся в семасиологическом (в направлении от формы к содержанию) аспекте и не ставят своей задачей определение причин обнаруженных различий. Представляется, что возможность определения этих причин лежит в поле сопоставительных ономазиологических исследований, т. е. исследований в направлении от содержания к форме, поскольку именно такое направление исследования позволяет проследить и проанализировать механизм выбора определенных языковых единиц для выражения того или иного смысла. Целью настоящей статьи является попытка продемонстрировать некоторые возможности ономазиологических исследований в области синтаксиса на материале русского и английского языков.

Прежде всего необходимо сказать, что такая постановка задачи (проведение сопоставления в направлении от содержания к форме) требует признать, что те фрагменты реальной действительности, которые потом находят разные синтаксические оформления в сопоставляемых языках, отражаются в сознании носителей разных языков одинаково. Такая постановка вопроса обращает нас к одному из самых сложных и дискуссионных вопросов науки о языке — вопросу о соотношении языка и мышления. Ф. Ф. Фортунатов, обращаясь к данному вопросу, пишет: «язык, как мы знаем, существует главным образом в процессе мышления и в нашей речи, как в выражении мысли <...> Наше мышление состоит из духовных явлений, называемых представлениями. <...> Представлением называют тот след ощущения, который сохраняется некоторое время после того, как не действует уже причина, вызвавшая ощущение» [4; 111]. Нет оснований полагать, что эти «представления», как слепки данных в опыте чувственно познанных объектов и явлений реальной действительности (ощущений), отражаются в языковом сознании носителей разных языков по-разному.

Кроме того, при сопоставлении синтаксических конструкций разных языков, представляется необходимым прежде всего исходить из типологических синтаксических различий этих языков. В соответствии с синтаксической классификацией языков, предложенной в трудах И. И. Мещанинова [3], Г. А. Климова [1] и Г. П. Мельникова [2], и русский, и английский языки принадлежат к языкам номинативного строя. Однако русский язык последовательно развивал техники синтетизма, в отличие от английского, который приобретал черты аналитизма вследствие смешения народов и культур. «В языке тогда начинают усиливаться аналитические черты, когда по тем или иным причинам падает уровень преемственности при передаче языкового опыта от поколения к поколению. В наибольшей мере преемственность страдает вследствие бурного смешения народов и культур, требующего выработки общего для всех языка, предельно простого для его освоения» [2; 27]. Таким образом между английским и русским языками сформировались существенные различия в способах выражения реляционных отношений.

Ономазиологический подход к сопоставлению синтаксических структур позволяет проследить, как все компоненты смысла того или иного высказывания обуславливают выбор синтаксической структуры в разных языках в соответствии с предписаниями лексической и синтаксической систем этих языков.

В качестве материала для сопоставления могут быть приняты семантически эквивалентные пары предложений, одно из которых является исходным, а другое — его переводом на английский язык и наоборот. Возьмем для примера предложения со значением свойства.

Чаще всего для целей характеристики русский язык использует составные адъективные сказуемые. Наиболее тривиальным фактом являются расхождения, обусловленные типологическими различия в сфере прилагательных. В английском языке, в отличие от русского, четко представлен только один разряд прилагательных — качественные. Относительные же прилагательные представлены ограниченной группой. В частности, английский практически не располагает прилагательными, несущими семантический компонент 'сделанный из' (ср. русские *золотой*, *каменный*, *стальной* и т. д.). Поэтому при необходимости включить данный компонент значения в предикат, английский язык вынужден прибегать к иным типам сказуемых:

(1) — *Подковка действительно была золотая с бриллиантами?* — спрашивали Аннушку [М. Булгаков] — *The horseshoe was really made of gold and diamonds?* — Annushka was asked.

(2) *Когда на него упал свет от факелов, девочки увидели, что нож этот — причудливой и зловещей формы — каменный, а не стальной.* — *It looked to the children, when the gleam of the torchlight fell on it, as if the knife were made of stone, not of steel, and it was of a strange and evil shape* [C. S. Lewis].

Здесь английский язык, ввиду отсутствия в лексической системе относительных прилагательных, несущих искомую сему, был вынужден выразить данной значением эксплицитно ('made of' — 'сделанный из') и использовать составное причастное сказуемое.

Интересно, что тот же компонент значения 'сделанный из' русский язык может передавать и при помощи составных субстантивных сказуемых характеризующего типа:

(3) *Он (портсигар) был громадных размеров, красного золота, и на крышке его при открывании сверкнул синим и белым огнем бриллиантовый треугольник.* [М. Булгаков] — *It was of huge size, made of pure gold, and, as it was opened, a diamond triangle flashed white and blue fire on its lid.*

Приведенный пример свидетельствует, что устойчивая английская конструкция *made of + Noun* должна сопоставляться не с относительными прилагательными русского языка, но непосредственно с рассматриваемой семой, независимо от того, какое частеречное выражение и синтаксическое оформление она находит в русском языке. Такой подход дает возможность проанализировать причины наблюдаемых расхождений в способах синтаксического оформления одного и того же смысла — это, прежде всего, несовпадение лексических систем рассматриваемых языков (отсутствие в английском языке лексических единиц, несущих сему 'сделанный из').

В примере (3) есть еще одна предикация, выраженная в русском языке тем же самым составным субстантивным сказуемым характеризующего типа со значением качественной характеристики: *Он (портсигар) был громадных размеров — It was of huge size.* Однако данная предикация несет другую сему — 'размер'.

(4) *Сестра ее более хрупкого сложения, миниатюрная, бледная, застенчивая.* — *Myrtle was of a less vigorous constitution, small, pale, shy.* [Th. Dreiser].

(5) *Лет ему будет примерно под сорок, роста среднего.* — *I'd put him at forty years of age, and he was of a middle height.* [A. C. Doyle].

В примерах (4) и (5) расхождения в способах синтаксического оформления обусловлены исключительно сложившимися техниками указывания на реляционные отношения — синтетическая в русском языке (значение качественной характеристики берет на себя грамматическая морфема (Род. п.), а в английском языке аналитическая (позицию именной части в составном именном сказуемом занимает словосочетание *of + Adjective + Noun*).

Подобный анализ осуществим для любого типа русского сказуемого со значением свойства. Так, в следующем примере (6) русское глагольное сказуемое несет семантический компонент 'поцессуальность', заложенный в лексическое значение русских глаголов типа *стареть, лысеть, сидеть*. Соответствующие глаголы английского языка не несут в своих значениях данной семы, поэтому здесь русскому простому глагольному сказуемому соответствует английское составное глагольное сказуемое:

(6) — *Почему человек лысеет? Почему седеют его волосы?* — *Why does a man get bald? Why does his hair turn gray?* [E. S. Gardner].

А в примере (7) то же самое расхождение в способах синтаксического оформления (простое глагольное сказуемое в русском языке и составное глагольное в английском) обусловлено наличием в русском глаголе *постареть* семы 'результативность', заложенной на словообразовательном уровне префиксом совершенного вида *по-*.

(7) *Буфетчик сидел неподвижно и очень постарел.* [М. Булгаков] — *The barman sat motionless and grew very old.*

Таким образом, сопоставительные исследования, проводимые в ономаσιологическом аспекте, позволяют проследить, как отдельные компоненты мыслительного содержания находят свое оформление на разных языковых уровнях (лексическом, морфологическом, синтаксическом) и проанализировать причины наблюдаемых расхождений в способах оформления семантически эквивалентного содержания в разных языках.

Список литературы

1. Климов, Г. А. Принципы контенсивной типологии / Г. А. Климов. — Москва, 1983.
2. Мельников, Г. П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадильной / Г. П. Мельников. — Москва, 2000.
3. Мещанинов, И. И. Номинативные и эргативные предложения: Типологическое сопоставление структур / И. И. Мещанинов. — Москва, 1984.
4. Фортунатов, Ф. Ф. Избранные труды / Ф. Ф. Фортунатов. Т. I. — Москва, 1956.

**РЕФЛЕКСИЯ НАД ЗАДАЧАМИ НАУКИ О ЯЗЫКЕ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ
МОСКОВСКОЙ ФОРТУНАТОВСКОЙ ШКОЛЫ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

В статье рассматриваются основные особенности учения о языке и о науке о языке в Московской лингвистической школе Ф. Ф. Fortunatova. Дается обзор основных идей, рецепция которых может быть полезна для современного отечественного языкознания. Приводится ряд задач на перспективу, которые могут быть решены с использованием научного аппарата Fortunatovской школы. Кратко показана рецепция идей Московской лингвистической школы в современном отечественном языкознании, а также подтверждения наблюдениям и выводам Ф. Ф. Fortunatova на материале разнотипных языков. Статья носит, по большей части, историографический и лингвофилософско-методологический характер.

Ключевые слова: Московская Fortunatovская школа, история отечественного языкознания, методология языкознания, философия языкознания, интегративная парадигма в современном языкознании.

Kalinin Stepan Sergeevich, Kemerovo State University, Russia
Rage_of_gods@inbox.ru

Introspection of aims of linguistics in the language theory of Moscow Fortunatov Linguistic School and its importance for the development of the contemporary linguistics

The article examines the main features of the doctrine of language and the science of language in the Moscow F. F. Fortunatov's Linguistic School. An overview is given of the main ideas, the reception of which can be useful for contemporary Russian linguistics. A number of advanced tasks for the future are given, which can be solved using the scientific methods and methodology of the Fortunatov Linguistic School. The reception of ideas of the Moscow Linguistic School in contemporary Russian linguistics is briefly illustrated, as well as confirmation of F. F. Fortunatov's observations and conclusions on the material of the different-structured languages. The article is, for the most part, historiographical, linguistic-philosophical and linguistic-methodological.

Keywords: Moscow Fortunatov Linguistic School, history of Russian linguistics, methodology of linguistics, philosophy of linguistics, integrative paradigm in contemporary linguistics.

Отечественная языковедческая мысль дореволюционного периода сформировала множество плодотворных идей, многие из которых используются до сих пор и в современном языкознании. К сожалению, ряд идей, предложенных в рамках этих направлений, которые касаются общей сущности языка и вопросов философии языка и философии языкознания, остаются малоизвестными. Предлагаемая работа имеет целью частично заполнить эту лауну. Теоретическая рефлексия данных идей в современной науке о языке необходима в частности и для точного научного обоснования методики и методологии современной науки о языке, поскольку, как отмечает А. Д. Кошелев [8; 112—117], в ней сложилась парадоксальная ситуация: существования несовместных парадигм исследования языка, многие из которых взаимно отрицают друг друга.

Нам представляется вполне перспективным, учитывая общее стремление современного языкознания к синтетичности (см. [8; 144—145]) и приближению к идеалу цельного знания (более подробно об «идеале цельного (интегративного) знания» в лингвистике см. работу [11; 170—173, 181—191]), использовать идеи и наработки предшествующих отечественных языковедческих школ для построения таковой синтетической парадигмы. При этом нами различается синтез как объединение продуктивных идей той или иной школы на основании «органических категорий» [12; 118—120], на основании определенного принципа и эклектизм, включающий в себя механическое соединение идей, отобранных по субъективным критериям, зачастую бессистемно и в противоречии друг с другом.

Материалом данной статьи служит лингвистическое учение, сформировавшееся в рамках Московской Fortunatovской или Московской Формальной школы [5; 317], хотя, как мы увидим из дальнейшего изложения представители этой школы — ученики ее основателя Ф. Ф. Fortunatova — и занимались не только вопросами собственно языковой формой, но и вопросами, связанными с языковым содержанием (в частности, с семасиологией).

Как отмечают авторы работы [2; 440], по общеметодологическим установкам Fortunatovская школа была близка к Лейпцигской школе младограмматиков. Тем не менее, в этой же работе указывается, что Fortunatovская школа характеризовалась значительным интересом к общелингвистической проблематике, интересам к исследованию социальной сущности языка [6; 136], формализации лингвистических процедур и созданию точных научных определений [2; 441]. Рецепция идей младограмматиков проявлялась в Fortunatovской школе в том, что учитывался аспект фонетических законов и психологическая сущность языка [2; 441]. Вместе с тем, Ф. Ф. Fortunatova интересовала, в частности, проблема обоюдной взаимосвязи между языком и мышлением [13; Т. I, 120]. В совершенствовании методики сравнительно-исторических исследований (как

известно, Ф. Ф. Фортунатов был выдающимся индоевропеистом-компаративистом [2; 442]) им подчеркивалось необходимость установления связи компаративных исследований в целом с историей конкретного отдельного языка [2; 443]. Это с неизбежностью ведет к вопросу об исторических судьбах народа, говорящего на данном языке [2; 443].

Ф. Ф. Фортунатова интересовали также проблемы языкового развития, связь между развитием языка и развитием общества [2; 442]. Он стремился выявить причинную суть языковых изменений и их движущую силу [2; 442]. В нем сочетаются как процессы как дифференциации, так и интеграции [2; 444]. В новейшей истории языкознания и в современном языкознании также возникают попытки увязать историю языковых типов с историей общественных формаций, однако, они, по ряду причин, являются не вполне удовлетворительными. Так, эволюционная теория языка А. Д. Кошелева [8; 456—480], при всех ее достоинствах, богатстве фактического материала, приводимого в поддержку данной теории, и интересных размышлениях, углубляющих и развивающих ряд положений когнитивной парадигмы языкознания, в своей «антропологической» части основывается на теориях Л. Г. Моргана [8; 456—459], устаревших как терминологически, так и фактологически. В частности, Л. Г. Морганом используются такие термины как «дикость» и «варварство», обладающие негативными коннотациями для современного носителя русского языка [8; 479] и, по сути, лишённые какого-либо научного содержания. Следует избегать использования такой терминологии как по причинам собственно научного характера (она не отражает всех особенностей реального развития человеческой цивилизации), так и во избежание привнесения субъективизма в научное исследование. Еще Е. А. Крейнович [9; 4], критикуя шовинистическое отношение ряда исследователей к носителям примордиальных языков и культур, подчеркивал, что фактически некорректно будет употреблять по отношению к современным обществам таких народов термин «первобытность» и, тем более, «дикость» [9; 4], поскольку такие общества по своей структуре не соответствуют первобытному обществу в точном значении этого термина, несмотря даже на то, что примордиальные общества и культуры существенно отличаются от европейской цивилизации и др. типов цивилизаций. Подобные же идеи высказывает и У. Чеслинг [15; 32—36], говоря о том, что попытки «против воли» цивилизовать примордиальные народы (У. Чеслинг проводил свои исследования на материале обществ и культур коренных народов Северной Австралии [15; 12—14]) обычно приводили к неудачам.

Гуманистический компонент учения о языке Московской школы представляется крайне важным не только для лингвистической культурологии, но и для методологии и философии языкознания. Интересная стадийная классификация эволюции этноса и его языка, предложенная А. Д. Кошелевым [8; 476—478], при опоре на строгую методологию Фортунатовской школы в плане взаимосвязи развития языка и общества, могла бы действительно стать «интегральной» по духу теорией, объединяющей в себе как новейшие достижения, полученные в рамках когнитивной парадигмы языкознания и когнитивной науки вообще, так и строго выработанную методологию исследования, неоднократно апробированную на различном языковом материале (как известно, идеи и методы Фортунатовской школы были позднее апробированы на материале финно-угорских, тюркских, северокавказских, германских и др. языков [5; 318], т. е., разнотипных с точки зрения как формальной, так и контентивной типологии языков).

Большое значение для общего языкознания имеет классификация языков, предложенная Ф. Ф. Фортунатовым [2; 449—450], [6; 137—138], [13; Т. I, 153—154]. Классификация основных языковых типов, выделенных им, не утратила значения до сих пор. Более того, введение в научный обиход материала малоизученных или неизученных языков Нового Света (Северной, Центральной и Южной Америки), Австралии, Новой Гвинеи, Океании, Северо-Восточной Азии (т. н. палеоазиатские языки) способно дать существенное подтверждение теории формальных языков типов и реальности их существования. Интересными в этом отношении представляются критерии выделения каждого типа и существование промежуточных типов. Так, самим Ф. Ф. Фортунатовым выделены флективно-агглютинативные языки, к которым, по его классификации, относятся семитские языки [13; Т. I, 153—154]. Полисинтетизм же он характеризует на материале различных языков американских индейцев [13; Т. I, 180—181]. Замечательными примерами объективности выделения полисинтетического типа языков являются данные, приводимые в книге М. Бейкера [3] и в книге А. П. Дульзона [4]. М. Бейкер, помимо полисинтетического языка могавак (ирокезская семья языков Северной Америки), на котором он делает основные выводы об устройстве полисинтетических языков [3; 88—100], упоминает также и ряд других языков, где имеется полисинтетизм. Среди них он упоминает язык онейда, ирокезский язык, близкий к языку могавак [3; 88], каддоанские языки, кайова-таноанские языки, юто-ацтекские языки (прежде всего, классический и современный ацтекский), куньвинькусские языки Австралии (языки гунвингу), чукотско-камчатские языки и эскимосские языки из палеоазиатских языков, арауканские языки, язык айнов, один из языков мунда, распространенных в Индии и т. д. [3; 117; 121]. Кроме того, в первой главе своей книги М. Бейкером описывается язык навахо (семья на-дене), также демонстрирующий явные черты полисинтетизма [3; 15—16]. Можно также упомянуть и анализ У. Чейфом (также особо выделяющим данный языковой тип) основных паттернов полисинтетизма на материале ирокезского языка оондага [14; 306—327]. В своей монографии о кетском языке А. П. Дульзон также постулирует, что кетский — один из сохранившихся енисейских языков — также является языком полисинтетическим [4; 6], в котором имеется и

инкорпорация [4; 583]. В этом отношении актуальным и интересным для типологии представляется вопрос о разграничении полисинтетизма и инкорпорации. Кроме того, достаточно интересен был бы вопрос о взаимосвязи полисинтетизма с вершинным, зависимостным и смешанным (двойным) маркированием. В этом отношении показателен пример А. А. Кибрика и В. А. Плунгяна: абхазский язык, обладающий исключительно вершинным маркированием, и чеченский язык, использующий исключительно зависимостное [7; 293]. При этом агглютинативный по своей морфологической технике абхазский язык (как и все абхазо-адыгские языки [16; 81]) характеризуется высокой степенью синтетизма, вплоть до образования полисинтетических структур. Нахско-дагестанские же языки (к которым относится чеченский) относятся к синтетическим агглютинативным языкам с элементами аналитизма, полисинтетизм для них не характерен [1; 157].

Таким образом, типология языков, предложенная Ф. Ф. Фортунатовым, не теряет своего значения и в наши дни. В частности, актуально ее дальнейшее применение и развитие при изучении явлений полисинтетизма и инкорпорации, вершинного и зависимостного маркирования, конфигурационности и неконфигурационности, а также взаимосвязи этих языковых феноменов между собой.

Помимо прочего, особый интерес представляют работы учеников и последователей Ф. Ф. Фортунатова в области семасиологии и синтаксиса. Так, М. М. Покровский в ставшей уже классической работе об античных языках выдвигает ряд идей [10; 31—32], предвосхитивших понятие «категоризация» в современной когнитивной лингвистике. Рецепцию также ставших классическими синтаксических идей А. М. Пешковского и А. А. Шахматова [6; 139—141], можно найти в синтаксических и лингвофилософских теориях В. С. Юрченко [17; 125—175], являющихся оригинальным развитием идей и методов как классического русского языкознания [17; 134—138], так и классической русской философии [17; 20—26].

Таким образом, значение лингвистического учения Московской Фортунатовской школы как для общего языкознания, так и для его частных разделов, и методологии, и философии языкознания по-прежнему актуально. В рамках данной небольшой работы мы постарались показать возможные приложения круга идей, высказанных в этой школе, однако, следует заметить, что оно не ограничивается тем, что было описано выше. Необходимо дальнейшее продуктивное развитие этих идей и их синтез (в том смысле, как мы описывали выше) для того, чтобы языкознание было по-настоящему антропоцентрической наукой.

Список литературы

1. *Алексеев, М. Е.* Нахско-дагестанские языки / М. Е. Алексеев // Языки мира. Кавказские языки. — Москва : Издательство Academia, 1999. — С. 156—165.
2. *Амирова, Т. А.* Очерки по истории лингвистики / Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский. — Москва, 1975.
3. *Бейкер, М. К.* Атомы языка: грамматика в темном поле сознания / М. К. Бейкер ; пер. с англ. под ред. О. В. Митрениной, О. А. Митрофановой. — Москва, 2008.
4. *Дульзон, А. П.* Кетский язык / А. П. Дульзон. — Томск, 1968.
5. *Журавлев, В. К.* Московская Фортунатовская школа / В. К. Журавлев // Лингвистический энциклопедический словарь ; гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 317—318.
6. *Кашкин, В. Б.* Языковые контрасты в истории лингвистики / В. Б. Кашкин. — 2-е изд., перераб. и доп. — Воронеж, 2011.
7. *Кибрик, А. А.* Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления ; под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. Изд. стер. — Москва, 2016. — С. 276—339.
8. *Кошелев, А. Д.* Очерки эволюционно-синтетической теории языка / А. Д. Кошелев. — Москва, 2017.
9. *Крейнович, Е. А.* Юкагирский язык / Е. А. Крейнович. — Ленинград, 1958.
10. *Покровский, М. М.* Семасиологические исследования в области древних языков / М. М. Покровский ; вступ. ст. Н. М. Шанского. — 2-е изд. — Москва, 2006.
11. *Постовалова, В. И.* Наука о языке в свете идеала цельного знания: в поисках интегральных парадигм / В. И. Постовалова. — Москва, 2016.
12. *Страхов, Н. Н.* Органические категории (по поводу статьи г. Эдельсона *Идея организма*. Библиотека для чтения. 1860 г. № 3) / Н. Н. Страхов // Вопросы философии. — 2009. — № 5. — С. 116—124.
13. *Фортунатов, Ф. Ф.* Избранные труды. Т. I / Ф. Ф. Фортунатов. — Москва, 1956.
14. *Чейф, У. Л.* Значение и структура языка / У. Л. Чейф ; пер. с англ. Г. С. Щура. — Москва, 1975.
15. *Чеслинг, У.* Среди кочевников Северной Австралии / У. Чеслинг ; пер. с англ. А. К. Модиной ; отв. ред. С. А. Токарев. — Москва, 1961.
16. *Шагиров, А. К.* Абхазо-адыгские языки / А. К. Шагиров // Языки мира. Кавказские языки. — Москва, 1999. — С. 80—86.
17. *Юрченко, В. С.* Философия языка и философия языкознания: лингвофилософские очерки / В. С. Юрченко ; отв. ред. Э. П. Кадькалова ; вступ. ст. О. Б. Сиротининой, Э. П. Кадькаловой. — 3-е изд. — Москва, 2008.

ЖИТИЕ СВЯТОГО АФАНАСИЯ АФОНСКОГО В «СОБОРНИКЕ» ПРЕПОДОБНОГО НИЛА СОРСКОГО: ТЕКСТОЛОГИЯ И ЯЗЫК

Статья посвящена выявлению и систематизации нормализаторских установок в области морфологии и синтаксиса, которыми руководствовался Прп. Нил Сорский при редактировании Жития Святого Афанасия Афонского, вошедшего в первую часть Сборника житий греческих Святых. Показано, какие славянские списки послужили основными антиграфами. Воссоздано представление Прп. Нила Сорского и его учеников о некоторых особенностях морфологической и синтаксической нормы церковнославянского языка начала XVI в.

Ключевые слова: Житие Святого Афанасия Афонского, Преподобный Нил Сорский, морфологическая норма, синтаксическая норма, двойственное число, «ради», «дѣлъ».

Karavaeva Polina Yuryevna, State Academic University for Humanities, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
vatopedioumonastery30@yandex.ru

The Life of Saint Athanasius the Athonite in the Collection by Saint Nilus of Sora: textology tradition and language

The article is devoted to the identification and systematization of the normalizers in the field of morphology and syntax, which guided the Saint Nilus of Sora during the editing of the Life of Saint Athanasius the Athonite, who entered the first part of the Collection of the Lives of the Greek Saints. It is shown which Slavic lists served as the main antigraphs. The representation of Saint Nilus of Sora and his students about some features of the morphological and syntactic norms of the Church Slavonic language of the early 16th century.

Keywords: Life of Saint Athanasius the Athonite, Saint Nilus of Sora, morphological norm, syntactic norm, dual, for «ради», «дѣлъ».

Среди множества житийных сборников, созданных на Руси до 1541 г., т. е. до появления ВМЧ митрополита Макария, несомненную ценность для понимания эволюции грамматической и лексической нормы литературного языка средневековой Руси представляет «Сборник житий греческих Святых» Преподобного Нила Сорского. Переработанный великим старцем Нилом текст Жития Святого Афанасия Афонского (далее — ЖАА) в составе «Сборника» прежде не являлся объектом специального изучения. При этом осуществленная Преподобным Нилом Сорским правка настолько существенна, что следует говорить о возникновении именно новой редакции ЖАА в славянской рукописной традиции.

Выявление **генеалогических взаимоотношений** списков позволило обнаружить наиболее близкий к архетипу перевода текст (НБКМ 307), и проследить его связи с другими привлеченными славянскими источниками. Изучение состава всех обнаруженных нами славянских списков ЖАА и классификация текстологических примет позволили сделать вывод о наличии в славянской агиографической традиции до начала XVI в. одной редакции текста ЖАА, представленной несколькими текстовыми группами, и одного вольного переложения. Путем анализа полученных разночтений списков удалось установить, что в эту редакцию ЖАА, которую мы будем называть Первой, входят четыре текстовые группы (α, β, γ, δ).

Наибольший интерес для нас представляют списки группы γ² — Соф. 1376 и ТСЛ 746, — поскольку существенное число обнаруженных **текстологических узлов** (58 единиц) позволяют говорить о том, что Преподобный Нил Сорский при включении текста ЖАА в состав «Сборника» работал с данными источниками совершенно точно. Приведем лишь некоторые примеры (табл. 1).

Прочие исследованные списки — НБКМ 307, Пог. 803, ТСЛ 749, ТСЛ 685, Вол. 605, — согласно данным текстологии, либо не привлекались вовсе, либо привлекались частично.

Таблица 1

VITA B	НБКМ 307; Пог. 803; ТСЛ 749; ТСЛ 678; Вол. 605	Соф. 1376 и ТСЛ 746	«Сборник житий греческих Святых» Нила Сорского
ὄρον ταύτην οὗτος οὕτω πρίπτουσαν ξένον τι ἐδόκει ὄρον καὶ πειρώμενος τὴν αἰτίαν μαθεῖν ἠρώτα αὐτήν	зрѧ сиѡ сѣи тако творащѡ странно нѣкое мнѣшеса зрѧ и разгараемь винѡ оувѣдѣти, въпрашаше еѡ	зрѧ сїю сѣ тако творащюу, странно нѣкое мнѣшеса зримое (л. 339; л. 32 об.)	и зрѧ сїю внѣ тако творащюу, мнѣше нѣкое чюднозримое и желаше оувѣдѣти (л. 139 об.)

	(л. 4 об.; л. 143; л. 335; л. 46 об.; л. 141 об.)		
ὁ δὲ παντοκράτωρ Θεὸς διὰ τῆς ἀφορμῆς τοῦ διδασκαλικοῦ ἀξιώματος	вседръжитель же бѣ <u>вины</u> дѣлѣ оучительнаго сана (л. 7; л. 145 об.; л. 339; л. 50 об.; л. 144)	в̄седръжителне бѣ <u>вины</u> ради оучительнаго сана (лл. 342—342 об. + глосса «же»; л. 35, «же» пропущено)	в̄седръжитель бѣ <u>вины</u> ради оучительнаго сана (л. 143)
τοῦ Θεοῦ πάντως οἰκονομοῦντος τοῦτο καὶ προδεικνύοντος τῷ Ἀβρααμίῳ τὴν μέλλουσαν τοῦτῳ κατάλευσιν	бѣу в̄сѣрчьскѣи строжащю сие и прѣдъпоказажщю аврамїюу, <u>хоташїи быти томоу покои</u> (л. 8; л. 146; л. 340)	<u>хоташїи томоу... быти покои</u> (л. 343; л. 35 об.)	<u>хоташїи томоу... быти покои</u> (л. 143 об.)
Τούτων ἐνὶ τῶν τριῶν ἐπιστολὰς ἐγχειρίσας	СѢ трїи сїхъ единомуу <u>епистолиж</u> в̄ржчївь (л. 27; л. 161 об.; л. 366; л. 82 об., л. 163)	ѡ трїи ^х сї ^х единомуу <u>посланїе</u> в̄ручївь (л. 365 об., л. 56 об.)	ѡ трїе ^х сї ^х единомуу <u>посланїе</u> в̄ручї ^в (л. 165)

В настоящей статье первостепенное внимание уделено принципам редактирования старцем Нилом текста в области употребления форм двойственного числа (далее — ДВ.Ч.) и характера постановки исконных послелогов «ради», «дѣлѣ».

Согласно данным бытовой письменности [1; 77—78, 118], ДВ.Ч. как грамматическая категория исчезло в живом древнерусском языке к XIII в. В старорусский период, к которому относится и принесение славянского перевода ЖАА на Русь, и, соответственно, последующее появление отредактированного старцем Нилом текста, ДВ.Ч. является жанрово-стилистической приметой книжного языка и формы ДВ.Ч. становятся «стилистическими отмеченными синонимами плюралных числовых форм» [2; 208]. В старорусский период употребление ДВ.Ч. во многом определяется степенью грамотности переписчиков и авторов оригинальных произведений, а также их сознательными грамматическими предпочтениями. Именно поэтому характер употребления форм ДВ.Ч. Нилом Сорским представляет несомненный интерес, являясь отражением представления великого старца и книжников его круга о морфологической норме церковнославянского языка.

Все контексты двойственности были рассмотрены согласно классификации форм ДВ.Ч., предложенной А. Беличем и дополненной О. Ф. Жолобовым [2].

Свободное ДВ.Ч.

Имена существительные, обозначающие парные части тела человека по отношению к одному субъекту действия, составляют мотивационную базу дуалиса. Однако случаи замены ДВ.Ч. на МН.Ч. в этих контекстах присутствуют. Старец Нил **устраняет** случаи **замены ДВ.Ч. на МН.Ч.** в данных контекстах, последовательно используя дуальные формы либо пропуская фрагменты ЖАА с формами МН.Ч. в подобных контекстах, например: Въ единѣ днѣ ѡвр̄сенѡ^м в̄нжтрѣ д̄шевнѡ^м емоу оочесемь, оузрѣ стоа вѣ папрѣтѣ женоу в̄бѣстѡимоу двѣма каженикома бѣлонѡсныма (γ²) — въ единѣ ѡ днѣи. ѡцоу соуцоу сѣ братїю сѣ страхомъ и в̄натїе^м мношѣ^м. сеи матѣи зрїть стоїа вѣ паперѣти, женоу в̄бѣстоимоу двѣма каженикома бѣлоноснѡма («Соборник», л. 162). Фрагмент ЖАА существенно переработан великим старцем, но данный пропуск следует воспринимать как мотивированный на фоне прочих многочисленных примеров верного использования Нилом Сорским форм свободного ДВ.Ч (табл. 2).

Таблица 2

	Основной антиграф	Редакция ЖАА в составе «Соборника»
1	тѣм же и мало ѡстоупль ѡ него. и <u>роуцѣ</u> [дв.ч., вин.п.] <u>сѣ око</u> ^м възведе ^т къ бѣу (по списку ТСЛ 746, л. 367; то же Соф. 1376);	[Св. Афанасий] тѣм же и мало ѡступль ѡ него <u>роуцѣ</u> [дв.ч., вин.п.] <u>ї оочи</u> възведе къ бѣу (л. 167 об.)
2	Сѡцѣ же ѡ былїи вкрестѣ и ^х прорастѣшїи ^х прїемь. и сїа <u>грѣстїю</u> [ед.ч., тв.п., гърсть <i>горсть</i> , <i>пригоринї</i> — VITA В, ἐπὶ πλακὸς (πλάξ <i>лешешка</i>), ед.ч., род. п.] сѣтрѣ, и на носѣ страж ^т жщаго полжжи (по списку ТСЛ 746, л. 367 об.; то же Соф. 1376)	ѡцѣ же ѡ былїи вкрестѣ ихъ прорастѣшихъ прїемь. и сїа <u>роукама</u> [дв.ч., тв.п.] своїма стерѣ, и на носѣ стражищаго положи (лл. 167 об. — 168)

Особенно показателен второй фрагмент, в котором лексема «гърсть» заменена на слово «роука» в ДВ.Ч. при повествовании о том, как Св. Афанасий лечил монаха Антония.

Дистрибутивное ДВ.Ч. В данных контекстуальных условиях дв.ч. парных обозначений соотносится с субъектом или объектом во мн.ч. В редакции Нила Сорского в таких контекстах последовательно употребляются формы **МН.Ч.** Встречающиеся в основном антиграфе формы ДВ.Ч. Нил Сорский либо заменяет на МН.Ч., либо вовсе пропускает: [монахи, живущие неподалеку от Св. Лавры и некоторые монахи из других стран] прихвж^лаахоу бѡ видѣти сегѡ и бл^свитисѧ ѿ него, не тѣщѧма роукама. нѣ вѣѡ оубо пшеницѧ принашааше <...> (ТСЛ 746, л. 369).

Прп. Нил Сорский упорядочивает употребление форм свободного ДВ.Ч., допуская свободное варьирование форм дуалиса и плюралиса в случаях употребления дистрибутивного, прономинально-вербального, конгруэнтного ДВ.Ч. Связанное дв.ч. с числ. «два» употребляется в дв.ч., с лексемой «оба», «обѣ» наблюдается варьирование форм **ДВ.Ч. и МН.Ч.**

Местоположение ради и дѣлѣ

Старец не стремится следовать норме кирилло-мефодиевских переводов, в которых «ради» употребляется в постпозиции. Наиболее показателен в этом случае следующий фрагмент: и многаго ради моленіѧ и^х, повиноу^с блженны («Соборник», л. 141). При этом в основном антиграфе и всех других славянских списках ЖАА другое чтение: повиноуса оубо внѣ съ мнѡгымъ внѣхъ оумоленіемъ/оумиленіемъ (α, β, γ, δ). При постановке исконных послелогов «ради», «дѣлѣ» великий старец Нил перенимает сформировавшуюся в текстах среднеболгарского периода норму, согласно которой «ради» и «дѣлѣ» могут находиться и в постпозитивном положении и в препозитивном по отношению к им. суш., и в позиции между атрибутом и субстантивом.

Список литературы

1. Зализняк, А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. — Москва, 1995. — С. 77—78, 118.
2. Историческая грамматика древнерусского языка / под ред. В. Б. Крысько. Т. II : Двойственное число / О. Ф. Жолобов, В. Б. Крысько. — Москва, 2001.

В. А. Леонтьева

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

КОНЦЕПТ ПРОСТРАНСТВА В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «СТЕПЬ» И ТРЕХ ПЕРЕВОДОВ ПОВЕСТИ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК)

Статья посвящена сравнению вербализации концепта пространства в русском и немецком языках на материале повести А. П. Чехова «Степь» и трех ее переводов на немецкий язык. Исследование обладает теоретической значимостью для когнитивной лингвистики и сравнительной лингвистики, так как вносит свой вклад в изучение концептосферы русского и немецкого языков и соотносит их друг с другом, выделяя схожее и различное, а также практической значимостью для методики преподавания немецкого языка как иностранного.

Ключевые слова: концепт пространства, вербализация концепта пространства, сравнительный анализ параллельных текстов.

Leonteva Varvara Andreevna, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia

Concept of space in the russian and german languages (on the material of the novel «Step» of Anton Tschechov and three translations of the novel into german)

The article deals with the issues of verbalisation of the concept of space in the Russian and German languages. It is based on comparative analysis of the novel «Step» of Anton Checkov in the Russian language and its translation into the German language. The article is intended for those who are interested in cognitive science, translation and foreign language teaching.

Keywords: concept of space, verbalization of the concept, comparative analysis of the parallel texts.

Концепт — ключевое понятие когнитивной лингвистики. В монографии Ю. Е. Прохорова «В поисках концепта» делается попытка дать универсальное определение: «Концепт — сложившаяся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закреплённая в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении» [8; 159]. Концептуализация интерпретируется в современной лингвистике как «некоторый «сквозной» для разных форм познания процесс структурирования знаний и возникновения разных структур представления знаний из неких минимальных концептуальных единиц» [5; 15]. Именно посредством концептуализации, т. е. через формирование общих концептов, язык связывает людей в этнос.

В XX в. лингвисты пришли к идее того, что носитель языка — это носитель определенных концептуальных систем [1; 25]. Таким образом, на рубеже тысячелетий на первый план выходит ментальность, так как концепты — ментальные сущности [6; 28]. Большинство ученых отмечает, что концепты — это не любые понятия, а лишь наиболее сложные, важные из них, без которых трудно себе представить данную культуру.

К основным характеристикам концепта относятся его вербализация, подвижность границ, слоистое строение. Под слоистым строением понимается влияние различных исторических эпох на структуру концепта, из-за подвижности своих границ он может меняться в зависимости от экстралингвистических факторов, хотя это и медленный процесс [2; 49]. Концепт вербализуется и в грамматике, и в лексике: его языковое выражение можно найти на всех уровнях языка. Важнейшие стороны концепта — ценностная, образная и понятийная.

Д. С. Лихачев в своей работе «Концептосфера русского языка» вслед за С. А. Аскольдовым указывает на заместительную функцию концептов — в сознании говорящего они заменяют полный спектр значений слова и позволяют в несколько обобщенном виде использовать слова в речи. Замещение происходит в результате столкновения словарного значения слова и опыта говорящего. Человек воспринимает и воспроизводит в речи понятие через призму своего культурного багажа: «У каждого человека есть свой, индивидуальный культурный опыт, запас знаний и навыков (последнее не менее важно), которыми и определяется богатство значений слова и богатство концептов этих значений, а иногда, впрочем, и их бедность, однозначность» [4; 2].

Концепт пространства — один из самых первых концептов, сформировавшихся в человеческом сознании. Пространство всегда окружало человека, это самая явная, осязаемая часть реальности, с которой человек сталкивается сразу же после рождения и живет в постоянном контакте с ней всю жизнь. Согласно теории метафор Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона, процессы человеческого мышления основаны на метафорической переработке пространственных категорий и на перенесении пространственных отношений на другие явления реальности: «Большинство наших фундаментальных концептов организованы с помощью одной и более пространственных метафор» [3; 41]. Пространственные отношения — верх/низ, спереди/сзади и др. — воспринимаются человеком непосредственно, без метафоризации. Восприятие пространства — основа для восприятия всего остального в мире — времени, причины, здоровья, морали и т. д. Исследователи приводят примеры пространственных метафор, используемых для описания здоровья (*I am feeling up today. — Я хорошо себя чувствую сегодня*) или морали (*высокие нравы*). Время — значимый концепт человеческой культуры, — тоже основан на концепте пространства: прошлое и будущее воспринимаются нами как что-то, находящееся позади или впереди нас. Чувство пространства как никакое другое укоренено в человеческом мышлении — оно играет основополагающую роль в формировании всей концептосферы языка.

При сравнении концептуальных систем разных лингвокультур сравнение языкового материала выходит на первый план. В нашем исследовании мы проводим сравнение концепта пространства в русском и немецком языке на материале параллельных художественных текстов, то есть через язык. В учебнике по теоретической грамматике немецкого языка Б. А. Абрамов называет сравнение одним из ведущих методов лингвистического исследования, потому что оно помогает глубже понять специфику не только изучаемого иностранного, но и собственного родного языка. В исследованиях такого направления, по словам З. Д. Поповой и И. А. Стернина, изучается «соотношение семантики языка с концептосферой народа, соотношение семантических процессов с когнитивными» [7; 13].

Русский и немецкий языки — отдаленно родственные, они входят в различные ветви индоевропейской семьи языков. Русский язык относится к славянской ветви восточнославянской подгруппы языков, а немецкий язык входит в западногерманскую подгруппу германской ветви языков. Оба языка относятся к синтетическим языкам с аналитическими тенденциями развития и являются флективными, но в целом политипологичны, то есть включают в себя признаки разных типов. Таким образом, у русского и немецкого языков есть некоторая общая структурная база, но есть и существенные различия.

Как было отмечено выше, мы сравнили вербализацию пространственных ситуаций в оригинале повести А. П. Чехова «Степь» и текстах переводов, а на основе результатов анализа сделали выводы об общих и различных чертах в вербализации концепта пространства в русском и немецком языках. Переводы повести на немецкий язык выполнены Адой Книппер и Герхардом Диком, Иоганном фон Гюнтером и Корнелиусом Бергманом. Так как тексты являются параллельными, можно сравнить, как происходит выражение одних и тех же значений средствами русского и немецкого языка. При анализе текстов мы рассматривали такие их аспекты как семантика позиции наблюдателя, перемещения, границы, присутствия или отсутствия объекта. Ниже представлены некоторые примеры анализа. Первое выражение в каждом ряду взято из оригинала повести на русском языке, а следующие за ним — соответствующие ему из текстов переводов. Мы анализировали общее сходство либо различие используемой синтаксической конструкции, употребление частей речи, предлогов, падежей и числа имен существительных, управление глаголов и т. д.

В семантической группе «перемещение» встречаются примеры, иллюстрирующие разницу в восприятии значения предлогов «über» и «над, по, через»:

поползла по земле — kroch über die Erde ein Streifen hin;
перебежит дорогу — lief über den Weg.

Кроме тех значения преодоления вертикального препятствия предлог «über» обозначает движение по горизонтальной поверхности, пересечение какого-то пространства. В этом значении он близок русскому предлогу «через»: прыгнуть через забор, перейти через дорогу.

Шляпа сползала на затылок — sein Hut rutschte ihm in den Nacken;

Для русского сознания затылок — плоская поверхность, поэтому шляпа сползает на нее, а для немецкого — это просто место на теле, и шляпа «сползает в него».

Бричка бежала мимо и оставляла все позади — Die Kalesche rollte weiter und ließ alles hinter sich zurück — Das Gefährt jedoch eilte vorbei und ließ alles hinter sich zurück — die Kalesche eilte vorüber und ließ alles hinter sich.

В русском языке для выражения этой идеи достаточно наречия «позади», а в немецком языке в одном из переводов добавляется еще отделяемая приставка «zurück» к глаголу «lassen»: ließ alles hinter sich zurück. Разница заключается еще и в том, что в русском языке в данном случае не указано, позади кого или чего бричка все оставляла, сказано просто «позади». А в немецком сказано точнее — «hinter sich». По-русски тоже можно сказать «оставляла все позади себя», но это не так употребительно.

Трава поникла — Das Gras neigte sich — Das Gras sank hin — Das Gras hing herab.

В этих выражениях на обоих языках употреблен глагол с приставкой, и только у одного из переводчиков выбран возвратный глагол без приставки: в русском языке тоже возможен такой вариант, но в других контекстах, не о траве — *клонилась*.

Таким образом, в процессе исследования нами было рассмотрено более четырехсот подобных примеров.

По результатам исследования нами были сделаны следующие выводы. Концепт пространства играет значимую роль в лингвокультуре, его изучение является важным этапом сравнения двух языков. Для преподавания иностранного языка на базе родного или при учете особенностей родного языка обучающихся важно подчеркивать различия в вербализации этого концепта в двух языках. Для того чтобы различия не стали причиной проявления типичных ошибок в описании пространства, именно этим аспектам необходимо уделять пристальное внимание и тренировать их отдельно. В нашем случае сравнение русского и немецкого языков показало, что такими зонами для носителей русского языка являются употребление предлогов и падежей имен существительных, некоторых синтаксических конструкций, глаголов движения и приставочных глаголов. Тематические блоки, в которых имеются наиболее явные различия в русском и немецком языках, это аксесуары, одежда, граница предметов, части тела, которые воспринимаются как плоские или неплоские, поверхности, которые воспринимаются как вертикальные или горизонтальные.

Результаты проведенного нами исследования и сделанные на их основе выводы представляют конкретные различия в вербализации концепта пространства в русском и немецком языках и указывают на потенциальные трудности, которые могут возникнуть при изучении немецкого языка. Поэтому они могут быть полезными при составлении упражнений по отработке грамотного описания пространства средствами немецкого языка, что и является перспективой продолжения исследования в методической области.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. — Москва, 1995.
2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград, 2002.
3. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — Москва, 2004.
4. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Изв. АН. Серия литературы и языка. — Москва, 1993. — Т. 52. — № 1. — С. 3—9.
5. Маслова, В. А. Введение в лингвокультурологию / В. А. Маслова. — Москва, 2008.
6. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. — Минск, 2004.
7. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж, 2007.
8. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. — Москва, 2008.
9. Чехов, А. П. Полн. собр. соч. Т. 7. Рассказы, повести / А. П. Чехов. — Москва, 1985.
10. Carstensen, K.-U. Räumliche Mikroperspektivierung und die Semantik lokaler Präpositionen / K.-U. Carstensen // Räumliche Konzepte und sprachliche Strukturen. — Tübingen, 2000. — S. 237—260.
11. Čechov, A. Die Steppe / A. Čechov. — Zürich, 1976.
12. Tschechow, A. Die Steppe. Beschreibung einer Reise / A. Tschechow. — Leipzig, 1956.
13. Tschechow, A. Die Steppe. Zwei Erzählungen / A. Tschechow. — Eisenach, 1951.

АРХАИЧНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ В ЯЗЫКЕ ЧАСТУШЕК (НА МАТЕРИАЛЕ ШЕКСНИНСКИХ ЧАСТУШЕК)

В статье рассматриваются архаичные (устаревшие) грамматические формы, зафиксированные в частушках Шекснинского района Вологодской области. Согласно результатам исследования, такие формы обнаруживаются в словах разных частей речи. Наиболее частое употребление таких форм наблюдается в частушках, зафиксированных в середине XX столетия от информантов, родившихся в к. XVIII — н. XX в. Тексты частушек разных периодов языкового развития представляют большую ценность для исследователей истории русского языка и его диалектов. Изучение грамматических форм языка частушек является важнейшим шагом в исследовании общей картины развития частушки как жанра.

Ключевые слова: вологодские частушки, фольклорная диалектология, язык частушек, архаичные грамматические формы.

Medvedeva Arina Alekseevna, Vologda State University, Russia
tele-radio@mail.ru

Archaic grammatical forms in the language of the chastushkas (on the material of Sheksna chastushkas)

The article studies archaic grammatical forms of the chastushkas originated from the Sheksna district of the Vologda region. According to the results of the study, such forms can be found in words of different parts of speech. The most frequent use of these forms is observed in the chastushkas dated to the middle of the 20th century and gained from the informants born in the late 18th — early 20th centuries. Texts of chastushkas from different language development periods are of great value to the researchers exploring the history of the Russian language and its dialects. The study of chastushka grammatical forms is an important step forward in the overall development study of the chastushka as a genre.

Keywords: Vologda chastushkas, folklore dialectology, language of chastushkas, archaic grammatical forms.

В последнее десятилетие в науке и обществе появился большой интерес к изучению национальной культуры и фольклора. Предметом нашего исследования стал язык частушек — малого фольклорного жанра, особенно популярного в народной среде России XIX—XX вв. Изучаемые нами частушки зафиксированы с 1963 по 2017 гг. в деревнях и селах близ п. Чаромское Шекснинского района Вологодской области (удаленность от п. Чаромское — не более 13 км).

Исследования текстов выполняются методами лингвофольклористики — научного направления, объединяющего в себе методы анализа как лингвистики, так и фольклористики, выявляющей место и функции языковой структуры в структуре фольклорного произведения [9]. Вместе с тем мы ведем работу в русле такого нового научного направления, как фольклорная диалектология, цели, задачи, методы которого изложены в монографии С. П. Праведникова «Основы фольклорной диалектологии» [7].

Располагая большим количеством материала (более 3000 текстов и вариантов), собранного в течение нескольких десятилетий, мы выдвинули гипотезу, что язык частушек, зафиксированных в разные годы от исполнителей разного возраста, может иметь отличия, в том числе обладать некоторыми архаичными чертами. Цель нашего исследования — выявить архаичные особенности языка шекснинских частушек на уровне грамматики. Новизна исследования заключается как в самом объекте изучения (большая часть текстов не публиковалась и не была предметом исследования), так и в поставленной нами цели, поскольку не существует работ, посвященных изучению архаичных особенностей языка шекснинских частушек на уровне грамматики.

Архаичными грамматическими формами мы будем называть такие формы слова, которые не являются продуктивными или не используются в современном литературном языке, в то время как эти формы были характерны для русского языка XIX в. и более ранних его периодов.

Рассмотрим далее, какие реликтовые грамматические формы сохранились в употреблении разных частей речи в языке шекснинских частушек.

Архаичные грамматические формы имен существительных

Длительный процесс разрушения системы склонений древнерусского языка и становления новой системы был сложным, включавшим в себя ряд важных моментов взаимодействия разных типов склонения [2, 253]. В результате этого процесса в русском языке XIX в. в системе склонений образовались варианты падежных форм, которые были широко распространены как в книжном, так и в живом разговорном языке. При этом попытки узаконить ту или иную форму как «правильную» — не всегда увенчивались успехом, иногда грамматики даже противоречили друг другу [5, 166—276]. Такая вариативность форм, характерная для языка XIX в., нашла отражение в говорах, а также в фольклорных текстах, зафиксированных в XX—XXI столетиях, в том числе и в частушках Шекснинского района Вологодской области.

Приведем примеры употребления существительных в формах **единственного числа** (в косвенных падежах), которые не используются в современном русском литературном языке или употребляются, но обладают особой стилистической окраской.

— Форма Ед. ч. Р. п. с флексией *-у*: *Лиходеечка моя*, / *Маленького ростику*. / *Она похожа на собачку*, / *Только нету хвостуку* [Ляпичева]; *Балалайка семиструнная* / *Пылится от песку*. / *Балалаечник девчоночку* / *Наводит на тоску* [Яцкевич]; *Будет, будет — поскрипели* / *От морозу сапоги*. / *Ты не то что на колени — / Из кута не выходи* [Яцкевич]; *Над угором много вересу*, / *Зелёных ёлочек*. / *Я не думаю гонаться* / *За тобой, милёночек* [МСЦТНК]. В современном русском языке форма существительных Ед. ч. Р. п. на *-у* распространена менее, чем форма на *-а* (и активно вытесняется этой формой) в силу того, что существуют лексико-семантические и стилистические ограничения употребления формы на *-у*: она применяется для существительных, обозначающих часть целого или некоторые абстрактные понятия, а также используется во фразеологизмах. Основной сферой бытования рассматриваемой формы является разговорная речь [8, 486].

— Форма Ед. ч. Д. п. существительного *путь* с флексией *-е*: *Девушки-матушки*, / *И Бог по пути*. / *Кого любила да жалела*, / *И тот в забытье* [Яцкевич]. В древнерусском языке форма Д. п. на *-е* соответствует склонению существительных с основой на *ā*, так что вариант *путье* появился в языке в связи с процессами взаимодействием склонений и сохранился в говорах. В современном русском языке используется более архаичный вариант склонения (*пути*), который фиксировался до разрушения системы склонений древнерусского языка.

— Форма Ед. ч. Т. п.: *Золотое-то колечко* / *С нутрянюю пробою*. / *Поздравляю, милый, вас* / *С новою зазнобою* [Яцкевич]; *Под горою калина*, / *Под горою малина*. / *Ну, что ж, кому дело калина*, / *Ну, кому какое дело малина?* [Карабанов]. Окончания *-ою* свойственны для формы Т. п. ед. ч. древнерусского существительного с основой на *ā* [2, 247]. В современном русском языке существительные женского рода в форме ед. ч. Т. п. имеют окончание *-ой*, а формы на *-ою* используются редко, являются стилистически окрашенными (просторечными или поэтическими).

— Форма Ед. ч. Пр. п. с флексией *-у*: *Квасюнята-ёжики*, / *Да во карманах ножики*, / *Большая гиря на весу*, / *Пистолет на поясу* [Яцкевич]; *Потеряла я колечушко* / *На улице в лому*. / *Нету старого родителя* / *У милого в дому* [Яцкевич]. Уже в русском языке XIX в. форма на *-у* считается разговорной, в то время как форма на *-е* — предпочтительной [5, 193]. В современном русском языке слова в форме ед. ч. Пр. п. с предлогами *на*, *в* и оканчивающиеся на *-у* могут считаться как стилистически нейтральными (например, *на весу* — сочетание, которое используется в качестве наречия), так и книжными или разговорными, просторечным (например, *в дому*) [8, 486].

В текстах шекснинских частушек также встречаются существительные в реликтовой форме **множественного числа**.

В частности, в языке частушек используются устаревшие формы множественного числа существительных в Винит. п., например: *Кабы были крыльышка*, / *Так улетела б девушка* / *На приёмное крыльцо — / Стоит забрито золотцо* [Яцкевич]; *К быстрой речке подошла*, / *Пала на колёночка*. / *Посмотри, родимая*, / *Тону из-за милёночка* [Яцкевич]. В приведенных примерах существительные среднего рода *крыльышко* и *колёночко* в форме множественного числа винительного падежа имеют флексию *-а*, свойственную для этих форм в русском языке начала и середины XIX в. [5, 230], однако указанные слова в данной форме не употребляются в современном литературном языке.

Одним из основных признаков севернорусского наречия, является совпадение форм дательного и творительного падежа в форме дательного падежа [4, 42]. В шекснинских частушках мы обнаружили несколько примеров, демонстрирующих подобное явление: *Лиходеечки не знала — / Указал залётка сам*. / *А не особенно красива: / Жидконогая, с косам* [КЧШР]; *Хулиганская головушка* / *Бинтам замотана*, / *Принудиловка дана*, / *И та не отработана* [МОНМЦ]; *Все я реки и озёра* / *Принаполнила слезам*. / *Надоело мене девушке* / *Шататься по людям* [Яцкевич]; *Клялся миленький, божился*, / *Он сидел под образам*. / *Сделал девушке изменушку — / Замаялся глазам* [Яцкевич]; *Ты не ной, моё сердечушко*, / *Под бельмя грудям*. / *Накажу милому весточку* / *С хорошимя людям* [Яцкевич]. *На горе милого дом — / Вся усадьба видно*. / *С чужакам буду гулять - / Своим обидно* [Яцкевич]. Все приведенные выше тексты являются наиболее ранними из того материала, которым мы располагаем. По нашим наблюдениям, сделанным во время экспедиции в Шекснинский район в 2017 г., и молодые, и пожилые информанты (жители исследуемого нами района) в настоящее время в живой речи не используют указанную форму, в силу чего использование формы дательного вместо творительного падежа можно считать устаревшим.

Архаичные грамматические формы имён прилагательных

Яркой особенностью языка шекснинских частушек является использование в текстах большого количества кратких прилагательных. Безусловно, краткие прилагательные используются и в современном языке, однако функции их ограничены: чаще всего они выступают в качестве предиката [8, 555].

В текстах шекснинских частушек также встречаются краткие прилагательные в функции предиката, например: *Юбка нова, шаль пухова, / Кофта разноцветная. / Дролю цветиком зовут, / Наверно, стоит этого* [МСЦТНК].

Однако в большей степени обращают на себя внимание так называемые усеченные прилагательные — особого рода краткие прилагательные (не только качественные, но и относительные), а также примыкающие к ним формы причастий, местоимений, порядковых числительных, которые используются в языке поэзии в атрибутивной функции как в И.-В., так и в некоторых косвенных падежах [3, 6].

В шекснинских частушках можно наблюдать большое количество усеченных прилагательных, например: *Я надену юбку синю / Ремешок-то лаковый. / У нас, милёночек, с тобой / Характер одинаковый* [МСЦТНК]; *Буду пить холодно воду / Из всех текущих рек. / Буду лить текучи слёзы / По тебе, милаша, век* [Яцкевич]; *Любила розовы цветочки / По канавам собирать. / Любила серенькие глазки, / Да придётся забывать* [Яцкевич]. Многие усеченные прилагательные являются частью фольклорных формул (устойчивых выражений, словосочетаний), встречающихся не только в частушках, но и в других жанрах фольклора: *чисто поле, бела рубаха, буйна голова, родна матушка* и пр. В современном языке усечённые прилагательные употребляются крайне редко, как правило, в устойчивых выражениях, в целях создания народнопоэтического колорита [8, 555].

В текстах шекснинских частушек встречаются отдельные случаи использования архаичных форм склонения прилагательных, например: *Ты не ной, моё сердечушко, / Под белымя грудям. / Накажу милому весточку / С хорошимя людям* [Яцкевич]. Прилагательные *белымя* и *хорошимя* употреблены в архаичной форме женского рода множественного числа, которая в современном языке совпадает с формами мужского и среднего рода множественного числа (*белыми, хорошими*).

Архаичные формы наблюдаются также в использовании сравнительных степеней прилагательных. Во-первых, в текстах встречаются случаи использования архаичной формы на *-ае*, сформировавшейся в древнерусском языке [2, 301], например: *Иссушил меня милой, / Сушае травки полевой. / Я иссушила милого, / Сушае куста ивова* [Яцкевич]; *Моего милёночка / Его сгубила водочка. / Пил бы сладкое вино — / Миляе не было б его* [Яцкевич]. Во-вторых, обращает на себя внимание образование форм сравнительной степени с морфом *-ее* от относительных прилагательных: *Сяду я на лавочку, / Которая покатее. / Полюблю, не ошибусь, / Который побогатее*. [Яцкевич]; *Сиротее, сиротее, / Сиротее не одна, да. / Сиротее задушевная / Товарочка моя* [КЧШР]. В современном литературном языке такое образование формы сравнительной степени не считается продуктивным [8, 560], в то время как в говорах формы на *-ее* распространены шире [2, 301].

Архаичные грамматические формы имен числительных

Тексты шекснинских частушек содержат примеры архаичных грамматических форм имен числительных.

Так, в древнерусском языке числительные *пять* и *десять* склонялись по типу существительных женского рода с основой на *i* (как существительное *кость*) [6, 61]. Подобный тип склонения характерен и для современного русского языка, однако числительные в дистрибутивном (распределительном) значении в сочетании с предлогом *по* — выступают в форме именительного падежа (а не дательного): *по пять рублей, по девятнадцать раз*. В шекснинских частушках мы можем наблюдать сохранение традиционного варианта склонения (характерного в том числе для современного книжного языка [8, 578]): *Ой, рожь — по пяти, / Греча — по пятнадцати. / Меня милый целовал / Раз по девятнадцати* [Яцкевич].

В текстах шекснинских частушек мы также встречаем примеры склонения сложных числительных, характерных для древнерусского языка, в таких случаях при склонении числительного вторая его часть не изменяется, например: *Под гармошку плясать — / Это очень просто, / Будем весело гулять / Годов до девяносто* [ОНМЦ]. Не стоит исключать того, что в приведенном примере форма *девяносто* могла сохраниться в том числе благодаря влиянию рифмы, образованной словом *просто*.

Архаичные грамматические формы местоимений

В шекснинских частушках обнаруживаются архаичные грамматические формы местоимений.

В XIX в. личное местоимения 3-го лица женского рода *она* в форме родительного падежа при употреблении с предлогом *у* имело несколько форм: *ея /её/ей* и *нея/неё/ней* [5, 572]. В книжной речи чаще использовалась форма с начальной *н'*, при этом во второй половине XIX в. форма *ней* (*у ней*) употреблялась очень часто наряду с *неё* (*нея*) [5, 574—575]. Первую форму (*у ней*) мы можем наблюдать и в шекснинских частушках: *У соперницы моей / Кудри вьются до бровей, / Ухажёров у ней много, / Зато мало трудодней* [КЧШР]; *Мама венки вязала, / Я земляночку брала. / Канарейка песню пела, / Я у ней переняла* [КЧШР].

Вместе с тем, согласно исследованиям, в говорах отмечается непоследовательное использование форм личного местоимения 3-го лица женского рода *она* в форме родительного падежа с предлогами (с начальной *н'* и без нее) [5, 574], что также отражено в исследуемых нами текстах: *Старушка старая-престарая / На кочечке сидит. / У ей из-под подола / Самогоночка бежит* [КЧШР].

Еще один важный процесс истории русского языка также отражен в языке шекснинских частушек: выравнивание основ косвенных падежей личных местоимений единственного числа. В результате этого процесса характерной особенностью южновеликорусских говоров, а также белозерских и белозерско-бежецких говоров

северного наречия становится образование форм родительного, дательного, винительного и предложного падежа местоимения 1 лица ед. ч. от обобщённой основы *мен-* [1, 255]. В шекснинских частушках, собранных в различное время от самых разных информантов, мы обнаруживаем очень много примеров подобных форм: *Всё играют да не под ногу, / Не как надо мене. / Износила свою молодость / На левой стороне!* [Яцкевич]; *Говорят, мене измена, / Я и не потужила, / Только жалко прогуляла / Семьдесят три ужина* [Яцкевич]; *Мене милый изменил — / На козле уехал. / Я измены не дала — / На козлухе догнала* [КЧШР].

Следует отметить и большое количество кратких форм личного местоимения *тебя* (*тя*) в форме родительного падежа в языке шекснинских частушек: *У милашки matka-бес — / Выбирает всё невест. / Погляди на сына милого, / Какой он у тя есть.* [Яцкевич] *Лиходейка съела пестик, / Нечем яблоки толчи. / Я у тя не отбивала, / Жидконогая, молчи* [КЧШР]; *Дроля, мне не интересно, / Что у тя платочек мой. / Изорви его на ленточки / И брось передо мной* [Ляпичева]; *Хорошо тебе, товарищ, / У тя милка важная / А моя-то — полоротая / Целует каждого!* [МСЦТНК].

В науке вопрос о появлении таких форм в диалектах и разговорном языке окончательно не решен, основной теорией их происхождения считается редукция полных местоимений, однако не исключается влияние энклитических форм винительного падежа местоимений (*мя, тя, ся*), которые, согласно данным лингвистической географии, достаточно долго сохранялись именно в северных говорах [1, 252].

Архаичные грамматические формы наречий

Наречие — относительно молодая, неизменяемая часть речи, в силу чего удалось определить лишь одну архаичную особенность: формы сравнительной степени наречий (как и прилагательных), образуются с помощью морфа *-ае*. Приведём примеры: *Ты играй повеселяе, / Нравится играньцо / Да и я-то розвесёлая — / Люблю гуляньцо* [МОНМЦ]; *Ты играй, тальяночка — / Играй повеселяе. / Времечко скушливое / Катися поскоряе* [Яцкевич].

Архаичные грамматические формы глаголов

Важной особенностью языка шекснинских частушек является использование большого количества глаголов в архаичной форме страдательного залога, образованной с помощью постфикса *-ся*, тогда как, руководствуясь правилами современного русского языка, необходимо использовать вариант постфикса — *-сь*, например: *уселася, поругалася, раскатилася, отправляюся, явилисья, научилися, напилася, влюбилася, боюся, боялася, тянулася, вернулася, приклонялася, расталася, осталися, интересуюся, сойтися, испугалися, собиралисья, просилася, гонялисья, запинаяся, запираюся, веселитеся, заблудилася, дождалася, изорвалася, вдавайтесья, выливалисья, нахлебалася, каталася, маюся, наскиталася, наплясалася* и т. д.

Обращает на себя внимание то, что в некоторых случаях использование формы глагола с постфиксом *-ся* (с нарушением правила современного литературного языка) в тексте частушки необходимо для сохранения ритма или уточнения рифмы, например: *Изменил да и подходит: / — Здравствуй, ухажёрочка. / Теперь на все четыре стороны / Катися, дролечка!* [КЧШР]. В некоторых же текстах глаголы в форме страдательного залога с постфиксом *-ся* можно заменить на такие же глаголы с постфиксом *-сь* (характерная форма для современного литературного языка), не нарушая ритма и рифмы, однако информанты сохраняют более архаичную форму: *В самоходчку пошла, / Мамы не спросилася. / До калиточки дошла — / Обратно воротилася* [КЧШР]; *Дроля в армию уехал, / За вагон держалася. / Он уехал, я на линии / Одна осталася* [КЧШР]; *Поиграй, красивый парень, / Я ещё понежуся. / Ты хороши, а я плоха, / На шею не повешуся* [МСЦТНК]. Подобные примеры могут не только свидетельствовать о стремлении исполнителя сохранить каноничный фольклорный текст и специфику жанра, но и говорят о вероятности использования таких форм исполнителями в живой речи.

В текстах шекснинских частушек сохранилось достаточно много форм глаголов, иллюстрирующих архаичную форму сложного будущего времени, например: *Изминил миня залётка / И сказал: «Гуляй одна!» / А я одна гулять не стану, / Хватит этова добра* [МОНМЦ]; *Гармонист, гармонист, / Ты меня не бойся, / Завлекать тебя не стану, / Ты не беспокойся* [МСЦТНК]; *Сошью юбочку с валаном, / Пускай улицу метёт. / Я ухаживать не стану, / Пока сам не подойдёт* [МСЦТНК] и пр. Сохранившиеся в фольклоре диалектные формы будущего сложного времени со вспомогательным глаголом *стать* представляют собой реликтовое явление, восходящее к древнерусским формам первого будущего времени. Такие формы были распространены до утверждения глагола *быть* в качестве вспомогательного (после XVI в.) [4, 48].

В шекснинских частушках также встречаются отдельные архаичные глагольные формы. Например, формы с исконным архаичным суффиксом инфинитива *-ти* в безударном положении (вместо современного *-ть* [2, 355]) в глаголе *есть* (*исти*) и *поесть* (*поисти*): *Завтра праздничек Господен, / Налитушек напекут. / Не помажут, не покажут / И поисти не дадут* [Яцкевич]; *У меня у пояса / Голубые кисти. / Дочего доцеловались — / Захотелось исти* [Яцкевич].

Несвойственные современному русскому языку формы полных и кратких причастий, образованных с помощью архаичного суффикса *-уч-* также используются в текстах шекснинских частушек, однако эти словоформы в рассматриваемых нами текстах уже не мыслятся как причастия, но переходят в разряд прилагательных, например: *Голоску у мя не стало, / Стала я хрипучая, / То любовь, а то измена / Девушку замутила*

[МОНМЦ]; *Залёточка, залёточка, / Вертучие глаза, / На тебя, моя залёточка, / Надеяться нельзя* [КЧШР]; *Буду пить холодну воду / Изю всех текучих рек. / Буду лить текучи слёзы / По тебе, милаша, век* [Яцкевич].

Деепричастия, образованные с помощью архаичных суффиксов *-ви-* и *-уч-* (непродуктивных в современном русском языке) также представлены в текстах шекснинских частушек, например: *Ты красивый, боевой, / Зачем ухаживал за мной, / Ты зачем, склонивши голову, / Стоял передо мной* [МОНМЦ]; *Все я глазки проглядела, / Его ожидаючи. / Своей товарке надоела, / Его вспоминаячи* [Яцкевич].

Обобщая все вышесказанное, отметим, что в шекснинских частушках, зафиксированных с 1963 по 2017 г., мы обнаружили большое количество архаичных грамматических форм в употреблении различных частей речи. Наиболее частое использование таких форм мы наблюдали в частушках, зафиксированных в середине XX столетия от информантов, родившихся в к. XIX — н. XX в. Гораздо реже подобные формы встречаются в частушках, записанных от информантов, родившихся в середине XX в.

Важным фактом является то, что употребление слов в архаичных формах не всегда мотивируется только сохранением ритма и рифмы в тексте: информанты не используют возможность заменить архаичную форму на общеупотребимую форму литературного языка даже в тех случаях, когда литературная форма не нарушит рифму и ритм стиха. В силу чего мы можем заключить, что архаичные грамматические формы использовались исполнителями в качестве способа сохранения жанрового своеобразия частушки как фольклорного произведения, а также устаревшие формы могли использоваться информантом в живой речи.

Таким образом, изучение реликтовых грамматических форм языка частушек является важнейшим шагом в исследовании общей картины развития частушки как жанра. При этом тексты частушек разных периодов языкового развития представляют большую ценность для исследователей истории русского языка и его диалектов.

Условные сокращения

Карабанов — Карабанов А. А. Телец. Автобиографический роман. Часть I. Труженицы тыла и дети войны. Вологда, 2011.

КЧШР — Коллекция частушек (и репортажей) Шекснинского района Вологодской области, составленная по материалам экспедиции А. А. Медведевой в с. Сизьма, Чаромское, д. Квасюнино, Малый Овинец в июне 2017 г. Вологда, 2017. (Машинопись).

Ляпичева — Пропою я вам частушки : сб. частушек И. П. Ляпичевой ; сост. Т. Ляпичева ; консультант, руководитель Е. Н. Быкова. Сизьма, 2017. (Машинопись).

МОНМЦ — Материалы фольклорно-этнографических фондов Вологодского областного научно-методического центра культуры (БУК ВО «Центр народной культуры»). Вологда, 1999—2006.

МСЦТНК — Материалы фольклорно-этнографических фондов центра традиционной народной культуры с. Сизьма (БУК ШМР «РЦТНК»). Сизьма, 1998—2009.

Яцкевич — Яцкевич Л. Г. Слово о родной деревне. Вологда, 2011.

Список литературы

1. Горшкова, К. В. Историческая грамматика русского языка : учеб. пособие для ун-тов / К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. — Москва, 1981.

2. Иванов, В. В. Историческая грамматика русского языка : учебнику / В. В. Иванов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва, 1990.

3. Кулёва, А. С. Усечённые прилагательные в языке русской поэзии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. С. Кулёва. — Москва, 2008.

4. Малахов, А. С. Русская диалектология: теория и практика : учеб. пособие / А. С. Малахов ; Владим. гос. ун-т имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. — Владимир, 2013.

5. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века / под ред. В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой. — Москва, 1964.

6. Павлович, А. И. Историческая грамматика русского языка / А. И. Павлович. — Москва, 1972.

7. Праведников, С. П. Основы фольклорной диалектологии / С. П. Праведников. — Курск, 2010.

8. Русская грамматика: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1. — Москва, 1980.

9. Хроленко, А. Т. Введение в лингвофольклористику : учеб. пособие / А. Т. Хроленко. — Москва, 2010.

ПРАЖАНРЫ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

В статье рассматривается общая характеристика литературы Киевской Руси, и процесс возникновения в ней публицистического начала.

Ключевые слова: древнерусская литература, жанр, публицистика, проблема литературы.

Popov Dmitriy Vladimirovich, Andijan Machine-Building Institute, Uzbekistan
hey-day85@mail.ru

Ancient genres of Russian publicism

The article describes the general characterization of the literature of Kievan Rus and the process of the appearance in it bases of a publicism.

Keywords: Old Russian literature, genre, publicism, the problem of literature.

Древнерусская литература с момента своего возникновения в XI в. встала на службу государству и вследствие этого носила ярко выраженный публицистический характер. В отличие от других видов литературного творчества, которые возникли еще в догосударственный период развития общества (эпос, отчасти драма), публицистика возникает только вместе с государством, обслуживая его интересы. В. В. Ученова так определяет взаимоотношения публицистики и государства: «Отпочковавшаяся от политики — сложного варианта деятельностной структуры — публицистика содержит действия по контролю, регулированию, нормированию, преобразованию общественных процессов. Она выполняет и роль «связного» — переносчика сведений об актуально происходящих явлениях и событиях от одних общественных групп к другим, от единиц к миллионам, роль социального информатора» [6; 19].

Возникновение русской государственности Б. Греков, Б. Рыбаков, И. Фроянов и др., относят к X в. Отстаивание самостоятельности, а впоследствии и целостности Руси, служба княжескому дому, утверждение на Руси новой христианской веры, борьба с пережитками язычества, прославление новых святых, борьба за национальную самобытность — вот политические и идеологические задачи, которые стояли перед государством. Задачи, стоявшие перед первыми русскими книжниками, можно сформулировать так: укрепление государственности; поиск веры, как точки опоры для укрепления государства; движение к национальной самобытности, независимости от государств Европы и Византии, принявших христианство раньше Руси; борьба с распрями князей; формирование личности, проникнутой идеями христианства и патриотизма. Эти задачи взаимосвязаны между собой и воспринимаются древнерусскими авторами в их совокупности.

Произведения раннего периода русского средневековья еще не знают деления на публицистику и художественную литературу. Д. С. Лихачев говорит об «учительном» начале древнерусских текстов. Литература периода средневековья должна была, указывал он, «касаться только наиболее значительного, важного — важного и в религиозно-нравственном, и в историческом смысле. Литература была училищем благочестия и училищем патриотизма» [2; 97]. «Учительностью», назидательностью, высоким патриотическим и религиозным пафосом и стремлением принести непосредственную пользу душе читателя проникнуты все произведения древнерусской литературы этого периода. Никогда древнерусский автор не берет в руки перо с целью развлечь читателя, но всегда — с целью изменить мир. Многочисленные «Слова», «Повести», «Жития», летописи и другие произведения древнерусской литературы всегда имеют целью вызвать у читателя непосредственный отклик и побудить его к трудам на благо государства, христианской веры.

Проблемы, стоявшие перед авторами первых оригинальных произведений на русском языке, были проблемами политического характера: древнерусская литература возникает, как литература, пронизанная публицистическим пафосом.

Косвенным свидетельством в пользу того, что уже в XI в. в Киеве политическая жизнь была достаточно активной, могут служить надписи на стенах средневековой Софии. Приходя на службы, слушая церковные проповеди, прихожане оставляли на стенах храма свои надписи, подчас напрямую откликающиеся на события в стране, как, например, надпись о смерти князя Ярослава Мудрого. С. А. Высоцкий пишет: «Изучение Софийских граффити показывает, что авторы XI в. проявляли повышенный интерес к церковно-политическим событиям, имевшим общерусское значение. В их поле зрения находились те же вопросы, которым уделяла внимание и летопись: различные действия князей, их смерть, смерть иерархов церкви и т. д.» [1; 10].

Если в Киеве авторами граффити на стенах храма выступали преимущественно члены княжеской семьи, приближенные люди князей, боярские люди и клир, то в Новгороде и Старой Ладогe авторами граффити являются, помимо знати, и представители более демократических кругов [5]. Т. Рождественская объясняет это обстоятельство исключительно тем, что в Новгороде обследовались надписи не только Софийского собора,

но и храмов, поставленных посадниками «со уличаны». Помимо деловых и поминальных записей, на стенах храмов имеются надписи, посвященные приходу князя на киевский стол, о назначениях церковных владык и другим политическим событиям, как, например, запись о епископе Луке Белгородском в Софии Киевской. «Типологически надписи, как памятники письменности, очень близки к летописным погодным записям» — полагает исследовательница [5; 17]. Об интересе общества к политической ситуации в государстве и за его пределами свидетельствуют и новгородские берестяные грамоты [7].

Высокий накал идеологической и политической борьбы в Киевской Руси подтверждают и многие «погодные записи» «Повести временных лет» [4]. В записи за 6474 (966) год читаем: «*Вятичей победил Святослав и дань на них возложил*». И далее: «*В год 6566 (1057). Победил Изяслав голядь*», «*В год 6565 (1059) Изяслав, Святослав и Всеволод освободили дядю своего Судислава из поруба, где сидел он двадцать четыре года, взяв с него крестное целование; и стал он чернецом*»; «*В год 6589 (1081) бежал Давид Игоревич с Володарем Ростиславичем, месяца мая в восемнадцатый день. И пришли они к Тмутаракани, и схватили Ратибора, и сели в Тмутаракани*» [3; 95, 178, 213].

Публицистическая направленность подобных записей очевидна. Отсюда — темы, идеи и образы уже самых ранних произведений древнерусской литературы, таких как «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Повесть временных лет» Нестора, «Сказание о Борисе и Глебе», «Хождение игумена Даниила», «Поучение» Владимира Мономаха.

Список литературы

1. *Высоцкий, С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской / С. А. Высоцкий. — Киев, 1976.
2. *Лихачев, Д. С.* Исследования по древнерусской литературе / Д. С. Лихачев. — Ленинград, 1986.
3. Повести Древней Руси. — Москва, 2002.
4. *Приселков, М.* История русского летописания XI—XV вв. / М. Приселков. — Санкт-Петербург, 1996.
5. *Рождественская, Т. В.* Древнерусские надписи на стенах храмов / Т. В. Рождественская. — Санкт-Петербург, 1992.
6. *Ученова, В. В.* У истоков публицистики / В. В. Ученова. — Москва, 1989.
7. *Янин, В. П.* Новгородские грамоты на бересте / В. П. Янин. — Москва, 2004.

Р. И. Попович

Московский Государственный Областной Университет, Россия
rufin.popowi4@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРОВ (С. КУНИЧА, МОЛДОВА)

В статье рассматриваются особенности диалектной лексики старожильческих говоров на материале русского говора села Кунича (Молдова). Для исследования была отобрана лексика, характерная для русских народных говоров, а также лексика, характеризующая влияние молдавского и украинского языков на говор села Кунича.

Ключевые слова: старожильческие говоры, русские старообрядцы, диалектная лексика.

Popovici Rufina Ivanovna, Moscow Region State University, Russia

Features of the dialectal vocabulary of old-timer dialects (village Kunicha, Moldova)

In the article the peculiarities of the dialectal vocabulary of old-timer dialects are described on the material of the Russian dialect of the village Kunicha (Moldova). There the vocabulary related to the Russian dialects was selected and studied. The vocabulary characterizing the influence of the Moldovan and Ukrainian languages on the dialect of the village of Kunich also was studied.

Keywords: old-timer dialects, Russian Old Believers, dialectal vocabulary.

Предметом нашего исследования является село Кунича, которое находится в Республике Молдова. Этот молдавский край интересен тем, что здесь живут люди, относящие себя к русскому этносу, к русской культуре и даже к самой России, называют их русскими старообрядцами.

Раскол русской церкви произошел в XVII в., в результате огромное количество русских людей бежало не только в отдаленные края России, на Крайний Север, за Волгу, на Урал, в Сибирь, некоторые ушли даже в самые глухие места китайской Средней Азии, но и за границу, главным образом в Польшу, Турцию, Восточную Пруссию, Австрию, Швецию, Молдавию. Как отмечает С. А. Зеньковский, «некоторые историки определяют общее число эмигрантов в миллион» [3; 361].

Население села Кунича представлено преимущественно русскими старообрядцами, бережно хранящими древние традиции своих предков. Документально не зафиксировано, когда здесь появились первые русские поселенцы, неизвестна и траектория их движения из России.

Это село примечательно еще и тем, что местному населению присуща особая форма русского диалектоносительства. Исследователи говора села Кунича (Н. Абакумова-Забунова, В. Тудосе, Л. Л. Касаткин) относят его к Юго-западной группе русских говоров. Наши этнолингвистические наблюдения, длящиеся около четырех лет, позволяют предполагать, что местный говор можно отнести к говорам южного наречия. Работа по определению конкретной исходной территории, к которой можно отнести говор села Кунича, пока продолжается.

Анализ местного говора дает основание полагать, что в нем отражены особенности старожильческих говоров. Определяя исследуемый говор как старожильческий, мы опираемся на труды лингвиста А. Д. Григорьева, посвятившего свою деятельность изучению русских старожильческих говоров.

Мы обратились к исследованиям А. Д. Григорьева, а именно к его работе «Русские старожильческие говоры», которая является первым комплексным исследованием русских старожильческих говоров Сибири.

Освоение русскими Сибири началось в конце XVI в. и активно продолжалось до конца XVII в. Огромное количество русского народа было выслано в Сибирь во время царствования Алексея Михайловича, царя, при котором произошел Раскол Русской Церкви, и появилось такое понятие как старообрядцы: «Сюда ссылались непокорные стрельцы, раскольники, шведские военнопленные, польские конфедераты, русские воеводы, князья, дячки, боярские дети, разные мастера, посадские люди и крестьяне» [1; 7]. Ссылка продолжалась вплоть до второй половины XX в. Русским старожилам пришлось столкнуться и жить не только с другими русскими, постепенно заселявшими Сибирь, но и с местным «нерусским» народом: вогулы, остяки, татары, киргизы, тунгусы, буряты, якуты, юагиры и ламуты населяли все края Сибири. Это отразилось на формировании как внешнего, так и внутреннего образа русских старожилов, отразилось и на их языке. Главной особенностью русских старожильческих говоров Сибири является то, что они вобрали в себя черты русского языка и черты тех языков, народы которых окружали русских в Сибири.

На этом же основании мы позволяем себе типологически относить говор русского села Кунича к группе русских старожильческих говоров. На протяжении всего периода существования с. Кунича местное население хотя и старалось жить обособленно и сумело сохранить обычаи своих предков, но неизбежно вступало в хозяйственные, торговые и бытовые отношения с другими селами, находящимися рядом, поэтому на формирование образа русского куничского старообрядца влияли и влияют соседи — молдаване и украинцы.

Соседство с украинцами и молдаванами нашло отражение в языке русских поселенцев, лексика которого постепенно пополнялась словами украинского и молдавского языков. Самых же Куничан нерусское окружение называет «кацапами», что характерно для просторечного определения украинцами русских. Хочется отметить, что старообрядцы трепетно чтут свои традиции, поэтому русская диалектная лексика сохраняется в значительной мере, ее описанию мы и отведем центральное место в данном исследовании.

В собранный нами материал вошло 160 диалектизмов, мы проанализировали их с точки зрения лексического содержания, опираясь на «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля и «Словарь русских народных говоров». Проверка лексического материала по словарям позволяет сделать вывод, что значение местных лексем и значения, данные в словарях, совпадают, практически все они фиксируются на южных территориях, и лишь малая часть относится к северному наречию — 11 лексем: стёганка, таличка, душегрейка, каталки, кизяк, стряпанье, молодняк, поварёшка, поддувальник, повозка, реднушка.

Ввиду ограниченного объема нашей работы дадим анализ лишь некоторых лексем местного говора, относящихся к южной группе русских говоров:

Тятя — 1. Отец. Южн. 2. Сестра. 3. Ребёнок [2; Т. 4, 456].

В Куниче тятей называют отца.

Лан — поле, пашня, нива. Зап., Южн. — Тул., Курск. [4; В. 16, 254].

Вечера, вечеря — 1. Ужин. Калуж., Брян., Дон. 2. Будущим вечером [4; В. 4, 210].

Жамка — 1. Печенье. Курск. 2. Отжимание, выжимка белья. 3. Надломы у полозьев на местах сгиба. 3. Небольшая продолговатая тыква, кабачок [4; В. 9, 69].

В местном говоре лексема «жамки» обозначает определенный вид печенья.

Скрыня — 1. Сундук; ящик. Южн. — Курск., Орл., Ряз., Смол. 2. Горшок с крышкой для хранения молочных продуктов. 3. Отверстие в плотине для спуска воды. 4. Деревянная четырехугольная труба, по которой течет вода под насыпным мостом. 5. Лыжина [4; В. 38, 163—164].

У большинства местных жителей еще сохранились большие сундуки, в которых раньше хранилось приданое. Сегодня эти сундуки используются в разных целях, но их до сих пор называют «скрынями».

Примеры лексем, которые характеризуют северное наречие:

Таличка — кусок материи, который пришивается на груди сарафана. Новосиб. [4; В. 43, 246].

Каталки — самодельные валенки из овечьей шерсти. Иркут. [4; В. 13, 122].

Кизяк — высушенный навоз, используемый в качестве топлива; кизяк. Том., Новосиб. [4; В. 12, 323].

Северные территории, на которых отмечены данные лексемы, относятся к старожильческим, поэтому «северный» статус данных лексем весьма относителен.

Поскольку село Кунича окружено молдавскими селами, естественно наличие определенного количества молдавских лексем в речи представителей исследуемой группы. Отметим, что местное население плохо знает государственный язык страны: молдавским языком в некоторой степени владеет старшее поколение, которое пережило период румынского господства в этом крае; среднее поколение, выросшее в СССР, молдавского языка не знает; молодежь и дети, изучающие в школе молдавский язык, также им плохо владеют.

Приведем примеры лексем, заимствованных из молдавского языка:

За дежяба — (молд. ре degeaba) — даром, бесплатно, напрасно, зря.

Рыпа — (молд. ȝră) — обрыв, овраг.

Пэтра — (молд. rătură) — плед, одеяло, покрывало.

Малай — (молд. mălai) — блюдо, приготовленное из кукурузной муки.

Кэруца — (молд. căruță) — телега, повозка.

Магала — (молд. mahalaua) — так называют разные районы села.

Мындра — (молд. mîndră — гордая) — так называют девушку, имеет пренебрежительный оттенок.

Лареведере — (молд. La revedere — До свидания) — так говорят, когда не хотят с кем-то разговаривать, означает «уходи, я не хочу с тобой разговаривать».

Щифаць? — (молд. ȝi faci) — Как дела? Что делаешь?

Пынза — (молд. pînză — полотно, паутина) — так называют полотно или большой кусок ткани, используемый в хозяйстве.

Помимо лексических заимствований из молдавского языка, в местном говоре наблюдаются и украинизмы. Этому способствовали географические условия: село Кунича состоит из двух поселений — в одной части живут русские старообрядцы, а в другой — украинцы.

Приведем примеры украинских заимствований:

Цибуля, цибулина — лук.

Цигейка — шуба или жилетка из овчины.

Цигарка — сигарета.

Худоба — домашний скот.

Краля — красавица.

Криница — (укр. криниця) — колодец.

Коцик — небольшие коврики на полу.

Лежак — часть печи, которая находится в верхней части, на чердаке.

Лексический материал села Кунича демонстрирует очевидную принадлежность данного говора к числу русских старожильческих говоров, для которых характерна восприимчивость элементам языков соседствующих этнических групп, зачастую неродственных — молдавского и украинского. Куничский говор постоянно изменяется ввиду влияния соседних языков, ввиду развития образования, чего не было еще в начале XX в., когда наши бабушки и дедушки не могли даже читать и писать. Распространившаяся по всему миру глобализация проникает и в этот край, и нам необходимо зафиксировать говор на данном этапе, когда еще большое количество его носителей живут и пользуются им как живой формой общения.

Список литературы

1. Григорьев, А. Д. Русские старожильческие говоры Сибири / А. Д. Григорьев // К изучению русских старожильческих говоров Сибири. Вып. I. Отдельный оттиск из журнала «Slavia». — Прага, 1928.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Москва, 1980.
3. Зеньковский, С. А. Русское старообрядчество : в 2 т. / С. А. Зеньковский ; сост. Г. М. Прохоров ; под общ. ред. В. В. Нехотина. — Москва, 2009.
4. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Сороколетова, Ф. П. Филина. Вып. 1—46. — Ленинград ; Санкт-Петербург, 1965—2013.

Ю. С. Ридецкая

Институт лингвистических исследований РАН, Россия

vjs_neolex@mail.ru

НЕОГРАФИЯ И ИНТЕРНЕТ-ЛЕКСИКОГРАФИЯ

В статье рассказывается о лексикографическом направлении «Академическая неография», а также о принципах отбора неологизмов русского языка для базы данных, которая существует в Институте лингвистических исследований РАН с

1960-х гг. Статья содержит обзор актуальных словарных интернет-ресурсов, в которых представлена неологическая лексика, более подробно рассматривается непрофессиональная лексикография социальных сетей.

Ключевые слова: неологизмы, неология, лексикография, неография, электронная лексикография.

Ridetskaya Yulia Sergeevna, the Institute for Linguistic Studies (RAS), Russia

vjs_neolex@mail.ru

The article describes lexicographical direction (Academic neography), as well as principles of selecting neologisms of the Russian language for database, that exists in the Institute for Linguistic Studies (RAS) since the 1960s. The article contains an overview of current Internet resources, that present neologisms; unprofessional lexicography of social networks is considered more detailed.

Keywords: neologism, neology, lexicography, neography, electronic lexicography.

Отечественная неография как направление лексикографии появилось в 1960-х гг., ведущая роль в его теоретическом обосновании и реализации принадлежит Надежде Захаровне Котеловой (1925—1990). Особенностью Академической неографии является прежде всего сочетание исторического и синхронного подходов лексикографирования неологизмов. «Десятилетники» («Новые слова и значения») и «тридцатилетник» («Словарь новых слов...») отражают вошедшие в узус неологизмы — слова и выражения, актуальные на каком-л. отрезке времени, а также закрепившиеся в ядерной сфере языка; «ежегодники» («Новое в русской лексике...») — весь спектр лексических новаций. Лексикографическая «триада» Н. З. Котеловой на этапе 2010-х гг. представлена словарем-«десятилетником» 1990-х гг.¹.

Современные методологические принципы отбора лексических единиц для академических словарей неологизмов и формирования неологической базы данных были выработаны в начале 2010-х гг. Благодаря корпусным данным появилась возможность уточнить первую письменную фиксацию слова в русскоязычных текстах, т. е. узнать примерное время появления слова в языке². Первично отобранный лексический материал проходит строгую проверку на новизну, ее алгоритм включает в себя несколько обязательных пунктов:

1. Внутренние базы данных Института лингвистических исследований РАН, сочетающие словарные и картотечные ресурсы с корпусом русскоязычных текстов.

2. Авторитетные нормативные, толковые и специальные словари.

3. Национальный корпус русского языка.

4. Корпус русскоязычных текстов Google.books.com.

5. Корпус текстов «Интегрум» — крупнейший в России архив текстов русскоязычных СМИ, его база обновляется ежедневно, опережая появление газет и журналов на прилавках³.

Таким образом, в поле зрения неографов попадает следующая лексика: неологизмы 1990—2010-х гг.; лексика, датированная периодом до 1990-х гг. и пропущенная толковыми, орфографическими, специальными и другими авторитетными словарями, а также окказионализмы, индивидуально-авторские новации, т. е. неологизмы, письменная фиксация которых единична. С 2018 г. возобновилось создание серии «ежегодников», которая представит неологизмы текущего десятилетия. Словник каждого такого выпуска будет сформирован преимущественно из абсолютных неологизмов года (о проблемах и перспективах данного подхода [2]). Как показала практика работы с электронными базами данных, в каждый «ежегодник» 1977—1994 гг. лишь частично входили неологизмы года, внесенного в заголовок, в основном словник составляли неологизмы разных лет [2]. На данный момент опубликованные издания Академической неографии в pdf-формате размещены на сайте Института лингвистических исследований РАН⁴. На основе этих словарей ведется разработка электронного поискового ресурса.

Лексикографические ресурсы Рунета были проанализированы и обобщены лингвистами в конце 2000-х — начале 2010-х гг. [1, 3, 4, 6, 7]. На сегодняшний день неологизмы русского языка и их дефиниции собраны на профессиональных ресурсах Академос (orfo.ruslang.ru), Грамота.ру, СловариXXI (slovari21.ru), Словари.ру, Культура письменной речи (gramma.ru), в лексикографической базе СПбГУ (gramma.spbu.ru), а также в некоторых авторитетных словарях, доступных благодаря поисковой системе dic.academic.ru. Материалы из четырех «десятилетников» Академической неографии, отражающие неологизмы 1960—90-х гг., можно найти в Викисловаре. Этот сегмент Википедии регулярно пополняется новой лексикой, в том числе из печатных словарей, благодаря участникам инициативной группы «Русский язык». Информация о неологизмах последних десятилетий публикуется на странице Академической неографии в социальной сети⁵.

Непрофессиональная интернет-лексикография, развивающаяся динамично и достаточно оперативно реагирующая на появление новых слов, представлена в Википедии, Викисловаре, на сайтах, посвященных лексике ограниченных сфер употребления и определенных областей деятельности (жаргонизмы, термины), а также в социальных сетях. Подробнее рассмотрим лексикографические паблики (аккаунты, группы) социальной сети «Инстаграм». Неологические материалы публикуются в трех видах пабликов:

1. Лингвистические паблики, посвященные правилам и нормам русского языка. В таких пабликах эпизодически появляется информация о неологизмах, а также об их кодификации. См. https://www.instagram.com/serdce_slova/ публикацию 06.01.2018 — *мондегрин*.

https://www.instagram.com/great_russian/ публикацию 31.05.2018 — *шоу-рум*.
https://www.instagram.com/great_russian/ публикацию 29.06.2018 — *эцкере*;

2. Нелингвистические паблики, относящиеся к специальным областям, но в качестве рубрик вводящие информацию о новых словах, характерных для определенной сферы деятельности. Например, в медицинском паблике находим сочетание *вдовий горбик* 'скопление соединительной ткани и жира в основании шеи, верхней части спины, холка'. Как показывает анализ, сочетание появилось в конце 1990-х гг. и относится, скорее всего, к просторечию; более употребительное сочетание *вдовий горб* датируется серединой 1990-х гг., синонимичные сочетания *вдовий холмик* и *бычий горб*.

3. Лексикографические паблики, специализирующиеся на описании интересных слов, значений, устойчивых сочетаний, этимологических справках, адаптированных для широкого круга читателей. Лексикографические паблики делятся на монолингвальные и билингвальные. Формат социальной сети позволяет сопровождать толкование слова визуальным рядом, ассоциативно связанным с его значением, такой креолизованный текст облегчает восприятие информации. Обновление публикаций пабликов происходит не в алфавитном порядке. См. https://www.instagram.com/words_on/ публикацию 09.08.2018 — *троббер*; <https://www.instagram.com/slovodnya365/> публикацию 22.08.18 — *экодук*.

Словники русскоязычных монолингвальных лексикографических пабликов формируются из неологизмов, так называемых модных слов, характеризующих значимые социальные явления; из слов с интересной этимологией, устаревших, экзотизмов, жаргонизмов и терминов разных сфер, т. е. отбор слов ориентирован на подписчиков и провоцирует их читательскую активность. Популярностью пользуются слова, связанные с психологией, социальной сферой, резонансными событиями в мире и государстве. Структура словарной статьи включает обязательную информацию (заголовочное слово и толкование), а также факультативную: акцентологическую характеристику, этимологию или указание на язык-источник заимствования, словообразовательную справку, примеры употребления в языке (речи), информацию о дериватах и парадигматических связях, энциклопедический материал, ссылки на источники информации. См. <https://www.instagram.com/slovoteka/> публикацию 21.08.18 — *книжное похмелье* (англ. book hangover).

А. А. Зализняк в своей книге о любительской лингвистике пишет: «Люди самых разных жизненных занятий и уровней образования время от времени задаются вопросами, связанными с языком. Чаще всего это вопросы о том, что правильное из тех или иных встречающихся в речи вариантов... Но часто возникают и вопросы, так сказать, бескорыстные, порожденные чистой любознательностью» [5; 7]. Этот бескорыстный интерес реализуют в интернете непрофессиональные лексикографы, которые находят и описывают интересные слова. Естественно, во многих случаях толкования копируются из словарей или популярных интернет-ресурсов, однако социально интересные и значимые слова появляются в огромном количестве, поэтому лексикографы-любители порой оказываются «первотолкователями», в некоторой степени это помогает профессиональной лексической аналитике отслеживать ключевые слова нашего времени.

Примечания

¹ Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. / под ред. Т. Н. Буцевой (отв. ред.) и Е. А. Левашова. — Санкт-Петербург, 2014.

² На примере английского языка см., как реализован поиск по временному критерию (году или веку появления слова) в электронном словаре Merriam Webster, раздел Time Traveler (First Known Use).

³ <https://integrum.ru/analytic-research>

⁴ <http://iling.spb.ru/dictionaries.html.ru>

⁵ https://www.instagram.com/spb_neography

Список литературы

1. Буцева, Т. Н. Неография в эпоху Интернета / Т. Н. Буцева // Материалы XXXVII международной филологической конференции 11—15 марта 2008 г. — Санкт-Петербург, 2008. — С. 3—10.

2. Буцева, Т. Н. Сегодня и завтра академической неографии / Т. Н. Буцева // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления). — Санкт-Петербург, 2016. — С. 16—22.

3. Ефремов, В. А. Лексикографическая компетенция в эпоху интернета / В. А. Ефремов // Русистика и современность. XIII междунар. науч. конференция. — Рига, 2011. — С. 166—170.

4. Ефремов, В. А. Дикционарика и словари в интернете / В. А. Ефремов // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения — 2015. — Санкт-Петербург, 2016. — С. 283—288.

5. Зализняк, А. А. Из заметок о любительской лингвистике / А. А. Зализняк. — Москва, 2010.

6. Приемьшева, М. Н. Исторические словари русского языка в контексте современной лексикографической ситуации Слова и словари / М. Н. Приемьшева. — Санкт-Петербург, 2015. — С. 166—173.

7. Черняк, В. Д. Стихийная лексикография как инструмент освоения нового слова / В. Д. Черняк // Вестник Новосибирского гос. пед. университета. — 2014. — Вып. 3(19). — С. 30—36.

ЭМОТИВНЫЕ ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ТЕКСТЕ СМИ

В данной работе предпринята попытка сопоставительного анализа текстов СМИ на русском и китайском языках на материале выпусков журнала «Россия и Китай», в котором параллельно представлены подобные тексты, что позволяет выявить сходства и различия в употреблении эмотивного знака препинания — восклицательного знака, определить позицию и отношения авторов / переводчиков к передаваемой информации.

Ключевые слова: восклицательный знак, публицистика, экспрессия, совпадение, несовпадение, китайский текст, русский текст.

Chu Jingru, Saint Petersburg State University, Russia

chu.jingru@yandex.ru

Emotive punctuation in the chinese and russian media texts

In this paper, an attempt is made to compare the texts of the media in Russian and Chinese on the material of the magazine «Russia and China», in which similar texts are presented in parallel. It allows us to identify similarities and differences in the use of emotive punctuation — exclamation point, to find out the position and attitude of the authors / translators to the information.

Keywords: exclamatory mark, journalism, expression, coincidence, discrepancy, Russian, Chinese.

Эмоции — это мотивационная основа сознания, мышления и социального поведения. Они являются результатом субъективной формы оценки человеком предметов и явлений реальной действительности с точки зрения их соответствия или несоответствия потребностям человека [8; 5]. Под термином «эмотивные знаки препинания» понимаются знаки препинания в эмотивной функции. Он был введен Л. А. Будниченко в докторской диссертации «Экспрессивная пунктуация в публицистическом тексте» на основе теории эмоции В. И. Шаховского [11]. Они отражают в письменной речи эмоциональное состояние пишущего и проявляют свое значение в коннотациях. К числу эмотивных знаков препинания можно отнести восклицательный знак, многоточие и кавычки [1; 16]. В данной работе внимание сосредоточено на выявлении сходств и различий в употреблении восклицательного знака в русском и китайском языках, определении позиции и отношения авторов (переводчиков) к излагаемому.

Для анализа привлечены выпуски журнала «Россия и Китай» за 2015—2016 гг., в котором параллельно представлены тексты на русском и китайском языках. Данный журнал — двуязычное периодическое издание о политике, культуре двух стран, о туризме в Китае и в России. Несмотря на то, что большая часть текстов носит информативный характер, что не предполагает использование эмотивных пунктуационных знаков, но в каждом выпуске было выявлено их определенное количество.

В шести проанализированных номерах журнала выявлено 135 предложений с восклицательным знаком в русских текстах, и аналогичных 87 предложений в китайских текстах. Анализ практики использования пунктуационного знака в текстах на разных языках невозможно проводить без обращения к истории его появления в текстах.

Так, в русском языковедении первые упоминания о восклицательном знаке находим в грамматике М. Смотрицкого, где условия его употребления совпадают с современными правилами [9; 7]. Позже в «Русской грамматике» Ломоносова тоже зафиксировано его употребление — в терминологии Ломоносова он называется знаком «удивительным» [10; 16].

Восклицательный знак в китайском языке был заимствован с Запада в конце XIX в., когда в Поднебесной начали переводить западную литературу [4; 25]. Так, в 1909 г. в «Сборнике зарубежной прозы: Комментарии» («域外小说集·略例») Лу Синя (鲁迅) был упомянут восклицательный знак для выражения «крика»; в 1919 г. в соответствии с «Резолюцией по новым правилам пунктуации» получил название «знак удивления»; в 1990 г. был переименован в «восклицательный знак» [5; 181—182]. Графически этот китайский знак аналогичен русскому восклицательному знаку «!».

Что касается его основных функций, то, по мнению русских лингвистов, — «этот знак обозначает эмоциональный оттенок, который сопровождает высказывание» [10; 125]. «Восклицательный знак фиксирует конец предложения, при этом передает эмоциональную окраску предложения. Вопросительный и восклицательный знаки могут сочетаться либо друг с другом, либо с многоточием» [3; 65—68].

В китайском языке восклицательный знак ставится в конце простых или сложных предложений для выражения восклицания и усиления интонации, указания на побуждение, выраженное формами повелительного наклонения, а также для выполнения вопросительной функции; при усилении эмоциональности восклицательный знак повторяется в виде: <!!>, <!!!>; при равноправии вопроса и восклицания встречается сочетание двух знаков — вопросительного и восклицательного: <!?!> [6; 3].

Как мы видим, в русской и китайской пунктуационной системе схожие правила употребления восклицательного знака: для усиления эмоциональности. Это позволяет проводить параллель в употреблении многоточия в двуязычных текстах. Далее приступим к рассмотрению конкретных примеров из журнала «Россия и Китай».

Из 135 оформленных восклицательным знаком предложений выявлено 87 примеров, в которых оригинал и перевод совпадают с точки зрения сохранения восклицательного знака. Вот 2 примера:

Оригинал: *Фупинская хурма — лучшая в провинции Шаньси. Пшеницей и кукурузой мы тоже гордимся!* Перевод: *小麦和玉米也是我们的骄傲!* («Россия и Китай», 2016 г., № 22, с. 23)

В исходном и переведенном текстах цитируются слова чиновника во время интервью. Автор вместе с переводчиком намерены сохранить реальную образную картину интервью: восклицательный знак, с одной стороны, является показателем разговорной речи, которая характерна для жанра интервью, с другой, он актуализирует эмоцию гордости описываемого лица при помощи повышенной интонации, тем самым выражает оценочное значение — одобрение («тоже гордимся!»).

Совпадение пунктуационного оформления выражений в русском и китайском текстах свидетельствует о сходном понимании переводчиком намерения автора оригинала с точки зрения выражения экспрессии.

Оригинал: *Самая знаменитая русская жительница Китая прожила 101 год!* Дословно: *Самая знаменитая русская жительница Китая скончалась, ей был 101 год* («Россия и Китай», 2016 г., № 22, с. 53)
Перевод: *最著名的华籍俄罗斯女士去世，享年101岁!*

Оба варианта текста эмоционально окрашены, что обозначено восклицательным знаком. В исходном тексте эмотивный знак препинания выражает авторскую эмоциональную реакцию удивления. Китайский текст представлен в виде сложносочиненного предложения, в сообщении выделяется две части важной информации: первая сообщает о кончине русской женщины, которая была влиятельной и известной в Китае, что может стать потрясением для китайского читателя; вторая часть информации отражает авторскую эмоцию по поводу долгожительства. Продолжительность жизни в 101 год предполагает одинаковую эмоциональную реакцию русских и китайцев.

Отсюда вытекает вывод, что совпадение одинакового эмотивного знака препинания не обозначает полного соответствия эмотивного чувства. Один и тот же восклицательный знак на разном социальном фоне может имплицитно различать различные смыслы. Одно событие получает разнообразные интерпретации, в зависимости от разной социокультурной среды.

В нашем исследовании также выявлено 48 примеров, в которых в одном тексте присутствует этот пунктуационный знак, а в его параллельном тексте отсутствует:

Оригинал: *Несмотря на то, что именно он предложил использовать рыночные (то есть капиталистические!) инструменты для восстановления экономики Китая, <...>* Перевод: *尽管他提出运用市场经济(即资本主义)来恢复中国经济<...>* («Россия и Китай», 2016 г., № 22, с. 7)

В данном примере уточняющая вставная конструкция в русском тексте оформлена восклицательным знаком. Как замечаем, в переводе на китайский язык восклицательный знак отсутствует. Причина разного пунктуационного оформления объясняется разной оценкой информации в двух обществах. Пишущий является русским, для которого рыночные отношения являются бесспорным проявлением капитализма, поэтому он обращает внимание на странность сочетания социализма с капиталистической системой экономики, что выражено комбинированием вставки с восклицательным знаком, указывающим на его эмоциональную реакцию удивления. Для китайского переводчика эта реалья само собой разумеющаяся, соответственно, он опустил эмотивный знак препинания. Выражение авторской эмоции как средства воздействия на читателя, с одной стороны, в полной мере отвечает функции публицистического стиля, что проявляется в русском тексте; с другой — в тексте за примером следует рациональная аргументация того, чем хороша китайская система экономики, поэтому для переводчика эта интерпретация носит информативный нейтральный характер, близкий к официально-деловому стилю, поэтому он опускает восклицательный знак.

Сопоставительный анализ использования эмотивных знаков препинания в параллельных русском и китайском текстах показал следующее:

1. Для китайского текста восклицательный знак — это относительно новый знак, заимствованный, поэтому практика его использования не поддается четкой дифференциации;

2. В русском и китайском языках восклицательный знак вносит в контекст определенную эмоцию и оценку. Совпадение употребления эмотивного знака препинания показывает понимание намерения автора оригинала

переводчиком, но такое совпадение может вызвать различные ассоциации русских и китайских читателей. Несовпадение эмотивных пунктуационных знаков связано с разным восприятием факта, события: у каждого народа свой особый тип мышления, и это находит отражение в пунктуационном оформлении текста.

Список литературы

1. Будниченко, Л. А. Экспрессивная пунктуация в публицистическом тексте (на материале языка газет) / Л. А. Будниченко. — Санкт-Петербург, 2003.
2. Валгина, Н. С. Трудные вопросы пунктуации / Н. С. Валгина. — Москва, 1983.
3. Валгина, Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации / Н. С. Валгина. — Москва, 2004. — С. 65—68.
4. Лань, Биньхань. Справочник по пунктуационному оформлению китайского языка по государственному стандарту: на китайском языке / Биньхань Лань. — Пекин, 2014. — С. 25.
5. Лин, Суйфан. Обучение пунктуации и ее практика: на китайском языке / Суйфан Лин. — Пекин, 2000. — С. 181—182.
6. Люй, Шусян. Очерк грамматики и стилистики: на китайском языке / Шусян Люй. — Лионин, 2002. — С. 246—248.
7. Общие правила пунктуации (приняты Комитетом по управлению стандартизацией КНР): на китайском языке. — Пекин, № GB/T 15834 — 2011, 2001. С. 3.
8. Пиотровская, Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования / Л. А. Пиотровская. — Санкт-Петербург, 1994. — С. 5.
9. Попова, Л. А. Пунктуационная система мелетия Смотрицкого: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л. А. Попова. — Барнаул, 1996. — С. 7.
10. Шапиро, А. Б. Основы русской пунктуации / А. Б. Шапиро. — Москва, 1955. — С. 16, 125.
11. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. — Москва, 2008.

Содержание

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА И ИСТОРИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА

© Шкуран О. В. Медиаторы десакрализации концепта <i>богатырь</i> в современном языковом пространстве	3
© Михеева С. Л. Временной порядок и причинно-следственная обусловленность: аспекты взаимодействия в художественном тексте	5
© Изотова Н. В. Актуальное членение диалогического текста в художественной литературе (реплики с местоимениями- подлежащими).....	8
© Халикова Н. В. Формально-семантическая структура словесного образа в прозаическом тексте.....	10
© Пушкарева Н. В. Неполнота высказывания как средство руководства читателем	12
© Петров А. В. Этнографизмы в северном тексте	16
© Дмитриева О. А. Концепт <i>винопитие</i> в художественной прозе Ф. М. Достоевского	18
© Семенова О. В., Шубина Н. С. Сопоставительный анализ заглавных номинаций в поэзии К. Н. Батюшкова и В. А. Жуковского.....	21
© Щеглова Е. А. Экзотическая лексика как характеристика авторского стиля в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»	24
© Лянцевич Т. М. Поэзия грамматики и грамматика поэзии: особенности функционально-грамматического исследования художественного текста.....	26
© Шацкая М. Ф. Именной криптиотип ‘наличие / отсутствие волевого начала’ в языковой игре.....	29
© Скоропадская А. А. «Пророк» А. С. Пушкина: этимологический аспект	32
© Лебедев А. А. Сравнительные синтагмы как средство языковой игры в поэзии П. А. Вяземского.....	34
© Нилова А. Ю. Латинский язык в творчестве Ф. М. Достоевского.....	36
© Новоселова В. А. Окказионализмы как словообразовательные экспрессымы в политическом дискурсе	39
© Дмитрук Т. И. Средства связи в однофункциональных конструкциях простого предложения (на материале комедий XVIII века)	43
© Мискичкова З. Я., Исакова Д. К. Петербург в текстах русских классиков	46
© Сабиралиева З. М. Композиционно-языковая специфика анекдота.....	48
© Бут-Гусаим С. Ф. История белорусского именослова в зеркале антропонимикона прозы Янки Брыля и Николая Пашкевича	51

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ВЫСШЕЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

© Гордеева О. В., Сампоева О. В. Антропонимы в школьных учебниках коми-пермяцкого языка	54
© Кривошапова Н. В. Полилингвальный аспект в обучении родному и неродному языку в мультилингвальной среде.....	56
© Зултукаров К. З., Сейитбекова С. С. Компрессия как метод «сжатия» языковых единиц для целей обучения.....	59

© <i>Асанова Д. А., Сабирова В. К.</i> Профессионально-ориентированное преподавание курса современного русского языка в педагогическом вузе	61
© <i>Дыйканбаева Т. Т., Байтикова Г. С.</i> Особенности самостоятельной работы студентов на занятиях по английскому языку	63
© <i>Алимбаева С. А., Усенова Н. Т.</i> Использование интерактивных методов при обучении английскому языку.....	65
© <i>Мурадымова Е. Н., Мурадымов Н. М.</i> «Чей ты? Отца, матери..!» (термины родства в текстах о писателе родного края).....	69
© <i>Жесткова Е. А.</i> Использование интерактивных технологий в процессе обучения будущих учителей начальных классов методическим дисциплинам (на примере «методики обучения русскому языку»).....	73

ДОКЛАДЫ СЕКЦИИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

© <i>Аветисян А. Ф.</i> Метафорическая концептуализация эпитета «великий» в романах Ч. Айтматова «И дольше века длится день», «Плаха», «Когда падают горы»	76
© <i>Адамян В. А.</i> Императив с семантикой просьбы в разговорном дискурсе (на материале русского и английского языков)	78
© <i>Бобкова О. И.</i> Ономазиологический подход к сопоставлению синтаксических конструкций синтетических и аналитических языков (на материале русского и английского языков)	82
© <i>Калинин С. С.</i> Рефлексия над задачами науки о языке в лингвистическом учении Московской фортунаговской школы и ее значение для развития современного языкознания.....	85
© <i>Караева П. Ю.</i> Житие святого Афанасия Афонского в «Сборнике» преподобного Нила Сорского: текстология и язык.....	88
© <i>Леонтьева В. А.</i> Концепт пространства в русском и немецком языках (на материале повести А. П. Чехова «Степь» и трех переводов повести на немецкий язык)	90
© <i>Медведева А. А.</i> Архаичные грамматические формы в языке частушек (на материале шекснинских частушек).....	93
© <i>Попов Д. В.</i> Празжанры русской публицистики.....	98
© <i>Попович Р. И.</i> Особенности диалектной лексики старожильческих говоров (с. Кунича, Молдова).....	100
© <i>Ридецакая Ю. С.</i> Неография и интернет-лексикография.....	102
© <i>Чу Ц.</i> Эмотивные знаки препинания в китайском и русском тексте СМИ.....	104